

к 63.3(2)
П53

Александр
ПОЛЫНКИН

Орловщины родные очертанья

Книга
первая

Легенды,
были и лица
нашего края

R

К 63.3(2)

П53

Александр Полынкин

Орловщины родные очертанья
(легенды, были и лица нашего края)

Книга первая

Издание второе

A285891

КР2024

Орёл-2015

кр 14

БУКОО
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82-1
ББК 49.0
П 49

Александр Полынкин

П 49 Орловщины родные очертанья. / Легенды, были и лица нашего края / Книга первая – Орел: ПФ «Картуш». 2015. – 256 стр., фотографии.

В новой книге орловского краеведа опубликованы написанные автором за последние несколько лет очерки, посвящённые известным и неизвестным событиям и лицам орловской истории. В некоторых материалах (глава «Легенды Орловского края») есть элементы вымысла, допущенного автором по принципу: «Так могло быть». Но большинство очерков, благодаря постоянной работе А. Полынкина в Государственном архиве Орловской области, создано на документальной основе. Автор старался, чтобы читать книгу было интересно как профессиональным историкам и краеведам, так и обычным читателям, - всем, кто любит родную Орловщину и гордится ею.

ISBN 978-5-9708-0509-1

УДК 82-1
ББК 49.0

Фото на обложке:

Лицевая сторона: Ангел на Александровской колонне
(Санкт-Петербург, Дворцовая площадь, скульптура Б.И. Орловского)
оборот: картина Г.Г. Мясоедова «Осеннее утро»

ISBN 978-5-9708-0508-4

ISBN 978-5-9708-0509-1 (Книга первая)

© А.М. Полынкин, 2015

Глава первая

Легенды Орловского края

Сражение на реке Липовец (Сказание о 50 ливенцах, которые сами погибли, но войско татарское остановили)

В конце мая 1623 года отряд казаков 12-й сторожи (трое детей боярских и трое казаков), находившейся в 150 верстах от Ливен, на Меловом броду через Быструю Сосну, постоянно дежуривший на самом краю русских земель, обнаружил татарскую орду. Крымцы находились в двух-трех поприщах (днях конного перехода) от Ливен.

Готовились стоять насмерть

Для ливенских воевод Засекина и Язвенцова, знавших, что незваные гости в этом году появятся обязательно, это известие оказалось все же неприятным сюрпризом. Были отправлены гонцы, чтобы уездные жители, спрятав свое добро, поспешили в город, в осаду. К засекам, т.е. местам, заваленным лесом, перекопанным рвами, приказано было собрать окрестных служилых людей.

На одной из засек, расположившейся на крутом, заросшем густым лесом берегу реки Липовец (это один из притоков реки Труды, впадающей в Сосну), усердно трудились около полусотни детей боярских и казаков. Засеку устроили в этом месте потому, что проходил здесь удобный, хотя и неширокий, брод через реку Липовец – она узкая, зато глубокая была, илистая и с крутыми берегами. За бродом шла дорога, расходившаяся через пару верст на две – в сторону Ливен, на Орел и на Мценск.

Стучали топоры – причем, те, кто рубил деревья, делали это так, чтобы они падали не у корня, а повыше, на высоте человеческого роста (такие деревья труднее потом оттащить в сторону). Длинный и глубокий ров был заполнен водой, из которой торчали вбитые в дно заостренные толстые колья.

Конечно, эта засека не могла надолго задержать большой отряд воинских людей (слишком невелико было число ее защитников), но вот против передовых, разведывательных групп она подходила вполне.

К тому же засека находилась выше истока Быстрой Сосны, в 60 верстах от сожженного к этому времени Орла, и если татары появились здесь, это означало, что они целью ставят не захват или грабеж Ливен и Ливенского уезда, а другие, ближе к Москве расположенные города – Болхов, Мценск, Белев.

Несмотря на то, что Ливны, сожженные в 1618 году гетманом Сагайдачным, были слабо защищены, и острог не успели еще отстроить, однако 600 с небольшим защитников – все ливенцы: дети боярские, казаки,

стрельцы, пушкари, затинщики (стрелки из затинных пищалей) готовились стоять насмерть.

Прошло несколько дней, возвратились назад в Ливны пять станиц, посланных в разведку – татары словно растворились в бескрайней засосенской степи и бесследно пропали.

Ночь перед боем

На второй неделе июня прискакал в Ливны казак с шестой сторожи, стоявшей от города в 40 верстах, и сообщил, что большая татарская орда прошла мимо них, поднимаясь вверх по Быстрой Сосне, но не пытаясь переправиться через нее.

Князь Засекин и воевода Язвенцов вздохнули с облегчением: стало понятно, что не на их уезд направлен этот набег крымский.

Однако радость ливенских воевод оказалась преждевременной. В начале третьей недели июня голова полусотни, сторожившей засеку у Липовца, выехал с несколькими казаками в разведку за реку и с трудом смог незаметно вернуться обратно: большое татарское войско двигалось по сакме к его засеке. Крымцы частью отряда вышли к Липовцу уже вечером и разбили здесь лагерь.

Никифор Мацнев (так звали голову) одного из своих казаков немедленно отправил в Ливны – сообщить, что, очень возможно, татары, обойдя всю Быструю Сосну без бродов, развернули свою орду и хотят выйти к Ливнам с северо-запада, со стороны Орла, где их меньше всех ждут.

Другой казак поскакал во Мценск – нужно было сообщить и туда: слишком велика казалась татарская орда, и выглядела она очень свежей и страшной. Остальные защитники засеки ночь провели беспокойно, в полудреме, поочередно наблюдая за горевшими в 300 метрах от них, на другом берегу реки, татарскими кострами. И, судя по ним, крымцев было никак не меньше двух тысяч.

Мацнев, всю ночь размышлявший, как с 48 воинами против этих тысяч продержаться, так и не прилег ни на минуту. Защитники засеки, дети боярские и казаки, вооружены были пищалами и саадаками (лучников было 30, а владельцев пищалей – почти в два раза меньше). Стрел к саадакам имелось достаточно, а вот свинца и пороху к пищалам хотелось бы побольше, да у самих воевод, пославших их сюда, запасов для «огонька» не хватало.

Расстрел татар на засеке

Рассветало. Вдоль речной долины стоял сильный туман, и только когда с подъемом солнца довольно высоко туман рассеялся, передовой отряд крымцев начал спуск к реке.

Мацнев уже заметил: у татар пищалей нет – луки, стрелы, мечи, и это была единственная хорошая новость для русских воинов. Голова поэтому в самом начале боя решил напугать противника и – по возможности – деморализовать его.

Брод через Липовец здесь не широкий, и татары это знали. Пять передовых всадников на низкорослых лошадках находились уже посередине реки, когда Мацнев махнул рукой: «Пали!»

Пятеро казаков, лежавших на краю засеки за срубленными огромными дубами, выстрелили почти одновременно. В воду упали трое крымцев, одна лошадь, и лишь пятый всадник не пострадал, но напуганная лошадь так резко рванула в сторону, что и он свалился с коня. Так начался бой полусотни Никифора Мацнева с татарской ордой.

Еще трижды, уже гораздо быстрее и в большем количестве ордынцы пытались переправиться через Липовец и каждый раз, с большими потерями, были вынуждены отступать. Причем, экономя свинец и порох, Мацнев чаще выставлял вперед лучников, умело поражавших татар в незащищенные места.

Крымцев особенно бесило то, что стрелявших в них они совсем не видели – умело построенная засека надежно укрыла защитников, не давая возможности татарам хотя бы приблизительно узнать, сколько же перед ними противников. Пару раз – после четвертой неудачной попытки переправиться – ордынцы пускали тучи стрел в сторону засеки, правда без особого успеха (трое детей боярских и двое казаков были ранены, но из боя не ушли).

К концу дня в лагере татар началось какое-то движение. Наблюдавший за полем боя Мацнев увидел, как, оставив у речки солидное прикрытие, основная часть татарского войска двинулась вверх по течению реки – к ее истокам.

Голова понял, что татары решили обойти реку (благо до ее начала было всего 6-7 верст) и окружить защитников засеки с незащищенной стороны.

Да, Мацнев это понял, но и просто уйти, спасаясь, он не мог – это увидели бы татары из числа тех, что находились напротив, за рекой.

Неравный бой

Наутро татарское войско полукольцом охватило засеку и ее защитников с сухопутной стороны и блокировало от реки.

Неизвестно, сколько времени продолжался этот смертельный последний бой русских воинов с огромной татарской ордой, но не один час – точно. Крымцам пришлось спешиться, поскольку в лесу на лошадях не повоюешь, а в пешем бою ливенцы дрались, аки барсы. И только изнемогшие от ран, окруженные каждый десятком врагов, они пали на поле боя, забрав с собой в мир иной по несколько противников.

Понеся большие потери на берегу неизвестной речушки и узнав о том, что к месту боя сразу с двух сторон – из Мценска и Ливен – спешат русские отряды с пищальми и пушками (посланные Мацневым казаки свою задачу выполнили), татары решили судьбу не испытывать и тем же путем, но теперь по течению Быстрой Сосны, ушли в степи. Своих погибших воинов перед уходом они похоронили у леса, рядом с местом боя.

Ливенский воевода князь Засекин с отрядом в 300 человек, вооруженных пищальями, с двумя небольшими полковыми пушками подошел к Липовцу на следующий день. С ним возвратился и посланный Мацневым ливенский казак.

Каждый из погибших детей боярских и казаков имел не одну рану, многих уже после смерти татары в ярости исполосовали холодным оружием.

Воевода приказал перенести павших воинов по тому же броду через реку, которую они защищали, на другую сторону Липовца. И уже здесь, напротив засеки, выкопав каждому из 48 отдельную могилу, их похоронили.

Вид на село Троицкое. На переднем плане – Татарское кладбище

Татарское кладбище

Это место жители небольшого села Троицкое (находящегося в Покровском районе. – А.П.) называют до сих пор Татарским кладбищем, но не потому, что похоронены здесь татары, а как раз наоборот – русские воины, погибшие в бою с татарами. Кладбище, которому уже почти 400 лет, имеет форму прямоугольника, внутри которого хорошо видны маленькие холмики над могилами. Их, если посчитать, как раз около 50.

Легенду же о событиях четырехвековой давности, передававшуюся из поколения в поколение, рассказал мне ныне уже покойный житель Троицкого Михаил Михайлович Гаврюшин. Он же показал точное место нахождения Татарского кладбища.

Честно скажу, я ему не поверил. Но два года спустя мы пришли сюда с учащимися – членами краеведческого кружка и провели пробное вскрытие одного из холмиков. Это действительно оказалась могила, а в ней уже истлевшие останки. Значит, правдой было все рассказанное троицким старожилом? (Останки мы бережно закопали обратно. – А.П.)

И еще. В начале XIX века жил неподалеку от Троицкого, в деревне Родионовке, один помещик – Родион Мацнев, тоже узнавший об этой истории. Выяснил он подробности тех событий и решил, что Никифор Мацнев – ливенский голова, командир той славной героической полусотни, погибший в полном составе в бою с татарами, его предок. В память о нем построил Родион Мацнев церковь в Троицком и усадьбу свою сюда перенес.

Церковь Святой Живоначальной Троицы просуществовала до начала 30-ых годов XX века. Ходил молиться в нее Родион Мацнев, потом его дети и внуки, и почти все они у стен ее похоронены.

В 30-ых годах церковь закрыли, а потом взорвали, использовав битый кирпич для строительства общественных зданий в райцентре Покровское. От всех мацневских могил остался фамильный пустой склеп без дверей и надгробие одной из Мацневых – Елизаветы Васильевны. Да еще легенда, прожившая 400 лет.

Она, думаю, проживет еще столько же.

Легенды и были села Критово

Эту историю услышал от своих земляков, а потом записал уроженец покровского села Критово. Я знаю фамилию этого человека (к сожалению, он скоропостижно скончался в мае 2013 года – А.П.), но поскольку раб Божий Вячеслав Критовский предпочёл псевдоним, то и я буду называть его так. Вот рассказ о событии, случившемся много-много лет тому назад (повествование Вячеслава я сократил, подкорректировал и исправил неточности – А.П.)

Александр Невский на Покровской земле

В зимние погожие вечера критовские мужики собирались в «хозяйстве» Тихона Ивановича Ильичева – у конюшни, где так сочно пахло лошадьми. А в кучах сена прятались детишки, любившие послушать сельские легенды. Здесь и довелось услышать мне то, что врезалось в память на всю оставшуюся жизнь...

Когда однажды получил Великий князь Александр Невский известие о мучительной гибели черниговского князя Михаила в татарской столице, то понял: самого может ждать такой же прием. Но благополучие Руси дороже собственной жизни, и, получив благословение у митрополита, отправился князь в далекую Монголию. Пока ехал туда, умер Великий хан, а между многочисленными его наследниками начался отвратительный раздраз, и среди дерущихся было немало врагов Александра. В ставке он по ночам, стоя

на коленях, молился перед иконой Богородицы, а днем ходил по становищу, выкупая русских рабов и отправляя их на родину. Вот и ярлык на княжение получен, но разрешения на отъезд домой не дают. Ослабел здоровьем Князь и уже шататься начал. Врач и друг Георгий, а по-русски, Егор, уверял, что Князя травят с пищей и надо немедленно бежать из Орды. И Князь решился на побег, выбрав необычный путь домой: через Дикие Степи и теперешние Волгоград – Воронеж – Елец – Ливны – к Брянску.

В пути еще не окрепший от ядов Александр был ранен в плечо стрелой дикого кочевника. Несмотря на все старания верного Егора, рана гноилась, и Князь слабел. По требованию лекаря на перегоне Покровское – Змиевка решили сделать длительную остановку. Со знающим лекарем спорить не стали: он познал все хитрости медицины не только у вечных воинов – варягов, но с монголами общался, в основном, со знахарями. Для остановки выбрали большую дубовую рощу на горке над родниковой речкой. Рана Князя заживала медленно, а тут и зима стала приближаться – решили поставить дома. Беда бедой, а жизнь берет свое: от союза дружинников с местными вятичками образовалось поселение под названием «Скрытое Место», которое со временем для краткости стало называться просто «Скрытое», а потом – «Крытое» и, наконец, приняло теперешнее название «Кротово». Так и появилось на Руси это село со своим необычным названием. И было это в 1263 году. Еще критовские мужики добавляли, что Святому Князю так понравились критовские пригорки, что он завещал похоронить себя тайно здесь, и то завещание было исполнено. Ну, над этим утверждением безграмотных мужиков мы просто умирали от смеха и, чтобы не выдать себя, затыкали рты сеном. В отличие от них мы-то знали, что наш любимый герой похоронен в Санкт-Петербурге, и мы еще покажем им фотографию его могилы.

На протяжении всех последующих лет различные обстоятельства возвращали меня к сельскому преданию вновь и вновь. В 198... году в стенах Эрмитажа, увлеченный красотой одной служительницы, расскажу ей критовскую легенду, а в ответ услышу ее шепот о том, как они тайком вскрыли саркофаг Александра Невского, поступивший в Эрмитаж из Александрo-Невской лавры, а он оказался пустым».

Как строился и каким был храм

Запомнился Вячеславу и рассказ критовской старожилки бабы Оли (Нестеровой), которая, ссылаясь на своего свекра-долгожителя, сообщила: *«Сколько стоит уже Кротово – не знаю, но свекор мой, Михалыч, не раз говорил, что Кротову много сот лет и до нового Собора в нем уже был храм Святого Духа, строенный вместе со сторожкой из местного дуба. А сторожку эту он мне показывал – она развалилась до первой войны, и в ней последнее время была школа. Когда дубовый храм стал ветшать, то мужики решили поставить новый, каменный, и побольше - в честь основателя нашего прихода Александра Невского. Деньги на постройку собирали всем приходом: и помещики, и купцы, и крестьяне, чтоб общим был.*

Что-то тормозилось, и строить его начали уже после Наполеона, но строили быстро – лет десять. Михалыч-то мне говорил, что его крестили, когда уже новый Собор стоял, но только точно подзабыла, в новом или старом храме его крестили, – новый-то строили вокруг старого, а в том продолжалась служба».

О том, каким был внутренний облик церкви, удалось узнать с помощью документа из Государственного архива Орловской области, которая называется – «Копия с копии «Описи имущества Свято-Духовской церкви села Критово Малоархангельского уезда от 27 марта 1924 г.». Документ начинается так: *«Церковь, здание каменное, построена в 1834 году, имеет три алтаря»: средний – во имя Святаго Духа, правый (южный) – во имя иконы «Знамение» Божией Матери и левый (северный) во имя Святого Николая Чудотворца. Каждый Алтарь имел свой двухъярусный иконостас: Деисус и «Праздники», свои иконы, престолы, кресты внутри Алтаря. Все иконы были больших размеров и в основном, на досках с окладами под стеклом.*

Особо отмечены были две иконы в правом (южном) приделе: св. Александра Невского – у клироса и на стене. Обе иконы, написанные на полотне, стояли на деревянных подставах. В Свято-Духовском Алтаре размещались икона Корсунской Матери Божией (на полотне в деревянной раме) и икона «Знамение» (в «металлической ризе в багетной раме за стеклом»). В Критовской церкви имелись также образы Богородицы «Смоленской» и «Казанской». Всего по «описи» в храме насчитывалось 133 иконы на досках и полотнах. Особо отмечено, что колокольня имела пять колоколов: 25 пудов, 19 пудов и три колокола по пуду с фунтом, а также то, что *«храм имеет – гардерон».*

О служителях Свято-Духовской церкви

В Государственном архиве Орловской области сохранилось всего лишь несколько метрических книг Свято-Духовской церкви села Критово Малоархангельского уезда: за 1859, 1869, 1895-1905 и 1896 годы.

Согласно этим книгам, в приход Свято-Духовской церкви во второй половине XIX – начале XX века входили: село Критово, сельцо Александровка, деревня Каменка, сельцо Моховое (Каменка-Моховая или Маховая-Каменка – А.П), сельцо Красный Ржавец, сельцо Озерна (Озерское), деревни Николаевка и Секретарка.

Число прихожан храма во второй половине XIX века было около полутора тысяч человек, но в 1903 году, по данным «Справочной книжки Орловской епархии на 1903 год», их насчитывалось уже 2098 человек.

Нам известны имена нескольких священно- и церковнослужителей Свято-Духовского храма. В 1859 году службы в нём вёл отец Александр (Переверзев), которому помогали сразу три Петра: диакон Пётр Адамов и причетники Пётр Иванов и Пётр Бунин.

В 1869 году почившего в бозе отца на священнической должности сменил сын – Виктор Переверзев. Помощниками его при ведении служб были диакон Андрей Никольский, пономарь Тимофей Крутиков и дьячок Пётр Бунин.

А начиная с 90-ых годов XIX века, Критовским батюшкой стал отец Михаил (Михаил Сергеевич Глаголев). Эта личность просто поражала критовцев своей преданностью и рвением в служении Богу и людям. Он одновременно успевал вести постоянную службу в соборе, вёл уроки в Критовской и Каменско-Моховской школах, был наблюдателем за школьным образованием на четвертом Успенском участке с 1885 г. И свою работу выполнял так, что 22 февраля 1898 года Архиепископ Орловский и Севский Митрофан (впоследствии признанный Святым) наградил М. С. Глаголева скуфьей *«за отличное служение, воспитание прихожан и успехи на ниве народного образования»*, затем назначил его помощником Благочинного четвертого участка Малоархангельского уезда, а с 24 августа 1898 года – Благочинным. В 1900 году М.С. Глаголев избран был членом-сотрудником Императорского Православного Палестинского Общества, а в 1903-ем – Действительным Членом Орловского отделения Православного Петропавловского Братства.

Благодаря метрической книге Свято-Духовской церкви за 1896 год, я узнал, что 6 апреля названного года у священника Михаила Сергеевича Глаголева и его законной жены Анны Викторовны родился сын Сергей. Восприемником младенца (*крёстным отцом – А.П.*) стал священник из соседнего села Успенского, что на Озерне, Андрей Иванович Троицкий.

К сожалению, о дальнейшей судьбе Михаила Сергеевича Глаголева и членов его семьи нам неизвестно. Вполне возможно, что сам батюшка был похоронен у северо-восточной стены алтаря Николая Чудотворца своего собора среди иных священнослужителей.

В 1905 году священнослужителем Свято-Духовской церкви назван также и отец Николай (Диомидов), но подробностей о его служении у меня нет.

Последними священниками храма в Критово были Михаил Кучинский и Иван Головин. Они жили в селе и в первые годы Советской власти. Как служителей культа, их лишили избирательных прав, и батюшки не могли участвовать в выборах депутатов сельских и волостных Советов. Какова судьба отцов Михаила и Иоанна – мне выяснить, пока, не удалось.

О прихожанах Свято-Духовской церкви

Подавляющее большинство названных более чем двух тысяч прихожан Свято-Духовского храма составляли крестьяне самого села Критово и окрестных деревень. Для них церковь являлась главным сооружением округа, куда они ходили в воскресные и праздничные дни, в дни семейных торжеств и печальных событий (рождение детей, венчание, похороны).

Посещали храм, конечно же, и местные помещики, владельцы имений в Критово и ближайших сельцах и деревнях. Их было несколько – из

известных в уезде дворянских фамилий: Мащевы, Козаковы, Лилиенфельды, Кологривовы. Первые три рода находились в теснейших родственных связях.

В 1859 году в приходе Свято-Духовской церкви родилось 150 младенцев, умер же 131 человек (прирост – 19), заключено было 19 браков.

Через десять лет, в 1869 году, число родившихся достигло уже 173 человек – при 137 скончавшихся (прирост – 16 человек), зато количество венчавшихся увеличилось в полтора раза: 30 пар пошли под венец.

Свято-Духовская церковь продолжала существовать почти двадцать лет и при Советской власти, пока не была взорвана 30 апреля 1936 года по приказу вышестоящего начальства. По воспоминаниям местных жителей, в этот день, единственный раз за многие десятилетия своего существования, всё село переписилось. А утром, 1 мая, ударил январский мороз, и всё пространство вокруг было усеяно трупиками жаворонков, ласточек, скворцов. (Может, потому их теперь нет в Критово?!) Сельчане собрали погибших птичек и с церковными песнопениями понесли хоронить их колонной на кладбище. Вот так погибла Критовская церковь. Но ещё долго остатки кирпича и щебня от взорванного храма, надгробные плиты местного кладбища увозились по приказам безбожных руководителей на строительство конюшен и коровников. Ещё через 60 лет и само село, в котором до революции проживало более 400 человек, было объявлено бесперспективным и почти кануло в Лету. В сентябре 1998 года двое последних жителей Критово, с плачем и молитвами, попрощались со своей малой Родиной.

О тех, кто несёт свой крест

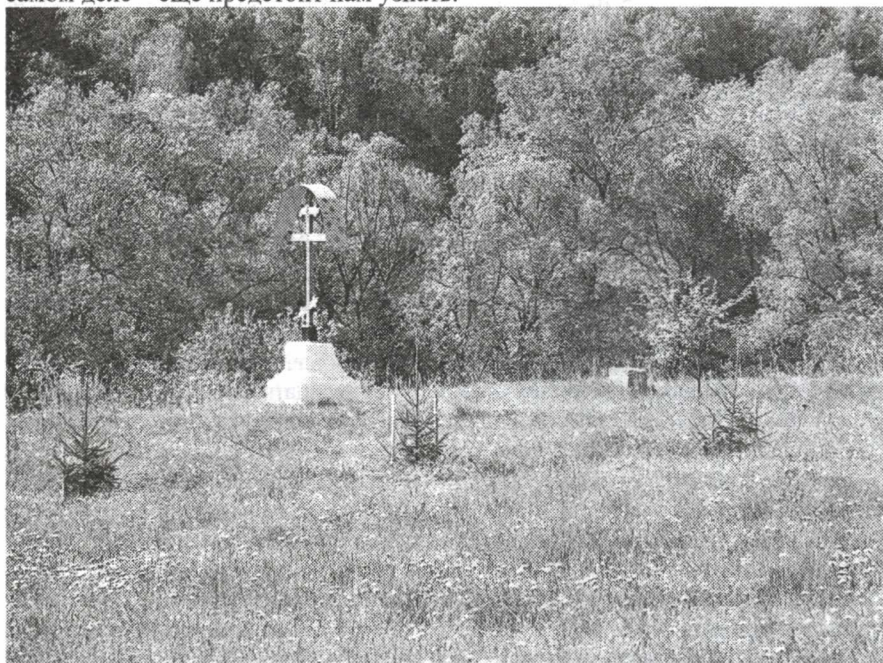
Однако нашлись люди, которые не захотели мириться с тем, как гибнет древнее русское село вслед за погибшей православной церковью. Местные жители (*уроженцы соседнего посёлка Красный Луч – А.П.*) Александр и Анатолий Матвеевы фактически заново возродили его к жизни. Несколько лет назад именно здесь, в Критово, Анатолий Михайлович Матвеев начал свой небольшой бизнес – разведение крупного рогатого скота. И вот уже двадцать лет его небольшая ферма, с трудом, но выживает (это отдельная история для специалистов-сельхозников – А.П.). Александр же Михайлович перепрудил местную речку Кривую Горенку (*Кривую Зореньку. Озерёнку, Озерну – сразу несколько названий в разных источниках у неё – А.П.*) и, купив заброшенный критовский домик, на лето из Орла переселяется сюда – в забытое людьми, но не Богом место. Вслед за Матвеевыми поселилась в Критово вновь, после долгих лет, прожитых в других местах, местная уроженка Нина Ивановна Егорова (Ерёмина). Дом родовой отремонтировать помог ей Александр Матвеев, а она сама огород разбила, землю оформила и живёт теперь в тиши и благодати, пенье птиц слушая.

Но братья Матвеевы успевают не только о хлебе насущном позаботиться. Они стали инициаторами и благотворителями по установлению на месте уничтоженной Свято-Духовской церкви села Критово Креста Памяти и Покаяния. К установке Креста жители посёлка Мохового отнеслись по-разному. Одни подходили, разглядывали, расспрашивали и, узнав, что им прямой прибыли от этого не будет, как и не будет прямых

убытков, равнодушно уходили прочь. На таких строители смотрели по завету Иисуса Христа: «Кто не против нас, тот с нами». Другие горячо благодарили за инициативу и говорили, что всегда на этом месте в душе почему-то появляется особое волнение. И такие люди строителям оказывали духовную помощь. Откликнулись на просьбу начальники и рабочие завода им. Медведева, где изготовили Памятную Доску для Креста.

Благословили и поддержали Богоугодное дело такие высокие по сану священники, как игумен мужского монастыря о. Аввакум, протоиерей Троице-Васильевского собора о. Сергей, настоятель церкви Богородицы «Всех скорбящих Радость» о. Александр, под непосредственным руководством которого изготавливался и освящался Крест. Вряд ли бы строители без них закончили бы свое благородное дело.

Когда готовили уже ямы под Крест весной 2003 года, то на глубине более полутора метров обнаружен был глиняный пол древнего храма (в новом соборе, со слов очевидцев, пол был из дубовых бревен – плах). Значит, действительно, церковь Критовская очень древняя, но сколько ей лет на самом деле – ещё предстоит нам узнать.

Село Критово. Вид на Поклонный крест
и высаженные на месте Свято-Духовской церкви елочки

И вот уже прошло двенадцать лет, как в Критово, «на площадке, окаймленной старыми кустами сирени, среди буйной травы стоит высокий Православный Крест. С запада от него на месте бывшей колокольни – в глубокой яме – два куста: ирги («барыни») и шиповника. Они всегда обильно

плодоносят необычайно крупными и сочными ягодами (я, посетив Критово, полакомился плодами ирги, и почему-то показалось мне, что вкус их напоминает вкус церковного кагора – А.П.) С востока – три ямы от Алтарей.

Во время Великого поста этот Крест, набираясь святости, стоял в церкви Богородицы «Всех скорбящих радость» за Столом Приношения перед Алтарем. Крестясь и кланяясь Ему, с молитвами, старые и малые клали на стол пакетики с дешевыми конфетками, батонами, блинами, зажигали поминальные свечи – все, что несла в храм нищая Россия от своей бедности в благодарность за мир на душе. Когда, после Пасхи забирали Крест из храма, мастер Михаил Потанов показал на черное пятно с черной раной на стойке под поднятым крылом нижней перекладины – след от осколка, ранившего дуб, из которого изготовлен Крест.

И теперь стоит этот слезами и молитвами омытый, раненый осколком Крест на месте убитого Собора в память о погубленных десяти поселениях – всего бывшего прихода. Его северный поднятый конец нижней перекладины, который на Голгофе указывал на раскаявшегося разбойника, здесь указывает на небольшие холмики, поросшие чернобылем и крапивой, – фундаменты бывших домов бывшего села Критово Покровского района Орловской области. Над заброшенными садами за холмиками кружат кориуны и черными молниями с печальными криками проносятся вороны. Здесь нет ласточек, нет детских голосов, и по весне в синеве не звенят жаворонки.

Но в церкви Богородицы «Всех скорбящих радость», где освящался Крест, весь поседевший от народного горя, иерей Александр со своим приходом поет молитву защитникам Руси: Александру Невскому, Николаю Чудотворцу, Богородице и особо – Святой Троице. А ему мощно вторят монахи Свято-Успенского Орловского мужского монастыря с игуменом Аввакумом, по благословению которого поставлен сей Крест, нежный хор молодых монашек Свято-Введенского монастыря и вся Орловская и Большая Православная Россия. И слышится в этом хоре радость надежды: Русь еще поднимется с колен и стряхнет с себя всю шелуху, насевшую на нее за 100 лет!

Есть мечта у Александра и Анатолия Матвеевых: на месте Критовского храма поставить часовню с иконами, крестом, мемориальными досками. Но им одним такое строительство не потянуть даже материально. Может быть, найдутся те, кого рассказ о древнем русском селе и его храме затронул, кто захочет поучаствовать в благородном и Богоугодном деле, продолжив то, что начали делать братья?

Легенды и были села Верхососенья

Сказание о невидимом монастыре

Эта легенда, которую из поколения в поколение передают друг другу жители старинного села Верхососенье (Покровский район Орловской области – А.П.), родилась очень давно – может быть, в конце XVI-ого, а может, в самом начале XVII века. Тогда постоянно по территории нашего края, находившегося на самой границе Дикого поля, проходили со своими ордами крымские татары. И не

просто *проходили*, а населённые пункты разоряли, жителей грабили и в полон уводили. А там, в Крыму, - в рабство наших земляков продавали.

Один из постоянных татарских шляхов, Пафнутцев, как раз через Верхососенье пролегал, и потому немногочисленные тогда местные жители всегда настороже были. Но однажды, незнамо как, на одном из ручьёв, в реку Сосну впадавшем, пришедшие из Ливен паломники за несколько недель срубили небольшую деревянную церковь, себе скиты соорудили и частокол вокруг новообразовавшегося поселения поставили. Так появился первый в наших местах, легендарный, монастырь на Святом источнике в местечке «Каменец».

Недолго его монахи и послушники спокойно прожили – несколько лет спустя снова крымская орда к броду на реке Сосне подошла. Разорили, как обычно, татары, селение и собрались было дальше идти, на Мценск, как заметили вдруг несколько в стороне кресты на высокой церкви.

Подошли крымцы к монастырю и – для начала – предложили монахам отдать им десятую часть их имущества и людей. Но из-за частокола в татар вдруг стрелы полетели, убив и ранив нескольких иноземцев. Разъярились татары и на штурм монастыря пошли. Но сделать это их многочисленной орде оказалось не так-то просто, поскольку свободное пространство для атаки находилось только с одной стороны монастырских стен. А с других защитники чувствовали себя уверенно – там крутая гора, камни да овраги находились. И потому и первая, и вторая, и третья, лихие в самом начале, наскоки крымцев были отбиты с большими для них потерями.

Богоявленский храм села Верхососенье

Вечер наступил, татары себе передышку сделали, а чтобы больше не возиться с непокорными защитниками монастыря, стали готовить хворост, брёвна и горячие стрелы: решили просто сжечь первый деревянный оплот православия на земле Покровской.

Всю ночь костры крымцы поддерживали, спать защитникам не давали, страшали новым нападением. Но этот штурм иноземный был вынужденно отсрочен: к утру сильнейший туман окутал весь лагерь татарский и монастырь, как покрывалом, накрыл. А когда, ближе к полудню, туман рассеялся, увидели изумлённые татары, что нет перед ними ни стен монастырских, ни самого монастыря, ни его защитников – как сквозь землю всё и все провалились, и только гул колокольный по ушам захватчиков бить стал.

Испугались крымцы, свернули лагерь быстро и вместо Мценска снова в степи свои ушли.

Ещё несколько лет прошло. Возродилось Верхососенье, жители его к Святому источнику снова ходить стали, и малое время спустя то один, то другой друг другу рассказывать начали, что звон колокольный, откуда-то из-под земли идущий, здесь слышали.

Во второй половине XVIII века в Верхососенье церковь свою построили – Богоявления Господня, но о Святом источнике не забыли верхососенцы, ходили сюда постоянно – помолиться в тишине и спокойствии, к святым камням приложиться и гул колокольный послушать. А некоторым (избранным) в воде Святого источника иконы виделись – разные, но именно такие, что когда-то в исчезнувшей церкви монастырской находились.

В XIX веке у Святого источника «Каменец» часовня появилась – во имя иконы Богородицы «Всех скорбящих – радость» (по преданию, именно эта икона главной была в ушедшем под землю монастыре), и сюда теперь не только верхососенцы, но и жители многих других окрестных селений и даже соседних уездов приходили. Здесь молились и исцелялись от болезней телесных и духовных.

А потом наступило безбожное время. Закрыли Богоявленский храм в селе Верхососенье, колокола с него сбросили и на переплавку увезли, иконы в костёр побросали, часовню на Святом источнике «Каменец» уничтожили, и даже сам источник засыпать пытались.

Не вышло. Даже в самые худые времена бабушки богомольные за святой водой сюда приходили и с Богом разговаривали – тут никто им не мешал.

Возрождение Святого источника

А лет десять назад источник из полу-забвения возрождаться стал. И особую роль в этом сыграл уроженец села Верхососенья, настоятель Курской Коренной пустыни, игумен Вениамин (*с лета 2012 года - епископ Железногорско-Льговской епархии – А.П.*). Родные места он навещает регулярно и каждый раз, приезжая в Верхососенье, не забывает о Святом источнике. В 2000 году отцом Вениамином (*в то время – иеромонахом – А.П.*), была здесь установлена главная икона, - Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радость».

А потом почин батюшки Вениамина поддерживали другие рабы Божии. В 2006 году, по благословию Владыки Орловско-Ливенской епархии, архиепископа Паисия (ныне покойного) и отца Леонида (в то время – благочинного протоиерея) прихожане села Верхососеня избрали председателем приходского совета – Руслана (Вячеслава) Лапыгина, уроженца Малоархангельска, который стал заниматься возрождением Святого источника.

Летом того же года началось строительство купели. Организатором и главным помощником Руслана (Вячеслава) был Сергей Ляпкин из города Малоархангельска, помогали в строительстве Валерий Чесноков, Сергей Лапыгин, Алексей Коробов, послушники Виталий и Николай из села Архарово.

Лес для купели выделил Владимир Николаевич Пашков, финансово помогли Павел Алексеевич Галкин и Владимир Николаевич Дрогайцев, москвичи с верхососенскими родовыми корнями. Организационную поддержку постоянно оказывала Александра Стефановна Бачурина (глава Верхососенской сельской администрации до марта 2011 года).

5 августа 2006 года, в праздник иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радость (с грошиками)», состоялось освящение купели *(но без сруба, который был установлен в 2008 году – А.П.)*. Освящение проводили благочинный протоиерей Леонид и иерей Сергей, настоятель Свято-Покровского храма села Архарово *(в 2011 году, приняв постриг, он получил имя Ефрем – А.П.)*. В настоящее время купель на Святом источнике «Каменец» – лучшая из всех окрестных.

Летом 2008 года предприниматель из города Малоархангельска Александр Рудопис пожертвовал Поклонный крест, а раб Божий Сергей помог установить его на горе над источником. Кстати, незадолго до этого события отец Вениамин, силой прочитанной молитвы, избавил Сергия от пьянства.

В том же году, по благословию Владыки Орловско-Ливенской епархии, архиепископа Пантелеймона, игумен Вениамин установил на камне вторую икону – пророка Иоанна Крестителя, в том месте, где вода под камнями шумит, и местные жители называют его «Шумок». Именно там отныне вода и молитва у иконы помогают исцеляться от головной боли.

Третья икона – «Пресвятой Троицы», установлена на камне, у которого, по преданию, молился схимонах Никодим, и где он некоторое время жил в созданном им скиту.

Отцу Вениамину, как и многим верхососенцам, являлись несколько раз на Святом источнике чудеса – видения икон в святых водах. Когда позже отец Вениамин получал подтверждение тому или иному видению – он делал заказ на изготовление иконы, привозил её к источнику, и при торжественном молебствовании очередная из них укреплялась на предназначенном для неё камне.

После первых трёх ещё семь икон в 2009-2010 годах обрели свои места – две иконы Спасителя, иконы Казанской матери Божией, Курской иконы «Знамение», Пресвятой Богородицы «Неупиваемая чаша», Николая

Чудотворца, Серафима Саровского. Все иконы вырезаны на граните: каменные, они установлены на камнях, это правильно и символично.

(Кстати, видения икон в водах источника продолжаются и в наши дни. В сентябре 2010 года две женщины из деревни Сетенёво, когда проходили по мостику к купели, увидели с правой стороны икону, которая плыла по воде. По описанию, это оказалась икона Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших» - А.П.).

Важным моментом в современной истории края стало принятие весной 2010 года Покровским районным Советом народных депутатов решения о придании местечку «Каменец» статуса «Особо охраняемой природной территории местного значения», согласно которому любые хозяйственные действия отныне на этом объекте запрещены.

К настоящему времени о Святом источнике «Каменец» узнали очень многие как в Покровском районе, так и за его пределами. Посетили его, прикоснулись к Святым камням уже орловчане, липчане, волгоградцы, питерцы, москвичи, почувствовавшие благодатную ауру этого замечательного места.

Епископ Вениамин, который, хотя и служит в соседней Курской митрополии, болеет душой за своё родное село, молится за его духовное возрождение и продолжает вдохновлять земляков-покровчан на новые дела.

Осенью 2010 года, после очередного его приезда в родные места благочинный Покровско-Колпинянского благочиния Орловско-Ливенской епархии протоиерей Симеон благословил работы, развернувшиеся на Святом источнике «Каменец», который стал превращаться в духовный центр Покровского района и место паломничества покровчан и жителей соседних районов и областей.

Координаторами всей деятельности стали настоятель Свято-Покровского храма села Архарово (Малоархангельского района) отец Ефрем и председатель ПТЗПО «Покровчанка» В.М.Третьяков. Владимир Михайлович, работники его организации, Покровского отделения Федерального казначейства (руководитель – Нина Борисовна Третьякова), жительница села Верхососенья Валентина Александровна Лапыгина и работники Верхососенской сельской администрации (глава поселения – Елена Николаевна Тучкова), представители других учреждений райцентра Покровское с весны до поздней осени трудятся на территории Святого источника: высаживают цветы и деревья, ухаживают за ними, окультуривают дорожки к воде и Святым камням, чистят русло ручья и саму купель.

Большой личный вклад внесли в благоустройство духовного центра руководитель ОПО «Союз Орловщины» Виктор Николаевич Найдёнов, руководитель ПО «Покровский пищекомбинат» Марина Дмитриевна Коннова, заместитель главного врача Покровской Центральной больницы Владимир Анатольевич Сергеев, руководитель КХ «Глория» Николай Владимирович Борисов, Александр Михайлович Гаврин и Юрий Иванович Новиков. По мере своих сил участвовал в этом благородном деле и автор данных строк.

А285891

Помощь строительными материалами, необходимыми при проведении работ на Святом источнике, оказывал генеральный директор ОАО «Пневмоаппарат» Юрий Владимирович Хархардин.

Ливенский скульптор Константин Сараев изготовил икону Покрова Пресвятой Богородицы, которую летом 2011 года установили на постамент, сооружённый мастерами Ю.И.Новиковым и А.М.Гавриным у входа на Святой источник.

Работ предстоит сделать ещё много. Предполагается, что, если Бог даст, появится здесь скоро и часовня во имя Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радость» как правопреемница того самого, исчезнувшего под землёй легендарного монастыря, ушедшего в Лету, но не отдавшего на поругание своих святых защитников.

В колдовстве обвиняется...

20 апреля 1781 года во Мценский уездный суд явился изрядно напуганный местный помещик Фёдор Какурин. Приехал он не один, а с двумя своими крепостными крестьянами, которые привезли на телеге красивую женщину лет 40, со связанными сзади руками. Помещик в своём заявлении, написанном на имя императрицы Екатерины Алексеевны, объяснил, что это – его крепостная крестьянка Афимья Яковлева, которой он опасается из-за её колдовских способностей.

«Испорченная» Романова

А далее бывший ротмистр, а ныне – коллежский ассессор, Фёдор Фёдорович Какурин, пояснил, что недавно побывал он в своей вотчине, в сельце Ожимки Мценского уезда, и увидел, что одна из его «крепостных жёнок», Февронья Романова, больна «странной болезнью» (помещик не объяснил, в чём это заболевание выразалось – А.П.).

Уточняя, как и когда Февронья заболела, узнал помещик от других крестьянок, что незадолго до этого Романова была в доме у Афимьи Яковлевой. Женщины крепко поругались, и Афимья в ходе ссоры «уграживала означенной Романовой» причинить «некоторое зло, навести на неё порчу», что вскоре и произошло.

Какурин приказал своим мужикам без промедления связать «колдунью», а сам отправился во Мценск с «доношением» (заявлением), в котором просил наказать Афимью Яковлеву за её «предерзости» по закону.

«Колдунья» была тут же заключена под стражу, и чиновники Мценского уездного суда начали разбирательство, которое длилось четыре месяца.

Следствие

Для начала была допрошена сама Афимья, которая призналась, что она действительно «побранилась» с крепостною Февроньей Романовой, а причиной этой ссоры стал гостивший у неё в доме крестьянин мценского помещика Щербачёва Алексей, Игнатов сын, по прозвищу Чертёнков. Но

Яковлева категорически отказалась от того, что она, якобы, навела «порчу» на ту, которую приревновала.

Следом за нею был допрошен Алексей Чертёнков. К удивлению судьи, он категорически заявил, что в сельце Ожимки у Афимьи Яковлевой в тот день не был.

Тогда 6 мая 1781 года Мценский уездный суд провёл повторные допросы Яковлевой и Чертёнкова, устроив им очную ставку с приглашением других свидетелей. Все они, перед началом допросов, утверждая, что говорят чистую правду, заявили: *«У исповеди и у Святого причастия ежегодно бываю у священника Петра из церкви села Ломового».*

Афимья Яковлева повторила свои показания, данные в первый раз, что Алексей Чертёнков *«на первой неделе Великого поста, во вторник, в её доме был и обедал».* В подтверждение своих слов она назвала и свидетеля, соседа Емельяна, Данилова сына, который, по её словам, видел в тот день Чертёнкова у неё. Афимья объяснила причину, по которой Алексей не признаётся о пребывании у неё дома: *хочет отомстить ей «за надсмешку над Февроньей».*

Чертёнков же, в доказательство своих слов, просил суд пригласить в качестве свидетеля с его стороны мельника из сельца Ожимки. Суд вызвал его и допросил. Мельник заявил, что зовут его Ларион, Гаврилов сын, по прозвищу Пронин, лет ему 50, и во второй день Великого поста, к нему на мельницу для молотбы хлеба *приехал «мценского помещика Какурина крепостной Алексей Чертёнков».* И «означенный» Алексей не только пробыл целый день у него на мельнице, но ночевал и ужинал у него дома, потому что не успел он всё зерно в тот день до темноты смолотъ. А уехал Чертёнков из дома мельника только на следующий день *(алиби, как бы мы сейчас сказали, стопроцентное – А.П.).*

Емельян Данилов, на которого Афимья Яковлева ссылалась как на свидетеля, видевшего в её доме упомянутого Чертёнкова, при допросе категорически отказался от этого: *«Никого не видел и не слышал».*

Так «колдунью» «припёрли к стенке» показаниями «сторонних людей», но она, всё равно, не призналась в колдовстве и в «в порче».

Наказание

Мценские судейские чиновники доложили о полученных в ходе следствия результатах в вышестоящие инстанции, и в середине августа 1781 года Мценский уездный суд получил Указ Её Императорского Величества Екатерины II. Согласно ему, наказание Афимьи Яковлевой было не таким суровым, как по отношению к «ведьмам» в средневековой Европе. Её не подвергли публичному сожжению на костре, а *«за обращение в воровствах и прочих предерзостях»* отправили в Мценский нижний земский суд, где *«на месте высекли плетми».*

А вот потом случилось то, чего никак не ожидал Фёдор Какурин. Наказанную «колдунью» передали его старосте из сельца Ожимки Фандееву – для возвращения Афимьи Яковлевой на прежнее место жительства.

Я не знаю, как себя чувствовал бывший ротмистр после получения известия о приговоре: продолжал ли он бояться собственной крепостной «ведьмы» или просто перестал посещать Ожимки: история о том умалчивает.

Однако Фёдора Фёдоровича ждал и ещё один небольшой сюрприз. Согласно судейскому решению, за то, что Афимья Яковлева пробыла под стражей четыре месяца и ела казённые харчи, помещик Какурин должен был возвратить в казну *«потреблённые на неё кормовые деньги в сумме одного рубля 94 копейки»*.

Поскольку раздосадованный Какурин не сделал этого сразу, для взыскания с него означенной суммы в имение к нему был послан специальный нарочный.

Вот так и закончилась эта «колдовская история».

Р.С. В Ломовском сельском поселении современного Залегощенского района существует в настоящее время деревня Верхние Ожимки, то самое село, бывшее вотчиной помещика Фёдора Какурина, только чуть поменявшее название. А неподалёку от неё, кстати, в том же поселении, имеется и деревня Какурино, сохранившая для нас, 230 лет спустя, имя помещика, боявшегося ведьм и колдунов.

(История написана на материалах Мценского уездного суда, хранящихся в Государственном архиве Орловской области – ф.43, ед.хр.204)

Порча – суть насильственное внедрение в энерго-информационное поле человека чёрной энергосущности (программы) с целью преднамеренного нанесения вреда.

Случаев лёгкой порчи не бывает. По С.И.Ожёгову *«Порча – болезнь от колдовства»*. Порча – всегда результат чьей-то направленной деятельности, это всегда чья-то злая воля, преднамеренное, целенаправленное негативное воздействие на конкретного человека, с целью разрушения его здоровья, семьи, бизнеса, судьбы.

Порча делается на фотографию, след, различные предметы, хлеб, вино, воду. Механизм действия в принципе тот же, как и в случае со сглазом, с той лишь разницей, что программа порчи на несколько порядков сильнее, изощрённее и вносится прицельно. Благодаря чему появляется возможность регулировать силу наносимого ущерба и его проявленный результат.

(Современная избавительница от сглазов и порчи Любовь Светлова)

О Никодиме Верхососенском, чудотворце и целителе

В тот августовский день жительница села Верхососенья Елена Ильинична Пашкова вместе со своей внучкой – школьницей пасли коров на заливном лугу. Трава здесь, в долине реки Сосны, уродилась сочная, чему способствовали обильные грозовые дожди и постоянное тепло.

Весь день «парило», и часам к трем пополудни в воздухе нависла душная тишина, прервавшаяся вскоре дальним громоханием. Ещё через несколько минут шквалистый ветер начал гнать с запада огромную, угольно – черную тучу, изрыгающую молнии из своего чрева через каждые две-три минуты.

Туча быстро приближалась к Верхососенью как раз в том месте, где пасли скот бабушка с внучкой. Километрах в трех от них две длиннющие стреловидные молнии ударили в какое-то возвышение посреди поля.

«Бабушка, бабушка, мне страшно!» - прибежала к Елене Ильиничне внучка. «Вдруг они нас убьют?» - испуганно спрашивала девочка.

Елене Ильиничне, обычно не боявшейся гроз и молний, передался страх внучки – страх за нее, за себя, за коров (вдруг действительно молния в них ударит?).

Особенно не соображая и не задумываясь, старушка стала быстро креститься и шептать слова какой-то молитвы, повторяя отчетливо «Никодимушка, спаси нас и сохрани, Никодимушка, спаси и сохрани! Отгони тучу от нас, отгони тучу от нас!».

И вскоре произошло то, что потом Елена Ильинична посчитала чудом. Шквальный ветер вдруг стих на какое-то время, а потом подул с удвоенной силой – но уже в обратную сторону, и огненная туча – колесница, все также громохкая, унеслась куда-то к далекому горизонту.

Коровы, уже сбившиеся, было, испуганно в тесную кучу, разошлись по своим, облюбованным травным местам. Успокоилась и перестала дрожать внучка, и только Елена Ильинична никак не могла опомниться: ведь это святой Никодим Верхососенский спас их от этого черного страшилища, тот самый Никодим, о котором рассказывали еще маленькой Лене ее мать и бабушка.

Надгробная плита Никодима у Богоявленского храма села Верхососенья

Никодим. Начало жизни

И вот, спустя почти 70 лет вспомнила вдруг Елена Ильинична Пашкова об этом святом монахе, которого в Верхней Сосне в начале XX века знали многие. Знали, уважали и обращались за сочувствием и помощью.

Он жил один в добротном, красно – кирпичном доме, доставшемся ему по наследству от отца, на самом краю села, на возвышении, с которого лучше всего была видна Богоявленская церковь Верхососенья.

Мирскими делами Никодим не занимался, он был монахом, и даже не просто монахом, а схимонахом, т.е. принявшим высшую степень монашества.

Никто в селе не знал, что повлияло на его выбор, но многие были уверены, что, скорее всего, этому способствовало несчастье, случившееся с Никодимом в 4-хлетнем возрасте. Он тогда сильно испугался взбесившийся во дворе лошади и от нервного потрясения ослеп (*есть и другая версия по поводу слепоты: он лишился зрения во время пожара – А.П.*). А вскоре один за другим поумирали многие его родственники.

Именно тогда ушел Никодим из села – ушел один, несмотря на слепоту, а вернулся уже через несколько лет в монашеской одежде. Поселился инок в родовом доме, к этому времени опустевшем, и деревенские вскоре узнали о нем много такого, о чем никогда слыхом не слыхивали в большом, старинном селе Верхососенье.

Святой источник – первое чудо Никодима

Уже через несколько дней соседи Никодима, пришедшие навестить новоявленного монаха, увидели с изумлением, что прямо в десятке шагов от его дома забил новый источник – мощный, с кристально-чистой водой.

Все жители этой стороны села ходили за водой далеко вниз, почти к самой реке, где был старый колодец, а тут вдруг, на приличном возвышении, появился родник, которым, с благословения Никодима, они стали пользоваться.

А через несколько месяцев уже все верхососенцы считали Никодимовский источник святым и по праздникам и перед ними всегда воду для дома набирали в нем, хотя некоторым жителям приходилось делать для этого приличный крюк (*Верхососенье было селом большим, тянулось по обоим берегам Сосны почти на 10 верст, да и сейчас, хотя жителей стало намного меньше, длина населенного пункта мало изменилась – А.П.*).

Всевидающий слепой – исцелитель

Впрочем, не одной водой изумил Никодим односельчан. Они, например, никак не могли понять, как он, совершенно слепой, легко определял, кто пришел к нему, даже еще не услышав голос гостя. А когда он однажды выгнал из дома пришедшую к нему верхососенскую злыдню и сплетницу, Феклу, словами – «Изыди, нечестивая!», и та, потеряв обычную самоуверенность, в страхе сбежала от старца, поняли жители Верхососенья, что рядом с ними отныне будет жить совсем необыкновенный человек.

По Верхососенью слух тогда прокатился, что он не только зловредных чует сразу, но и даже помыслы нечистые определяет. С тех пор к Никодиму шли только с чистой душой и по причине важной - ближним своим помочь.

Вот, какую, к примеру, историю рассказывала жительнице Верхососенья Неониле Петровне Головиной ее бабушка – Данилова Анна Ивановна.

В их дворе обычно вместе стояли лошадь и корова, но однажды, увидев, как начала биться и нервничать лошадь, разогнала Анна Ивановна животных по своим закутам. Наутро же, придя доить корову, увидела она, что та умудрилась забиться всем телом в большую деревянную колоду, в которой обычно клали для животных солому и сено.

Мужики – соседи помогли, извлекли корову из колоды. Но семейная кормилица на ноги не встала, лежала молча и печально, явно готовясь помирать.

Бросилась тогда Анна Ивановна за помощью к Никодиму – «Помоги, отец святой!». А он ей – «Помогу, если вспомнишь, кто вчера к вам во двор заходил».

А на Анну как затмение нашло – два дня не могла вспомнить, кто же у них все-таки был. Только к вечеру следующего дня, когда мать ее спросила, указывая на стоявшие во дворе дроги: «А когда это Петька телегу привез?», Анна вдруг ясно увидела перед глазами соседа Петра, который, ставя транспорт на место, пошутил что-то насчет животных.

Бросилась Анна Данилова снова к Никодиму, а тот уже встречает ее словами – «Вижу, что вспомнила. Иди к нему, попроси его на воду посмотреть, а потом эту воду мне принеси».

Сосед Петр посмущался немного, сказал, что нехорошие мысли у него про лошадь и корову были. На воду в кувшине посмотрел, и воду эту Анна Никодиму отнесла. Старец пошептал что-то над ней, крестясь, и возвратил кувшин хозяйке «Иди домой, сбрызни корову этой водой, покрестясь, и все будет хорошо!».

Так и сделала Данилова, а наутро, когда зашла она снова в хлев, глядит – ее Милка стоит на своих ногах и мычит приветственно.

И таких историй – про исцеление – рассказывали о Никодиме множество.

Кроме прочего, узнали верхососенцы и о его даре предсказания.

Никодим – прорицатель

Первый раз столкнулись с этим сельчане, когда собирался Никодим в очередное паломничество по святым местам. (Вообще за свою жизнь он 6 раз в Киев ходил, в Лавру, к святым мощам, и дважды – в Иерусалим, на Святую землю, - причем, всегда до цели добирался пешком).

Когда схимонах очередных паломников, пришедших к нему, слушал, одной из женщин, которая тоже в Палестину собиралась, сказал Никодим: «А тебе не надо идти – не дойдешь». Как ни пыталась молодая, крепкая

здоровьем женщина выяснить, почему она не дойдет, - ничего больше не сказал ей Никодим.

Не послушалась его паломница, пошла вместе со всеми в Палестину, а через две недели на одной из стоянок умерла – быстро, во сне, так и не дойдя до цели путешествия.

С тех пор никто из будущих паломников не рисковал больше так, как эта несчастная женщина.

Иногда в путешествиях сопровождала Никодима девочка – поводырь *(по одним сведениям, её звали Дуня, по другим, это была Марфа, племянница – А.П.)*, по чаще он шел сам – один, постукивая посохом по земле. Те же, кто видел его в Палестине, говорили потом, что там он изучил каждую ложбинку, каждый бугорок, связанный с именем Господа, и находил все наизусть и наощупь.

Слух о Никодиме Верхососенском прошел по окрестным деревням и селам, до уездного Малоархангельска добрался. Часто к нему за помощью и советом знатные люди обращались – больные телом или душой. И для всех находил Никодим слова исцеления.

Незадолго до начала Первой Мировой войны сказал он как – то очередным своим просителям: «Скоро война великая будет, а зимой и смута еще страшнее придет. Но не увижу я ее. Меня похороните у храма Богоявленского, справа от дверей, у дороги. Похороны самые простые организуйте».

Смерть святого и то, что произошло потом

Умер схимонах Никодим (Комардин) в 1915 или 1916-ом году. Незадолго перед смертью своей любимой племяннице Марфе два креста передал: «Береги их, намоленные они, тебе и детям твоим помогут» *(по одному из рассказов, нашли Никодима в собственном доме с признаками насильственной смерти, слух потом по селу прошёл, что убили его родные племянники, польстившиеся на имевшиеся, якобы, у старца большие золотые нательные кресты – А.П.)*.

Похоронили Никодима при огромном стечении народа – так, как он завещал, но все же, камень надгробный потом поставили – «Здесь покоится тело инока Никодима».

Когда соседи Никодима домой возвращались и хотели – в память о святом – из его родника воды набрать, увидели они, что нет воды в источнике – иссяк он внезапно после смерти хозяина дома.

Пришлось отныне ходить за водой опять далеко вниз, к самой реке.

После революции, пока церковь действовала, прихожане ее, храм посещая, не забывали о Никодиме – всегда к нему на могилу заглядывали и крестились, крестились.

В 1932-ом году Богоявленскую церковь власти закрыли для богослужений. Местные богоборцы забрались на колокольню и сбросили все пять колоколов вниз. Раскололись они с жалобным стоном, словно плакались – «Зачем вы с нами так?» Обломки бронзы отвезли потом на переплавку.

Иконы из иконостаса и с киотов из храма выбросили. Часть их сожгли, часть, разделив на доски, пустили на изготовление парт для учащихся Верхососенской школы. Одну из икон, пока местные активисты в храме орудовали, унесли к себе в дом два местных пацана – Сергей и Федор Головины. В доме младшего, Сергея Афанасьевича и стояла она вплоть до его смерти, свыше 70 лет. Головин был уверен, что икона эта, с Николаем Чудотворцем, жизнь ему на войне спасла.

Разломали богоборцы сельские красивую кованую ограду церковную, растащили ее по домам.

В 60-е годы XX века добрались было они и до могилы Никодима – слух прошел, что в ней крест золотой лежит, огромный.

Мародеры местные уже плиту надгробную сдвинули, землю до склепа вскрыли, когда старушки их застыдили: «Что ж Вы, ироды, делает? Какое золото? Ведь он нищий был, все, что имел, на себе носил, да и то раздал перед смертью».

Засмутились мародеры, забросали землю на место и плиту подвинули на склеп.

Еще через несколько лет председатель местного колхоза задумал конюшню строить. И ничего лучшего не придумал, кроме как пустить на фундамент ее надгробные плиты от Богоявленского храма.

Почти все они тракторами были свезены к месту строительства конюшни. Но тракторист, выполнявший это черное дело, на могильную плиту Никодима посягнуть не посмел. Она осталась на месте.

А еще через 10 лет усилиями двух местных верующих женщин на могилу Никодима была поставлена скромная металлическая ограда, существующая и доныне.

Настоятель Курской Коренной пустыни отец Вениамин, уроженец села Верхососенья, несколько лет назад начал богоугодное дело по восстановлению храма в селе Верхососенье, но потом дело застопорилось.

Жаль! Храм, у стен которого похоронен такой служитель Божий, как Никодим, достоин лучшей участи.

Р.С. С момента написания рассказа прошло несколько лет, и с весны этого года, усилиями нескольких покровских благотворителей, сделавших солидные пожертвования, вновь начались работы по восстановлению Богоявленской церкви.

Царский камень Святого источника

18 мая 2012 года, в день праздника Иконы Божией Матери «Неупиваемая чаша», на Верхососенском Святом источнике «Каменец», трудились на благоустройстве территории несколько работников Производственного торгово-закупочного потребительского общества «Покровчанка». Женщины разбивали новую цветочную клумбу, а Владимир Михайлович Третьяков, вместе с Виктором Григорьевичем Русиновым и

помощницей настоятеля Верхососенского храма, Валентиной Александровной Лапыгиной, очищали русло ручья, идущего от святого источника. И заметила вдруг Валентина Александровна, что сбоку, с правой стороны по течению ручья, как раз напротив камня с иконой Серафима Саровского, пробивается по склону небольшого овражка тоненькая струйка воды.

Царский камень Святого источника

Стала Валентина Александровна руками прочищать ей путь, а Владимир Михайлович начал лопатой снимать слой земли, пытаясь обнаружить этот родничок. Но уже со вторым погружением лопаты оказались вдруг на поверхности вместе с землёй осколки бутылки зелёного стекла, явно не современного вида, а потом обнажился новый камень, который ранее полностью скрывался под грунтом. Владимир Михайлович продолжил усердно работать лопатой, но прошло около двух часов, прежде чем большая часть обнаруженного камня, верхняя его поверхность и боковины, не были очищены от земли, а потом и промыты водами источника.

Ключ же из-под явившегося на свет дневной камня после проведённой работы стал намного заметнее и вскоре заполнил углубление, выкопанное трудившимися. Отсюда теперь можно набирать воду. Довольные, работники кооперации уехали в тот вечер домой, а через несколько дней В.М.Третьяков с членами семьи и друзьями снова посетили источник. Стали они внимательнее рассматривать новый камень, и вдруг Антонина Николаевна Зубкова (бывший работник потребительского общества, ныне находящаяся на заслуженном отдыхе – А.П.), заметила с правой стороны на его поверхности какую-то надпись.

Заинтересовались паломники, стали все вместе её изучать. Но тут оказалось, что очищена не вся надпись. Пришлось поработать лопатами ещё, а потом, при поливе надписи водой, текст на камне проявился полнее и чётче. И оказалось, во-первых, что надпись не одна.

Вот что было аккуратно, способом чеканки, выбито на открытом камне:

1912, 14 июля, субота (именно так, с одной буквой «Б» - А.П.), а чуть ниже – две строчки инициалов – М.С.М. и В.П.О.

Левее же этих надписей обнаружился ещё и рисунок с изображением царской короны.

Когда мы с помощью интернета проверили обнаруженную запись, выяснилось, что 14 июля (по старому стилю – А.П.) действительно была суббота. И, кроме этого, меня поразило, что дата эта оказалась Днём памяти Преподобного Никодима Святогорца. А ведь с именем Никодима, только Верхососенского, связаны камни нашего источника, а рядом с одним из них он некоторое время и жил в сооружённой им землянке. Правда, День Памяти Никодима Святогорца стал отмечаться Русской православной церковью лишь с 1955 года. Но тем необычнее выглядит такого рода совпадение!

По поводу обнаруженных записей и рисунка буквально на следующий день пошли разговоры среди посетителей и паломников, что надписи, якобы, связаны с императорской фамилией (а иначе кто мог царскую корону без разрешения выбить на камне?).

По одной из версий, летом 1912 года побывали здесь императрица Александра Фёдоровна с сыном Алексеем, пытавшаяся излечить наследника престола от страшного наследственного заболевания молитвами, водой и камнями Святого источника.

По другой версии, 14 июля источник посетили члены императорской семьи, только-только что обвенчавшиеся и приехавшие сюда повидаться со схимонахом Никодимом (он как раз на источнике жил) и получить от него благословение. А инициалы этих царственных особ были – М.С.М. (муж) и В.П.О. (жена). В память же о посещении источника и свидании со схимонахом были выбиты тогда по их распоряжению надпись и рисунок.

Как и почему обнаруженный камень столько лет был скрыт от глаз людских – ещё одна тайна. Но, скорее всего, его засыпали в период борьбы с «религиозными предрассудками», чтоб не смущала эта надпись в советские времена жителей близлежащих деревень и чтоб забыли о ней навсегда. И вот, накануне столетия со дня высечения надписи, она, Божиим провидением, вновь явилась свету и глазу человеческому.

С момента обнаружения новый камень источника все паломники иначе как Царским, теперь и не называют. Скоро на нём установят икону Божией Матери «Неупиваемая чаша».

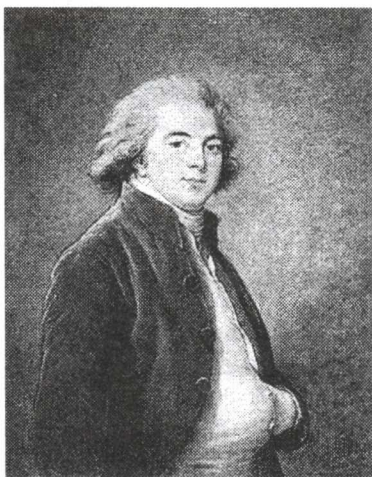
Однако надпись и рисунок, всё ещё, ждут полного раскрытия тайны: кто же были те люди, кто ровно сто лет назад посетил наш знаменитый (теперь-то ясно, что это так) источник?

Тем временем, усилиями многих покровчан, проведены большие работы по благоустройству святого источника, который фактически превратился в настоящий храм под открытым небом. И дорога к нему открыта всем православным, в том числе и тем, кто попытается раскрыть его тайны.

Золотой рог князя Куракина

Есть в Покровском районе населённый пункт с очень интересным названием – Золотой Рог. Я довольно долго пытался выяснить, кто и когда дал малюсенькому посёлку в самом центре Орловщины имя морского залива, на берегу которого стоит Владивосток (впрочем, город Стамбул, бывший Константинополь, тоже расположен на берегу Золотого Рога – А.П.).

Герой романа Льва Толстого

Князь Алексей Куракин

Пару лет назад разговаривал я со старожилами покровского Золотого Рога, и один из них, крепкий тогда ещё старичок лет под 90, по фамилии Зеленов, к сожалению, недавно ушедший в мир иной, рассказал мне историю, которая в его семье передавалась из поколения в поколение.

Пращур моего рассказчика был дворовым человеком князей Куракиных. Самые знатные и богатые помещики Малоархангельского уезда (свыше 16 тысяч десятин земли), они обосновались в наших местах в конце XVIII века, когда император Пётр I подарил своему свояку, князю Борису Ивановичу Куракину, участнику сражений под Нарвой и Полтавой, огромную вотчину, центром которой стало село Преображенское (Куракино). Большое село Липовка, расположенное у самого истока речки Липовицы, тоже вошло в состав этих владений.

Спустя сто лет хозяйствовал в имении правнук первого владельца – князь Алексей Борисович Куракин. Крупный российский государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного, он занимал ряд высших постов в царствование Павла I и Александра I: генерал-прокурор, малороссийский генерал-губернатор, министр внутренних дел, сенатор и т.д. и т.п. Лев Толстой в «Войне и мире» сделал князя Куракина одним из главных героев романа (там он – князь Василий Сергеевич Курагин).

Карьера Алексея Борисовича не была ровной и гладкой, ведь сегодня царь милостив, а завтра гневен. Павел I, сначала благоволивший к Куракину,

быстро к нему охладел и вскоре освободил от всех должностей. Вот тогда-то, чтобы быть подальше от царских глаз, Алексей Борисович перебрался из столиц в провинциальное поместье, и на несколько лет его судьба оказалась связана с Орловщиной.

Свою усадьбу Преображенское князь быстро превратил в одно из самых выдающихся «дворянских гнезд» Орловской губернии, замечательный по своему архитектурному совершенству «заповедник классицизма». На окраине же сельца Липовки, в 10 верстах от Преображенского, по приказанию князя был выстроен большой комплекс хозяйственных построек. Здесь находилась и огромная княжеская псарня.

Гончие гонят, борзые берут...

Псовая охота являлась одним из любимых увлечений Куракина, для этого он содержал около сотни борзых и гончих. А прашур моего рассказчика был выжлятником – специалистом по обучению, содержанию и подготовке к псовой охоте гончих собак Алексея Куракина.

Охоту на волков, которых множество тогда водилось в нашей местности, князь Алексей особенно любил. Выезжал на неё по первотропу с огромным количеством сопровождающих и сворой своих лучших гончих и борзых (*на всякий случай скажу, что гончие зверя загоняют, а борзые волка уже берут – А.П.*). Верховые лошади тоже были специально подготовленные – чтобы не боялись ни бездорожья, ни выстрелов, ни дикого зверя.

Охотничью амуницию для князя изготавливали лучшие иностранные мастера. Говорили, что ружьё, к примеру, один французский оружейник чуть ли не 10 лет создавал, оно было очень лёгкое и кучно било дробью. Кроме ружья, Куракин гордился и необычайным охотничьим рогом. Какой зверь носил его когда-то – неизвестно, но звук, им издаваемый, был слышен за пару вёрст. Зайцы, по разговорам, оказавшись поблизости, падали замертво, а лисы и волки цепенели. По приказу князя инструмент был украшен золотом по всей поверхности, на которой были изображены несколько картин охоты на волков. И хотя от золотого покрытия рог стал намного тяжелее, но зато такого инструмента не было ни у кого из самых знаменитых охотников начала XIX века.

«Идёт охота на волков...»

В ту осень князь Алексей Борисович пригласил на охоту друзей из соседних губерний, тоже любителей псовой охоты. Началась травля волков. Гончие гнали, а борзые были наготове. Но князь, в горячке увлеченья преследованием матёрого волка, оторвался от остальных охотников и всех своих слуг. Огромный вожак, спасаясь от гончих, забрался в такую чащобу, что князь, пытаясь не отстать от собак, потерял сначала головной убор, потом порвал ремень ягдташа и разбил пороховницу. А через несколько минут случилось самое страшное – верный конь Куракина, не одну охоту с ним отбивший, споткнулся вдруг, и Алексей Борисович перелетел через его голову.

Упал мягко, на хвою рухнувшей ели, но любимое ружьё при ударе о ствол переломилось пополам. Конь же сломал ногу и лежал, издавая жалобное ржание. И никого больше рядом! Не привык к этому князь, растерялся. Волк же вдруг остановился и развернулся в сторону гончих, захлёбывавшихся отчаянным лаем. Гончие сами волка взять не могли, и матёрый волчище это понимал. А лай их ни борзые, ни выжлятники не услышали – слишком далеко оторвался Куракин со своим авангардом от остальных.

Роговая судьба

Прошло пол-часа, глянул князь: у волка уже подкрепление – целая свора серых собралась. Потемнело у Куракина в глазах: «Неужто смерть?» Хорошо хоть, гончие сгрудились, окружили хозяина со всех сторон, лают, не дают волкам сразу наброситься. Но серых хищников всё больше и больше становится. И приготовился князь к гибели верной, молитву шепчет. А в ней – обет даёт: «Матушка Пресвятая Богородица! Жив останусь – церковь в Липовке построю, пусть народ в неё ходит!»

Раз прочёл молитву, другой, и тут вдруг вспомнил о роге своём золотом. За ремень схватился – а его нет, при падении, видно, соскочил с кольца. Стал шарить князь вокруг, под хвойными лапами, и отчаялся было уже, как – вот он, блеснувший в начинавшихся сумерках, его любимый рог.

Прижал Алексей Борисович инструмент к губам – и волки в страхе отскочили: такой устрашающей силы звук раздался. Услышал его первым прашур рассказчика, он ближе всех к месту происшествия находился. Прискакал быстро. А волки ещё быстрее скрылись в глуби лесной. Как только князь Куракин увидел примчавшегося на помощь выжлятника Ивана (так звали прашура Зеленова) – сознание потерял, видно, из последних сил держался. С трудом Иван тяжеленного князя на коня втащил и рысью назад помчался.

Так и закончилась эта история, вполне благополучно. Только вот золотой рог-то на месте том и остался, не подобрал его слуга. И не нашли его позже, сколько ни искали. За это князь Куракин отблагодарил спасителя – пятьюдесятью рогами.

Но обет свой спасённый выполнил. Через несколько лет появилась в Липовке красивая церковь, для строительства её князь пригласил лучшего ученика великого русского архитектора Казакова. Называться храм стал именем трёх святых – Алексея, Петра и Ионы. А село Липовку селом Алексеевским стали называть, по имени князя. Большое было селение, зажиточное.

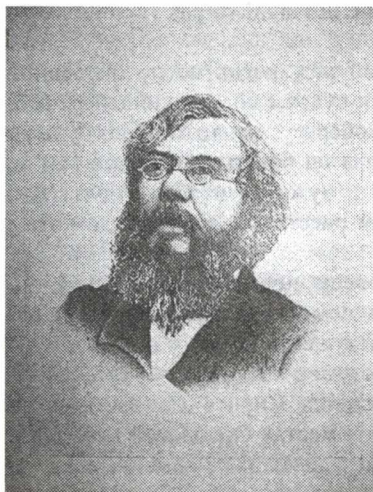
Самого Ивана-выжлятника после тех событий прозвали Золотым рогом. И прозвище это закрепилось за дальним концом села, где он проживал. А уже при Советской власти Золотой Рог стал отдельным посёлком, сохранив своё историческое название.

Сам главный персонаж событий, князь Алексей Борисович Куракин, скончался в 1829 году в своём любимом Куракино и был погребён в склепе под Преображенским храмом.

Церковь Алексея, Петра и Ионы в селе Алексеевка сохранилась до настоящего времени. Существуют пока и хозяйственные постройки князя Куракина в посёлке Золотой Рог. Местная агрофирма использует их по прямому назначению.

А пропавший золотой рог долго, но без особого успеха, пытались найти многие кладоискатели.

Павел Якушкин и его разбойники

Павел Якушкин

Этого человека в 60-ые годы XIX века знала вся читающая Россия. Павел Якушкин был одним из первых (если не самым первым) ходяком в народ. Но стремился он в гущу народных масс вовсе не для того, чтобы, как будущие землевольцы, поднять мужиков на революционный бунт. Павел Иванович встречался с жителями глубинной России с гораздо более прозаическими целями: он записывал народные песни, легенды и сказания. Многолетний труд его жизни нашёл потом отражение в двухтомном собрании песен, изданных его другом Петром Киреевским, и в одной книге собственных рассказов и очерков.

Как известно, в народных сказаниях в качестве главных героев часто фигурируют разбойники. Павел Иванович, естественно, никак не мог пройти мимо такой злободневной темы, и разбойничья жизнь занимает одно из центральных мест в его «Путевых письмах из Орловской губернии», опубликованных 150 лет тому назад.

Вот о них, орловских разбойниках из очерков Павла Якушкина и пойдёт далее речь. Для начала дам слово самому писателю:

«В прежнее время, да ещё не так давно, кругом всего города Орла стоял лес, только за Богоявлением (церковь Богоявления Господня на современной «стрелке», в месте слияния Орлика и Оки – А.П.) и сеяли хлеба, а то всё лес; старики, которые ещё есть, помнят здешние леса, помнят и жителей тех лесов, страшных разбойников. Про злодеяния их и теперь рассказывают со страхом»...

А теперь – чуть подробнее о некоторых, наиболее колоритных персонажах Павла Якушкина.

Федька Рытик и Сирота-Красный Петух

Федька Рытик был легендарной личностью. И чего он только не делал! Арестовывали его много раз. Но как только Федьку поймают, руки-ноги скуют и в острог засадят, как он тут же нарисует угольками на стене лодку, плеснёт на неё водой, сядет в эту лодку со всеми арестантами, да и уплывёт куда ему надо. Сколько раз арестовывали – столько раз и пропадал Рытик из тюрьмы. Но однажды догадались стражники, в чём дело: как попросит Федька пить, так ему вместо воды – квас дают, а воды – ни крошки. И всё – извели Рытика, умер он в камере, так и не сумев больше уплыть никуда.

Сирота разбойничал в 30-ые годы XIX века. Проживал он около речки Липовицы (*Малоархангельский уезд, ныне – территория Покровского района – А.П.*). Зверств особых не делал, больше мошенничал. Его раз 12 ловили, но он каждый раз находил способы сбежать.

Известен был Сирота тем, что каждый раз, когда после очередной поимки его приводили в суд, он обращался к судьям со следующей речью: «Господа судьи! Вы меня поберегите, я вас поберегу, так-то хорошо будет и вам, и мне». Дело в том, что Сирота указывал на богатых мужиков как на своих сообщников, тех приводили в суд, и мужики, чтобы откупиться, готовы были на всё, даже с богатством своим расстаться не боялись – этим судьи и пользовались.

После нескольких побегов Сирота совсем перестал скрываться, но никто не решался доносить о нём. Все знали, чем это грозит: окажется этот разбойник на свободе и сразу же «красного петуха» доносчику подпустит. А поджогов и пожаров тогда боялись пуще воров: вор хоть дом не тронет, а от «красного петуха» ни крыши, ни стен не останется. Сирота сложил песню о себе, которую в XIX веке исполняли во многих местах Орловской губернии: «Сирота, ли Сирота, ты сиротинушка! Сиротец, удалец, горе-вдовкин сын!»

Зельнин – убийца беременных

Про этого разбойника рассказывали, что человека зарезать для него ничего не стоило. А однажды встретил он в лесу беременную бабу и пропорол ей живот только для того, что вздумалось ему посмотреть, как ребёнок в брюхе у неё лежит. На его беду, ехал обоз через лес, застали Зельнина на этом страшном деле, скрутили ему руки – и в острог.

Суд присудил: «Повесить разбойника». Но Зельнин, услышав о приговоре, только засмеялся: «Ещё посмотрим, кто кого повесит: или палач Камчатников меня, или я того палача».

В то время в Орле палачом был мещанин Камчатников. Услыхал он про похвальбу разбойника и готовиться к казни заранее начал, поскольку знал, что «Зельнину трёх здоровых мужиков на одну руку было мало»...

А Зельнин, как ни хвастался своей силой, только пришло время казни – задрожал; пока шёл из церкви до виселицы, все руки залил воском со свечи, которую нёс зажжённой. Весь Орёл собрался посмотреть, как Камчатников с Зельниным справится. Даже сам воевода приехал. Он и подал знак к началу казни.

Палач Камчатников вынул из кармана припасённую верёвочку, сложил Зельнину руки ладонь к ладони, пальцы к пальцам и связал их попарно. Потом надел на голову разбойнику оставшийся конец шнурка, а уж затем и петлю. А после этого толкнул палач Зельнина с рундука, на котором стоял разбойник. Рванулся Зельнин со всей силой, думал верёвку перервать. Тогда закон был такой: кто с виселицы сорвётся, того помилуют. Но не тут-то было. Верёвка, приготовленная Камчатниковым, оказалась крепкой, да и руками себе Зельнин помочь не смог. Так и кончился разбойник в петле.

Орловский Робин Гуд по имени Тришка-Сибиряк

Тришка-Сибиряк жил в конце 30-ых - начале 40-ых годов XIX века, разбойничал в Орловской и Смоленской губерниях. Известен был в народе тем, что не загубил ни одной христианской души, а простому народу помогал: то бедному мужику лошадь подарит, отобранную у богача, то денег даст на самое необходимое. В общем, настоящий Робин Гуд орловского разлива. О его удачных «штуках» народ долго вспоминал, а деды и отцы с большим удовольствием рассказывали о Тришке своим внукам и сыновьям.

Это разбойник был настоящим артистом. Иногда он в облике обычного мужика покажется, иногда купцом нарядится, а то и в барской одежде щегольнёт. Услыхало начальство о Тришке, и приказало его поймать во что бы то ни стало. Отправился отыскивать разбойника один исправник.

Приехал он на станцию, а там какой-то купец чай с пуншем пьёт. Гостеприимным оказался купчишка, исправнику, замёрзшему с дороги, погреться предложил. Слово за слово, разговор пошёл. Исправник сообщил купцу, что верные люди донесли ему о Тришке-Сибиряке, и исправник его сейчас ловить будет.

Купец сказал, что ему очень хотелось бы посмотреть, как служивому удастся сделать это. Исправник предложил купцу поехать вместе с ним на поимку Тришки.

Закончили они чаёвничать да и поехали в исправницкой бричке, продолжая разговор о Тришке-Сибиряке. «А как же Вы узнаете разбойника?» - спросил купец. «А у меня приметы есть», - похвастался исправник и подал купцу бумагу.

Стал читать купец приметы: «Волосы русые, брови чёрные, лет от роду тридцать».

«Барин, да ведь, я это, пожалуй», - вдруг сказал купец. Взглянул исправник – и впрямь, перед ним не купец, а сам Тришка-Сибиряк.

«Ох, и дурак ты, исправник, меня обмануть захотел. Вот тебе и наказание – ступай домой пешком», - заявил Тришка, высадил исправника из его же брички и покатил, куда ему надо было.

А уж сколько раз он крестьянам-беднякам деньгами и живностью помогал, отбирая добро у злодеев-помещиков, то и говорить не приходится. Однажды и монастырю женскому на восстановление храма целую тыщу рублей пожертвовал. Такой вот он был - благородный разбойник Тришка-Сибиряк.

Р.С. самого писателя Павла Якушкина однажды тоже превратили в разбойника. И сделал это один из французских издателей, который решил подзаработать на известности руководителя крестьянского восстания и самозванца Емельяна Пугачёва. Но вместо портрета русского «вора и разбойника» издатель напечатал фотографию Павла Якушкина с подписью под ней – «Пугачёв». Эту историю поведал нам ещё один наш земляк – Николай Лесков в своих «Товарищеских воспоминаниях о П.И. Якушине».

Конь-огонь

Слова «Карабах» и «война», с конца 80-ых годов XX века, в сознании многих граждан Советского Союза, а потом и России слились воедино. С тех пор два кавказских народа вот же почти 30 лет никак не могут решить проблему, кому же должна принадлежать территория, протянувшаяся от Малого Кавказского хребта до равнин у слияния Куры и Аракса.

А между тем, в Российской империи XIX века слова «Карабах и Карабахский» воспринимались с другим, гораздо более мирным содержанием. Вот об этом та история, которую я хочу рассказать.

Легенда о Карабахе

Услышал я её от ушедшего в мир иной несколько лет тому назад старожилы вымирающего покровского села Трубицино. Дед Алексей прошёл войну, а возвратившись, потом всю жизнь проработал в местном колхозе конюхом. Однажды мы беседовали с фронтовиком о «боях-пожарищах, о друзьях-товарищах», а потом, когда расспросы о войне закончились, он вдруг переключился на совсем другое.

«Знаешь, сынок, почему вот эта часть нашего села Пигаревка называется? Барин у нас тут жил – по фамилии Пигарев, и мой дед у него конюхом служил. А лошади у барина были, каких ни у кого в округе не было. Это мне отец сказывал, а ему – дед».

Дальнейший рассказ ветерана я перескажу уже своими словами, без его эмоциональных подробностей. Итак, лет сто пятьдесят тому назад поселился в здешнем селе Александровском (так в те годы Трубицино звалось) новый помещик по фамилии Пигарев. Женился он на местной барыне и в имение к жене переехал. Помещиком Пигарев оказался небогатым, и единственное имущество, которое он с собой привёз, вернее, въехал на нём в поместье, – был конь невиданного в здешних краях цвета – золотой, как солнце.

Через месяц трубицинские крестьяне знали о барине всё. Что он откуда-то из Малороссии, служил в кавалерии, воевал на Кавказе. А там однажды спас от верной смерти местного хана – союзника русских, и тот в благодарность подарил Пигареву этого золотого коня из своих личных стад. Потом, будучи младшим офицером, барин воевал в горах, и этот конь теперь сам вынес его из такого пекла, из какого он уже и не чаял выбраться. С тех пор Пигарев души в своём золотом жеребце не чаял, берёг его, лелеял и

холил (злые языки в Трубицино говаривали, что коня он любит больше жены, которая ему богатство принесла).

Впрочем, новый барин оказался совсем не злым и не заставлял крестьян на своих полях горбатиться с утра до вечера. Родился вскоре у молодых хозяев сынок, а через год барыня снова беременною была. Но в этот раз трудно беременность переносила, и решил Пигарев к ней доктора из Малоархангельска привезти.

Зима в тот год суровая и снежная была, и волки в округе лютовали. И когда помещик полпути уже преодолел и к реке Сосне подъезжал, волчья свора за ним и конём увязалась. Ни ружья, ни пистолета в спешке Пигарев не захватил, и единственную надежду возложил он на верного Карабаха (так звали золотого красавца-жеребца). По ровной дороге, совсем было, волчья стая догонять их стала, но тут пошли спуски и подъёмы на нескольких больших оврагах, и конь показал здесь всю мощь, прыть и резвость. Удалось от волков оторваться, но, к несчастью, в бешеной той гонке надорвался Карабах.

Жену и ребёнка (девочка родилась) привезённый Пигаревым врач спас, а вот золотой жеребец, проболев до весны, скончался тихо перед самой Пасхой. Уговорив местного священника, помещик похоронил Карабаха недалеко от границы сельского кладбища и долго потом горевал, приходя к нему на могилу.

А с началом лета уехал вдруг Пигарев из поместья, и не было его почти полгода. Вернулся же не один, а с целым табуном лошадей таких же невиданных мастей, как и скончавшийся Карабах. Два жеребца пылали золотом, а среди десятка кобылиц были огненно-рыжие, лимонно-жёлтые и с серебристым отливом. Конюшни к моменту возвращения помещика уже были готовы, и заселились в них привезённые лошади. Оказалось, что на Кавказе побывал Пигарев, с родственниками скончавшегося хана договорился и лошадей у них, то ли купил, то ли они ему за его заслуги подарили.

Вот так в Трубицино появился конный завод лошадей с Востока, на котором стал работать конюхом дед нашего рассказчика. Одного из жеребцов Пигарев снова назвал Карабахом.

Общаясь с приведёнными лошадьми, повеселел помещик, снова стал жизнью интересоваться, детей своих пытался к лошадям приучить. Но, к его огорчению, ни один из сыновей лошадником так и не стал.

Просуществовал завод лет двадцать, и полюбоваться на золотых скакунов приезжали помещики-соседи, некоторые из них пытались купить или выменять лошадок у Пигарева, но тот сразу и решительно отказывал.

Когда умер помещик, то спустя какое-то время к вдове приехали черноволосые и смуглые гости, поговорили с ней о чём-то и уехали спустя сутки, уводя с собой два десятка пигаревских красавцев.

Так и закончилась история невиданных для здешних мест восточных лошадей, и никогда больше золотокожих скакунов не видали ни в Трубицино, ни во всём Малоархангельском уезде.

Штабс-капитан Василий Пигарев и его лошади

Честно говоря, я долгое время этот рассказ деда Алексея не воспринимал всерьёз, считая его не более чем красивой, но легендой. Однако, работая в фондах Государственного архива Орловской области, натолкнулся однажды в «Протоколах Орловского дворянского собрания» (фонд 68, д.43, л.л.399-400), на рассматривавшееся в нём 5 декабря 1835 года прошение «О внесении в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии уволенного от службы штабс-капитана Василия Сергеевича Пигарева».

О просителе было сказано, что он – из дворян Черниговской губернии (это-Малороссия-А.П.), где за отцом его, в Глуховском уезде, - значится родовое имение с восемью крестьянскими душами и 45 десятинами земли.

В службу Василий Пигарев вступил рядовым 22 апреля 1822 года в Конно-Егерский Его Величества Короля Виртембергского полк, в котором дошёл до прапорщиков. Потом был переведён в Финляндский драгунский полк, из которого 22 декабря 1829 года, по домашним обстоятельствам, уволился в звании штабс-капитана.

Из этой же записи мне стало известно, что на момент рассмотрения дела Пигареву исполнилось 32 года, что он женат и у него двое детей – сын Владимир и дочь Варвара. В том же Глуховском уезде Черниговской губернии за Василием Сергеевичем Пигаревым значилось недвижимое имение с шестью душами, а за женою его, в Малоархангельском и Ливенском уездах Орловской губернии, - 40 душ мужского пола.

По итогам рассмотрения прошения В.С.Пигарев был внесён во 2-ую часть Дворянской родословной книги Орловской губернии. Судя по всему, он к этому времени уже несколько лет проживал в имении жены, находившемся в селе Александровское (Трубицино) Малоархангельского уезда.

Таким образом, эти сведения почти полностью подтвердили данные по биографии помещика Пигарева, рассказанные мне трубицинским ветераном.

А совсем недавно в моих руках оказалось «Военно-статистическое обозрение Российской империи», изданное в 1853 году в Санкт-Петербурге (Т.VI, ч.5 – по Орловской губернии), в котором я познакомился со списком конских заводов, имевшихся на тот период и во всей губернии, и в Малоархангельском уезде, в частности. Среди перечисленных заводов значился там и принадлежавший штабс-капитану Пигареву.

Как думаешь, читатель, лошади какой породы разводились только на его заводе, единственном из ста трёх по Орловской губернии? Да-да, карабахской, а также близких к ней ширванской и персидской пород. И всего у помещика Пигарева в 1853 году имелось 18 лошадей (из них два чистопородных жеребца и 13 кобылиц-маток).

А начиналась история этих скакунов там, на Кавказе, в Карабахском ханстве, где правители смотрели на своих лошадей, *«как на дар Божий, их династии дарованный, которым торговать нельзя, а можно уделять смертным в знак дружбы и признательности»*.

Уверен, что вот эти строчки из лермонтовского «Демона» не раз читал себе штабс-капитан Василий Пигарев, гарцуя на любимом жеребце, доставшемся ему в подарок:

*«Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабах»...*

Этот Карабах, лично мне, гораздо ближе того, что вошёл в наше сознание за последние годы.

Клад графа Комаровского

Эта история случилась сорок лет назад. Закончив в родной деревне Бунино (прошу не путать с одноименным и гораздо более известным селом в том же Урицком районе) начальную школу, я, вместе с десятком моих ровесников, продолжил обучение в соседнем Городище.

Старинное это село, одно из крупнейших и известнейших на Орловщине, широко раскинулось в полукилометре от реки Цон, на правой его стороне, и в десяти километрах от поселка Нарышкино.

Старый парк

В самом центре села, в возвышенной его части, располагался в те годы полузаброшенный, одичавший парк, на самом краю которого, с восточной стороны, прилепилось старинное одноэтажное здание – с гораздо более поздней пристройкой. Это и была Городищенская восьмилетка.

Спортивный зал в школе отсутствовал, и уроки физкультуры мы проводили в парке, на окраине которого находились волейбольная и футбольная площадки, а по тропинкам парковых чашоб были разбиты легкоатлетические и лыжные трассы.

Зимой и летом, трижды в неделю, мы проходили, пробегали, пересекали густые заросли, с высоченными, огромными, в два-три обхвата, деревьями. Сюда редко заглядывало солнце – и в этой сумеречной тишине каждый раз нам становилось не по себе.

Страсти вокруг клада

А однажды наш физкультурник, Дмитрий Иванович, рассказал нам, что жил в Городище до революции очень богатый помещик, граф, на усадьбе которого и разместилась потом школа. У помещика имелся кирпичный завод, он разводил рысистых лошадей, разместил в своем доме огромную коллекцию картин и большую библиотеку. В революцию городищенцы и приехавшие им на поддержку мародеры из Нарышкино усадьбу графа разграбили, а потом и подожгли.

Дмитрий Иванович фамилию помещика нам не назвал, но чуть позже старушка-пенсионерка, бывшая учительница, у которой мы оставляли

велосипеды на хранение, рассказала нам о других подробностях этой истории:

«Я графа Комаровского хорошо знала, - поведала Надежда Ананьевна, - он перед самой Октябрьской революцией семью за границу отправил, а сам остался собрать свои ценности. Вывести их не успел, но спрятал где-то в тайнике.

Начиная с осени 1917 года, грабители начали поиски его клада - в усадебном доме, в хозяйственных постройках и, ничего не найдя, самого графа после пыток убили и со злости многие постройки сожгли. А потом кладоискатели переключились и на парк.

Парк большой, его еще дед графа заложил – по иностранному образцу, с дорожками и аллеями вдоль ручья Людского. За 10 лет его весь изрыли. Однажды, когда очередные кладоискатели только-только копать начали, у одного из них лопату из рук кто-то вдруг вырвал. Копатели потом уверяли, что видели самого графа, который пригрозил им, что если кто-либо еще попытается найти его ценности, он этого искателя в яму сам лично закопает. С тех пор городищенцы клад искать перестали, а парк прозвали Графским».

«Надежда Ананьевна, а Вы сами-то в эту историю верите?» - спросил я.

«Не знаю, не знаю, внучек, а вот во время войны, когда немцы в Городище стояли, местный комендант тоже решил графские сокровища поискать, но однажды утром его нашли на краю ямы в парке мёртвым. Когда правую руку ему разжимали, в ней обнаружили землю – и никаких ценностей поблизости. А куда исчезли два его солдата, копавших эту яму, немцы так и не выяснили.

Тогда в селе прошел слух, что Граф, оберегая свой клад, перепрятал его в другое место, подальше от усадьбы, но куда – никто не знает», - закончила рассказ Надежда Ананьевна.

ЧП в Городищенской школе

История графа Комаровского произвела на нас сильное впечатление, тем более, что каждый день, по дороге из Бунино в школу и обратно – мы дважды проходили или проезжали на велосипедах через поселок Комаревец, находившийся на краю Городищенского леса. Говорили, что у графа был здесь когда-то хутор, на котором он держал борзых собак. «Ребят, а не мог Комаровский клад в Комаревце спрятать?» - как-то поделился с нами своими предположениями Сережка Бухарин.

«А ты что, собираешься искать его?» - с насмешкой поинтересовался наш негласный лидер, восьмиклассник Алексей Кулигин.

«Да нет, что вы», - смутился Бухарин.

А где-то в середине мая следующего года в Городищенской восьмилетней школе произошло ЧП. Директор, Иван Васильевич Рассказов, как только прозвенел звонок после четвертого урока, вышел из своего кабинета и направился, было, в дальнюю часть коридора для проведения очередной субботней линейки.

Но внезапно, сделав только шаг, он, совершенно неожиданно для себя, поехал по полу, как по льду, и, потеряв равновесие, грохнулся всем своим массивным телом так, что это услышали в дальнем конце коридора, и дежурный учитель прибежал, чтобы узнать, в чем дело.

Дежурный (а им оказался физкультурник Дмитрий Иванович) начал падать рядом с директором в тот момент, когда Иван Васильевич проделывал это уже во второй раз.

В общем, на линейку ни директор, ни учитель физкультуры не вернулись. Дисциплинированные ученики простояли 15 минут рядом с классными руководителями, пока у дверей директора двое «техничек» собирали с пола то, из-за чего падали два взрослых мужика.

Это были сотни цилиндриков черного артиллерийского пороха. Они-то и превратили пол коридора в искусственный каток. Сказать, что Иван Васильевич был разъярен, - это явно недостаточно для выражения всей полноты охватившего его чувства. Он рвал и метал «громы и молнии», держась рукой за затылок, сильно разбитый при падении.

Мемориальная доска на здании Городищенской школы

Но, пока прибежавшая из находившейся неподалеку больницы медсестра осматривала пострадавшего, прикладывая к его ушибленной голове пузырь со льдом, директор чуть-чуть успокоился. И в течение следующего получаса нарушителя обнаружили. Им оказался наш, бунинский семиклассник Сережа Бухарин.

Вот тут и выяснились причины его отсутствия на уроках в последнее время. Бухарину история с кладом графа Комаровского не давала покоя, а поскольку его идею мы восприняли с насмешкой, он в одиночку пытался искать ценности, используя вначале лопату, а потом еще и металлический шуп.

В течение двух недель Сергей обследовал все заброшенные дома и подвалы, а потом принялся за Городищенский лес у Комаревца.. Однажды щуп Сережи наткнулся на что-то металлическое, и он едва не закричал от радости на весь лес, но сдержался – тем более, что это оказался не сундук с золотом, а артиллерийские снаряды большого калибра.

Расстройство было сильным, но Бухарин решил, что не пропадать же, найденному добру. Гильзы у пяти снарядов он распилил, орудуя ножовкой по металлу. Такого пороха Сергей еще не встречал: черные цилиндрики с дырочками, к тому же здорово горевшие. Их было много. И тогда-то в мозгу кладоискателя появилась идея сорвать линейку, на которой директор должен был зачитать приказ о выговоре ученику 7 класса С. Бухарину за пропуски уроков.

Это все правонарушитель рассказал в отделении милиции, куда пригласили его с вместе с отцом. Выговор ему заменили на «неуд» по поведению, но из 7-го класса в 8-ой все-таки перевели, тем более, что саперы, приехавшие к «кладу», разминировали потом 21 крупнокалиберный снаряд.

Командир саперов удивлялся, как Бухарин не подорвался, хотя это могло произойти с ним пять раз подряд. «Ты, парень, даже не в рубашке, а в кольчуге или в латах родился, - сказал он Сергею, - ведь снаряды дышали на ладан и могли от малейшего движения сдетонировать, а ты их пилил».

Р.С. Эту историю я вспомнил, когда несколько лет назад областная пресса сообщила об установке на новом здании Городищенской школы мемориальной доски в память генерала Евграфа Комаровского, известного деятеля времен Павла I и Александра I, владельца имения в селе Городище.

А клад графа (если он, конечно, существует) все еще ждет тех, кто его отыщет.

И зазвучал вновь колокол

Эту почти мистическую историю, события в которой оказались растянуты во времени более чем на сто лет, рассказ мне пенсионер, ветеран труда из деревни Кромской Покровского района Леонид Терентьевич Гусев.

Вымирающая деревня, состоящая сейчас из четырёх разбросанных далеко друг от друга домиков, называлась вначале Дворы Старые, а чуть позже у нее появилось другое имя – Кромская. Рядом с Кромской расположился еще один населенный пункт – Никольская. До начала 30-х годов XIX века эта была большая и зажиточная деревня, в которой, по мнению местных мужиков, имелось почти все необходимое для нормальной жизни: хорошие земли, мельница, кузня.

И собрали тогда никольские мужики сход, пригласив на него жителей соседних деревень. Сход решил, что церковь нужна обязательно. Епархия дала разрешение, собрали средства для начала строительства, но возникла проблема с местом для церкви. Самое удобное, красивое и возвышенное место было в деревне Кромской. Никольские мужики согласились, но в просторечии храм все-таки называли никольским, а не кромским.

Неизвестный архитектор спроектировал замечательный, буквально паривший в воздухе храм, получивший первоначальное имя Архангела Михаила. Когда строительство церкви близилось к завершению, сход мирян решил, что для такой красоты обычного креста на купол будет недостаточно. Тогда в Киев отправили десять самых надежных и уважаемых мужиков, чтобы принести оттуда освященный крест для новоявленного храма. Одним из десяти оказался прадед нашего рассказчика.

Подробности этого путешествия-паломничества скрылись за завесой времени, но известно, что тяжелый металлический крест никольские и кромские бородачи, постоянно меняясь, доставили к уже построенной церкви почти через год. Никому не доверяя, водрузили святыню на купол.

Когда храм освятили и приглашенный из Малоархангельска звонарь в первый раз ударил в новый колокол, все собравшиеся упали на колени и закрестились истово, с поклонами. Звон колокола Никольской церкви в тихую погоду слышен был за пятнадцать верст.

С батюшками новому храму везло с самого начала – настоящие ревнители веры Христовой служили в Михаило-Архангельской церкви, готовые всегда прийти на помощь прихожанам. Побывать в храме, крест на куполе которого из самой Киево-Печерской лавры, стремились прихожане других уездов и даже соседних губерний.

В конце XIX века церковь перестраивали, но знаменитый крест оставили на новом куполе. А храм стал называться Крестовоздвиженским. Приход у него был большой, имелось два притча: два батюшки, сменяя друг друга, службу вели. В 20-е годы прошлого века веру в Бога у местных жителей поддерживали отец Леонид и отец Иван.

При Советской власти в первые послереволюционные годы Крестовоздвиженский храм действовал, как и до революции: так же несли сюда младенцев для крещения, так же венчались молодые пары и отпевали умерших. В начале 30-х годов, когда Советская власть развернула решительное наступление на остатки капитализма в стране, началась коллективизация в сельской местности, и стали повсеместно закрывать церкви.

В 1932 году отец Леонид и отец Иван крестили последних младенцев (среди них был и наш рассказчик). К концу того же года начались гонения на церковь, и оба батюшки, предчувствуя аресты, спешно уехали из Никольского. После этого следы священнослужителей затерялись где-то в больших городах, хотя слухи изредка доходили (по одному из них – отца Леонида расстреляли во время Великой Отечественной войны).

Без батюшек и прихожан церковь осиротела и некоторое время стояла закрытой. Ее судьбу решил, пользуясь покровительством начальства, председатель местного колхоза имени Ворошилова. На заседании правления было решено построить колхозную конюшню. Когда строительных материалов найти не удалось, председатель приказал разобрать церковь. Приказ вызвал волнение среди местных жителей, и они отказались крушить

храм. Председатель долго уговаривал, убеждал и угрожал мужикам, пока не нашел первых добровольцев.

Одним из храбрых оказался родной дядя нашего рассказчика Иван Афонин. Он взобрался на купол и несколько часов усердно трудился, выковыривая и выпиливая крест из гнезда, в которое сто лет тому назад поставил этот крест его родной дед. Пару раз Иван едва не сорвался, но, пересиливая себя, все же, сумел расшатать крест, потом привязал к нему длинную толстую веревку. Десяток стоявших внизу крепких мужиков дергали крест до тех пор, пока он не упал на землю, издав странный болезненный звук, от которого вздрогнули и закрестились испуганные мужики.

Председатель колхоза приказал сбросить колокола, а потом разобрать кровлю. Когда дошла очередь до церковных стен, выяснилось, что кирпичи – главное, для чего разбирали храм – взять почти невозможно. Только отдельные из них удавалось отделить друг от друга, да и то ценой немыслимых усилий. Большинство же спрессовалось намертво, поэтому приходилось крушить стены, превращая кирпичную массу в щебенку.

Сброшенные колокола и освященный в Киеве крест погрузили на телеги и отвезли в Малоархангельск. По пути с одной из подвод пропал колокол. Лишь перед самой войной обнаружили его в соседней деревне, где до 80-х годов XX века колокол висел на большой раките – местные жители использовали его как пожарный.

Иван Афонин, который начал крушить Крестовоздвиженский храм, уехал в Сибирь. Долго о нем никто ничего не слышал, но в 1953 году он приехал в родные места. Во время Великой Отечественной Иван воевал, пока не был тяжело ранен. Своему племяннику Леониду Гусеву он сказал: «Вот, племян, видишь, ногу в госпитале отрезали. Думаю, что это наказание Божие за грехи мои. Молод был, глуп».

Обломки, битый кирпич Никольского храма в послевоенные годы использовали при заливке фундамента Кромской школы, которую построили в пятидесяти метрах от разрушенной церкви. Школа эта полностью сгорела в 1988 году. Через восемь лет перестроенная школа сгорела еще раз. Пожар уничтожил Никольский медпункт, в двух семьях живьем сгорели дети. Кто-то скажет: случайность. Кто-то подумает: кара Божья!

Р.С. До революции на территории Покровского района действовало 22 церкви: 19 из них стерты с лица земли, три полуразрушены и бездействуют. Но недавно, 18 октября 2005 года, наконец-то, после долгого перерыва открылся в поселке Покровское новый храм – Покрова Пресвятой Богородицы, зазвучали после 70-летнего молчания колокола. А единственный старинный колокол, чудом сохранившийся из всех колоколов 22 церквей района, хранится в настоящее время в музее поселка Покровское.

Тайна последнего короля (или зачем польский шляхтич на Орловщине поселился?)

11 января 1838 года в селе Корсунское Малоархангельского уезда хоронили местного помещика, подполковника в отставке, Акима Фёдоровича Квитницкого. Событие нерядовое для здешних мест: кавалер нескольких орденов, участник войны с Наполеоном, владелец имения в сельце Самарка, он скончался на 64-ом году жизни.

Из польской шляхты – в орловские помещики

Понятовский,
последний король Польши

Среди тех, кто пришёл проститься с покойным, оказался и человек, совсем для родственников и дворян-соседей незнакомый, да ещё и в генеральской форме. Всё объяснилось, когда по завершении траурной церемонии он попросил слова: «Господа, разрешите представиться, Ксенофонт Фёдорович Квитницкий, генерал-лейтенант, комендант города Вильно. Я младший брат Акима Фёдоровича».

На поминках, после третьей рюмки, генерал рассказал малоархангельским дворянам удивительную историю про двух братьев-поляков из знатного шляхетского рода, которые в конце 80-ых годов XVIII века поступили на русскую службу и за короткое время сделали себе карьеру.

Аким Квитницкий 25 лет прослужил в Изюмском легкоконном (переименованном потом в Гусарский) полку, в составе которого участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 годов, в русско-польской войне 1792 года и подавлении польского восстания 1794 года, в русско-пруско-французской войне 1806-1807 годов, в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе русской армии 1813-1814 годов.

За проявленные отличия награждён был орденами Св.Владимира 4 степени с бантом и Св.Анны 2 класса, орденом Св.Георгия 4 класса и за участие в кампании 1812 года серебряной медалью на голубой ленте. К 1815 году получил чин майора, а ушёл в отставку в 1822 году подполковником с мундиром и пенсией.

А вот младший брат Ксенофонт, поступивший в военную службу двумя годами позже, успел обойти Акима чинами, дойдя до генералов. По этой причине или какой другой, но отношения между братьями давно были испорчены. И вот теперь смерть одного примирила их.

Побывав на следующий день на могиле старшего брата и помолившись за упокой его души в Корсунской церкви (*подчеркну, что все Квитницкие приняли православие – А.П.*), генерал-лейтенант отбыл в Вильно.

Раз – генерал, два – генерал, три – генерал...

С тех пор прошло почти сорок лет, и о братьях Квитницких начали было забывать в селе Корсунском, как с конца 80-ых годов сюда, за короткое время, один за другим, состоялось ещё целых три генеральских визита. Местные помещики быстро выяснили, что гостями были родные племянники похороненного у Корсунского храма подполковника, сыновья виленского коменданта – Леонид, Виктор и Эраст Ксенофоновичи Квитницкие. Все трое – герои нескольких войн, награждённые многочисленными орденами, первые двое – генерал-лейтенанты, а последний – аж генерал от кавалерии. Каждый из них при посещении села Корсунского говорил, что хотел бы почтить память дядюшки, но вскоре среди бывших военных слух прошёл, что генералы в селе Корсунском и имении Самарке что-то искали. Искали – но не нашли.

А спустя некоторое время после визита последнего из генералов уже и орловская полиция пожаловала в Корсунское и Самарку. Оказалось, что покойный подполковник, будучи ещё корнетом, служил в Петербурге в охране последнего польского короля Станислава Августа Понятовского. Отрекшийся от престола в 1795 году, бывший король до самой смерти в феврале 1798 года жил в одном из дворцов на Каменном острове Санкт-Петербурга.

Когда при странных обстоятельствах Станислав Понятовский скончался, его торжественно похоронили в католическом костёле Святой Екатерины. Праху бывшего польского короля были отданы царские почести.

В середине XIX века при посещении родственниками короля его захоронения стало ясно, что некоторые реликвии оттуда пропали. Началось расследование, длившееся несколько десятилетий.

В числе подозреваемых оказался и покойный Аким Фёдорович Квитницкий. Ведь чем можно было объяснить, что уважаемый военный, кавалер, уйдя в отставку с мундиром и пенсией, поселяется в глуши Орловской губернии, покупая себе небольшое имение, и никуда потом не выезжает? Неужели только тем, что захотелось ему семейной жизни и хозяйства? Одиннадцать детей – это замечательно, но, опять-таки, – ещё один способ скрыть «старые грехи». Соседи-дворяне, приезжавшие к отставному подполковнику в гости, вспоминали, что в помещичьем доме были комнаты, в которых никто из них не бывал. Вывод-то напрашивался: Аким Квитницкому было, *что скрывать*.

И ещё одно обстоятельство при расследовании вызвало подозрение. Польская фамилия КвИтницкие писалась по-русски через «И», и в послужном списке подполковника он везде значился именно так, но при рождении всех своих детей, крестившихся в Корсунской церкви, Аким Фёдорович записал их как КвЕтницких. Зачем?

Однако все косвенные подозрения в отношении умершего малоархангельского помещика ничем подтвердить не удалось, да и в самом доме его наследников каких-либо реликвий польского короля найдено не было – ни племянниками-генералами, ни орловской полицией.

Подполковник Квитницкий – тайный слуга короля?

Что к настоящему времени известно точно о прахе последнего польского короля? 30 июля 1938 года его останки были вывезены в Польшу в небольшой поселок Волчин на реке Пулве в 35 км от Бреста, где ранее находилось родовое поместье Станислава Августа Понятовского. После начала Второй мировой войны и вступления советских войск в Польшу прах короля в Волчинском католическом храме, который находился на части польских земель, присоединенных к Белорусской ССР, вновь оказался на советской территории.

В октябре 1988 г. польское правительство обратилось к М.С. Горбачеву с просьбой дать возможность перезахоронить прах Станислава-Августа в Варшаве. Эта возможность была предоставлена, и то небольшое, что сохранилось (*фрагменты одежд с королевскими польскими гербами, и обуви царствующей особы, а также части коронационного плаща, в котором Понятовский восходил на польский престол*) было возвращено польской стороне в декабре 1988 года.

А в 1989 году белорусскими учёными была предпринята попытка разыскать во внутренних развалинах костёла в Волчине доказательства присутствия здесь королевских останков. Найденные части дубового гроба поместили в саркофаг, который в 1995 году установили в Варшаве, в костёле Святого Яна, где Станислав Понятовский был коронован. Было найдено также множество костей, но после оказалось, что это кости животных. Последующая экспедиция из Польши буквально просеяла всю землю в месте захоронения, но результат оказался отрицательным - человеческие останки не были обнаружены. О том, куда подевались забальзамированное тело Станислава-Августа, бронзовая корона с позолотой, два серебряных сосуда с сердцем и внутренностями короля (*таковым, по описаниям современников, было содержимое гроба*), можно строить только догадки.

Кто знает, может быть, какие-то из этих реликвий до сих пор спрятаны где-то в подземельях уничтоженного имени Акима Фёдоровича Квитницкого в исчезнувшей ныне орловской деревне Самарке?

Плодотворный колодец

В конце февраля 1899 года по многочисленным крестьянским хатёнкам деревни Липовица, живописно примостившимся на крутом левом берегу одноимённой речки, прошёл слух: «Умер старый барин. Болел последнее время и уже не оклемался. Да и пора ему на свидание с Богом, зажился и так, 90, кажись, недавно было».

Смерть старого барина

Разное в деревне говорили о Фёдоре Мухортове. Одни считали его обычным помещиком, который всю жизнь своему хозяйству посвятил, другие уверенно заявляли, что он с головой не дружит: «Питомник какой-то завёл и деревья диковинные разводит». Но в целом крестьяне относились к нему без злобы и ожесточения, потому что во времена крепостные Фёдор Акимович не притеснял их, давал возможность заработать себе на пропитание.

Так получилось, что сыновья и дочери от старика разъехались по разным городам и весям Российской империи, жена умерла за несколько лет до этого, и он вдовствовал один. Помогали старому помещику несколько оставшихся ему верными до конца дворовых людей (он их в своё время землёй наделил). От них-то в Липовице и узнали о смерти Фёдора Мухортова.

А вскоре увидели крестьяне, как в усадьбу помещичью народ нездешний стал съезжаться, всё больше по обличью на городских жителей похожий. Снова слух по деревне прошёл: «Дети барина на его похороны приехали». Правда, удивлялись деревенские, что больно много их оказалось.

Февраль в том году в Малоархангельском уезде суровым выдался, дороги занесло, а до кладбища в селе Покровское – пять вёрст. Но многочисленные родственники быстро сумели и крестьян привлечь к расчистке этих дорог, и с батюшкой договориться, так что проводили Фёдора Акимовича Мухортова в последний путь как надо. А потом собрались сыновья и дочери в старом усадебном доме, выстроенном ещё их дедом, Акимом Фёдоровичем: надо было помянуть отца и договориться о судьбе имения.

Дети

Удивительно, но приехали в Липовицу все: братья Александр, Владимир, Дмитрий, Фёдор, Виктор, Евгений и сёстры Ольга, Юлия, Мария, Наталья. Некоторые привезли и своих детей, внуков Фёдора Акимовича. Так что общее число собравшихся близких родственников к трём десяткам приближалось.

Были тут те, кто в губернском Орле проживал, но большинство из Москвы и Петербурга сумело добраться, а Фёдор с Марией (и с взрослыми внуками) так даже из Киева успели на прощание с отцом.

Когда все чуть успокоились, слёзы первые вытерли и выпили, по русскому обычаю, «за помин души» любимого отца, начался достаточно сумбурный вначале разговор: «Как вы, а вы?» Многие не виделись несколько лет, а внуки, так и подавно друг друга не знали, так что дедова смерть помогла наладить связь молодых поколений Мухортовых.

Когда, через пару часов, начал было утихать разговор, младшая из сестёр, Мария, сказала вдруг: «Как же замечательно, что нас много, и мы все сейчас отца вспоминаем, как и матушку нашу пять лет назад».

«А знаете, теперь, я думаю, можно поведать одну невероятную историю, которую мне по секрету маменька незадолго до смерти рассказала», - откликнулась на эти слова старшая сестра, Ольга.

«В общем, хотите - верьте, хотите – нет, но матушка наша, Наталья Дмитриевна, уверяла меня, что всё так и было», - продолжила свою речь Ольга Фёдоровна.

Чудесный колодец

Участник польской кампании, штаб-ротмистр Фёдор Мухортов женился на красавице Наталье по большой любви. И первый год ничто её, эту любовь, не омрачало. Но прошло два года – никто у молодых не родился. И третий год минул, а детей всё не было: никак не могла Наталья забеременеть. К врачам, в Москву, ездили Мухортовы. После обследования сказали им – «Всё нормально у вас по мужской и женской части, а детей нет, так это с нервами связано».

Несколько раз Наталья Дмитриевна в Киев, в Лавру, к святым отцам, молиться о зачатии ездила. Не помогло и это. Пять лет прошло. Совсем отчаялись Мухортовы, но друг друга упрекнуть ни разу не посмели.

Однажды, когда в очередной раз, дома, в красном углу, стояла Наталья на коленях перед иконами, и, не выдержав, в голос, просила Богородицу помочь ей, зашла по делам на кухню дворовая девка Мухортовых, Фёкла. Мешать помещице она не стала, но подошла, когда заплаканная Наталья Дмитриевна закончила молиться: «Барыня, если хочешь дитё иметь, сходи в наш колодец, набери в нем воды, поставь кувшин рядом с иконой в доме, а потом каждый день, утром и вечером, помолясь, пей эту воду. Я сама, когда два года не могла забрюхатеть, так делала. Мне матушка моя о воде из этого колодца говорила, помогает он с детьми».

Когда недоверчивая, но надеявшаяся на чудо, хозяйка поместья уточнила, где же находится этот колодец, оказалось – прямо под их имением, в низине, в двух десятках метров от речки Липовица.

Не стала Наталья Дмитриевна мужу об этом говорить, боясь, что засмеёт, но совет Фёклы выполнила и стала воду колодезную каждый день, сопровождая молитвами, пить понемногу. Через два месяца почувствовала помещица изменения в организме, сообщила Фёдору Акимовичу. Съездили они в Орёл, к врачу. Диагноз был однозначен: «Беременна Наталья Мухортова!»

А когда 9 июня 1845 года у молодых родился первый ребёнок, да ещё сын, радости Мухортовых не было предела. С того времени Наталья Дмитриевна, продолжавшая пить чудесную воду, стала мужу дарить детей почти каждый год: в 1846 году – дочь Ольгу, в 1847-ом – сына Владимира, в 1848-ом – сына Дмитрия, в 1850-ом – дочь Юлию. За 16 лет после появления сына Александра родилось у Мухортовых 10 детей, крепеньких, здоровых, умных. Не раз потом Наталья Дмитриевна девку Фёклу разными подарками благодарила, но мужу так тайны «колодезной» и не выдала.

И лишь незадолго перед смертью рассказала о чудесном зачатии дочери Ольге: «Помнишь, у вас с мужем три года детей не было, а я

попросила тебя молиться у иконы Богородицы и воду пить из кувшина? А через год ты сына родила? Так вот, эта была та самая вода, что и я когда-то пила. Так что, если у ваших невесток или дочерей будут проблемы с беременностью – пусть приезжают на наш колодец: точно поможет – проверено».

После поминок разъехались Мухортовы по столицам и своим новым домам, а прощаясь в Орле, объявление в губернскую газету дали: «Штабс-ротмистр Фёдор Акимович Мухортов после тяжёлой болезни скончался 25 февраля в 12 часов дня в имении «Липовицы» Малоархангельского уезда, о чём сыновья и дочери с глубокой скорбью извещают родных и близких» (было тогда ему 87 лет – А.П.).

Судьба мухортовского имения и Мухортовых

В настоящее время деревня Липовица, в которой происходили описанные события, называется по имени помещика – «Мухортово» (ныне – территория Покровского района). Ещё в 30-ые годы XX века в ней проживало более 400 человек, а сейчас здесь насчитывается лишь три десятка пенсионеров. Давным-давно нет Мухортовской усадьбы, которая после смерти Фёдора Акимовича была продана другим владельцам, а после революции уничтожена.

Но до сих пор хозяйка земельного участка, расположенного на этом месте, каждую весну и осень, при посадке и копке картошки, вынимает из земли остатки битых кирпичей от разрушенных помещичьих зданий.

Чудом сохранилось одно из подсобных помещений усадьбы, которое использовалось колхозом в советские годы, а потом было отдано под жильё одному из колхозников – Василию Кочеткову.

«Барский» колодец, с установкой на нём насоса, долгие годы использовался как водонапорная башня – для подачи воды на колхозную ферму и на водопровод в деревне. Как ни удивительно, насос на этом колодце работает и до сих пор, обеспечивая водой несколько стоящих наверху домиков. Но подходы к самому колодцу заросли таким бурьяном, что я, исследуя живописные окрестности деревни Мухортово, не смог к нему подобраться.

Не сохранилось на Покровском кладбище и могилы помещика Фёдора Мухортова. Что касается его детей и внуков, приехавших суровой зимой 1899 года на похороны, точно известно, что Фёдор Фёдорович и Мария Фёдоровна скончались в Киеве. Там же, уже в 1981 году, умерла одна из внучек, Ольга Фёдоровна Алёшина (Мухортова), жена известного киевского архитектора Павла Алёшина. Следы другого внука, полковника Белой Гвардии, Сергея Фёдоровича Мухортова, после эвакуации из Крыма, затерялись за границей. О других Мухортовых сведений пока отыскать не удалось.

На Покровской земле такой фамилии сейчас нет. Но существует до сих пор деревня Мухортово и Мухортовский колодец – с той самой водой, которая, по преданию, помогала при зачатии.

Призрак помещика Якушкина

Подвал

Вначале – о том, что было. А были: просторный помещичий дом, конный, винокуренный и кирпичный заводы, мельница, маслобойня, конопляники и рыбная ловля в запруженном рядом пруде, конюшня, скотный двор, овин, подвалы. Поблизости от помещичьих построек располагались 24 дома, в которых проживало более 300 крестьян. Я перечислил основные объекты селца Сабурово Малоархангельского уезда времён владения этим населённым пунктом и землями вокруг него помещиками Якушкиными.

Подвал помещика Якушкина

Что теперь? Дорога, которая когда-то проходила по центру деревни, заросла терновником до такой степени, что стала не видна, как ни всматривайся в попытке обнаружить её следы. Нет в деревне ни одного дома, ни одной хозяйственной постройки. Даже остатки рукотворных сооружений, если они и сохранялись какое-то время после ухода отсюда людей, утонули в зелёных джунглях.

Из всех построек выдержал испытание на прочность только сделанный из камня-известняка просторный подвал. Но вход в него, заросший полуметровой крапивой, обнаружить может только тот, кто хотя бы приблизительно знает место его нахождения. Лет двадцать тому назад подвал был ещё свеж и бодр, и местный колхоз хранил в нём, 150-летнем, картошку.

Потом картошки в колхозе не стало, а одному из жителей соседней деревни потребовался камень-известняк для хозяйственных нужд. Он собирался разобрать весь старинный якушкинский подвал, но сумел выдрать только камни от входа.

Но подвал с тех пор захирел, словно ему повредили голову, и вскоре обвалился один из двух его казавшихся несокрушимыми сводов. С обвалившейся стороны в хранилище стала заглядывать зелень.

Много раз, посещая умершее Сабурово, как родину писателя Павла Якушкина, я обязательно приходил к этому подвалу. А этим летом, увидев последние изменения, расстроился: ну зачем надо было известняк брать отсюда, ведь в окрестностях немало брошенных и полуразрушенных каменных домов?

«Да,- подумал я тогда, - куда больше, наверное, повезло другому подвалу, который так и не нашли за десятилетия поисков те же местные жители, особенно любители выпить».

Первое появление призрака

Эту легенду слышал я несколько раз и в нескольких вариантах, но попробую свести их вместе, отбросив самые красочные и совсем уж неправдоподобные моменты и сохранив разумную реалистичность рассказов бывших жителей деревни Сабурово, обитающих ныне в соседней деревне Тетерье.

Итак, впервые призрак Ивана Якушкина увидела его вдова Прасковья Фалалеевна на годовщину его поминок, при посещении кладбища. Как живой, привиделся он ей, спрашивая: «Сохраняешь ли ты верность мне, Прасковьюшка?» «Сохраняю, батюшка», - отвечала вдова. С тех пор по несколько раз в год приходил он к Прасковье Фалалеевне, то домой по вечерам, то к любимому их общему месту у пруда под старой ивой, где часто сживала помещица, печалась о муже.

Замуж во второй раз Якушкина больше не вышла, хоть и не раз предлагали это красивой молодой вдове, несмотря на наличие у неё семерых детей. А когда умирала она, то кто-то из соседей-помещиц увидел, как склонился в кладбищенских сумерках над гробом покойной странный и почти бестелесный облик, сказав громко: «Вот и дождался я тебя, Прасковьюшка!» И пусть больше никто, кроме нервической Одинцовой, не увидел и не услышал у гроба ничего, но слух о призраке Ивана Якушкина пошёл гулять вскоре по Сабурово, Тетерью и по другим окрестным деревням.

Однако потом лет на пятьдесят о старом помещике-ревнивце забыли. Пока однажды не случилось другая история.

Призрак-сторож

Шли 20-ые годы века XX-ого, нэпманство было в самом разгаре, и один сабуровец по фамилии Синицын решил на открытие торгового заведения в деревне. Только-только был отменён «сухой закон», и деревня

познавала забытый многими за несколько военных лет вкус спиртных напитков. Самогон тогда не вошёл ещё в моду, и зачастили сабуровские мужики, у кого водились деньжата, в новоявленную «монополю».

Ходил туда вместе с другими и Пётр Никулин, однако через некоторое время он как будто забыл дорогу в лавку. Но, тем не менее, бывшие друзья-товарищи почти каждый день (особенно к вечеру) видели его крепко подвыпившим.

Заинтересовались мужики источником, из которого черпал Пётр хмельной напиток, пытались вызнать секрет и у трезвого Никулина, и у пьяного – бесполезно: он только хитро улыбался. Полгода прошло, зима наступила. Собрались снова однажды под вечер выпивохи у дверей лавки, как вдруг заметили почти бегом бегущего мимо них Никулина. Остановили они его окликом, к себе подозвали. Сосед, Егор Толмачёв, спросил: «Куды бежишь, Петька? И чой-то бледный, как смерть, а?»

И рассказал Пётр Никулин мужикам удивительную историю. Этой весной пропала у него любимая овца, долго искал её, уже отчаялся, как вдруг в зарослях в дальнем конце бывшей помещичьей усадьбы услышал он еле слышное блеянье. Стал пробираться через крапивный лес и обнаружил в самом его центре нору в земле, из которой и слышался овечий плач. В общем, оказался это подвал, совершенно скрытый в земле, а вход в него нашёл Пётр в проходившем рядом овраге. Когда попал Никулин в подвал, сходяв домой за спичками и факелом, то понял он, как крепко ему повезло, хотя любимая овечка и ногу при падении сломала. В подвале – большом, с высокими сводами, битком стояли большие и малые дубовые бочки, наполненные вином самых разных сортов. В этом Пётр убедился, уже когда стал эти бочки открывать и пробовать ароматные напитки.

Вот тогда и забыл Никулин дорогу в лавку, предпочитая свой тайный и бесплатный магазин. Пил обычно здесь же, редко принося из дома какую-либо закуску. Почувствовав, что его скоро будет «развозить», сразу же выбирался наружу и отправлялся домой.

Жене, возвращаясь, говорил, что угощают его друзья, а поскольку друзей у него было полдеревни, супруге приходилось верить.

Вот и сегодня зашёл Пётр, как обычно, в подвал, выпил с наслаждением из любимой бочки кружку вина и только-только собрался наливать другую, как вдруг услышал: «Ты, мужик, совсем обнаглел, решил всё моё вино, видно, выпить?»

От неожиданности Никулин кружку на пол выронил, и она упала с громким стуком. Обернулся выпивоха на голос и увидел в светлом дверном проёме очертания фигуры, как-то странно одетой. Лица было не разглядеть.

«Что уставился?» – грубо продолжил голос. – Не понял, что ли, повторяю, прекрати ходить в подвал и пить моё вино. А дверь закрой так, как было, и никому ни слова».

«А ты кто, сторож, что ли?» Никулин, вообще-то, не из робких был мужиков, но тут сдрейфил здорово. «Ты, холоп, кажется, совсем спятил.

Хозяин я здешний, подвал мой, вино моё, да и наверху всё – моё. Быстро вон отсюда, понял?» И Хозяин чем-то замахнулся.

Как Никулин очутился на улице, как закрыл дверь подвала, как добежал до середины деревни, он плохо помнил. Вот тут-то и остановили его бывшие друзья-товарищи.

«Да, Петька, здоров ты врать. А ну дыхни»,- скомандовал Егор Толмачёв. Никулин дыхнул, и пахло на мужиков таким ароматом винным, которого они и не нюхивали.

«Мужики, а может, и не брешет он, - задумчиво сказал Фёдор Синецын, - мне бабка рассказывала о барине Якушкине, тень которого его вдове являлась много лет назад. Ожил он, наверное, вот и явился Петьке, вина пожалел, жадный он был всегда».

Но большинство любителей выпить на рассказ о призраке отреагировали скептически, убедив напуганного Никулина наутро показать дорогу к вожделенному подвалу.

Однако уже к полуночи пошёл снег, изменивший все ориентиры, да к тому же, когда мужики утром зашли за Никулиным, он не смог встать с печи: ноги не слушались.

Так сабуровцы и не опохмелились. Когда же к весне здоровье к Никулину вернулось, он категорически отказался показывать тайный подвал. Да и пить Пётр, к удивлению многих (особенно жены), начисто бросил.

Некоторые из деревенских года два после этого происшествия сами пытались отыскать винные сокровища. Но когда зимой один из особо настойчивых, Ефим Пустырников, замёрз в 50 метрах от собственного дома, с кружкой в закаменевшей руке, так и не найдя винного погреба, сабуровские мужики отказались от мечты о бесплатном утолении жажды.

Продолжение или конец легенды?

В последний раз о барине Якушкине нам рассказал местный пчеловод Самохин, когда я с ребятами, совершая очередной пеший туристический поход, остановился с ними на ночёвку как раз на месте помещицкой усадьбы.

«Знаете,- шёпотом (разговор шёл вечером) произнёс дед, - а ведь я нашёл якушкинский винный погреб. Дверь – дубовая, крепкая, но без замка, один засов. Зашёл, было, я туда, бочки успел разглядеть и вдруг – тень какая-то, и голос: «И ты, дед, вина захотел? Не твоё оно, иди подбру-поздорову!» Теперь я к этому месту – ни ногой».

Наслушавшись рассказов про призрак Якушкина, мои семиклассники спали плохо. А уже задремавший под утро, вскоре я проснулся от крика Саши Михайлова: «К нам в палатку призрак лезет!»

Когда я вылез из спального мешка и взглянул на этого призрака, то засмеялся от облегчения и неожиданности: большой ёжик пытался нанизать на иголки упавшее рядом с палаткой яблоко и волей-неволей толкал ребячью палатку. Увидев меня, ёж свернулся в клубок с уже нанизанной добычей.

Так и не удалось нам тогда познакомиться с тенью отца Павла Якушкина, хотя вспоминали об этой ночёвке мы потом очень долго.

Жители из соседней деревни Тетерье, приходившие частенько в уже умершее Сабурово за малиной и грибами, но всё ещё побаивавшиеся встречи с тенью местного «отца Гамлета», были убеждены, что призрак надо успокоить, нейтрализовать. А чем – конечно же, крестом. И пару лет назад такой Крест был установлен. Большой, дубовый, установленный точно напротив Синицыного колодца, из которого писатель Павел Якушкин любил брать воду с собой в дальнюю дорогу, Крест возвышается над всем бывшим селцом Сабурово, – как памятник старинному православному населённому пункту и его знаменитому хозяину. Наверное, теперь, 200 лет спустя после своей смерти, Иван Андреевич Якушкин успокоился навсегда.

Р.С. А о винных подвалах в его усадьбе по-прежнему помнят жители соседних деревень, описывая их каждый раз новыми красками.

Расстрелянный Гитлер (рождественская история)

Пули в старом доме

Во второй половине августа 1975 года молодому учителю рисования Дросковской средней школы (Покровский район – А.П.) Юрию Ивановичу Новикову, у которого оставалось всего несколько дней до конца отпуска, позвонила из деревни мать, Александра Петровна: «Юра, зима скоро, а печка у меня дымит. Не отремонтируешь?» Юрий Иванович не стал говорить матери о своих недоделанных делах (их оставалось ещё воз и маленькая тележка) и в тот же день приехал в Чибисовку. Не мог Юра отказать матери, которая после ранней смерти мужа-фронтовика, не дожившего и до пятидесяти, одна поднимала на ноги шестерых детей, сумев их всех вывести в люди.

Бывшая учительница начальных классов, когда все сыновья и дочери, женившись и выйдя замуж, покинули родное гнездо, осталась одна в старом доме, построенном задолго до войны. Уезжать к кому-либо из детей Александра Петровна не захотела, предпочитая ни от кого не зависеть. Небольшое хозяйство она вела сама, но вот печку...

Сын же Юра, закончивший худграф Орловского пединститута, родился в отца, Ивана Ивановича Новикова, которого в деревне, несмотря на три класса образования, прозвали «Инженером» за умение разобраться в любой машине, имевшейся в послевоенные годы в Чибисовке. Молодой учитель рисования мог не только что-то нарисовать или начертить, но и по плотницкой, столярной или каменной части всё у него в руках спорилось и горело. Так что мать, Александра Петровна, в случае необходимости, ни к кому из соседей по таким вопросам не обращалась.

Приехав в деревню, Юрий Иванович быстро наладил печку (проверил сразу, затопив, и она душевно загудела – без всякого дыма, который раньше заполнял хату). Александра Петровна даже прослезилась: «Надо же, Юрок, молодец! Умеешь!» Ободрённый похвалой и радостью матери, решил Юрий Иванович, заодно уж, разошедшиеся полы перестелить и стены, кое-где осыпавшиеся, подштукатурить.

С полами тоже справился без проблем, а потом настала очередь стен. И тут, сбивая старую штукатурку, увидел вдруг Юрий во втором от потолка обнажившемся бревне сразу три небольших отверстия, а присмотревшись к ним внимательнее, обнаружил в них застрявшие пули. Удивился он и мать позвал.

И рассказала тогда Александра Петровна сыну удивительную историю, которая случилась в покровской деревне Чибисовка во время фашистской оккупации.

1942 год. Ночь перед рождеством

Немцы к тому времени уже год как в деревне хозяйничали, но по отношению к мирному населению вели себя достаточно сдержанно. Возможно, потому, что Чибисовка находилась в глубоком фашистском тылу, зверств и расстрелов здесь не было. Однако взрослое население немецкий комендант каждый день обязательно выгонял на расчистку дорог от снега. Ну и, как неизбежное зло, всех чибисовцев, у которых дома были чуть получше, гитлеровцы заставили переселиться к соседям или в собственные подвалы.

В доме Новиковых (единственном во всей деревне) имелся деревянный пол, и по этой причине немцы разместили в нём свой штаб, выселив из жилища его хозяев. Глава семейства, Иван Иванович, был мобилизован на фронт в самом начале войны, а трое оставшихся членов семьи, бабушка, Александра Петровна и её годовалая дочь, были вынуждены днём ютиться в небольшой саманной пристройке, а на ночь уходили к соседям.

Вот так и тянулись дни немецкой оккупации. Дошли к концу 1942 года до чибисовцев слухи, что Красная Армия здорово прижала немцев под Сталинградом, и обстановка на фронте поменялась в нашу пользу. Но гитлеровцы в Чибисовке пока никуда не собирались уходить, а наоборот, увидели однажды деревенские жители, что к штабу их прибыл целый санный транспорт. И фрицы стали оживлённо выгружать из саней какие-то коробки и ящики с бутылками, а в отдельных, похожих на банки, посудицах заметили чибисовцы украшенные игрушками новогодние ёлочки. Поняли селяне, что к празднику всё это привезено, тем более, что один из деревенских дедов, побывавший в плену у немцев ещё в Первую мировую, разъяснил землякам, что германцы рождество отмечают до Нового года.

Начиналась метель, когда гитлеровцы все коробки и ящики в штаб перетаскали. Тут же начали подтягиваться к штабному зданию гансы, квартировавшие по соседним домам. А чибисовцы немедленно попрятались по подвалам, опасаясь, что если напьются оккупанты, то кому-то из них может не поздоровиться. Так и сидели в темноте, пока гитлеровцы выпивали и закусывали, отмечая их любимый праздник.

Ближе к полуночи начавших дремать чибисовцев разбудила пальба, начавшаяся вдруг в штабе, и даже крики долетели до ближайших подвалов. Но никто из местных жителей, даже самых любопытных, не рискнул высунуться наверх.

На следующее утро, как только рассвело, Александра Петровна Новикова пришла в свою пристройку, печку разжечь хотела, чтоб горяченького приготовить для дочери. Глядит, а тут денщик немецкий,

помощник коменданта, уже с дровами ковыряется. Рядом же, на полу, валяются разбитая рамка от портрета Гитлера и сам портрет, с тремя дырками в нём (одна – точно посреди лба).

Денщик среагировал сразу: «Матка, тсс!», прижал указательный палец к губам, быстро собрал с пола своё барахло и вышел на улицу. Тут и поняла Александра Петровна, в кого стреляли гитлеровцы прошлой ночью. Видно, подвыпив и расслабившись, вылили своё зло немецкие офицеры на портрете фюрера, по милости которого оказались они в какой-то русской Чибисовке.

А через два месяца наши войска освободили деревню, которой повезло и ещё раз. Многие покровские деревни при отступлении фашисты сожгли – а вот Чибисовку не успели. И жители с радостью вернулись в свои, хотя и пропитавшиеся чужим духом дома.

В этом доме был расстрелян портрет Гитлера

Александра Петровна Новикова, войдя после долгого перерыва в горницу, прежде всего, сорвала оставленный сбежавшими немцами портрет Гитлера. Глядь – а под ним, в бревне, три дырки с пулями, одна из которых ещё и большую щепку от сосны отколола. Отверстия эти хозяйка сразу же аккуратно замазала, а портрет фюрера, вытащив его из рамки (она ещё долго служила для своих фото), сожгла в печи.

Осенью же 1943 года, когда Александра Петровна навоз из-под сарая на огород начала таскать, обнаружился и первый портрет Гитлера, тот самый, расстрелянный. Денщик-то, оказывается, тогда его в навоз запихнул. Самое место там оказалось для вождя немецкой нации.

Такая вот история случилась во время Великой Отечественной войны в покровской деревне Чибисовка. И, получается, что Гитлера (хоть и на портрете), в первый раз расстреляли в рождественскую ночь 1942 года на Орловщине сами гитлеровские офицеры.

Глава вторая

Лица орловских дворян

Мацневы:

**герои и созидатели, транжиры и Плюшкины, злодеи и судьи
(300-летняя история одного помещичьего семейства)**

Помнишь, читатель, сказку про кота в сапогах? Про то, как этот мошенник дурил короля, провозя его по дорогам королевства и показывая владения маркиза Карабаса? На чьи б поля и деревни ни бросал король свой взор, оказывалось, что всё это – маркиза Карабаса.

Я думаю, читатель, и тебе не раз вспомнилась бы эта сказка, когда б ты знал о том, о чём я только-только собираюсь тебе рассказать.

Итак, представь себе, что ты – путешественник первой половины XIX века и добираешься (на лошадях, естественно) из Орла в Ливны. Так вот, как только минувешь ты Змиёвку и, переправившись по хлипкому мосту через речку Неручь, начнёшь оглядывать окрестности и спрашивать своего провожатого, что это за селения по сторонам от дороги тянутся и кому они принадлежат, то на протяжении 30 вёрст будешь слышать один и тот же ответ: деревня Каменка – помещика Мацнева, село Успенское – помещиков Мацневых, деревни Николаевка, Бехтеевка, Афанасьевка, Каланча, Коровий Верх, Медвежка, Грязное, Козловка, селцо Моховое – снова их же, село Столбецкое, деревня Вышне-Столбецкая, селцо Толстое, селцо Карповец, селцо Васильевское, село Троицкое, село Покровское, что на речке Липовице – опять Мацневых. Четыре церкви встретятся тебе по дороге – Владимирская в селе Столбецком, Успенская, Троицкая и Покровская – в одноимённых сёлах – и к строительству всех имели отношение помещики Мацневы.

Такой вот была многочисленная и разветвлённая помещичья фамилия, огромным гнездом расположившаяся в этой части Малоархангельского (а чуть ранее – Мценского) уезда Орловской губернии (ныне – часть территории Покровского района).

И это - не считая других Мацневых, живших и хозяйничавших во Мценском, Орловском уездах и самом Орле. Одиннадцать отдельных семейств их значились в «Алфавитном указателе, утверждённом Правительствующим Сенатом дворянских родов, внесённых в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии». Но... нельзя объять необъятное в рамках отдельного рассказа (для того, чтобы описать всех Мацневых, потребуется целая повесть, а то и роман), поэтому речь я поведу только о столбецком семействе. Почему именно о нём? Ты поймёшь это, читатель, чуть позже, когда приблизишься к окончанию повествования.

Начало истории рода.

Софрон Мацнев – участник Чигиринских и Крымских походов

21 сентября 1836 года Орловское Дворянское депутатское собрание рассматривало заявление генерал-майора Михаила Мацнева о выдаче ему вместо копий из журналов Дворянского собрания копий из протоколов того же собрания о причислении ко дворянству его сыновей Ивана и Михаила и дочери Марии. Для доказательства обоснованности своей просьбы генерал представил несколько документов, два из которых подтверждали его древнее дворянское происхождение.

Согласно справке Вотчинного департамента, прапрапрашуром Михаила Мацнева был Назар Софронович Мацнев, которому ещё в 1617 году царь Михаил Фёдорович пожаловал поместье в Мценском уезде и поместный оклад в 300 четвертей. Внук Назара, Софрон Прохорович, в Боярской книге 1676 года значился в дворянах с поместным окладом уже в 920 четвертей и 58 рублей деньгами. Софрон Прохорович Мацнев несколько раз отличился в боях и походах русско-польской войны 1676-1681 годов.

Кульминационным моментом той войны стали Чигиринские походы, когда турецкие войска предприняли две осады города Чигирина, важнейшего политического и военно-стратегического центра Южной Украины. И в первом из этих походов, и во втором принимал участие Софрон Мацнев, получивший ранение в одной из многочисленных схваток летом 1678 года. В награду «за полонное терпение и за Чигиринскую рану» в 1680 году он был назначен воеводой в Белополье (сейчас это – районный центр Сумской области Украины).

В 1683 году Софрон Прохорович принял участие в Троицком походе (так со времён Дмитрия Донского назывались торжественные многодневные выезды великих князей, а потом и царей на богомолье в Троице-Сергиеву лавру). Впереди царского выезда посылался вооружённый отряд с пушкой – для охраны от «лихих людей». В состав такого отряда как раз и входил Софрон Мацнев. Ко всему прочему, поход 1683 года получился особым – надо было позаботиться о малолетних правителях Петре и Иване, уезжавших из Москвы от творившихся в городе «смут».

Когда же в 1687 и 1689 годах фаворит царевны Софьи, князь Василий Голицын, с многочисленным войском дважды пытался разгромить в Крыму регулярно вторгавшихся на русские земли татар, то оба раза в составе войска находился храбрый воин Мацнев. Довелось Софрону понюхать запах сожжённой крымцами степной травы и победствовать без хлеба в первом крымском походе, столкнуться в схватке с татарами и дойти до Перекопских укреплений во время второго похода, а потом, без всякой славы, вернуться обратно. Неумелым полководцем оказался князь Голицын. Но царевна Софья щедро наградила любимца по возвращении в Москву, да и участников путешествия в Крым и обратно не обидела: за Крымские походы получил Софрон Мацнев прибавку к своему поместному окладу – деньгами, 51 рубль 50 копеек, почти столько же, сколько до этого получал.

А всего, за все заслуги по совокупности, Софрон Прохорович придач царских (добавок к основному поместному окладу) заработал 80 четвертей и 85 рублей. С него, Софрона, и стало прирастать мацневское поместье, находившееся в деревне Столбцкой Мценского уезда и насчитывавшее первое время только девять крестьянских дворов.

Спиридон Мацнев – орловский Плюшкин

Внук Софрона, Спиридон Тимофеевич Мацнев (мне удалось выяснить, что родился он в 1703 году) служил уже по гражданской части: секретарём провинциальной канцелярии в Орле. Именно он первым выяснил древнее своё происхождение, делая запрос в Кантору герольдмейстерских дел, где хранился Указ Правительствующего Сената по Мацневым. Именно он, уйдя со службы и поселившись в своём имении в Столбцком, начал разными способами увеличивать помещичий достаток.

Делал он это так, что вызывал удивление у своих соседей-помещиков.

Вот что о нем написал А.К.Юрасовский в книге «Былые чудачки Орловской губернии», вышедшей в 1909 году: *«Он служил секретарем в Орловской провинциальной канцелярии, затем вышел в отставку и принялся хозяйничать; и за несколько лет нажил и заработал так, что имел более шести тысяч душ и лесную дачу в восемнадцать тысяч десятин. Хозяйство его было почти беспримерное: ему были ведомы все нужды его крестьян, ни один из его крепостных ни за чем не должен был ездить в город, всё нужное для себя он находил в экономии своего барина, и всё от него покупал. Но у Мацнева, по пословице «Лёг и встал», надзор за всем был самый рачительный. Помещики называли его «хлебную маткою».*

Сам он, при всем богатстве, по внешности не отличался ничем от своего мужика. Ходил в лаптях и простом мужицком наряде, ел на деревянных тарелках и деревянными ложками, и больше от скупости, морил себя голодом. Самый парадный его выезд в поле был в холстинном халате, облитом масляною краскою, часто без седла, на одном потнике. Нравственности он был невысокой, со всеми ссорился и притеснял соседей. Все его богатство не пошло впрок! Был у него один сын, но и тот при нем умер...»

Конечно, и почти наверняка, что-то тут пером «орловского старожила» (так подписал своё сочинение при выходе из печати А.К. Юрасовский) приукрашено, но большая часть сказанного – правда, видная из точно названных деталей семейной истории Мацневых.

Сын «хлебной матки», этого накопителя и прообраза гоголевского Плюшкина, Михаил Спиридонович, делал карьеру по военной части, до звания секунд-майора дослужился. Но вышло так, что умер он даже раньше отца. После смерти Спиридона Тимофеевича и Михаила Спиридоновича Мацневых, согласно раздельной записи, писанной в Орловской провинциальной канцелярии 19 ноября 1778 года, недвижимое имение

покойных, наследовали «родной внук первого – Николай Михайлович, и родительница последнего, вдова, майорша, Наталья Михайловна, Мацневы».

Помещица Наталья Мацнева, « в своём роду не последняя...»

Что досталось вдове по раздельной записи, я недавно выяснил, работая с фондом №6 Государственного Архива Орловской области (документы Орловской палаты гражданского суда), где мне удалось обнаружить «Дело по прошению помещицы Мацневой Н.М.», в котором она сама перечислила принадлежащее ей имущество: «...Состоит за мною недвижимое имение с людьми и со крестьяны, которые по нынешней пятой ревизии, написаны за мною Орловского наместничества Мценской округи, в селе Большом Столбцеком – 257 душ, в селце Толстом – 139, в деревнях Вышней Столбечкой – 180 и Козловке – 41, всего 617 душ...»

(Тут я сделаю два примечания.

Первое: в конце XVIII века эта самая Мценская округа была обширной территориальной единицей, включавшей в себя населенные пункты, которые входят ныне в состав разных районов Орловской области. Названные помещицей Мацневой село Большое Столбечкое – или просто Столбечкое, селцо Толстое, деревня Вышне-Столбечкая и деревня Козловка – это селения современного Покровского района, находящиеся неподалеку друг от друга, а первые три – так вообще входят в Столбечское сельское поселение.

Второе, любопытное и самое удивительное – Наталья, Михайлова дочь, Мацнева, с этим своим «недвижимым имением» оказалась соседкой Лутовиновых, которым принадлежала половина деревни Столбечкой и которая в 1855 году, при разделе имений В.П. Лутовиновой между Николаем и Иваном Тургеневыми, отошла к Николаю Сергеевичу – А.П.)

В том же деле № 2167 из фонда 6 ГАОО имеется купчая от 9 апреля 1796 года, по которой Н.М. Мацнева продала пяти разным помещикам 18 душ своих крепостных за общую сумму в 140 рублей.

А еще через пять лет вдова-майорша осуществила ту самую продажу, благодаря которой ее имя впервые попало на глаза историкам. Второго декабря 1801 года Наталья Михайловна за 600 рублей ассигнациями продала тульскому помещику Василию Шатилову (*тоже известная личность – А.П.*) двенадцать своих человек. Был среди них будущий выдающийся русский скульптор Борис Орловский, которому исполнилось на тот момент 10 лет.

Большая, в семь человек, семья его отца Ивана Смирнова, составила тогда основную часть сделки помещицы. Вот так, просто продавая, причем людей, можно иногда попасть в историю (*особенно российскую – А.П.*).

Своему родному сыну Николаю «вдова, майорша, в своём роду не последняя», не доверяла (почему, станет ясно в следующей части), и потому 16 сентября 1808 года в Малоархангельском уездном суде она заверила духовное завещание, по которому доставшееся ей по разделу «с сыном ея, статским советником и Кавалером Николаем Михайловичем Мацневым,

имение отдала в вечное и потомственное владение внуку своему, Михаилу Николаевичу Мацневу».

Мне не удалось найти сведений о хозяйственной деятельности Натальи Михайловны, но, по всей видимости, эта деятельность, несмотря на продаваемое время от времени крепостных и дворовых людей, была успешной, поскольку вдова-майорша (судя по известным нам документам) не растратжирила, а увеличила богатство своего имения.

Пока внук продолжал службу, Наталья Михайловна продолжала хозяйничать ещё несколько лет – об этом говорят нам «Ревизские сказки владельческих крестьян Малоархангельского уезда» за 1816 год. Из них видно, что вдова-майорша по-прежнему числится владелицей села Столбцкое, селыца Толстое, деревни Вышне-Столбцкой и деревни Козловки, в которых ей принадлежит 16 дворовых людей и 1090 крепостных (т.е. за двадцать лет их число увеличилось более чем на 400 человек). К сожалению, даты смерти Натальи Михайловны я пока не выяснил, но к 1836 году в живых её уже не было.

Николай Мацнев, губернский прокурор

Тургеневед Николай Чернов в своей книге «Дворянские гнезда вокруг Тургенева» сообщил о нем: «...губернский прокурор, красавчик, повеса и мот...».

Да, забравшийся на довольно высокую должность, внук хлебного спекулянта, даже женившись на аристократке, фрейлине Варваре Ланской, родной сестре фаворита Екатерины II, начал понемногу «спускать» свое и женино состояние.

Мы нашли подтверждение этому опять-таки в деле № 2167 фонда 6, где приводится следующий факт.

Николай Михайлович Мацнев (пытаясь, наверное, походить на деда – «хлебную матку») взял подряд на поставку муки из своего имения в Санкт-Петербургские запасные магазины. Поручителем в этой сделке выступили мать – Н.М. Мацнева и близкий родственник – А.С. Мацнев.

Однако, получив за предполагаемую поставку семи тысяч кулей муки 11200 рублей, Николай Мацнев деньги растратил, а Санкт-Петербургские магазины так ничего от него и не получили.

Чтобы данную неустойку погасить, губернский прокурор был вынужден продать с аукциона принадлежавшую ему деревню Грязное (*она находится сейчас на территории Покровского района – А.П.*) за 12400 рублей, большая часть которых и пошла на уплату долга.

Точной даты рождения и смерти губернского прокурора я пока не выяснил, но просто «красавчик, повеса и мот» никогда бы не привлёк нашего внимания, если бы с ним не оказалась связана история русской живописи: выдающийся русский портретист Фёдор Рокотов оставил нам его портрет, написанный в 1779 году (смотри, читатель, он перед тобой). Искусствоведы долгое время почти ничего не знали о человеке с этого портрета,

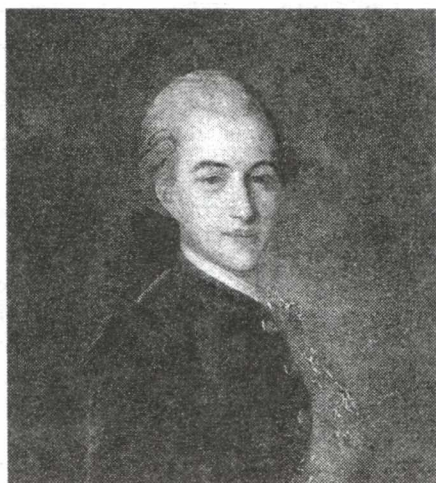
находящегося в экспозиции Саратовского государственного художественного музея имени А.Н.Радищева.

Вот, к примеру, что писала недавно сотрудница этого музея А.В.Жукова о Мацневе: «Как из старинного зеркала, туманного и покрытого вековой пылью, смотрит на нас лицо молодого человека с одной из картин, на ней представлен Николай Михайлович Мацнев, московский дворянин (тут искусствовед ошибается, поскольку это, всё-таки, орловский и не просто дворянин, а ещё и прокурор – А.П.). Изображён молодой человек на нейтральном фоне, одет в тёмно-коричневый кафтан и светло-коричневый камзол. Остальные детали костюма лишь обозначены автором – чёрный бант в пудрёном парике, серебряные пуговицы на кафтане, кружевное жабо. Мы знаем о Мацневе только то, что он служил по штатской части и имел чин статского советника (это совершенно точно – документ подтверждает – А.П.). Его судьба остаётся загадкой, Рокотов эту загадку разгадывать не спешит. Напротив, его герой полон таинственности, автор избегает любой конкретности: нет на портрете ни орденов, ни аксессуаров, ни предметов обстановки, которые бы указали на занятия или пристрастия персонажа. Окутывая Мацнева мгlistым полумраком, Рокотов намеренно прерывает свой рассказ о герое на полуслове».

Мы, я думаю, сумели хоть в какой-то степени дополнить рассказ выдающегося русского художника, оставившего нам образ человека, то отстранённо мечтательного, то участливо внимательного, а на самом деле, как вы убедились, очень ненадёжного для друзей и родственников: не зря ведь мать сделала наследником своего столбцовского имения не его, а внука.

Генерал Михаил Мацнев

Губернский прокурор Николай Мацнев
(портрет работы Ф.Рокотова)

Генерал Мацнев, герой Отечественной войны 1812 года

А теперь наш рассказ - о человеке, о котором почему-то до настоящего времени на Орловщине не упоминали, который укрылся на долгое время за спинами других, менее прославленных, но более «прозвучавших» родственников. Я имею в виду генерал-майора Михаила Николаевича Мацнева, того самого, с которого я и начал повествование о большом помещице семействе.

Он был сыном упомянутого мною губернского прокурора, Николая Михайловича Мацнева, и внуком «вдовы-майорши» Натальи Михайловны Мацневой. В Военной галерее Зимнего Дворца (ныне – Государственном Эрмитаже), среди портретов 342 генералов-героев Отечественной войны 1812 года помещён портрет и генерал-майора Мацнева, принадлежащий кисти художников из мастерской Джорджа Доу. Ты можешь тоже увидеть этот портрет, читатель. Генерал изображён здесь в общегенеральском мундире образца 1817 года, почти со всеми своими боевыми наградами (не хватает только ордена Святой Анны 3-ей степени – А.П.)

Точная дата рождения Михаила Мацнева нам до настоящего времени не известна. Его биографы называют 1785 (чаще) или 1786 год. В 12 лет Михаил был «взят пажем к Высочайшему Двору», а 23 сентября 1802 года произведён в подпоручики и направлен в лейб-гвардии Егерский батальон (позднее преобразованный в полк). Сражаясь в его составе, сумел он отличиться в сражении под Аустерлицем, за что 20 ноября 1805 года удостоился ордена Святой Анны 3-ей степени. В мае 1806 года стал поручиком.

В 1807 году с милиционным батальоном стрелков Санкт-Петербургской губернии, к которому был прикомандирован, Николай Мацнев сражался под Гутштадтом, на берегах реки Пасарги и при Гейльсберге. Наградой за эти сражения стали орден Владимира 4-ой степени с бантом и золотая медаль на Георгиевской ленте – как участвовавшему в боях офицеру милиции.

24 апреля 1809 года Мацнев был произведён в штабс-капитаны, а 14 сентября 1810 года - в полковники. В начале 1812 года лейб-гвардии Егерский полк, в котором он служил, в составе 3-ей бригады гвардейской пехотной дивизии входил в 5-ый резервный (гвардейский) корпус 1-ой Западной армии, вместе с которой Михаил Николаевич сначала отчаянно бился за Смоленск, а потом храбро сражался на Бородинском поле. За отвагу в генеральном сражении был награждён орденом Святой Анны 2-ой степени с алмазами. Тяжёлая контузия артиллерийским снарядом в левое плечо надолго вывела его из строя.

Вернувшись к лету 1813 года в армию, Мацнев 2 июля стал шефом 11-ого Егерского полка, а вскоре получил бригаду в 24-ой пехотной дивизии, с которой 6 октября участвовал в Битве народов под Лейпцигом. За кампанию 1813 года шведский король наградил его орденом Военного меча 4-ой степени.

В феврале 1814 года с 19-ым Егерским полком полковник штурмовал Суассон (награждён орденом Владимира 3-ей степени). В Краонском сражении он несколько раз водил егерей в штыковые атаки. В конце заграничных походов принимал участие в сражениях под Лаоном и Парижем. 1 декабря 1814 года был награждён чином генерал-майора (со старшинством с 22 февраля того же года), а прусский король отметил его орденом «За заслуги».

Михаил Николаевич имел также ещё две медали – серебряную, за кампанию 1812 года, и установленную в память вступления Русской армии в Париж 19 марта 1814 года.

После окончания войны Мацнев командовал 2-ой бригадой в 12-ой пехотной дивизии, 3-ей бригадой в 7-ой пехотной дивизии, с декабря 1819 года состоял при начальнике 7-ой пехотной, а потом – при начальнике 10-ой дивизии пехотной дивизии. С конца июня 1821 года и до оставления военной службы 30 января 1823 года командовал 1-ой бригадой в 9-ой пехотной дивизии.

По словам знавшего Михаила Мацнева русского композитора Николая Ивановича Бахметева, тот «закончил службу бригадным генералом в Варшаве, в бывшем Литовском корпусе, состоявшем под командою Великого князя Константина Павловича, и, выйдя в отставку, поселился в Орловской губернии, где имел имения». Мы-то, читатель, знаем уже, что это как раз село Столбцкое и окрестные деревни.

По словам того же Бахметева, Михаил Николаевич Мацнев был женат на «красавице Емерике Адамовне, кажется, рождённой Абрамович», а то, что у них имелось трое детей (Иван, Михаил, Мария) я узнал как из заявления самого генерала, обратившегося в Дворянское собрание, так и из «Алфавитного указателя дворянских родов Орловской губернии».

Как жилось генеральскому семейству в Столбцком, мы можем только предполагать, но об этом периоде из биографии героя Отечественной войны 1812 года известна нам одна интересная подробность. Генерал-майор Мацнев из своего имения регулярно выезжал в Орёл, где посещал театр Каменского, причём, не только как зритель. Композитор Н.И.Бахметев, которого я вспоминаю уже третий раз и который проходил службу в Павлоградском гусарском полку, с декабря 1826 года и до весны 1828 года находившемся в Орле, несколько раз наблюдал в этом театре генерал-майора Мацнева за удивительным занятием: «Михаил Николаевич Мацнев, прелестный скрипач школы Лафона, с его коротеньким, но блестящим смычком, и даже впоследствии я не встречал подобного лёгкого смычка; широкий стиль не был в его духе». Мацнев очень любил играть квартеты модных тогда композиторов Онслоу и Феска.

Умер герой Отечественной войны в Столбцком 27 марта 1842 года. Насчёт места захоронения утверждать не буду, но, скорее всего, это было рядом с местной Владимирской церковью.

Как генерал Мацнев с самозванцем Мироновым воевал

Жил – был в начале XIX века в Орловской губернии один генерал, по фамилии Мацнев. Боевой был генерал, заслуженный, многими орденами награждённый, на поле Бородинском контуженный, Париж со своим полком бравший. Имелось у него имение в Малоархангельском уезде, большое имение – село Столбцкое и несколько соседних деревень с тысячью дворовых и крестьянских крепостных душ.

Пока генерал в войнах и походах занят был, поместьем этим его родная и любимая бабка управляла, Наталья Михайловна, «в своём роду не последняя», как она сама в документах писала (впрочем, это обычный стиль того времени). Это та самая помещица Мацнева, которая когда-то продала тульскому помещику Шатилову будущего великого русского скульптора Бориса Орловского вместе со всем семейством. Внук-генерал долгое время даже и не вникал в хозяйственные дела, поскольку бабка благополучно со всем сама справлялась.

Но смертен человек. Служба генеральская ещё продолжалась, как в январе 1819 года Наталья Михайловна Мацнева умерла. Взял генерал отпуск и в имение приехал, с делами познакомиться. Вот тут-то, собственно, и начинается эта история.

Не успел ещё генерал оглядеться в поместье как следует, - подошли к нему крестьяне, поклонились в ноги и просьбу высказали: «Ваше превосходительство! Избавьте за ради Бога от управителя, злобствует сильно, *жизтя нам не даёт, притеснения, обиды и жестокости чинит*».

Разбирался Михаил Николаевич с управляющим по порядку и закону. Выяснил, что зовут его Василий Миронов, чин у него титулярного советника, и он – сын бывшего крепостного его бабки, Ефима Миронова, который вольную от помещицы 20 лет назад получил.

Оправдываться Василий Миронов не стал, признался, что крестьян в строгости держит, а иначе как? - никак, на голову сядут. Горяч был генерал Мацнев, чуть было не прибил Миронова тут же за такие слова, да вовремя тот ретировался. В общем, уволил титулярного советника Михаил Николаевич, а пока кандидата нового на должность управляющего подыскивал, начал изучать бумаги бабкины, оставшиеся в доме.

Глядь, а в них, в двух сразу, тот же Миронов упоминается, и не просто так, а как покупатель крепостных крестьян помещицы Натальи Михайловны Мацневой. Надо же, сам только несколько лет как вольным стал, а уже помещичьи замашки, да какие!

Прочитал генерал внимательнее те купчие крепости и побагровел от ярости – это что такое: *«Лета 1814, апреля, в 9-ый день, вдова, майориша Наталья Мацнева, продала на свод, без земли, крепостных своих из сельца Толстого, вдову Аксинию Емельянову, малолетнюю дочь её Авдотью Ларионову, девку Наталью Яковлеву и крестьянского сына Афонасья Фёдорова – за 300 рублей ассигнациями»*. Тут всё правильно, по закону. Но покупатель этих крестьян,

Васька Миронов себя в купчей дворянином называет, да как он посмел! Какой он дворянин – из грязи в князи хочет? Не будет этого!

Начал Михаил Николаевич другие купчие смотреть и ещё одну нашёл, за 1811 год, в которой Миронов снова себя дворянином объявил. Терпение боевого генерала лопнуло, и он, не медля ни секунды, прошение написал в Орловское губернское правление, объяснив суть дела и прося аннулировать две купчие крепости его бабки. Генерал так сформулировал своё требование: *«...поскольку Василий Миронов употреблял ложное название себя дворянином, прошу означенные купчие крепости фальшивые уничтожить, а с титулярным советником поступить по закону».*

Из Орловского губернского правления генеральскую петицию вниз отправили, в Малоархангельский уездный суд, в котором 17 и 18 января 1819 года она и была рассмотрена.

В конце заседания судья Пётр Юдин решение вынес: *«...отобрать от титулярного советника Миронова объяснение, почему он назвал себя в купчих крепостях из дворян и прислать оное объяснение в сей суд (то есть, лично самого Миронова на судебное заседание не приглашали – А.П.), после чего это объяснение отправить в Орловскую градскую полицию».*

Удалось ли генералу добиться аннулирования этих двух сделок, я не знаю, потому что окончания этого любопытного процесса из сохранившихся протоколов не прослеживается.

Но – уверен, что когда Михаил Николаевич Мацнев ушёл в 1823 году в отставку и переселился уже окончательно в родовое Столбечкое поместье, то самозванцу Миронову, если он ещё проживал поблизости, пришлось место жительства менять: генерал проигрывать в схватках не привык.

Р.С. Фамилию «Мацнев» в наших краях не слышать с 1918 года, стёрта с лица земли могила генерала у Владимирской церкви села Столбечкое, да и самой церкви нет уже полсотни лет.

А вот сельские жители Мироновы и по сию пору проживают в бывшем родовом имении генерала – в селе Столбечкое и соседних деревнях (современного Покровского района – А.П.).

(История написана на основании протоколов Малоархангельского уездного суда, ГАОО, фонд 28, оп.1., д.385)

Иван Мацнев, первый военный воздухоплаватель России

При рассмотрении в Орловском Дворянском депутатском собрании заявления генерала Мацнева Орловская и Киевская Духовные консистории представили отношения от 1 и 17 мая 1824 года за № 1404 и № 1588, в которых сообщили, что сыновья просителя Иван и Михаил родились от законного брака, первый – 24 июня 1820 года, второй – 18 февраля 1823 года.

О старшем сыне героя Отечественной войны, Иване Михайловиче Мацневе, нам известно очень немного, зато какое значимое это немного! Как и отец, Иван выбрал военную карьеру, но служил недолго, уйдя в отставку в чине штабс-ротмистра лейб-кирасирского полка. Будучи

несколько раз за границей, в Париже, он увлёкся полётами на только что начавших входить в моду воздушных шарах.

В период Крымской войны (1854-1856 г.г.) Иван Мацнев находился в осаждённом союзниками Севастополе. Весной 1855 года над севастопольскими бастионами и над вражескими стоянками несколько раз появлялся аэростат. Управлял им находившийся в специальной «корзинке» отставной штабс-ротмистр. Он, видя с высоты расположение вражеских позиций и считая важным то, чем занимался первое время просто для удовольствия, 15 мая 1855 года написал докладную записку на имя военного министра, князя В.А.Долгорукова, предложив использовать воздушные шары для рекогносцировки вражеских позиций.

Мацнев достаточно подробно расписал те преимущества, которые будет иметь использование воздушных шаров, и даже предложил свои услуги в налаживании их массового производства. Военный министр направил докладную записку Мацнева в Департамент Генерального штаба, который вскоре представил о ней своё мнение. Заключалось оно в том, что если вдруг русские войска используют для наблюдения за вражескими позициями воздушные шары, то вскоре такие же могут появиться и у англичан с французами, которые с помощью этих летательных аппаратов быстро узнают все слабости русских укреплений. Но Департамент не отверг, тем не менее, идею Ивана Мацнева, найдя в ней и значительные преимущества перед обычным способом ведения разведки.

После этого князь Долгоруков представил докладную записку Мацнева, с заключением Департамента Генерального штаба по ней, императору Николаю I. Вопреки распространённому заблуждению, что царь отозвался об этом как о «нерыцарском способе ведения войны» и потому отверг его, Николай, после изучения записки, предложил Главнокомандующему Южной армией, военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, М.Д.Горчакову самому решить вопрос о возможности применения воздушных шаров.

Ни один из русских документов, по свидетельству первого историка отечественной авиации А.Родных, не сообщает нам о применении летательных аппаратов нашей армией при защите Севастополя, однако некоторые английские источники упоминают об использовании русскими войсками аэростатов для наблюдения за их позициями. Что ж, наверное, всё-таки, бывшему штабс-ротмистру удалось несколько раз сообщить разведанные о неприятеле.

Сумели ли защитники Севастополя воспользоваться этой информацией – нам не известно. Других сведений о себе Иван Михайлович Мацнев не оставил.

Михаил Мацнев, «орловский злодей»

Что касается второго, младшего, сына прославленного генерала, то о нём – отдельная и страшная история. Что же натворил Михаил Мацнев? Передо мной – «Дело о предании суду помещика Мацнева» за жестокое

обращение с крепостными крестьянами. Дело начато 4 сентября 1856 года, а закончено 26 мая 1875 года, это пухлая папка почти в двести страниц.

Вчитываясь в официальные, бесстрастные строчки рапортов, донесений, допросов, и постепенно вырисовывается картина более чем полуторавековой давности.

Вступив во владение имением, Михаил Михайлович (4-й – таким по счёту Михаилом он был в своём роду, и так его называли в официальных дворянских бумагах) Мацнев почувствовал, вероятно, сильное головокружение от свалившегося на него богатства и власти.

Начинал с малого. Проявив недовольство крепостными, Мацнев без промедления отправлял их в рекруты без очереди или добивался наказания и отправки в Сибирь. Потом помещик женился, родилась дочь Софья, но остепениться Мацнев не захотел. Наоборот, распоясался так, что в события в Столбечком вынужден был вмешаться Орловский гражданский губернатор В. Сафонович. По его распоряжению штаб – офицер корпуса жандармов Орловской губернии Житков произвел следствие о злоупотреблениях помещичьей властью.

15 октября 1856 года им была подана губернатору краткая записка о поступках помещика. Цитирую из неё только часть свидетельских показаний.

«Тимофей Морозов показал: помещик Мацнев постоянно находится в пьяном виде и обходится с крепостными своими людьми бесчеловечно, а в последний год дошел до неистовства: мне выбил зубы, а на руке сломал палец. Вольнонаемную няньку Аксицию так же бьет, а барыню Софью Павловну бьет немилосердно. Крестьян разорил и довел их до нищеты штрафами денежными. Скот брал, свиней и все это потом продавал. Приказал мне кучера Андрея Герасимова раздеть до рубашки, потом заставил меня бить его по щекам и драть за волосы».

Федор Евсеев, 15 лет, повар на кухне, показал: *«Барин пять раз меня бил, зубы и челюсти сбил на сторону, и зубы теперь не сходятся. Барин в три дня ведро водки выпивает, а как напьется, собьет с ног – и бьет ногами. От жестокости я бежал в лес, а когда вернулся, то меня камни заставили таскать на дорогу и плотину».*

Давыд Тимофеев, 13 лет, показал: *«от побоев барина я два дня в лесу скрывался, а на третий, когда от голода вернулся, меня высекли, а теперь третий месяц таскаю камни на дорогу. Барин меня за волосы, за уши, то кулаками, то чем попало бьет».*

Аксинья Матвеева Веселова, воспитанница Санкт – Петербургского воспитательного дома, показала: *«Барин Мацнев характера буйного и бьет*

всех, кто ему попадает. Бил и меня по зубам, а однажды с ног сбил и коленом придавил».

Про избивание и физическое насилие дали показания также Иван Шахурин, Василий Ефимов, Николай Гушин, Егор Скворцов, Алексей Емельянов.

Многие из них показали также, что барин за любую провинность по 5-10 рублей штрафа брал и многих крестьян из-за этого довел до разорения.

Если эти показания майор Житков выслушивал хотя и с отвращением, но, все же, с некоторым пониманием, то когда начались опросы женщин, он, навидевшийся уже разных преступников, всё-таки ужаснулся - от омерзения, услышав от них многочисленные признания.

Итог всем взаимоотношениям Мацнева с крестьянскими девушками и женщинами как бы подвел один из допрошенных, крестьянин Петр Гушин: *«Если заметит барин у кого из крестьян красивую дочь, то берет ее на скотный двор и потом лишает девства, а смазливых баб заставляет мыть полы и творит с ними блуд».*

Жена владельца имения, Софья Павловна, на первом допросе не хотела говорить о муже чего - либо плохого, но затем не выдержала и рассказала все.

«За честь мою и моей дочери не могу ручаться, пока буду продолжать жить с моим мужем. Он совершенно безнравственного поведения и бил меня до бесчувствия», - так в кратком изложении выглядят ее показания.

Этого перечня «гнусных злодейств» было достаточно, чтобы наказать Михаила Мацнева. Его, в конце концов, и посадили в тюремный острог, а потом лишили всех прав и сослали в Сибирь, но произошло это четыре года спустя, в 1860 году, когда о «художествах» помещика доложили самому Александру II.

За четыре года имя Мацнева узнали в соседних губерниях, а слухи и сведения о его злодеяниях дошли до заграницы.

1 декабря 1860 года Александр Иванович Герцен в своей Вольной русской типографии в Лондоне выпустил очередной, 86-й номер газеты – журнала «Колокол», в котором рассказал о том, как своеобразно российские помещики понимают необходимость отмены крепостного права. Примеры Герцен привел из Орловской губернии, из Малоархангельского уезда (помещики Акатов, Михаил и Владимир Мацневы).

Получилось так, что указ Александра II о лишении дворянства и о ссылке Мацнева в Сибирь и выход из печати «Колокола» со статьей о злодеяниях этого помещика совпали по дате – 1 декабря 1860 года.

Какой злодей Михаил Мацнев, его крестьяне и дворовые знали с начала 50-ых годов XIX века, в губернском Орле узнали это в 1853-ем, а герценовский «Колокол» развонил сведения об этом помещике (и других, ему подобных) на всю Россию и даже Европу в 1860 году.

Михаил Мацнев скончался в ссылке в начале 1875 года, а его имение, находившееся в опеке, вернули наследникам: жене Софье Михайловне и сыну, Михаилу Михайловичу (пятому).

Михаил Мацнев, мировой судья и благотворитель

Михаил Мацнев (пятый) родился 7 ноября 1860 года, за три недели до указа императора о наказании его отца. Самого родителя сын так и не увидел вплоть до его смерти.

Новый владелец имения в селе Столбцкое, Михаил Михайлович Мацнев, с 90-х годов XIX века и до самой революции 1917 года постоянно являлся гласным Малоархангельского уездного земства, с 1897 года он был еще и почетным мировым судьей уезда. В 1913 году Михаила Мацнева избрали и губернским гласным от Малоархангельского уезда. К этому году, кстати, на подаренной им земле и в значительной мере на его средства была построена уездным земством Столбцкая больница – последнее из учреждений здравоохранения, появившееся в Малоархангельском уезде непосредственно перед I Мировой войной и революциями.

Яблочко далеко укатилось от яблони. Михаил Михайлович Мацнев-5-й, сын прославившегося на всю Россию помещика-злодея, но, одновременно, внук героя Отечественной войны 1812 года, стал уважаемым человеком в тех же самых местах, в селе Столбцкое и во всём Малоархангельском уезде. Наверняка, он никогда не хотел вспоминать о своём отце-садисте, а вот о деде, что ж, возможно, хотя я точно и не знаю.

В 1917 году последнему из семейства Мацневых, живших в одном и том же имении на протяжении 400 лет, исполнилось 57 лет, но его послереволюционная судьба мне не известна.

P.S. От старинного мацневского имения к настоящему времени не осталось ничего, кроме обмелевшего и полужаросшего пруда, на дне которого, по сохранившейся у местных жителей легенде, было выложено когда-то огромное зеркало. Кто из помещиков Мацневых учудил его там поместить, мы уже не узнаем, да и было ли оно на самом деле?

Зато сохранились, почти не изменившись, несколько зданий Столбцкой земской больницы, которая несколько десятилетий и после исхода из здешних мест всех помещиков работала на благо сохранения здоровья жителей села и окрестных деревень. Несколько лет назад, в связи с реформированием системы здравоохранения Орловщины и сокращением

численности населения Покровского района, больница была реорганизована во врачебную амбулаторию, поместившуюся в одном из капитальных кирпичных строений.

Остальные больничные здания, заросшие почти со всех сторон крапивой и бурьяном, ещё стоят, стоят как памятники нескольким поколениям Мацневых – героям и созидателям, транжирам и Плюшкиным, злодеям и судьям. И всё это – часть причудливой, героической и трагической истории нашего славного края. Я постарался, читатель, довести эту историю до тебя. Надеюсь, что-то у меня получилось.

Склеп помещиков Мацневых

Как помещик Мацнев после своей смерти земляков спас (вместо послесловия)

Зима 1943 года. Части 48-й армии Брянского фронта вели наступление, освобождая от фашистов территорию Покровского района. Отступая под ударами наших войск, гитлеровцы стремились нанести максимальный ущерб населению тех мест, которые они покидали.

В один из февральских дней жители небольшого села Троицкого, надеявшиеся на скорое освобождение от вражеской кабалы, узнали о готовящейся над ними расправе. Сообщил им об этом местный переводчик, хоть и немец, но из числа сердобольных.

Самым надежным местом для сельчан казались подвалы, куда и попрятались вначале жители Троицкого. Но с наступлением темноты фашисты устроили обыски всех домов и подвалов. И тогда бабы, старики и

ребятишки, пользуясь начавшейся метелью, перебежали в такое укрытие, о котором гитлеровцы даже не подозревали – в большой каменный склеп, находившийся в зарослях сирени у полуразрушенной церкви.

Здесь, в склепе, и застал измученных жителей Троицкого час освобождения. Помещик, живший когда-то в селе и фамилию которого жители давно забыли, сам того не ведая, спас земляков от гитлеровского расстрела.

После войны Троицкую церковь окончательно разобрали на кирпичи (их возили в село Покровское для строительства здания райисполкома). Пытались проделать то же самое и со склепом, даже взрывали его изнутри. Но то ли заряд слабоват оказался, то ли своды этой гробницы были воистину непробиваемыми – склеп остался цел, хотя внутри него после этих мероприятий уже ничего не сохранилось.

Эту историю о спасении жителей села Троицкого рассказал нам один из старожилов – М.М. Гаврюшин. От него же мы узнали и фамилию местного барина. Чуть позже в Государственном архиве Орловской области нам удалось найти подтверждение: да, в Троицком строил церковь здешний помещик Николай Родионович Мацнев.

Орловские дворяне Апухтины: «В сраженьях мы не на постели...»

Когда орловчане где-либо слышат или читают: «Апухтин», то реакция следует незамедлительно: «А, сочинял чего-то!». Да, именно такую фамилию носил известный русский поэт второй половины XIX века, автор стихов, многие из которых стали романсами, а некоторые строчки его давно превратились в крылатые выражения.

Но среди Апухтиных, дворян Орловской губернии, было множество других любопытных личностей. Одних только генералов насчитывается около десятка человек. Мой рассказ – о нескольких представителях этого славного рода, верой и правдой служивших России на военном поприще.

В боях с литовцами, турками, поляками и с тушинским вором

11 октября 1833 года Орловское Дворянское Депутатское собрание рассматривало прошение генерал-майора Александра Петровича Апухтина о внесении в Дворянскую родословную книгу губернии его сыновей Николая и Александра. Для доказательства древности своего дворянского происхождения проситель представил документы из Вотчинного департамента.

Оказалось, что прапрашур генерала, Дмитрий Тимофеевич Апухтин, ещё в 1585 году владел недвижимым имением в Карачевском уезде. Прашур, Константин Дмитриевич, отличился в Московском осадном сидении, когда Василий Шуйский, последний русский царь из династии Рюриковичей, запертый в Москве тушинским вором Лжедмитрием II, два года (1608-1610)

отбивался от него. Верному своему стороннику К.Д. Апухтину царь Василий пожаловал поместье в Рословском стану, в том же Карачевском уезде.

Прапрадед генерала, Климентий Константинович Апухтин, отличился в борьбе с литовцами, прадед, стольник Иван Климентьевич, – в сражениях с турками и поляками, за что каждый из них получил добавку к апухтинским вотчинам не только в Карачевском, но также в Орловском и Болховском уездах.

Количество владений Апухтиных за 100 лет значительно увеличилось, но одновременно они дробились между наследниками, так что у Петра Захаровича Апухтина, отца генерала, вотчинные земли с 240 крепостными душами имелись только в Болховском уезде.

Четверо сыновей Петра Захаровича (Андрей, Александр, Владимир и Гавриил) разделили их полюбовно после смерти отца между собой.

А теперь подробнее о трёх из перечисленных братьев: Гаврииле Петровиче, уже несколько раз называвшемся генерал-майоре Александре Петровиче и самом младшем – Андрее Петровиче Апухтиных. О четвёртом, Владимире, каких-либо сведений найти, пока, не удалось.

Гавриил Апухтин: военный, предводитель, сенатор, переводчик

Самым старшим из братьев (1774 года рождения) был Гавриил Петрович Апухтин. Он же добился и наибольшей известности, причём, в различных сферах. Начиналась его биография, как и у остальных братьев, - с армии. До своей отставки в чине майора Гавриил Апухтин успел отличиться в русско-персидской войне 1795-1796 годов. Очень молодым, в 32 года, он получил доверие от орловского дворянства, которое в течение двух сроков избирало его губернским предводителем (1806-1813 годы.).

Активную деятельность орловского руководителя дворян во время Отечественной войны 1812 года заметили в столице, и Гавриил Петрович продолжил карьеру в Военном министерстве и Сенате. Последний его чин на гражданской службе – действительный статский советник (*генерал-майор – в переводе на военный язык – А.П.*). Апухтин также активно участвовал в деятельности Московского общества сельского хозяйства (был там казначеем) и занимался благотворительностью. И, наконец, в молодые годы он успешно перевёл с французского языка несколько книг для юношества, опубликованных в конце XVIII века. Умер Г.П.Апухтин в Москве на 61 году жизни.

Александр Апухтин: инженер-генерал-майор и кавалер

Как ни удивительно, об Александре Петровиче информации не очень много. Во-первых, он получил инженерное образование в Артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе. По окончании его служил в войсках, принимал участие в Отечественной войне 1812 года, закончив её инженер-полковником, был награждён орденом.

С 1817 по 1824 год многолетнее семейство генерала Александра Апухтина (жена и пятеро сыновей) проживало в Москве, в районе современного Арбата, в доме №7, на так называемой «Собачьей площадке».

Генерал провёл реконструкцию главного дома усадьбы, сделав его двухэтажным с антресолями и мезонином на каменном фундаменте. Александр Петрович заменил также вокруг жилого здания все деревянные хозяйственные постройки на каменные. Дом Апухтиных впоследствии стал известен как один из центров культурной жизни Москвы, его посещали многие знаменитости, в том числе и наши земляки: Тимофей Грановский и братья Киреевские. Точная дата смерти генерал-майора нам не известна.

Андрей Апухтин: из офицеров – в рядовые и обратно

Если Гавриил и Александр Петровичи Апухтины, дослужившиеся до генеральских чинов, поселились на постоянное жительство в Москве, то самый младший из братьев – Андрей (он – 1787 года рождения), стал хозяином родовой отцовской усадьбы в Болховском уезде, где ему принадлежало 105 душ крепостных крестьян мужского пола.

Он рано вступил в военную службу и уже в 18 лет был поручиком. Перед молодым офицером открывалась возможность сделать блестящую военную карьеру, но Андрей Апухтин сам себе всё испортил: будучи в трёхмесячном отпуску, он в срок в свою часть не явился. Последовало долгое разбирательство, суд – и разжалование в рядовые. Это стало сильным ударом по самолюбию гордого дворянина. Правда, он не стал сидеть, сложа руки, и в марте 1809 года вступил рядовым в Уфимский пехотный полк, в котором прослужил ещё семь лет.

Полк был боевым, и в его составе в том же году, с 22 сентября по 9 декабря, Андрей Апухтин участвовал в походе в австрийскую Галицию, дойдя до города Лемберга (современного Львова).

А с началом Отечественной войны 1812 года Уфимский пехотный полк несколько раз оказывался в самом пекле сражений: 6 августа при обороне Смоленска, а 26 августа – защищая Курганную высоту Бородинского поля, где находилась знаменитая батарея генерала Раевского.

Во время второй атаки на батарею французы сумели захватить её. Начальник штаба I Западной армии Алексей Ермолов, видя отступление русских, обнажил саблю и повёл в штыковую атаку на батарею 3-ий батальон Уфимского пехотного полка. Отчаянный натиск поддержали три егерских полка, стоявших в резерве. Французы были сметены с батареи и бросились к лесу. Прапорщик Уфимского пехотного полка Андрей Апухтин вместе со своими товарищами оказался среди тех, кого вёл в атаку генерал Ермолов. При преследовании врага он был ранен пулей «в икру левой ноги близ колена».

По излечении прапорщик принял участие в Заграничных походах русской армии, дойдя до Герцогства Варшавского.

Когда в январе 1815 года командующий 1-ой бригады 24 пехотной дивизии генерал-майор Иван Цыбульский увольнял прапорщика Апухтина в отставку, в приказе он отметил, что тот «в службе был усерден, отличил себя храбро». И, тем не менее, на «гражданку» Андрей Петрович ушёл в самом младшем офицерском звании, не имея ни единой награды.

Поселившись на родовой усадьбе в Болховском уезде, Андрей Апухтин вскоре женился, рождались один за другим дети (два мальчика, две девочки). Но когда старшей из дочерей не исполнилось ещё и 12 лет, скоропостижно умерла жена. Пришлось бывшему прапорщику одному поднимать на ноги несовершеннолетних детей.

В довершение всех несчастий в одном из документов Андрей Апухтин подписался как *подпоручик* (видно, так и не смирился он мысленно со своим чином – А.П.), и его снова судили, на это раз, – «за самозванство». Правда, судьи простили отца четырёх детей и вдовца, потому что он «наименовал себя подпоручиком по превратному понятию и вреда от этого никому не произошло».

Как сложилась дальнейшая судьба героя-несчастливца, выяснить мне не удалось. Знаю лишь, что о детях своих он позаботиться успел: они получили и дворянство, и наследство.

Вот такой разной оказалась судьба трёх родных братьев Апухтиных, не жалевших жизнью своих «за Веру, Царя и Отечество».

Ещё об одном Апухтине, генерал-поручике Акиме Ивановиче, который Пугачёва судил и губернатором был – отдельная история.

«А судьи кто?»

(Михаил Каменский и Аким Апухтин в судьбе Емельяна Пугачёва)

В наше время, когда пополизация общества достигла апогея, Аллу Пугачёву в народе знают гораздо лучше, чем «вора и разбойника Емельку Пугачёва». Но таких колоритных персонажей, каким был знаменитый предводитель массового народного движения в России, забывать грешно, тем более, что Емельян Пугачёв имеет некоторое отношение к нашему краю.

Полководец и его крепость-тюрьма

Орловский краевед Г.И.Шабанов, изучая историю Сабуровской крепости, построенной по распоряжению знаменитого полководца Михаила Каменского, расспросил многих местных жителей на предмет того, что они знают о прошлом родного села и крепости. Один из крестьян сообщил ему, показывая на круглую башню: «А вот здесь Пугачёв был... когда его в Москву везли». И в доказательство крестьянин обратил внимание Шабанова на ввинченное под самый купол этой башни большое металлическое кольцо. К нему, якобы, прикрепляли цепь, к которой был прикован руководитель крестьянского восстания.

Кольцо это цело и до сих пор, любой экскурсант, посетив Сабуровскую крепость, может увидеть его, но современные орловские краеведы давно опровергли саму легенду о пребывании Пугачёва в наших краях. Тогда как же зародилась эта красивая история и, главное, почему?

Фельдмаршал Михаил Каменский

Мне кажется, всё объясняется просто. Михаил Федотович Каменский, тогда ещё генерал-поручик, а не фельдмаршал, в 1774 году был членом судейской коллегии из 35 человек, созданной Екатериной II для суда над Емельяном Пугачёвым. А уже позже факт участия полководца в судебном процессе над крестьянским предводителем трансформировался в головах местных жителей в легенду, что Каменский построил под Орлом не крепость (*от каких врагов она встала вдруг посреди России? – А.П.*), а тюремный замок как раз для Пугачёва, которого везли в Москву и которого надо было очень хорошо охранять во время остановок.

Кроме фельдмаршала Каменского смертный приговор «вору и разбойнику» («сентенцию» - так это было названо – А.П.) выносил ещё один наш земляк - Аким Иванович Апухтин, родной брат деда тех братьев-дворян, о которых я рассказал в предыдущем очерке (*«Орловские дворяне Апухтины: «Сражались мы не на постели...»*).

Два генерала и хорунжий

О болховском помещике Акиме Апухтине, дослужившемся к концу жизни до высоких чинов, нам известно намного меньше, чем о Михаиле Каменском. Историки XVIII века называют четыре разных даты его рождения - в промежутке от 1720 до 1726 года, и три даты его кончины: от 1792 – до 1804 года.

Но и то, что удалось узнать о нём из разных источников, позволяет нам ощутить личность неординарную и разностороннюю. Военную службу Аким Апухтин начал в 1737 году и очень быстро проявил себя как способный специалист в деле снабжения армейских частей продовольствием. За 30 лет он добрался до чина обер-кригскомиссара – старшего военного чиновника по снабжению войск деньгами, обмундированием, снаряжением, ручным оружием, обозным и лагерным снаряжением, госпиталями.

В 1768 году началась очередная русско-турецкая война, которая стала переломным событием в жизни Акима Апухтина. Впрочем, как и в судьбе уже упоминавшихся выше Емельяна Пугачёва и Михаила Каменского. Аким Иванович Апухтин получил в этом году чин генерал-майора и перешёл в регулярную армию. Такое же звание имел в это время и Михаил Каменский. И оба они, находясь во Второй русской армии под командованием графа Панина, участвовали в осаде турецкой крепости Бендеры в сентябре 1770 года.

Вполне возможно, тогда произошла первая встреча двух генералов. И, очень вероятно, с ними обоими мог увидеться хорунжий (*в те годы –*

младший офицерский чин у казаков – А.П.) Емельян Пугачёв, который отличился при взятии Бендер 16 сентября 1770 года и получил благодарность от командира казачьего отряда полковника Кутейникова.

В 1773 году, в ходе продолжавшейся русско-турецкой войны, Михаил Каменский и Аким Апухтин одновременно получили очередной чин – генерал-поручика. В этом же году Апухтин стал членом Военной коллегии, и его подпись красовалась отныне на документах о награждении отличившихся в боях (*в том числе, несколько раз в списках был и Михаил Федотович Каменский*).

Решение единогласное: «Четвертовать...»

Сражения с турками ещё шли, когда Емельян Пугачёв, объявив себя императором Петром III и защитником народа, сумел со своими сторонниками на какое-то время захватить обширные территории на юго-востоке России. Императрица Екатерина II и помещики российские натерпелись страху за тот год, пока длилось пугачёвское восстание.

Схваченного в результате предательства Пугачёва несколько раз допросили, записывая его показания, а по окончании следствия Екатерина II 19 декабря 1774 года определила состав суда. Среди 11 *«персон первых трёх классов»* (имеется в виду *«Табель о рангах»* – А.П.) оказались и два старых знакомых – генерал-поручики Михаил Каменский и Аким Апухтин.

Первое заседание суда состоялось 30 декабря 1774 года в Тронном зале Кремлевского дворца. Были оглашены и рассмотрены результаты следствия. В этот день Каменский и Апухтин, изучая протоколы допросов Пугачёва, с удивлением узнали о том, что он – участник Семилетней и русско-турецкой войн, да к тому же, отличившийся при взятии хорошо знакомой им крепости Бендеры.

31 декабря утром в суд доставили Пугачёва. Стоя на коленях, он признал свои преступления, после чего суд единодушно принял решение: *«Емельку Пугачёва четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырём частям города и положить на колёса, а после на тех местах сжечь»*.

Казнь состоялась 10 (21) января 1775 года на Болотной площади, той самой, отличившейся совсем недавно событиями другого рода. Присутствовали ли на казни Каменский и Апухтин – не известно.

Дальнейшие пути двух земляков-генералов разошлись. Михаил Федотович Каменский ещё долго продолжал военную карьеру, удачно участвуя в битвах и дослужившись при Павле I до фельдмаршала.

«Воровство и предерзости» искоренял.

Аким Иванович Апухтин, оставив Военную Коллегию, в декабре 1782 года был назначен Симбирским и Уфимским генерал-губернатором.

Это было время, когда только-только Екатерина II провела административную реформу: появились наместничества и генерал-губернаторства. Генерал-поручик Апухтин стал одним из пионеров на своём посту, главное предназначение которого заключалась в охране юго-восточных

границ России. Непокойствие степи в 1782–1784 годах достигло крайних пределов, «воровство и дерзости» встречались на каждом шагу. И, надо отдать должное Акиму Ивановичу: многое из порученного Императрицей ему удалось сделать за короткий срок, пока в конце 1784 года он не ушёл в отставку. Поселился Апухтин в Москве, где и жил до самой кончины.

Литературу – любил, сына - воспитал

А теперь надо несколько слов сказать об увлечении Акима Ивановича, которое было свойственно многим представителям рода Апухтиных. Он любил литературу, театр, и именно ему принадлежит заслуга ознакомления русского читателя с польской просветительской драматургией, с комедиями в «польском вкусе». Причём, Апухтин переводил исключительно пьесы одного автора, Францишека Богомольца: «Мот, или Расточитель», «Брак по календарю», «Из одной чрезвычайности в другую». Была ли хоть одна из этих пьес поставлена на сцене театра – сведений нет.

Сын Акима Ивановича, Дмитрий Акимович Апухтин, жил в родовой усадьбе в Болховском уезде, дважды избирался болховским уездным предводителем дворянства. В 1812 году в чине капитана он поступил в ополчение и был назначен командиром батальона в полку князя Гагарина, а затем находился при командире гвардейского корпуса А.П. Ермолове, выполняя его поручения. В сражениях Дмитрий Акимович *«вел себя, по аттестации Ермолова, как храбрый и расторопный офицер»*: при Бородине был контужен в ногу и награжден медалью, за битву под Лейпцигом удостоился ордена Анны 3-й степени, за взятие Парижа получил орден Владимира 4-го класса с бантом.

Р.С. Возвращаясь к Пугачёвой. Если бы Алла Борисовна спела о своём знаменитом однофамильце, уверен: успех был бы грандиозный.

Цареубийца Яков Скарятин

В ночь с 11 на 12 марта (по старому стилю) 1801 года в Михайловском замке Санкт-Петербурга двенадцатью заговорщиками был убит император Павел I.

Спустя 50 лет, 23 февраля 1851 года, в Орловской палате гражданского суда была совершена раздельная запись от имени жены полковника, вдовы Натальи Григорьевны Скарятиной и её сыновей – Владимира, Александра, Дмитрия и Николая Яковлевичей. Мать и дети договорились о разделе между ними недвижимого имущества, оставшегося после смерти полковника Якова Фёдоровича Скарятин и его старшего сына Григория Яковлевича Скарятин в Малоархангельском, Мценском, Ливенском уездах Орловской губернии и Щигровском уезде Курской губернии.

Военная карьера Якова Скарятина

Яков Скарятин

Какая, казалось бы, связь между этими двумя событиями? Самая прямая. Одним из 12 царевичей был штабс-капитан Лейб-гвардии Измайловского полка Яков Скарятин. Причём, его роль – откровенно палаческая. Вот как описал те трагические события один из современников, М.А.Фонфизин: « князь Яшвиль, Татаринов, Гарданов и Скарятин яростно бросились» на царя, «вырвали из его рук шпагу; началась отчаянная борьба. Павел был крепок и силен; его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломили ему голову и, наконец, задавили

шарфом Скарятина». Другой из современников, граф Ланжерон, уточнил, что Скарятин, «сняв висевший над кроватью собственный шарф императора, задушил его им». До недавнего времени о молодых годах жизни штабс-капитана Скарятина, кроме самого факта участия его в царевичестве, было мало что известно.

Однако в 2002 году военно-исторический журнал «Цейхгауз» (№1 за 2002 год) опубликовал три небольших документа из фондов Российского Государственного Военно-исторического архива, которые заметно расширили наши сведения об известном орловском помещике.

Из «Всепоподданнейшего прошения ... об увольнении от службы», написанного Я.Ф.Скарятиным 6 сентября 1806 года на имя императора Александра I, стало известно, что он начал военную карьеру подпрапорщиком в августе 1783 года и, проходя по ступеням служебной лестницы, 15 октября 1800 года был удостоен штабс-капитанского звания, в сентябре 1803 года - капитанского, а уже в декабре того же года Скарятин получил звание полковника Лейб-гвардии Измайловского полка. В 1805 году он принял участие в заграничном походе против французских войск и сражался с ними под Аустерлицем. За проявленное в бою мужество полковник Яков Скарятин был награждён орденом Владимира 4-степени (с бантом). И на этом военная карьера гвардейца подошла к концу. Правда, он успел получить ещё орден Св. Иоанна Иерусалимского.

Но уже в следующем, 1806-ом, году Скарятин просит уволить его на статскую службу, мотивируя это состоянием здоровья. Лекарь полка выдаёт ему соответствующую справку (не может служить из-за «продолжающегося удущья и лома в бывшей переломанной ноге»).

Бумаги поступают сначала к Великому князю Константину Романову, а от него – к императору Александру I. Царь даёт «добро» - и полковник Скарятин становится гражданским человеком и отправляется в родовое своё имение – село Троицкое Малоархангельского уезда Орловской губернии.

Помещичья жизнь. Семья и дети

Было ему в тот момент (согласно сведениям служебного формуляра) 26 лет и был он год как женат на женщине известной и очень уважаемой в светских кругах – княжне Наталье Щербатовой (Щербатовы – знатное семейство с влиятельной роднёй).

Отец Якова Скарятина, бригадир (*промежуточный чин между полковником и генерал-майором*) Фёдор Васильевич, умер рано, оставив большое богатство двум своим детям. Дочь Мария удовлетворилась получением от брата 40 000 рублей, отказавшись от всего остального. Так Яков Фёдорович Скарятин и оказался единственным наследником недвижимых имений, крепостных крестьян и дворовых людей в четырёх уездах Орловской и Курской губерний.

Теперь стоит перечислить населённые пункты, хозяином которых стал молодой и красивый помещик.

В Малоархангельском уезде Скарятин владел: селами - Троицким, Красным, Рождественским, селцом Синковцом, селцом Теляжьим, деревнями - Троицкой, Богохранимой, Трудской, Верхней Трудской, Стрелкою, Жериханью.

В Ливенском уезде ему принадлежали: село Пеньшино, село Васильевское, деревни - Ивановка, Мачилы, Огороженная Дуброва, Маховая.

Во Мценском уезде у Скарятина имелось село Алисово (Неручь тож).

И, наконец, в Щигровском уезде Курской губернии его поместья составляли: село Никольское, село Ховатка и деревни Репище и Поздеева.

Общее число крепостных крестьян и дворовых душ во всех вышеперечисленных населённых пунктах - 3164 человека. А земельный массив, принадлежавший полковнику Скарятину, достигал 19 650 десятин (в переводе на гектары – 21 418,5 га).

Даже такие крупные землевладельцы Орловской губернии, каковыми считались князья Куракины, заметно уступали Скарятину по количеству принадлежавшей им земли.

Мне всегда казалось, в некоторой степени, странным сравнение – князья Куракины и обыкновенный полковник (хотя и гвардейский), каким к концу службы был Яков Фёдорович Скарятин, – а по богатству он превосходил «сиятельнейших». Мало того, если говорить в целом о влиянии семей Скарятиных и Куракиных на жизнь Малоархангельского уезда (а именно здесь были сосредоточены основные владения тех и других), то Скарятин имел явное преимущество. Предводителями Малоархангельского дворянства (с момента образования уезда) были представители четырёх поколений Скарятиных.

Впрочем, и на губернском уровне Скарятин не подкачал – они были предводителями дворянства и губернаторами не только в Орловской, но и в Курской, Казанской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях.

В Малоархангельском же уезде во времена Якова Фёдоровича уездная жизнь кипела, скорее, не в самом Малоархангельске, а в главном имении

Скарятинных – селе Троицком (ныне – Верховского района), в 70 верстах от уездного центра. Многочисленные просители со своими письмами приезжали сюда, а не в город, да и малоархангельские чиновники значительную часть времени проводили в Троицком.

Здесь, в старинном и большом селе, поселился в конце XVIII века основатель рода Скарятинных – Василий Тихонович, первый предводитель малоархангельского дворянства, а потом продолжали жить его дети, внуки и правнуки. В Троицком был дедовский дом, мельница с толчейей, винокуренный завод, пруд с рыбой и знаменитый на всю губернию конский племенной завод русской породы. Скарятинны считались одними из крупнейших коннозаводчиков в России. В 1844 году у Якова Фёдоровича в имении имелось 17 кобыл-маток, 53 верховых лошади и 4 заводских жеребца. Ежегодно на соседних ярмарках он продавал не один десяток своих лошадей.

Вообще, полковник Скарятин, начав жить помещичьей жизнью, оказался образцовым хозяином и активным деятелем малоархангельского дворянства (несколько раз избирался предводителем), как будто старавшимся за хозяйскими заботами и общественной деятельностью навсегда забыть о своём бурном и буйном прошлом.

И если в молодости он не раз хвастался в частных беседах, как он лично участвовал в убийстве царя Павла I, то в зрелые годы предпочитал не говорить об этом, всё чаще его посещали мысли о Боге, который никак не мог одобрить такое преступление.

У Якова Фёдоровича и Натальи Григорьевны родилось шесть сыновей: Фёдор, Григорий, Владимир, Александр, Дмитрий и Николай. В уезде и губернии полковник и княжна Скарятинны имели репутацию просвещённых, культурных родителей, которые постарались дать детям приличное воспитание. Сыновья служили в гвардии и при дворе, были вхожи в высший свет. Почти все они были знакомы с Пушкиным и его кругом и оставили воспоминания об этом.

Но, вероятно, отцовские бунтарские гены сказались, и самый старший из сыновей, Фёдор, был арестован по делу декабристов. Правда, выяснилось, что по причине молодости (19 лет) он не мог быть активным участником заговора. Да и заступничество влиятельных покровителей сказало свою роль. Фёдор Скарятин был освобождён из-под ареста, продолжил службу по военной части, был адъютантом у московского генерал-губернатора. Из всех братьев, он оказался самым способным к творчеству. Талантливый художник-любитель, хорошо писавший маслом, он стал одним из основателей Московских художественных классов (училища живописи, ваяния и зодчества). Умер Фёдор рано, в 29 лет, от чахотки. И это был первый удар, наказание Божье, как посчитал сразу же полковник.

Второй по старшинству сын Якова Фёдоровича, Григорий, сделал блестящую, по понятиям того времени, карьеру. Помогали ему, несомненно, его обаяние и умение легко находить общий язык с самыми разными людьми. С одной стороны, он дружил со многими знакомыми Пушкина,

лично знал и самого поэта. С другой стороны, все считали Григория Скарятина другом Дантеса. Кстати, о дуэли Пушкина с Дантесом именно Григорий Скарятин сообщил первым А.И.Тургеневу.

Григорий Яковлевич был флигель-адъютантом императора Николая I, участвовал в боевых походах, дослужился до звания генерал-майора. Во время Венгерской революции отряд под командованием Г.Скарятина (в составе корпуса фельдмаршала Паскевича) был послан на подавление восстания в Венгрии. Там, 9 июля 1849 года, в сражении под Шесбургом (*современный город Сигишоар в румынской Трансильвании – А.П.*) Григорий Скарятин погиб. На месте его гибели был поставлен ему памятник – постамент с лежащим на нём львом.

Смерть второго сына окончательно подкосила Якова Фёдоровича. Мучили его в последнее время и угрызения совести из-за участия в царевубийстве. Возможно, поэтому, отмаливая грехи, полковник Скарятин стал одним из главных благотворителей при строительстве возводившегося в Орле на средства дворян губернии кафедрального Петропавловского собора (его заложили как раз в день коронации Павла I в 1797 году). Но в процессе возведения стен собор пошёл трещинами и, то и дело, был вынужден ремонтироваться, что послужило распространению слухов среди орловцев о том, что Бог не принял дар именно от Скарятина-царевубийцы.

В 1850 году, менее чем через год после смерти сына Григория, Яков Петрович скончался, оставив завещание похоронить себя в родовом селе Троицкое, но чтобы обязательно его отпели в Петропавловском кафедральном соборе. Жена и дети так и поступили.

А в самом начале 1851 года наследники договорились о разделе семейного достояния. Наталья Григорьевна отказалась от каких-либо поместий мужа, взяв с сыновей обязательство выплачивать ей по две тысячи рублей серебром ежегодно. Каждый же из детей получил движимое и недвижимое имущество: статский советник Владимир Яковлевич Скарятин – 746 крепостных душ и 7748 десятин земли, надворный советник Александр Скарятин – 790 душ и 7420 десятин земли, губернский секретарь Дмитрий Скарятин – 697 душ и 5483 десятины земли, гвардии подпоручик Николай Скарятин – 931 душу крепостных крестьян и дворовых людей (*а вот количество его земли в раздельной записи почему-то не названо – А.П.*).

Даже поделённые на четверых, поместья Якова Фёдоровича Скарятина вызывали уважение и зависть многих соседей-помещиков своими размерами.

Но о судьбе этого наследства и судьбах детей и внуков полковника-царевубийцы – отдельная история.

Скарятины – дети царевубийцы

В этом материале речь пойдёт о том, какой след оставили в российской истории те четверо детей Якова Фёдоровича Скарятина, о которых мы ещё не говорили.

Дипломат Александр Скарятин

Александр Яковлевич Скарятин в семье родителей занимал особое положение. Отлично образованный человек, коллекционер и любитель искусства, большую часть своей жизни он провёл за границей, в Италии. Произошло это и по причине его слабого здоровья (ему нельзя было долго находиться в северном климате) и потому, что он, будучи дипломатом, служил русским консулом в Неаполе. На родине *(ему принадлежали село Рождественское, Ивановка тож, на речке Фошня, и деревня Ушакова - в современном Колпинском районе, - А.П.)* он бывал очень редко.

Живя в Италии, Александр Яковлевич, увлёкся музыкой европейского Возрождения и стал коллекционировать старинные ноты. Манускрипты эти уже и в его время были очень редки и труднодоступны. Если удавалось, коллекционер покупал подлинники, если не получалось, то Скарятин нанимал переписчиков и снимал со старых нот копии. Так образовалось (это выяснилось позже) редчайшее собрание музыкальных записей, составившее 90 рукописных томов. После смерти в 1884 году Александра Яковлевича коллекцию привезла в Россию его дочь Скарятин, Мария Дембская.

Современные виртуозы-исполнители, обращающиеся к произведениям А.Вивальди, Г.Генделя и многих других композиторов Средневековья, часто держат в руках эти драгоценные рукописные книги, хранящиеся в научной библиотеке Московской государственной консерватории.

Упомянутая дочь А.Я.Скарятин, Мария Александровна Дембская, была перед революцией последней «барыней» в скарятинских Рождественском и Ушаковой. Правда, она, как и отец, появлялась в здешних местах очень редко, постоянно проживая за границей.

Казанский губернатор Николай Скарятин

Самому младшему из сыновей Якова Фёдоровича, Николаю (он родился в 1823 году в родовом имении Троицкое), в то время - боевому офицеру, при разделе наследства достались земли в Щигровском уезде Курской губернии. Николай Яковлевич успел ещё принять участие в Крымской войне, а затем, оставя службу военную, он быстро сделал себе карьеру по «статской части».

В 60-70-ые годы XIX века его имя, как казанского губернатора, было на устах у всего Поволжья.

Скарятин отличался особой неумностью своего деятельного характера, которая нередко переходила все обусловленные пределы дозволенного. А выливалось все это в лавины разносов, которые обрушивались на головы нерадивых чиновников как лиц, несущих по воле своей определенную общественную службу и допускавших в ней существенные огрехи. О "зверствах" и "грубости" казанского губернатора ходили легенды.

Впрочем, некоторые из них имели место быть. Одно бесспорно - появление на улицах города губернатора в своей маленькой одноместной

пролетке, которую называли не иначе как "эгоистка", ввергало в пучину страха и трепета любого полицейского.

При всем этом в частной семейной жизни он слыл аристократом и джентльменом. И в этом немалую роль играла добрая и любимая всеми жена его Прасковья Ивановна. Удивительно было то, что, несмотря на все его самодурство, грубость и "забвение человеческого достоинства в подчиненном" казанские обыватели относились к нему без озлобления и даже с некоторой долей симпатии. *Ведь такого образцового порядка, как при Скарятине, город не знал никогда. Характерной чертой в административной деятельности Николая Яковлевича было четкое и обязательное выполнение данного обещания. Тому примером может быть история с перестройкой казанского городского театра.*

В ночь с 3 на 4 декабря 1874 года театр в очередной раз полностью сгорел. После пожара Николай Яковлевич подошел к антрепренеру П.М. Медведеву и торжественно объявил: "Формируйте оперу: на будущий год 1 октября будете уже играть в новом театре".

Скарятин сдержал свое слов. 1 октября 1875 года театр принял первых зрителей. По своим размерам и благоустройству он считался одним из лучших в российской провинции, уступая пальму первенства лишь Варшавскому и новому Одесскому театрам. Обширный пятиярусный зрительный зал свободно вмещал до 1150 человек, сохраняя при этом высокий уровень акустики. Но, пожалуй, самым запоминающимся в новом театре был главный занавес, расписанный известным театральным художником, академиком Михаилом Ильичем Бочаровым.

К сожалению, этот, как писали в то время, "удачнейший памятник русской декорационной живописи", как и "скарятинский театр", сгорел в 1919 году.

Нельзя не упомянуть и еще об одном событии, которое, благодаря губернатору Николаю Скарятину, поставило Казань в один ряд с обеими столицами. Речь идет об устройстве в городе конно-железных дорог. 2 октября 1875 года Казань стала первым провинциальным центром, где появилась конка.

Какой след оставил губернатор Скарятин в казанской истории? Сторонники демократических начал его осудят, а любители "твердой власти" с умилением проследят за ним. И каждый по-своему будет прав. Ведь и сегодня объективно определить место личности в истории очень сложно.

Кроме Казани, успел Николай Яковлевич короткое время побывать ещё и санкт-петербургским губернатором, и курским предводителем дворянства. И всюду показывал свой горячий характер, стараясь «пользы для...». Умер Н.Я.Скарятин в 1894 году в своём имении Тесове (Сыченского уезда Смоленской губернии), похоронили его на кладбище села Мелюкова.

Егермейстер Владимир Скарятин

Владимир Яковлевич Скарятин, третий из сыновей Якова Фёдоровича, тайный советник и егермейстер Двора Его Императорского Величества,

унаследовавший родовую усадьбу в селе Троицкое, везде, где бы ни служил, оставлял о себе не самые добрые воспоминания - по причине самодурства, грубости и вздорного характера. Иван Сергеевич Тургенев, имевший как-то раз необходимость обращаться к Владимиру Яковлевичу, бывшему тогда орловским предводителем дворянства, увидел такое самодовольно-спесивое к себе отношение, что больше не захотел с ним встречаться.

А в декабре 1870 года Владимир Скарятин, будучи опытным охотником (егермейстер – это как раз крупный придворный чин по этой части), погиб на одной из царских охот на медведя. Виноватым оказался руководитель той охоты, граф Ферзен (его уволили со службы), но ещё долго в придворной среде ходили слухи, что Скарятин погиб от выстрела самого царя, Александра II, и что это его месть за деда, Павла I.

В «Правительственном вестнике» от 27 января 1871 года было опубликовано донесение комиссии, на которое император наложил резолюцию: *«Усматривая из дел, что смерть егермейстера Скарятина произошла от случайного выстрела графа Ферзена и, признавая последнего виновником в позднем сознании, я, во внимание к его более чем пятидесятилетней службе, вменяю ему в наказание настоящее увольнение от службы. За сим считать дело оконченным».*

Малоархангельский предводитель дворянства Дмитрий Скарятин

Дмитрий Яковлевич Скарятин – самый незаметный из всех шести братьев. Он был владельцем поместий в сёлах Пеньшино и Нижнем Жёрновце. Хозяйничал в своих владениях сам. Трижды на трёхлетние сроки избирался малоархангельским предводителем дворянства.

140 дворян Малоархангельского уезда, желая почтить заслуги Д. Я. Скарятина, оказанные им в продолжение трех трехлетий его служения в этой почётной должности, собрали деньги для изготовления кубка как памятного подарка предводителю.

Корпус кубка был украшен гербом Д. Я. Скарятина и тремя горельефами, покрытыми платиной и изображающими: Ополчение, Освобождение крестьян и Земство.

«Во время этих трех замечательных событий для России, Д. Я. Скарятин служил предводителем дворянства и принимал в них живейшее участие.

В горельефе, изображающем Земство, на первом план рельефно выдается фигура самого предводителя дворянства Д. Я. Скарятина, замечательная по сходству и отчетливости исполнения. Несколько сзади виден стол с зеркалом. Вокруг стола восседают представители всех сословий. Внизу надпись: 1-е января 1864 г.

Вокруг верхней части кубка сделана выпуклыми славянскими буквами надпись: Дмитрию Яковлевичу Скарятину от дворян Малоархангельского уезда 1868 г».

Об усадьбе Троицкое

Родовую столицу Скарятиных, село Троицкое Малоархангельского уезда, унаследовал после трагической смерти на охоте отца его сын, тоже Владимир, сделавший карьеру на военной службе: дойдя до звания генерал-лейтенанта, он превзошёл даже своего героического дядю Григория.

Мне удалось найти описание усадьбы в Троицком во времена Владимира Владимировича Скарятин, сделанное его племянницей, княжной Кантакузиной-Сперанской, постоянно гостившей у дяди в этом любимом ею месте.

«Это чудесное поместье принадлежало семье Скарятиных в течение 300 лет, первым владельцем его был татарский мурза Скарята. Современный дом был построен в середине XIX века — огромный, двухэтажный, с более чем сотней комнат, некоторые из них были расписаны знаменитыми итальянскими мастерами. Знаменитая липовая аллея вела к парадному входу, фасад выходил в парк. Парадные залы... были поистине прекрасны, очень пропорциональны и обставлены мебелью, доставшейся от Наполеона предку хозяев, генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву-Задунайскому.

Даже конюшни в имении были построены в той же пышной манере, что было не свойственно для России, где подсобные помещения усадеб мало чем отличались от крестьянских домов... Троицкое строил прадед Скарятин, которому эти земли были пожалованы в подарок — как Зубову, Панину, Бенгисену и прочим — Александром I за участие в убийстве безумного Павла I.

...Сразу после охоты я отправилась поездом в Троицкое — через Москву и Орел. Мы сошли на маленькой станции Верховье, оставшиеся 20 миль ехали в экипаже и, наконец, за деревьями увидели наш чудесный дом. Громадная прихожая вся была увешана охотничьими трофеями — оленьими и волчьими головами, чучелами убитых медведей и лис. Парадные комнаты были обставлены a la française; по вечерам, освещенные мягким светом масляных ламп, они выглядели очень уютно, отблески огня отражались в роскошном паркете, инкрустированном перламутром — этому паркету было уже более 80 лет, и сделан он был руками талантливых крестьян-плотников».

P.S. К сожалению, от этой роскошной усадьбы не осталось почти ничего. И когда в 1999 году в Орёл приехала из-за границы Наталия Михайловна Грин-Скарятин, дочь последнего владельца Троицкого, Михаила Владимировича Скарятин, местные власти смогли показать ей только сохранившийся и действовавший на ту пору спиртзавод, построенный когда-то её предками. Но сейчас и он закрыт. И нам остаётся только любоваться фотографиями старинной усадьбы - из альбома, подаренного областному краеведческому музею последней хранительницей традиций старинного орловского дворянского рода. Помещики Скарятин ушли в историю навсегда, но навсегда они там и останутся.

«Жертва» Михаила Скарятина

Открыватель тайн Каббалы

О расстреле царской семьи за 90 с лишним лет, прошедших с этого трагического события, написаны горы литературы, - как документальной, так и художественной. Но среди огромного числа самых разнообразных книг не затерялась маленькая брошюра, под названием «Жертва», выпущенная ещё в 1925 году в городе Новый Сад в Югославии. Автор её, подписавшийся псевдонимом «Энель», на 20 страничках рассказывал читателю о странной надписи, начертанной на стене комнаты, в которой были убиты Николай II и его семья.

Вообще-то, если быть точным, надписей имелось две. Они обе были потом изучены следователем Н.А.Соколовым. Первая из них, двухстрочная, на немецком языке, цитировала стихотворение Г.Гейне «Валтасар»:

Belsazar ward in selbiger Nacht

Von seinen Knechten umgebracht.

(«В эту самую ночь Белшацар был убит своими слугами»).

Другая надпись представляла собой четыре каббалистических знака (каббала — мистическое направление в иудаизме, появившееся в XII веке и пытавшееся осмыслить роль и цели Творца, природу человека, смысл его существования — А.П.)

Три из них — буквы «л» разных алфавитов, «ламед» арамейского, «ламед» самаритянского и «ламбда» греческого. Четвертый знак — косая черта. Причем, буквы изображены были перевернуто, «вверх ногами».

Михаил Скарятин

Расшифровке второй надписи и посвятил свою книгу «Жертва» неизвестный тогда никому Энель. Дело это было очень непростое и неоднозначное. Поскольку в каббалистике буквы имеют и символическое, и цифровое, и астрологическое значение, особое значение могут иметь и сочетания букв, и сочетания самих значений, «суммирующихся» разными способами. Нужно было обладать большими знаниями в оккультных науках и древних языках, чтобы решиться на это. Но автор решился — и довёл дело до логического завершения.

Не буду пересказывать цепочку его рассуждений (каждый может найти эту книгу в интернете — А.П.), но приведу результирующий итог по расшифровке надписи, сделанный Энелем:

«Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы».

В советские времена о разного рода религиозных, мистических и каких-либо потусторонних вещах предпочитали не говорить вообще. Поэтому и о каббалистической надписи в Ипатьевском доме почти нигде не упоминалось, тем более, о её расшифровке. Об Энеле и его «Жертве» в российских изданиях стали писать совсем недавно, оценивая этот труд по-разному: от резкого неприятия всего произведения как ненаучного – до полного признания правоты содержащихся в нём аргументов и выводов.

Я не буду присоединяться к тем или иным сторонникам. Но то, что внимание сейчас к Энелевской «Жертве» велико – это факт.

А теперь, наконец, пришла пора раскрыть псевдоним автора, остававшегося неизвестным до начала XXI века, пока русский православный историк Сергей Фомин в изданной им книге *«Граф Келлер»* (Москва, «Посев», 2007) не привёл данные о настоящем имени Энеля: *Михаил Владимирович Скарятин*.

Судьба офицера и учёного

Да, уважаемый читатель, *Михаил Скарятин*, и он не просто однофамилец тем, о которых я рассказывал наш в двух предыдущих очерках (*«Цареубийца Яков Скарятин»* и *«Скарятин: дети цареубийцы»*), а последний из этого знаменитого семейства владелец родовой усадьбы Скарятных в селе Троицкое Малоархангельского уезда.

Появился на свет Мика (так звали его родные и близкие) 6 мая 1883 года в семье генерал-лейтенанта и шталмейстера Двора Его Императорского Величества (*придворный чин 3 класса, заведующий царскими конюшнями – А.П.*) Владимира Владимировича Скарятин и его жены Марии Михайловны, урождённой княгини Лобановой-Ростовской. У них было четверо детей, но Михаил оказался единственным сыном.

Обучался он на дому, потом – в гимназии, после окончания которой поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Способный юноша, овладевший в гимназические годы изучавшимися тогда древнегреческим языком и латынью, Михаил Скарятин самостоятельно сумел изучить также древнееврейский язык, санскрит и научился читать древнеегипетские иероглифы (*это не считая французского и английского языков, которыми он владел в совершенстве – А.П.*). Увлечение Востоком отразилось на оформлении мастерской его усадебного дома в селе Троицкое: она вся была заставлена античными статуэтками, низкими диванами, увешана восточными тканями, и всюду лежали книги на древних языках.

Одним из первых в Петербурге, он стал заядлым автомобилистом, но, одновременно, увлекался скаковыми лошадьми, и, видимо, это сподвигло его после окончания курса в университете в 1905 году поступить вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Кавалергардский полк. В следующем году он получил чин корнета и остался на военной службе,

карьера на которой шла успешно: Михаил Скарятин добрался до чина полковника. Перед Первой Мировой войной он был откомандирован по состоянию здоровья в часть, остававшуюся в Санкт-Петербурге, но через некоторое время отправился на фронт, успел поучаствовать в боевых действиях и получить тяжёлое ранение.

Не прерывая службы, он умудрялся заниматься наукой. Так, проведя зиму 1908 года в Египте и возвратившись потом в Россию, Скарятин опубликовал во французской прессе несколько статей под псевдонимом *Энель*. Труды русского офицера обратили на себя внимание в зарубежных научных кругах, что позволило ему после того, как в ходе гражданской войны Скарятин эмигрировал, переехать в Египет и продолжить свои исследования.

Труды М.В.Скарятин по египтологии, публиковавшиеся в сборниках Французского археологического восточного института и в специализированных издательствах в Лондоне, снискали ему международную известность (но не принесли особого богатства). Многие тексты на непрочитанных до этого папирусах расшифровал именно Скарятин.

Однако издавались у него и другие книги, связанные с увлечением всей его жизни - с оккультными науками (ещё в юности, по словам его кузины Кантакузиной-Сперанской, у него была какая-то степень за заслуги в них – А.П.). Самой известной из книг на мистическую тематику стала трилогия «*La Trilogie de la Rota*».

Но, несмотря на внешнее увлечение оккультизмом, это, всё-таки, было скорее научное стремление, поскольку до конца своей жизни Михаил Скарятин оставался православным человеком и в течение нескольких лет избирался старостой русской церкви в Каире.

Научный же авторитет его был неоспорим. Долгие годы Михаил Владимирович являлся директором Русского отдела Министерства внутренних дел Египта.

Женат Скарятин был на Леотине Пуни, дочери итальянского композитора и дирижера. Верная и любящая супруга сопровождала мужа всюду, куда заносила их эмигрантская судьба: от Югославии и Франции до Египта и Швейцарии, где, в конце концов, и завершился жизненный путь большого учёного Михаила Скарятин. Он умер в ноябре 1963 года и похоронен был на кладбище городка Глион, приютившегося на самом берегу Женевского озера.

Эмигрируя из России в 1920 году, Скарятин сумел увезти только семейный архив и несколько реликвий, которые бережно хранил все годы заграничных странствий. Единственная дочь Михаила Владимировича, Наталия Михайловна Грин-Скарятин, посетив летом 1999 года Орёл, большую часть семейных ценностей подарила землякам. И теперь в Орловском краеведческом музее хранятся подлинные фотографии и документы, альбомы с фотографиями усадебной жизни села Троицкого, орден Св.Иоанна Иерусалимского (*принадлежавший Якову Скарятину* –

А.П.) и книги Энея - Михаила Владимировича Скарятин: «Священный язык» и «Загадка Сфинкса», изданные в Париже в конце XX века.

А одной из лучших картин, экспонирующихся ныне в Орловском музее изобразительных искусств, является портрет Марии Михайловны Скарятиной, урождённой княгини Лобановой-Ростовской, матери Михаила Скарятин.

Наша орловская история и история одной семьи оказались связаны навсегда.

Мухортовы

(несколько фактов из жизни одного помещичьего семейства)

В наше время люди среднего возраста, пожилые и старики часто ругают молодёжь – за то, что она не такая, какими были они в молодости, что вообще у современных молодых людей нет идеалов, и многие из них – уголовники, наркоманы, алкоголики и аморальные типы. И, если следовать этой логике умудрённого опытом поколения, то выходит, что чем глубже опускаться в историю, тем моральнее в веках становятся представители молодёжи.

А между тем, люди (и молодёжь, естественно, тоже), с точки зрения своего поведения, мало изменились. Всегда были и есть те, кто следует закону (их большинство), и те, кто его нарушает (явно или тайно).

Послушай, читатель, историю, случившуюся давным-давно, когда ещё и Орловской губернии-то не было.

«Дело о нещадном наказании розгами...»

30 ноября 1772 года у ливенского помещика, секунд-майора Фёдора Яковлевича Мухортова пропала малолетняя дочь Анна. Поиски, в которых принимали участие все дворовые люди помещика, долго не давали результатов, пока не проговорилась одна из крепостных малолетних девок, Дарья Михайлова, что знает о судьбе пропавшей.

Она, а потом и её подружки рассказали, что случилось вечером 29 ноября. Помещичья дочь Анна любила (за неимением подруг из своего круга) играть с ровесницами из числа дворовых, и отец, Фёдор Мухортов, особо этому не противился.

Из-за чего произошла ссора помещичьей дочки и крепостных девчонок, никто потом на следствии не упоминал. Может быть, всё и закончилось бы, в крайнем случае, выдиранием клока чьих-нибудь волос, да подключились к делу увидевшие ссору взрослые крепостные мужики этого имения – Фёдор Фролов, Иван Осипов и «новокрещённый из турок» Павел Иванов. Они-то и подговорили малолеток и сами помогли страшное дело сделать: задушили помещичью дочь. А потом, чтобы скрыть следы преступления, все вместе отнесли тело убитой к реке, где бросили под колёса работающей водяной мельницы.

Немедленно к месту водосброса были Мухортовым посланы крепостные крестьяне, и через несколько часов тело Анны было найдено. Будь Фёдор Яковлевич обычным крепостником, наверное, он наказал бы и взрослых убийц, и девочек-малолеток самостоятельно, ведь лишился единственной дочери. Однако помещик поступил по закону и написал «прошение» в Ливенскую воеводскую канцелярию.

Сразу же об этом событии узнал Воронежский губернатор, генерал-поручик и кавалер Алексей Михайлович Маслов.

И закрутилось дело, перипетии вокруг которого длились целых 10 лет, поскольку уж очень необычным оказалось оно для чиновников и судей.

Для начала, конечно же, всех преступников заключили под стражу («под караул»). Но если со взрослыми было всё понятно, и их быстро осудили отдельно (как обычных убийц), то с малолетними ни ливенские чиновники из Воеводской канцелярии, ни судьи Ливенского уездного суда дел никогда не имели и очень сильно затруднились.

Поэтому Ливенская воеводская канцелярия, после первичного рассмотрения «дела малолетних дворовых девок Дарьи и Елены Михайловых, Агафьи Ивановой, Авдотьи Марковой, Натальи Семёновой, Афимьи Герасимовой, Пелагеи Осиповой, Дарьи Ивановой и Дарьи же Максимовой дочерях», направила прошение по инстанции, в Воронежскую губернскую канцелярию.

Воронежские чиновники сделали запрос в Крутицкую духовную консисторию, выясняя, сколько же лет преступницам, однако оттуда пришёл ответ, что метрических книг с записями о рождении названных лиц нет.

Не решившись на самостоятельные действия, Воронежская губернская канцелярия обратилась во Второй Департамент Правительствующего Сената.

Пока шла переписка, шли и годы. А малолетки, подрастая, продолжали сидеть «под караулом». Уже и губернатор в Воронеже сменился (им стал генерал-поручик Николай Лаврентьевич Шетнев), когда, наконец-то, из Правительствующего сената поступил указ:

подвергнуть принимавших участие в «задушении помещицъей дочери дворовых девок нещадному наказанию розгами» - и возратить их хозяину, секунд-майору Фёдору Мухортову.

Вот так и закончилось это неординарное дело, хранящееся в фондах Государственного архива Орловской области (ф.28, оп.1, ед.хр.6).

А все ли малолетние (хотя и подросшие уже) преступницы выжили после того наказания, бумаги умолчали.

Я рассказал тебе, читатель, об истории, случившейся с дочерью Фёдора Мухортова, основателя дворянского рода, о котором поведаю дальше, рода, хорошо известного как в Орловской губернии, так и в России. Представители этого семейства дружили со многими известными деятелями российской культуры и оставили в ней заметный след. Итак, обо всём по порядку.

Захар Мухортов, знакомый Ивана Тургенева

29 октября 1854 года Иван Сергеевич Тургенев пишет письмо Николаю Алексеевичу Некрасову, в котором спрашивает: *женился ли Захар Николаевич Мухортов?*

Если один великий писатель задает вопрос другому великому писателю в отношении третьего лица, значит, этот персонаж достоин внимания знаменитых личностей.

В примечаниях к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева сказано, что Захар Николаевич Мухортов – знакомый Тургенева, вице-президент Вольного экономического общества, гофмейстер двора, владелец имения в Орловской губернии.

Иван Сергеевич очень ценил Мухортова как экономиста и хозяйственника и когда с начала 70-ых годов XIX века начал подумывать об аренде или продаже своих имений, чтобы улучшить экономическое положение, то уповал на помощь и советы опытных соседей – И.Ф. Кутлера и, конечно, З.Н. Мухортова.

Когда же Тургенев в 1875-ом году начал практическую реализацию этих планов, то свое имение Топки он предложил взять в аренду опять – таки Захару Николаевичу. Сделка не состоялась, но на хороших отношениях писателя и вице-президента Вольного экономического общества это никак не сказалось – тем более, что уже в следующем году Мухортов скоропостижно скончался.

Хорошо знал писатель и Александру Николаевну Мухортову (Юханцеву - в девичестве), с которой регулярно общался и в Санкт-Петербурге, и за границей, в Париже. В одном из писем Тургенев называет ее «приятельницей». Иван Сергеевич и Александра Николаевна приезжали друг к другу на чай и теплую беседу.

Особенно сблизились Тургенев и Мухортова в последние годы жизни писателя. В письме М.М. Стасюлевичу от 8(20) декабря 1882 года из Парижа Иван Сергеевич просит его передать оттиски «Стихотворений в прозе» пяти адресатам, в том числе и Александре Николаевне.

Судя по всему, была в эти годы и переписка между Тургеневым и А.Н. Мухортовой. Доказательством этому служит письмо Ж.А. Полонской, в котором она сообщала писателю: *«Мой муж был у Александры Николаевны Грот, бывшей Мухортовой, и слышал от нее, что будто бы Вы писали ей, что хотите вернуться навсегда в свое Отечество – честь Вам и слава, если это правда, а не просто фраза из желания помазать по губам».*

Имения Тургенева и Мухортовых в Малоархангельском уезде Орловской губернии находились по соседству. От Федоровки, принадлежавшей Мухортовым, до Топков всего 12 верст.

В августе 1878 и в августе 1881 года (в свой последний приезд в Россию) страстный охотник Тургенев приезжал поохотиться именно в мухортовское имение, в котором в это время проживали сама Александра Николаевна и два ее сына – Николай и Захар, не меньше писателя уважавшие одно из любимых помещичьих занятий.

Шуточное упоминание о первой из этих охот содержится в письме А.А. Фету, которому из Буживаля 30 сентября (12 октября) 1878 года Тургенев сообщал: *«В течение последних двух лет я убил всего одну галку, и то не здесь, а в России, в Малоархангельском уезде, в имении господжи Мухортовой, у которой я гостил»*.

Пожалуй, именно этими сведениями и ограничиваются те знания о Мухортовых, которые мы могли бы почерпнуть из писем самого Ивана Сергеевича или литературы о нем.

Нам неизвестны произведения Тургенева, в которых отразилась бы в том или ином виде биография Захара Мухортова или кого-либо из членов его семьи.

Однако я думаю, что судьба Захара Николаевича, его жены и детей (впрочем, и истории их рода) достойна была такого отражения. Впрочем, я не литературовед, а краевед, и мой материал - о семье, имевшей какое-то отношение к великому русскому писателю.

Малоархангельские помещики Мухортовы

Согласно ливенским писцовым (Приправочной и Переписной) книгам XVII века служилые люди Мухортовы были в числе пионеров, колонизаторов и пахарей этого, тогда пограничного с «диким полем», края.

Государство за пограничную службу и за освоение безлюдных ранее мест наделяло первых помещиков земельными владениями, очень небольшими вначале и чаще всего без крепостных крестьян. Получили такие участки и Мухортовы.

После образования Орловской губернии и появления нового уездного деления мухортовские владения оказались в Малоархангельском уезде. Так, согласно «Сказкам 4-ой ревизии о помещичьих крестьянах Малоархангельского уезда» (это 1782-ой год) у подпоручика Ивана Мухортова и его брата, секунд-майора, Федора Мухортова они имелись в селе Вязоватое.

Фёдор Яковлевич Мухортов, с рассказа о семейной трагедии которого я начал повествование, с течением времени владел уже несколькими поместьями. Одно из них удобно расположилось в верховье речки Кунач, где возник вначале небольшой населенный пункт, названный фамилией владельца.

Шло время, дворянский род Мухортовых ветвился и рос численно. У Фёдора Яковлевича родились трое сыновей: Василий, Николай и Аким.

В 1801 году все они, представив соответствующие доказательства, были внесены в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии, в 6-ую часть.

Василий Федорович Мухортов (дед Захара Николаевича), дослужившийся до полковника, был не только малоархангельским, но и мценским помещиком. У него имелся только один сын – Николай (других детей обнаружить, пока, не удалось). Основным именем Василия Фёдоровича, а потом и его сына в Малоархангельском уезде являлось село

Фёдоровка (названное именем основателя рода, с конца 50-ых годов XIX века, после постройки Владимирской церкви оно превратилось в село – А.П.).

Родовым гнездом его братьев Акима и Николая Фёдоровичей Мухортовых, а затем их наследников стала та самая деревенька в верховье речки Кунач. Вокруг неё расположились владения двух семейств Мухортовых, ставших одними из крупнейших землевладельцев Малоархангельского уезда (в 80-е годы XIX века у них было более 10 тысяч десятин земли). Я не буду рассказывать обо всех представителях этого семейства, поскольку это заняло бы достаточно много времени. Речь пойдёт только о тех из них, кто жил в Мухортовой.

Вначале, как я и сказал, это была деревня, но усилиями её владельцев в конце XVIII века построена была здесь Николо-Ильинская церковь, после чего деревня стала селом. По названию церкви у села появилось второе имя – Никольское, а иногда его именовали ещё и Ильинским. Долгое время Никольская церковь была центром достаточно большого прихода, в который, кроме самого села, входило несколько соседних деревень: Фёдоровка (пока в ней не появилась своя церковь), Николаевка и даже такая достаточно далеко находившаяся, как Переведённая (Переведенская, Переведеновка). Кстати, именно в Никольской церкви крестили Захара Николаевича Мухортова, родившегося в августе 1820 года, когда в его родной Фёдоровке церкви ещё не было.

Согласно «ревизским сказкам» (переписям населения) по Малоархангельскому уезду за 1816 год (ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.387), владельцами села Никольского, что на Вышнем Куначе, являлись майор Аким Фёдорович Мухортов, его жена Ольга Ивановна и вдова, поручица, Авдотья Сергеевна Мухортова (жена умершего к этому времени брата Акима Фёдоровича, Николая Фёдоровича Мухортова – А.П.) с малолетними детьми, сыном Василием и дочерью Анной, Николаевыми детьми.

Аким Фёдорович с женой управляли имением с принадлежавшими им 37 дворовыми и 200 крепостными крестьянами. У Авдотьи Сергеевны и её малолетних детей имелось здесь, в Ильинском, отдельное поместье с 86 дворовыми и 336 крепостными крестьянами. То есть, селом, со всеми его жителями, владели две родственные семьи, обладавшие более чем 600 подневольных крепостных душ.

После смерти Авдотьи Сергеевны Мухортовой хозяином в её поместье стал сын Василий. Судя по всему, хозяином он оказался никудышним, поскольку в апреле и мае 1842 года в «Орловских губернских ведомостях» было трижды опубликовано объявление о продаже, по представлению Малоархангельского уездного суда, этого имения за долги – «за неплатёж разным кредиторам 28 671 рубля ассигнациями» - достаточно большая сумма, по тем временам – А.П.).

Благодаря публикации такого объявления, я смог узнать, что же собой представляло мухортовское имение в селе Ильинском. Итак, «...дворовых людей, мужского пола – 24 человека, женского – 37, крепостных крестьян,

мужского пола – 92, женского – 83, а всего мужского пола – 116, женского – 120.

При сем имении – господский дом с разным принадлежащим к нему строением, земли распашной – 410 десятин, сенокоса – 53 десятины, конопляника и огородов – 44 десятины, неудобья – 3 десятины, под фруктовым садом – 6 десятин, под выгоном – 14, всего – 530 десятин. Земля сия состоит в Куначевской даче в собственном владении, водяная мукомольная мельница на речке Куначе о двух поставах, с толчеёю. Означенное сие имение приносит годовой доход серебром 1500 рублей, а оценено по 10-летней сложности в 15 000 рублей серебром же». Получается, что, даже продав имение, Василий Николаевич Мухортов не смог бы рассчитаться полностью со всеми долгами. Видно, жил на слишком широкую ногу этот представитель семейства Мухортовых.

Купила его имение помещица Анастасия Петровна Воинова, она и владела им в течение 20 с лишним лет, пока не ушла в мир иной. Кстати, по фамилии этой помещицы часть села Никольское (Мухортово) стала именоваться *Воиновой*, а некоторое время, уже и в советские годы, существовала на карте нашего края отдельная деревня Воинова, исчезнувшая после объединения с другими населёнными пунктами в 1963 году.

Владельцы другого имения, Аким Фёдорович и Ольга Ивановна Мухортовы, один за другим, скончались к середине 40-ых годов XIX века (*Ольга Ивановна умерла после мужа, в 1846 году – А.П.*). Хозяином в поместье стал их младший сын, Евграф Акимович. В своё время он служил в Каргопольском драгунском, а потом – в 3-ем Новороссийском драгунском полках, но в апреле 1834 года, в чине прапорщика, был уволен от службы. Вполне возможно, это случилось как раз по причине смерти его отца: надо было возвращаться в имение, на помощь матери. В списке владельцев имения в селе Никольское (Ильинское и Мухортово тож) Евграф Акимович упоминается до 1869 года. Были у него дети или нет, унаследовали ли они отцовское имение, я пока не выяснил.

А теперь перейдём к Николаю Васильевичу Мухортову и его жене Аграфене Николаевне. Им принадлежали село Фёдоровка и соседняя с ним деревня Николаевка. Земля их, общей площадью более тысячи десятин, располагалась в двух участках, рядом с населёнными пунктами.

Каких-либо подробностей хозяйственной деятельности Н.В. и А.Н. Мухортовых мне выяснить, пока, не удалось. Но в «Орловских губернских новостях» за 1852-1854 г.г. я нашел сообщение о конских бегах на призы Орловского ипподрома, где Николай Васильевич и Аграфена Николаевна упомянуты несколько раз как владельцы лошадей собственного завода, которые небезуспешно участвовали в этих первых в Орловской губернии спортивных соревнованиях.

Владельцы имения в селе Фёдоровка

Согласно записи от 5 мая 1827 года в «Алфавитных журналах и протоколах Орловского дворянского депутатского собрания», у

малоархангельского помещика, отставного гвардии штабс-ротмистра Николая Васильевича Мухортова и его жены Аграфены Николаевны было четверо детей – два сына (Захарий и Павел) и две дочери (Наталья и Александра).

Старший сын Захарий (или Захария – именно так называли его во всех официальных документах) родился *«8 августа 1820 года, в сельце Федоровке Малоархангельского уезда и крещен в приходской церкви того же уезда села Никольского, Кунач тож»*, воспитанниками были майор Дмитрий Николаевич Чернышов и поручица Авдотья Сергеевна Мухортова.

Таким образом, найденная официальная запись позволяет восполнить один из главных пробелов в биографии знакомого Тургенева – отсутствие даты рождения З.Н. Мухортова во всех справочных сведениях о нем.

Кстати, благодаря прошению его отца в Орловское Дворянское Собрание можно (по косвенным данным) установить, что Н.В. и А.Н. Мухортовы жили периодически то в своем Федоровском имении, то в Москве, потому что именно там родились и были крещены двое из четверых детей – Павел и Александра.

Кроме того, знакомыми родителей Захария Николаевича были довольно знатные люди – генерал-лейтенант Алексей Васильевич Гвоздев и надворная советница Олимпиада Николаевна Мясоедова (они крестили Павла и Александру).

Наследником имения в Федоровке и Николаевке (Малоархангельского уезда) после смерти Николая Васильевича стал его старший сын – Захарий Николаевич.

Канцелярия Морского Министерства удостоверяет, что *«... Захарий Николаевич Мухортов, из дворян, при выпуске из Императорского Санкт-Петербургского Университета с званием действительного студента, вступил на службу в Санкт-Петербургскую Палату Государственного Имущества 1841, октября, 31 дня. Указом Правительствующего Сената от 30 апреля 1842 года утвержден в чине губернского секретаря, со старшинством со дня вступления в действительную службу»*.

По Высочайшему повелению за отличие по службе награжден чином коллежского секретаря 1844, февраля, 8. По прошению уволен 1847, января 25. Потом, поступя в Ведомство Морского министерства, произведен в титулярные советники со старшинством с 1848, февраля, 8, и по порядку чинов в статские советники – 1858, апреля 7-ого». В этих сведениях, где подробно расписана служебная карьера З.Н. Мухортова, сказано также, что 6 декабря 1853 года он *«Всемиловейшие пожалован в кавалеры ордена Святой Анны 2-ой степени»*, причем, имеется очень любопытная добавка, нехарактерная для официальных документов.

Его Императорское Высочество, генерал – адмирал, отправил награду владельцу со следующим рескриптом: *«Препровождая при сем Всемиловейшие пожалованные Вам знаки ордена святой Анны 2 ст., мне весьма приятно поздравить Вас с сею Монаршею милостью...»*

Из этих слов наследника престола становится ясным дальнейшее, после смерти Николая I и воцарения Александра II, приближение Захария Николаевича ко двору. Совершенно очевидно, что он смог в свое время оказать какую-то услугу императору. Придворная карьера З.Н. Мухортова также складывалась успешно: начав камер-юнкером, он дошел до гофмейстера Двора Его Императорского Величества, а в чинах поднялся до тайного советника. Значительную часть времени Захарий Николаевич, занятый служебными делами, проводил в Санкт-Петербурге, а за имением в Федоровке, которое к началу 60-ых годов XIX века было заложено в Московском опекуном Совете, смотрели мать, Аграфена Николаевна, и управляющий Фриде.

Однако регулярно (особенно после женитьбы) Мухортов навещался в родные места. Правда, нам неизвестны пока посещения Федоровки Тургеневым при жизни Захария Николаевича. Так что их знакомство, скорее всего, состоялось в Санкт-Петербурге, но, наверняка, этому способствовали соседские отношения по имениям и глубокие экономические знания Вице-президента Вольного экономического общества.

Карьера отнимала много времени у Захария Мухортова, и женился он только в ноябре 1854 года, в возрасте 36-и лет.

29 ноября 1855 года у молодых родился первый ребенок – сын, названный Николаем и умерший, к несчастью, в младенческом возрасте. Четыре года пришлось ждать Захару Николаевичу и Александре Николаевне рождения второго сына. 24 августа 1860 года он появился на свет, и родители вновь, несмотря на суеверия, назвали его тем же именем.

Следом – в 1862 и 1863г.г., родились Захарий (в честь отца) и Георгий. Но последний сын, как и первый, прожил очень недолго.

По воспоминаниям старожила села Федоровка Павла Петровича Амелина, в честь рождения второго, долгожданного сына Николая построил Захар Николаевич Мухортов в Федоровке большой усадебный дом, к которому вела широкая мошная дорога.

Трехэтажный особняк Мухортовых видели все их гости, подъезжавшие со стороны уездного Малоархангельска, почти за километр. Особенно красивым зрелище было в ночное время, когда загорались окаймлявшие дорогу вращающиеся разноцветные фонари.

Особо почетным гостям Захар Николаевич позволял на коляске, запряженной парой лошадей, въезжать на длинный, протянувшийся по периметру всего дома, балкон второго этажа. Отсюда, с высоты, можно было увидеть расположившиеся позади дома так называемые «круги» - искусственные острова размером с полудесятину каждый. На одном из них находилась крытая беседка для чаепития, а рядом, услаждая взор гостей, плавали на воде черные и белые лебеди.

Как и многие помещики, Захар Мухортов любил лошадей. Доставшийся ему от отца конный завод он сберёг, расширил и вскоре о рысистых лошадях его узнали в Орле. Захар Николаевич и сам – на первых конских бегах на Орловском ипподроме в 1852 году установил приз в 120

рублей серебром для одной из скачек (*владельцу кобылы – четырехлетки, победившей в бегах на 4 версты*).

Конный завод Мухортовых просуществовал довольно долго. После смерти Захара Николаевича его сыновья, также «лошадники», любимое отцово детище не забросили. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1893 год», где содержались данные о конских заводах Малоархангельского уезда за 1891 год, я прочел, что на заводе гвардии поручика Николая Захаровича и коллежского секретаря Захара Захаровича Мухортовых имелось 18 кобыл – маток, 2 жеребца – производителя и 6 жеребят рысистой породы.

Последние данные об этом конском заводе мне встретились в «Памятной книжке Орловской губернии на 1898 год» (*число лошадей на нем уменьшилось на треть, но он еще существовал*).

Мы знаем, что Захар Николаевич Мухортов был замечательным хозяином. Его многочисленные земельные владения общей площадью в 13500 десятин в трех губерниях России (Орловской, Курской и Санкт-Петербургской) были в хорошем состоянии, давая стабильный доход - и не только за счет зерновых и конопляников.

В той же родной Федоровке (*Владимирском*), кроме конского завода, Мухортову принадлежали винокуренный и кирпичный заводы.

Большое хозяйство требовало постоянного внимания – и это у Захара Николаевича получалось, хотя в силу своей придворной должности большую часть времени он жил в столице. Избрание Вице - президентом Вольного экономического общества стало признанием его хозяйственных, экономических заслуг, а Александр II пожаловал своему слуге чин тайного советника.

Как человек образованный и талантливый во многих областях, Мухортов не чужд был и литературе. По крайней мере, писатель, критик и мемуарист Павел Анненков в письме И.С. Тургеневу от 12 (24) апреля 1853 года говорит, что *«Панаев предпочитает рассказы Мухортова»*.

25 марта 1876 года Захар Николаевич Мухортов скончался в Санкт-Петербурге от водяной болезни, очень быстро унесшей его в могилу. Отпели графа в одной из церквей столицы, но погребение состоялось 3 апреля 1876 года в селе Федоровка (видно, так им было завещано – *найденные мною данные о погребении взяты из метрической книги Владимирской церкви этого родного Мухортову населенного пункта- А.П.*).

По разрешению Консистории в храме, с левой стороны от входа, был вскрыт пол, и в этот внутрицерковный склеп опустили тело усопшего.

Нам неизвестно, как отреагировал на смерть своего знакомого Иван Сергеевич Тургенев, находившийся в это время в Париже. Да и узнал ли он об этом вовремя – мы также не знаем.

Можно только предположить, что во время посещения вдовы и детей Захара Николаевича в 1878 году в Федоровке Тургенев никак не мог пройти мимо Владимирского храма и могилы в нем Мухортова.

Да и еще раз, в 1881 год, в последний свой приезд в Россию, будучи опять-таки в Федоровке, Иван Сергеевич наверняка побывал в церкви, а, значит, навестил своего старого знакомого.

Последние хозяева

Федоровским имением после смерти Захара Николаевича нераздельно владели оба сына – Николай и Захар.

О Николае Захаровиче мне удалось, благодаря подсказке Николая Михайловича Чернова, найти биографические данные в «Сборнике биографий кавалергардов» (1826-1908), выпущенном в 1908 г. в Санкт-Петербурге.

Кавалергард Николай Мухортов

Окончив Санкт-Петербургский университет, в 1882 году Николай Мухортов поступил на военную службу – юнкером в Кавалергардский полк. 13 лет прослужив в этом полку, в 1895-ом, ротмистром, с правом ношения мундира, Николай увольняется и возвращается в свое имение. Федоровкой все эти годы управлял младший брат – Захар, а Александра Николаевна, вторично выйдя замуж и став Грот, Федоровку покинула.

По всей видимости, годы управления Захара Захаровича пошли имению не на пользу. По воспоминаниям П.П. Амелина, федоровского старожила, младший наследник в основном занимался развлечениями - охотой с борзыми особенно. Заводы мухортовские захирели, Захар Захарович много задолжал соседям. Может быть, по этой причине, спасая имение, его брат Николай и ушел с военной службы.

Но усилий Николая Захаровича для спасения имения оказалось недостаточно. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1903 год» я обнаружил следующие сведения об имении Мухортовых: *«За тайным советником Захаром Николаевичем Мухортовым земли при селе Владимирском – Федоровка тоже, и деревней Николаевка числилось 1204 десятины 1200 сажень. Это имение в количестве 1070 десятин 944 сажня по документам, а по описи и планам – 1170 десятин 1200 сажень с торгов, произведенных Советом Особого Отдела Государственного Дворянского Земельного Банка в 1897-ом году перешло к полковнику Георгию Оттоновичу Раух, а от сего последнего – к разным лицам и товариществам (в полном составе)».*

В следующем, 1898-ом, году Николай Захарович Мухортов умер от болезни почек, и похоронили его в Федоровке, рядом с церковью. Женат он не был и наследников не оставил.

По обнаруженным мною недавно данным, Захар Захарович Мухортов был женат на дочери генерала Олив, но имелись ли у него дети, мне выяснить не удалось. Неизвестна мне и его судьба. По некоторым данным, после продажи имения Захар Захарович жил некоторое время в Орле, а потом уехал в Санкт-Петербург.

К настоящему времени от красивейшего когда-то мухортовского дома, от усадьбы не осталось ничего – даже место заросло уже многолетними деревьями. Уничтожена и старинная, начала XIX века, Владимирская церковь – вместе с могилой Захара Николаевича в ней. А на месте бывшего кладбища, где похоронен был Николай Захарович Мухортов – теперь располагаются контора местного сельхозпредприятия и школьный двор.

Напоминает о Мухортовых лишь название вымирающего села, расположенного в 10 километрах от Федоровки. Называется оно – Мухортово и принадлежало когда-то, естественно, этому старинному роду, нескольким представителям которого посчастливилось остаться в истории благодаря их знакомству с великим русским писателем Тургеневым.

Как жили помещики Мухортовы

На высоком левом берегу реки Липовицы (*приток реки Труды, бассейн Сосны и Дона – А.П.*), в трёх километрах от современного райцентра Покровское, в 50-ые годы XIX века помещиком Фёдором Мухортовым (*представителем семейства, о котором шла речь выше – А.П.*) был построен усадебный дом. Фёдор Акимович только что тогда женился и решил сделать молодой супруге Наталье свадебный подарок.

Фасад дома выходил в сад и имел два этажа, а с противоположной стороны, выходившей во двор, – имелся только один этаж. Нижний этаж был из красного кирпича, а верхний – из дубовых брусьев. В большей части здания размещались «парадные» номера. Зала, которая шла поперек всего здания, была так велика, что там стояли четыре гарнитура мягкой мебели, рояль, орган, фисгармония, масса цветов и длинный стол, за которым могло сесть до 60-ти человек. Имелось две больших гостиных, огромная спальня, кабинет и две комнаты – одна для бонны-немки и детей, а вторая – для гувернантки.

За домом, влево, был огромный двор, окруженный конюшнями, коровником, возовней, амбарами, погребями, ледниками и тому подобное. Еще дальше, за огромным парком, находились ток («гумно»), где стояли скирды хлеба, и овин («рига»), где молотили хлеб.

Перед балконом дома был разбит огромный цветник: большой круг роз с другими цветами, масса ароматного горошка, гвоздик; чащи живописных мальв, море астр, левкоев – все это сменялось в зависимости от сезона и наполняло воздух ароматом.

Красиво спланированные дорожки вели к реке. Большой овраг дал возможность раскинуть целый лабиринт дорожек с беседками, мостиками. Новая хозяйка усадьбы посадила несколько десятин великолепного парка и собирала, где только можно было, редкие растения; особенно любила она

хвою и собрала драгоценные образцы елей, сосен, лиственниц, можжевельника, туй, кедров и т.д.. Основой парка были вековые липы, которые остались от тех липовых лесов, что дали название реке и селу (*Липовица – П.К.*); таким образом, Наталья Дмитриевна Мухортова артистично связала вековые липы с новыми посадками. Развела она прекрасный «парник» с оранжереями, где зрели персики, а в «парниках» выращивались арбузы и дыни невероятных размеров. Огромный плодовый сад с редкими сортами яблонь, груш, массой вишен, слив, крыжовника, смородины, малины, клубники был предметом постоянного внимания помещицы.

Под присмотром Натальи Дмитриевны было и молочное хозяйство: она любила коров и завела голландских черно-белых, с тонкими мордами; коровы эти давали много молока. Этого «ведомства» совсем не касался муж, Федор Акимович: он вел сельское хозяйство, но не очень восхищался им, вполне полагаясь на старост. Он больше любил конский завод, и, правда, лошади Мухортова славились в уезде. Утром, верхом, он объезжал поля, смотрел, как там косят или пашут; вечером приходили старосты из разных имений и давали информацию. Он на некоторых из них кричал, кого-то хвалил (равно - без оснований). Когда летом из хуторов пригоняли на барский двор табуны лошадей, Федор Акимович осматривал их, беседовал со старостами, конюшенными, и, если был доволен, то подносил им собственной рукой водку в серебряном стаканчике (примерно половина чайного стакана). Если не был удовлетворен, то водкой не угощал.

«А ну, малый, - кричал он, - разорили - подведи мне серого, или гнедого» (здесь добавлялось имя). Если лошадь шарахалась от пастуха, то судьба такого пастуха была уже решена:

«Ты, брат, коней не любишь, а они тебя не любят. Ищи, брат, себе другое место », - заявлял Федор Акимович.

Если же лошадь давала подходить к себе, смирно стояла, пока принимали его за гриву, - помещик был вполне доволен - и рюмка водки была тогда обеспечена ...

Мухортовы вели установленный порядок жизни: Федор Акимович и Наталья Дмитриевна вставали в 8-м часу, пили кофе, после того он ехал по хозяйству, а она летом шла в сад. Обедали в 3-м часу, пили чай в 6-ом, а ужинали в часу 11-ом. Так продолжалось все время.

В Липовице не употребляли, в обычных условиях, вина. К обеду подавали Федору Акимовичу маленький графинчик некой «настойки»; на столе стояли большие графины с водой и прекрасным хлебным квасом. В торжественных случаях подавали различные наливки, главное - сливянку и вишневку, или малиновку, смородиновку из черной смородины. Вина подавались очень редко и в ограниченном количестве. Также все, что покупалось в городе, - соленая рыба, икра, сладости - все это считалось предметами роскоши и употреблялось очень осторожно. Все, что подавали, было продуктом собственного хозяйства. Только в пост привозили бочками соленую рыбу.

В Липовице часто бывали гости; приезжали утром, обедали; вечером играли в карты, танцевали. В большом зале зажигали люстру и «кенкеты» с восковыми свечами, и при их дрожащем свете раздавались звуки рояля, или органа, или фисгармонии. Шелковые платья дам и барышень, как цветник, сплетались в плавном «лансье» или развивались в мазурке. Наталья Дмитриевна любила танцы и не имела равных себе в мазурке. Хорошо танцевал и Федор Акимович.

Не раз в большой карете на круглых рессорах, шестеркой добрых коней, выезжали Мухортовы к соседям. «Натягивай постромки», - звучал, бывало, голос кучера с высоких передков форейтора, - и плавно качалась карета, и несли ее кони туда, где встречали радостно молодых, веселых гостей ...

Мухортовы не только развлекались и танцевали - они много читали. Огромный книжный шкаф шёл вдоль всего коридора дома, от залы до девичьей комнаты, и содержал большую подборку французской литературы XIX в. - романы Жорж Занд, отца и сына Дюма, Гюго, Альфреда Мюссе, Бальзака, Мериме; журналы, переводы Фенимора Купера, Диккенса, Вальтера Скотта, Байрона - французских, а также, российских авторов, начиная от Карамзина; были и российские журналы - от «Вестника Европы» и «Современника» - до «Отечественных Записок»...

P.S. Всё, что ты, читатель, только что прочёл, я узнал из «Воспоминаний» известного украинского историка Натальи Полонской-Василенко, бабушкой которой и была упомянутая в рассказе помещица Наталья Дмитриевна Мухортова.

К сожалению, от мухортовской усадьбы почти ничего не осталось, кроме одной хозяйственной постройки. Правда, здешние окрестности, по-прежнему, замечательно живописны.

Оловенниковы: история рода и одной семьи

Находка на заброшенной конеферме

В один из теплых майских дней 1990 года несколько рабочих Опытного производственного хозяйства «Покровское» разбирали на кирпич стены заброшенной конефермы. И в самом низу уже полностью разобранного здания увидели они большую черную гранитную плиту с надписью, запорошенной красной кирпичной крошкой. Когда мозолистые, натруженные от лома, руки первого рабочего осторожно смахнули эту крошку, надпись открылась полностью: «Здесь погребено тело генерал-майора Александра Дмитриевича Оловеникова, скончавшегося 1873 года, 29 января».

Как эта надгробная плита оказалась в основании конефермы, выяснить удалось достаточно быстро. Во время гитлеровской оккупации Покровского района летом 1942 года фашисты почти все гранитные плиты со старого кладбища стащили на дорогу (делали ее проходимой для своих

танков в любую погоду). После освобождения села большинство плит позаимствовали для своих нужд местные жители. Надгробие же с могилы генерала Оловеникова решили использовать как строительный материал на заложённой в конце 40-х годов XX века колхозной конфермере. Председатель колхоза им. Ленина приказал – и на целых 40 лет плита оказалась скрытой от людских глаз.

Конфермер строилась в 300 метрах от кладбища, и найти старую могилу, с которой силой выдрали надгробную плиту, не составило бы тогда труда. Но Бога в то время основательно подзабыли, и потому использование надгробия не по своему прямому назначению ничьих возражений не вызвало.

После того, как плита вновь явилась взору окружающих, члены туристско-краеведческого кружка Покровской средней школы, используя свою и наёмную рабочую силу, перевезли ее на старое кладбище.

На верхней части плиты не сохранилось креста, который когда-то там имелся, боковые грани надгробного камня пострадали от многих испытаний, но он остался цел – вопреки всем испытаниям, выпавшим на его долю.

Ошанина Мария Николаевна

Фамилию Оловенниковых (фамилия здесь - с двумя буквами «н» - А.П.) в поселке Покровское и Покровском районе хорошо знали с давних времён. На здании ООО «Покровское» к этому времени уже имелась мемориальная доска с надписью: «На этом месте стоял дом, в котором родились и выросли активные деятели организации «Народная воля» сестры-революционерки Ошанина М.Н., Оловеникова Е.Н., Оловенникова Н.Н.».

Покровчане, таким образом, увековечили память о своих землячках, которых считали настоящими героинями – ведь они не жалели себя и своих жизней во имя народа.

1 марта 1881 года

Вспомним некоторые моменты российской истории.

В 1878 году в Санкт-Петербурге была создана новая организация революционеров – «Земля и воля», выступавшая за крестьянскую революцию, национализацию земли и уничтожение самодержавия. Основной метод борьбы, избранный землеволяцами, заключался в пропаганде будущей революции среди крестьян. За год деятельности часть революционеров разочаровалась в эффективности и целесообразности пропагандистской деятельности, и потому в 1879 году в «Земле и воле» произошел раскол: она разделилась на две самостоятельные группы – «Черный передел», выступавший за продолжение пропаганды среди крестьян, и «Народную

волю», считавшую главным средством начала крестьянской революции убийство царя.

Сестры Оловенниковы, бывшие вначале активными пропагандистками, после раскола «Земли и воли» в 1879 году стали убежденными сторонницами террора.

Наталя и Елизавета замуж не выходили и сохранили до конца жизни родительскую фамилию. Мария Николаевна в истории осталась под фамилией своего первого, казнённого за антиправительственную деятельность, мужа – *Ошанина*.

Оловенникова Елизавета Николаевна

Оловенникова Наталья Николаевна

Вот что писал Лев Тихомиров, одно время близкий друг Марии: *«Очень красивая в молодости, с огромным темпераментом, с большим стремлением к чему-то великому, пышному, красивому, очень умная и с упорнейшим характером, с прекрасным светским воспитанием, известная и способная очаровать. Это личность весьма выдающаяся и игравшая довольно видную роль в нашей революции».*

А вот воспоминание Сергея Иванова о Елизавете Оловенниковой: *«У меня сохранилось самое светлое воспоминание об этой милой, симпатичной девушке, отдававшей тогда всецело революционной работе...».*

Елизавета, в числе других (их было всего 12 человек, шесть «двоек»), по заданию ЦК «Народной Воли», следила за передвижениями Александра II по Петербургу с целью выбора самого удачного места для покушения. И задание это ею было выполнено.

1 марта 1881 года второй бомбой, брошенной Игнатием Гриневицким, Царь-Освободитель был смертельно ранен.

«Невозможно воспроизвести во всех подробностях ужасную, потрясающую картину, которая представилась присутствующим, когда поднятый взрывом столб рассеялся. Двадцать человек, более или менее тяжело раненных, лежали у тротуара и на мостовой, некоторым из них удалось подняться, другие ползли, иные делали крайние усилия, чтобы высвободиться из-под налегших на них при падении других лиц. Среди снега, мусора и крови виднелись остатки изорванной одежды, сабель и кровавые куски человеческого мяса. Адская сила, произведшая эти опустошения, не пощадила и Венценосца!..

Вследствие раздробления обеих ног Государь опустился на землю таким образом, что скорее присел, чем упал, откинувшись корпусом назад... от шинели Государя остался воротник и не более полуаршина верха ее. С головы фуражка упала; разорванная в клочья шинель свалилась с плеч; разможенные ноги были голы, из них лилась кровь струями; на бледном лице следы крови и подтеки».

Прцитированный отрывок взят мной из «Дневника событий с 1 марта по 1 сентября 1881 года СП, 1882».

Сёстры-революционерки

После покушения на царя большинство народовольцев, в том числе и Елизавета Оловенникова, вскоре было арестовано (хотя аресты начались еще и до 1 марта).

Суд Особого Присутствия Правительствующего Сената под председательством сенатора Дрейера, рассматривая дела о государственных преступлениях, в числе других обвиняемых начал допрашивать в феврале 1882 года и дворянку *Елизавету Николаевну Оловенникову*. В марте Санкт-Петербургский окружной суд (по заключению врачей-экспертов) признал, что Оловенникова страдает *«неподлежащей сомнению формой сумасшествия»*, и потому прекратил в отношении нее дальнейшее судебное преследование. В апреле того же года Елизавету Николаевну поместили в лечебницу, где вскоре врачи сделали вывод, что никакой надежды на выздоровление нет, так как речь ее остается сбивчивой и бессмысленной, она постоянно разговаривает сама с собой и страдает к тому же упорными галлюцинациями слуха.

Такой была расплата за революционную деятельность, за насилие над человеческой природой, за террор.

В 1891 году, после нескольких прошений матери, Любови Даниловны, в адрес Сената, Елизавете Оловенниковой было разрешено вернуться на родину, в село Покровское, где под надзором местной полиции она прожила до 1917 года. Вместе с родными находилась здесь же и средняя сестра, *Наталья Николаевна*, которая сравнительно короткое время также участвовала в революционной деятельности «Народной воли». Однако соприкосновение с изнанкой революции для Натальи оказалось таким

страшным, что здоровье ее быстро расстроилось, она переехала из Санкт-Петербурга в Орел, а потом и в Покровское, где в родовом имении Оловенниковых хозяйничал младший ее брат Сергей.

На природе, под присмотром брата и матери, нервы обеих сестер успокоились, здоровье восстановилось настолько, что Наталья и Елизавета стали помогать Сергею Николаевичу в его просветительской деятельности.

С.Н. Оловенников в своем имении создал публичную библиотеку, которую посещали местные крестьяне, а Наталья и Елизавета обучали грамоте местных ребятишек (*один из них, Стефан Мухалов, будучи глубоким стариком, в 80-е годы XX века вспоминал двух седых интеллигентных барынь, которые учили его читать и писать – А.П.*).

Наталья и Елизавета Оловенниковы умерли уже после Октябрьской революции, пользуясь покровительством Советской власти, которая с уважением относилась к народолюбцам (по словам В.И. Ленина, пусть не теми методами, но они, все-таки, боролись с царизмом). Наталья Оловенникова умерла в Покровском в 1924 году, а Елизавету Оловенникову похоронили в 1932 году на Троицком кладбище г.Орла. Могилы обеих сестер, к сожалению, утрачены.

Более трагическая судьба выпала на долю старшей из дочерей большого семейства – *Марии Ошаниной*. Как одну из руководительниц «Народной воли», ее после 1 марта 1881 года активно искала полиция. Сумев избежать ареста, Мария уехала за границу, где вместе со Львом Тихомировым возглавила организацию «Старых народолюбцев».

За границей до нее дошла весть о смерти ее второго мужа, соратника по борьбе с царизмом, с которым она была официально повенчана в 1879 году в селе Покровское. *Александр Иванович Баранников* (партийная фамилия – Ипполит Кошурников), приговоренный по «Процессу 20-и народолюбцев» к бессрочным каторжным работам, замененным потом тюремным заключением, скончался от скоротечной чахотки в Шлиссельбургской крепости 25 лет от роду.

На родине, в Орловской губернии, Марию Ошанину помнили – но только как государственную преступницу по делу «Народной воли». Полиция время от времени проверяла изредка появлявшиеся слухи о возвращении Марии Николаевны в Россию. Сама же Ошанина (*за границей ее знали как Кошурникову, Баранникову, Марину Полонскую или «Мадам Якобсон»*) тосковала по родным, новых друзей не завела. Здоровье ее, как и сестер, было расстроено.

Болезнь выражалась в сильнейших головных болях. 20 сентября 1898 года, не вынеся страданий, она покончила жизнь самоубийством, написав в завещании: *«Желая оставить моим друзьям память о человеке, а не о трупе, и в то же время, полагая, что последние почести (нелепый обычай), которые они сочтут себя обязанными воздать моему телу, лишь бесполезно обострят их горе по поводу моей смерти, я прошу их предоставить иностранцам заботы о моих останках и воздержаться от присутствия при моем смертном одре и похоронах... Я не хочу ни речей, ни венков, ни*

приглашений на похороны и, само собой разумеется, я не хочу биографий... Составлено и подписано моею рукою в Париже 22 июня 1898 года. Марина Полонская».

Так закончили свой земной путь сестры-революционерки.

Служилые люди Оловениковы на Покровской земле

А теперь несколько слов о роде Оловенниковых, корни которого уходят в глубину далекого прошлого.

В XVII веке, когда территория нашего края входила в состав Ливенского уезда, Оловенниковы уже жили здесь, а по мере все большего заселения местности они стали владельцами нескольких населенных пунктов с крепостными крестьянами в них. В Приправочной и Переписной книгах по Ливенскому уезду Оловениковы (с одним «н»-А.П.) значатся как одни из пионеров, заселявших бассейн реки Сосны в ее верховье.

Кстати, фамилия эта, в силу ее многобуквенности, в XVII-XIX веках писалась то как Оловяниковы, то как Оловениковы (с одной «н»), то как Оловенниковы (с двумя «н»-А.П.).

Местные крестьяне выговорить правильно трудную фамилию никак не могли, и хозяева превратились у них в Волныковых.

Волныковка – так до сих пор по-местному зовут жители Кунача часть своей деревни. Так называли и часть села Покровское, расположенную рядом с помещичьей усадьбой Оловенниковых (в районе теперешней улицы Куйбышева).

Трудно сказать, сколько именно Оловенниковых начинало трудную жизнь первопоселенцев в нашем крае в XVII-XVIII веках. Но уже к середине XIX века это было достаточно многочисленное дворянское семейство, занесенное в алфавитный указатель дворянских родов и внесенное в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии.

В ревизских «сказках» по Малоархангельскому уезду (данные 4-й ревизии 1782 года) содержатся следующие сведения: *«Вотчина вдовы майорши Матрены Ивановны Оловениковой – село Васильевское, что на Липовице (что было прежде село Покровское), вотчина недоросля Николая Николаева сына Оловеникова – село Васильевское, что на Липовице (что было прежде село Покровское)».*

Это владение с 39 крепостными крестьянами досталось Матрене Ивановне и ее сыну от деда - майора Ивана Кузьмича Мацнева.

От Николая Николаевича имение перешло после его смерти сыну – Дмитрию Оловеникову. В Государственном архиве Орловской области (фонд 744, оп.1, ед. хр.4) сохранился любопытный документ – купчая на землю: *«Лета 1819 в 9-й день (месяц в документе не назван – А.П.) Малоархангельский помещик капитан Дмитрий Николаев сын Оловеников, продал ливенскому мещанину Максиму Харитонову сыну Зерцалову крепостной своей благоприобретенной земли, состоящей Малоархангельского уезда в дачах села Покровского, что на Липовицы в урочище на каменном верху подле Ливенской большой дороги, -*

полудесятину, а взял я, Дмитрий, с него, Максима, денег государственными ассигнациями сто рублей».

Конечно, продажа полудесятины земли сильно не могла изменить материальное положение Дмитрия Оловеникова, потому что сыну, тоже военному, дослужившемуся до звания генерал-майора, владение он оставил в полном порядке.

Генерал-майор Александр Оловеников

Прежде чем рассказать о хозяйственных наклонностях Александра Оловеникова, несколько слов посвятим его военной жизни. Сведения эти мы почерпнули в редкой книге, изданной в начале XX века - «Сборнике биографий кавалергардов».

Итак, Александр Дмитриевич Оловеников (*в книге фамилия написана как «Оловянников» - А.П.*) – из дворян Орловской губернии, родился в 1802 году и уже с юных лет начал военную карьеру. Она оказалась связанной с российской кавалерией.

11 марта 1820 года Александр поступил юнкером в Екатеринославский кирасирский полк, но уже 22 июня был переведён в Глуховский кирасирский полк, в котором в августе того же года стал корнетом. Этот полк несколько раз менял названия - был кирасирским, драгунским, снова кирасирским, но всегда отличался воинской доблестью, в сражениях 1812 года особенно, когда он удостоился Георгиевского штандарта.

В Глуховском полку Оловеников прослужил почти 13 лет, постепенно поднимаясь по служебной лестнице: в 1823 году он - поручик, в 1824 – полковой адъютант, в 1829-ом - штаб-ротмистр, в 1830-ом - командир третьего эскадрона.

В 1833 году Александра Дмитриевича перевели в Лубенский гусарский полк, который принимал активное участие в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии 1813-1814 годов. В этом знаменитом полку Оловеникову довелось служить дважды - в 1833-1834 и в 1840-1845 годах.

С 14 августа 1834 года и до 26 ноября 1840-ого Александр Дмитриевич находился в одном из самых элитных полков русской армии - Кавалергардском, созданном в 1799 году (*кавалергарды исполняли обязанности телохранителей и почётной стражи русских царей - А.П.*).

Здесь Оловеников вначале командовал седьмым запасным эскадроном, а после произведения в полковники был утверждён командиром 3-его дивизиона.

Последний период службы Оловеникова оказался связан с Мариупольским гусарским полком, откуда 7 апреля 1847 года он был уволен в запас генерал- майором.

Так получилось, что единственная война, в которой генерал принимал участие - это польская кампания 1831 года. Тогда поляки, уже более 30 лет не имевшие собственного государства, подняли восстание, пытаясь вернуть свободу и независимость. Николай I бросил на Польшу регулярную армию,

но поляки отчаянно и храбро защищались, прежде чем - уже после взятия Варшавы - наконец-то их сопротивление было сломлено.

В составе Глуховского кирасирского полка тогда ещё ротмистр Оловеников отличился в нескольких битвах с поляками, особенно в двухдневном сражении при местечке Сокоchine (17 и 18 июня 1831 года).

Вышедший в запас и поселившийся в своем доме в селе Покровское генерал-майор Александр Дмитриевич Оловеников увлекся делами хозяйственными и немало в этом преуспел.

В 1856 году он купил кусок земли в 10 десятин, смежный с его участком, у учителя Орловского училища для девиц Константина Богучарова за 200 рублей серебром. На следующий год, в октябре 1857 года, генерал-майор приобрел у сестер Варвары Юрьевны, Елены Юрьевны и Матрены Юрьевны Шушлябиных (в замужестве – Коньковой, Плещеевой и Рудневой) принадлежавшие им части водяной мукомольной мельницы с берегом реки, к ней прилежащим, в селе Покровском, на реке Липовице – за общую сумму в 900 рублей. Части мукомольной мельницы достались сестрам после смерти их брата - дворянина Сергея Юрьевича Шушлябина, который и владел мельницей, на паях с генерал-майором Оловениковым. Теперь, после завершения выкупной сделки, мельница сделалась единоличным владением генерала.

Кстати, остатки этой мельницы (части фундамента) до сих пор сохранились и находятся у перехода через реку Липовец, напротив старого кладбища.

Александр Дмитриевич Оловеников умер в своем имении в селе Покровское 29 января 1873 года и похоронен был с почетом на местном кладбище. Могила его, как и многих других, была разграблена и разрушена, надгробный камень в 50-е годы XX века положен в основание строившейся фермы. Сейчас эта надгробная плита находится на территории небольшого мемориала у одного из зданий Покровского техникума (*ранее – здание районного краеведческого музея – А.П.*). Каждый проходящий сюда может прочитать надпись: *«Здесь погребено тело генерал-майора Александра Дмитриевича Оловеникова...»*.

Долгое время считалось, что *А.Д. Оловеников – дед сестер Марии, Натальи и Елизаветы Оловениковых, революционерок, активных деятельниц «Народной воли», о которых мы говорили в самом начале статьи.*

Однако обнаруженные мной в Госархиве Орловской области документы позволяют сделать вывод, что *генерал-майор Оловеников – лишь родственник, но никак не родной дед революционерок.* Одна родственная ветвь помещиков Оловениковых генералом и закончилась. Вот эта ветвь: *Николай Оловеников (умерший в 1782 году) – Николай Николаевич Оловеников – Дмитрий Николаевич Оловеников (капитан) – Александр Дмитриевич Оловеников (генерал-майор).* О наследниках генерала ничего нам пока узнать не удалось.

Как Николай, Анна и Варвара Оловенниковы наследство делили

Рассказ о других Оловенниковых мы начнем с документа из фондов ГАОО (фонд 744, оп.1, ед.хр.4). Это *раздельный акт, по которому 30 апреля 1854 года Николай Александрович Оловенников (писец 1 разряда), Анна Александровна Оловенникова (дворянская девица), Варвара Александровна Щеголева (урожденная Оловенникова, поручица) в Орловской палате гражданского суда произвели раздел имущества, доставшегося им после их родителей и дядей.*

Николай Александрович Оловенников, писец 1 разряда, губернский секретарь — это отец сестер-революционерок, а Анна и Варвара Александровны — его родные сестры. Но из документа становится ясно, что их родители — Александр Александрович и Екатерина Осиповна. Значит, родного деда сестер, поручика, звали Александр Александрович, а не Александр Дмитриевич, как мы долгое время думали. Он умер в самом начале 50-х годов XIX века, а вовсе не в 1873 году, то есть еще до рождения Марии, Натальи и Елизаветы Оловенниковых. Своего родного деда они, получается, не знали вовсе.

Но возвратимся к документу. В самом начале 50-х годов XIX века один за другим умерли в Малоархангельском уезде три брата: Александр, Василий и Николай Александровичи Оловенниковы. У Василия и Николая Александровичей своих детей не было, и потому их наследниками стали племянник Николай и племянницы Анна и Варвара, дети Александра Александровича.

Дворянской девице Анне Оловенниковой при разделе имений родственников досталась деревня Александровка (Тетерье тож) с 35 крепостными крестьянами мужского пола.

Ее сестра, поручица Варвара Александровна Щеголева, получила деревню Варварино (Возобновленное тож), с 30 крепостными мужиками и 139 десятинами земли.

Остальную часть владений — в селе Липовице, Покровское тож, и деревне Нижнем Куначе со 192 душами крепостных крестьян мужского пола получил Николай Александрович Оловенников (*«со всеми детьми крепостных крестьян, имуществом, скотом, птицею, хлебом и всею землею прилегающей»*), как гласит раздельный акт).

Таким образом, писец 1 разряда, губернский секретарь Николай Александрович Оловенников стал достаточно состоятельным помещиком. А если прибавить сюда еще земли, доставшиеся ему после смерти рано умершей сестры Варвары, то и он сам, и дети его могли считать себя людьми, обеспеченными до конца жизни.

Родители и дети одного семейства

Детей же у Николая Александровича и его жены Любови Даниловны (кстати, она была одной из дочерей малоархангельского помещика Даниила Бучневского, имевшего имение в сельце Петровском — А.П.) было шестеро — сестры Мария, Наталья, Елизавета, братья Михаил, Сергей и Андрей.

Если я написал шестеро, то это значит, что речь идёт о выживших, поскольку у супругов Оловенниковых в 1859 году родился ещё один сын – Александр, который скончался в том же году в возрасте 4-ёх месяцев *(это мне удалось выяснить с помощью метрических книг Покровской церкви села Покровское – А.П.)*.

Кстати, глава семейства, Николай Александрович, скончался 8 августа 1869 года в возрасте 45 лет от чахотки, оставив Любовь Даниловну одну с шестью несовершеннолетними детьми. Вдова сумела всем детям дать образование и заботилась обо всех, даже непутёвых дочерях-революционерках. Именно благодаря ей, страдавшие душевным расстройством Наталья и Елизавета, в домашних условиях почти полностью выздоровели. Сама Любовь Даниловна умерла в 1899 году.

Долгое время во многих публикациях и книгах, посвящённых истории родолюбчества, даты рождения сестер Оловенниковых назывались неточно. Благодаря обнаруженному мной в 1981 году архивному документу (ГАОО, фонд 68, дело 28, лист 47) удалось установить документально, что *Мария родилась 15 мая 1852 года, Наталья – 6 декабря 1855, а Елизавета – 28 августа 1857 года.*

О сестрах-революционерках написано много *(мы о них тоже в этом материале рассказали - А.П.)*, гораздо меньше - о братьях.

Об Андрее Николаевиче, старшем из них, неизвестно почти ничего. По всей видимости, он умер в раннем возрасте.

Средний, Михаил Николаевич, окончил курс в Орловской Бахтина военной гимназии. В 90-ые годы XIX века служил земским начальником в Севском уезде Орловской губернии. 22 января 1901-ого года он был назначен на должность советника Орловского губернского правления и редактора неофициальной части газеты «Орловские губернские ведомости». В 1903 году Михаила Николаевича причислили к Министерству Внутренних Дел. По отзывам всех, кто его знал, М.Н.Оловенников *«заботливым и сердечным участием к подчинённым приобрёл глубокое и искреннее уважение последних»*. Будучи владельцем небольшого имения в деревне Черёмуховая Плота (29 десятин земли), заботился об образовании крестьян, на свои средства построил школу, входил в число членов Орловской ученой архивной комиссии.

У Надежды Владимировны Оловенниковой, жены Михаила Николаевича, при той же деревне Черёмухова Плота, Малоархангельского уезда, числилось земли *(на 1-ое января 1908-ого года - А.П.)* 257 десятин, и она являлась одной из самых богатых помещиц Владимировской волости. Оловенникова, в отличие от мужа, постоянно проживала в своём имении. Она была попечительницей школы, которую построил супруг, на её деньги школа и содержалась.

Наследником же имения Оловенниковых в самом селе Покровское стал младший из сыновей – Сергей Николаевич. 27 апреля 1897 года он венчался в Покровской церкви с девицей Верой Дмитриевной Гороховой, учительницей из села Липовец. В 1899 году у них родился сын Лев, а в 1901 году – дочь

Анна. Именно к этому, 1901 году, относится первое упоминание о библиотеке в имении С.Н.Оловенникова. Вот что сказано в отчёте №4, который представила Малоархангельская Земская Управа 38-ому Земскому Собранию 1902-ого года: *«...в текущем году (1901-ом-А.П.), согласно постановлению 35-ого и 36-ого Земских Собраний открыты три библиотеки имени Ф.Ф.Павленкова при имении С.Н.Оловенникова и при Луковском и Алексеевском волостных правлениях...»*

Помещичий дом Сергея Оловенникова и его детей был сравнительно скромным – одноэтажным, в семь комнат, одна из которых и была определена под размещение книг библиотеки.

В последующих отчётах земского правления датой основания её, по каким-то причинам, стал считаться 1903 год. В 1907 году в библиотеке С.Н.Оловенникова насчитывалась 221 книга и 31 читатель (5 взрослых и 26 детей). Всеми книжными делами занималась жена Сергея Николаевича - Вера Дмитриевна, имя которой в настоящее время носит главная достопримечательность посёлка Покровское - Верочкина роща. После революции дом Оловенниковых одно время был жилым, в 30-е годы XX века в нём размещалась контора Покровской МТС, а при оставлении нашими войсками Покровского района дом был сожжен. В настоящее время на этом месте расположено административное здание местной агрофирмы. На нем помещена мемориальная доска в память о сестрах-народоволках. Обширный сад Оловенниковых в 30 – 50-е годы XX века был вырублен и исчез.

У Марии Николаевны Ошаниной (Оловенниковой) была дочь от первого мужа - Елена Ошанина, также некоторое время занимавшаяся революционной деятельностью, но уже в более поздний период. В 20-ые годы прошлого века она работала фельдшерницей в селе Покровское и деревне Кунач.

У Натальи и Елизаветы Оловенниковых детей не было. А вот у брата, Михаила Николаевича, их родилось пятеро – Надежда, Борис, Михаил, Георгий, Любовь.

Некоторые подробности о жизни сыновей М.Н.Оловенникова нам удалось узнать от уроженца деревни Юрьево, ветерана труда, к сожалению, недавно умершего, Александра Андреевича Горохова *(а ему об этом рассказывал его отец, Андрей Егорович)*.

Старший из детей, Борис Михайлович, работал земским врачом в Малоархангельске, откуда на собственном экипаже регулярно приезжал к матери в Юрьево.

Средний сын, Михаил Михайлович, был военным и, приезжая в гости к матери, любил с юрьевскими ребяташками проводить учения, одним из которых был *«переход Суворова через Чёртов мост»*. В качестве Чёртова выступал мост через глубокий и страшный для местных детей овраг. Под умелым руководством офицера деревенские мальчишки каждый год удачно повторяли Суворовский переход. В I Мировую войну М.М.Оловенников дослужился до полковника, в гражданскую войну сражался в Белой гвардии, был взят красными в плен и расстрелян ими где-то в Белоруссии.

Младший из сыновей, Георгий (Юрий) Михайлович, тоже, будучи военным, сумел после окончания гражданской войны эмигрировать - сначала в Румынию, а потом в Германию, где и затерялись его следы.

Лев Сергеевич Оловенников, сын Сергея Николаевича, получив гимназическое образование, после революции служил в Правовом отделе Орловской губернской коллегии о пленных и беженцах, но в самом начале 20-х годов заболел тифом и умер, не оставив после себя почти ничего, кроме бумаг и памяти. При Советской власти фамилия Оловенниковых упоминалась все реже и реже, пока совсем не растворилась во времени.

Но покровчане эту фамилию знают и помнят очень хорошо: кроме мемориальной доски в честь сестёр - революционерок и Верочкиной рощи есть в посёлке Покровское ещё и улица Оловенниковых, есть книги и статьи о них, поместниках нашего края, многое сделавших для его развития и процветания.

Помещики Чиркины: герой войны с Наполеоном, фотограф и художник

Подарок бабушки

16 декабря 1804 года Малоархангельский уездный суд рассматривал дело, которых, в принципе, всегда было много, но, в то же время, именно такое являлось некоторым исключением из правил. Почему? Да потому, что рассматривалось духовное завещание помещицы-вдовы – но не в пользу кого-то из детей, а в пользу несовершеннолетнего внука.

Болевшая и боявшаяся умереть раньше того, чтобы успеть распорядиться своим имуществом, помещицы вдова Марфа Никитична Чиркина, сама уже будучи не в силах присутствовать на заседании суда, выдала доверенность родному сыну, прапорщику Петру Ивановичу Чиркину – для представления в суде её духовного завещания. Согласно этому документу, всё её движимое и недвижимое имение: господский дом в деревне Тетерье Малоархангельской округи, со всеми к нему принадлежащими службами, земля в количестве 90 десятин, мельница на речке Медвежке и пять человек крепостных крестьян переходили в полное и безраздельное владение родного её внука – Дмитрия Петровича Чиркина, 10 лет от роду.

Внук-герой

Сам новоиспечённый помещик управлять помещьем, естественно, не мог (в силу малого возраста), хозяйством занимался отец. Но время текло тогда быстро, и уже в октябре 1809 года 15-летний Дмитрий Чиркин начинает службу колонновожатым (*этот унтер-офицерский чин был у него подготовительным перед сдачей экзаменов на офицерский – А.П.*). Отечественную войну Дмитрий встретил уже 18-летним прапорщиком.

Отступая от границы в составе 2-ой армии П.И. Багратиона, уже 11 июля 1812 года Петр Чиркин участвует в многочасовом бою корпуса генерала Н.Н. Раевского с войсками маршала Даву у деревни Салтановка (южнее Могилева). Благодаря героизму самого генерала Раевского и его воинов армия Багратиона смогла успешно переправиться через Днепр и вышла к Смоленску, где 22 июля соединилась с 1-ой Армией Барклая-де-Толли.

Отличившийся в числе многих других, Дмитрий Чиркин был за этот бой награжден чином подпоручика.

За участие в героической обороне Смоленска – 4 и 5 августа 1812 года – подпоручик Чиркин удостоился Высочайшего благоволения.

Все три дня Бородинского сражения – этой кульминации Отечественной войны – Дмитрий Чиркин находится в самом его центре, на Багратионовых флешах. Вскоре после окончания битвы он был пожалован первым своим орденом – Святого Владимира 4 степени с бантом.

Среди тех, кто помешал Наполеону 12 октября 1812 года прорваться через Малоярославец к Новой Калужской дороге, был Дмитрий Чиркин, сражавшийся в составе корпуса Раевского и награжденный вскоре чином поручика за проявленное в том бою мужество.

Отступавшая наполеоновская армия все еще оставалась боеспособной и отчаянно огрызалась. Три дня, с 4 по 6 ноября 1812 года, у города Красного на Смоленщине французы пытались отбросить преследовавшие их войска Кутузова.

Однако здесь противник потерпел одно из самых крупных поражений в Отечественной войне. Внесший свой вклад в дело разгрома неприятеля, поручик Чиркин *«за сие пожалован был золотою шапкою с надписью «За храбрость»»*.

В 1813-1815 годах он участвует в заграничных походах (в его послужном списке они поименованы как – «первый 1813-1814» и «второй – 1815 года»), отличившись несколько раз – при блокаде крепости Модлин, у г.Дрездена, в «Битве народов» под Лейпцигом, под Магдебургом, под Гамбургом и на острове Вильгельмбурге. Ордена Святой Анны 4 и 2 класса, годовое дополнительное жалование – стали последними наградами Дмитрия Петровича Чиркина за *«бои и дела против неприятеля»*.

17 января 1819 года штабс-капитан Чиркин – «за болезнь и по особенному высочайшему же повелению», с позволением носить мундир по отставке, ушёл с воинской службы и поселился в доставшемся ему от бабушки имении в деревне Тетерье. В том же году он женился и начал жить жизнью добропорядочного помещика. Было ему в то время 25 лет.

Помещичья жизнь Дмитрия Чиркина

Жену Дмитрия Петровича звали Наталья Павловна. Они друг друга любили и уважали, дети рождались у молодой пары один за другим – всего их было семеро: три мальчика (Александр, Николай, Евгений) и четыре девочки (Надежда, Наталья, Елизавета и Юлия).

Герой войны, без всякого сомнения, у соседей и у всего малоархангельского дворянства пользовался большим авторитетом. Особенно тесно Чиркины общались с помещиками Мухортовыми.

Аграфена Николаевна Мухортова, мать Захара Николаевича Мухортова (хорошего знакомого И.С. Тургенева), чье имение находилось в селе Федоровка, в 15-и верстах от Тетеря, сделала Дмитрия Петровича поверенным в своих делах.

А сам Чиркин и его взрослые дети постоянно были восприемниками (крестными отцами и матерями) у рождавшихся у Мухортовых детей.

Крепкая дружба, несмотря на разницу в возрасте, связывала Дмитрия Петровича Чиркина с близким соседом по имени - Иваном Андреевичем Якушкиным (его сельцо Сабурово находилось от Тетеря в двух верстах выше по тому же ручью Тетерка). Когда в 1832 году 77-летний Якушкин скончался, дворянство Малоархангельского уезда проблему назначения опекуна для малолетних детей умершего помещика решило сразу - и не ошиблось.

Дмитрий Петрович сделал все от него зависящее, собрал все необходимые документы - и в 1833 году, 16 ноября, Орловское Дворянское Депутатское собрание сыновей Якушкина - Виктора, Семена и Николая внесло в 6-ю часть Дворянской родословной книги, а дочери Наталье было выдано свидетельство о причислении ее к дворянскому сословию.

К сожалению, мне пока не известна дата смерти героя войн с Наполеоном, хорошего хозяйственника, заботливого отца и помещика в лучшем смысле этого слова - Дмитрия Петровича Чиркина. А вот о Наталье Павловне Чиркиной, его жене, мне это узнать удалось - благодаря чудом сохранившейся надгробной плите с кладбища села Липовец, где она была похоронена. Само старинное захоронение было полностью уничтожено, могилы вскрыты и разграблены, почти все плиты использованы как фундаментные блоки при строительстве хозяйственных помещений местного колхоза имени Молотова, но плите с именем «Наталья Павловна Чиркина» «повезло», и она на десятилетия оказалась заброшенной в зарослях сирени неподалёку от разрушенной Троицкой церкви.

При обследовании останков этого храма несколько лет тому назад мы её обнаружили (подсказали местные жители) и перевезли к зданию Покровского краеведческого музея, где образовалась небольшая Аллея «Помещичье прошлое нашего края». Посмотри на фотографию, читатель:

«Наталья Павловна Чиркина. Родилась 1807г., июня, 3, скончалась 1864г., декабря, 21».

Дети помещика Чиркина

Двое из детей Ивана Андреевича Якушкина, о которых позаботился Дмитрий Петрович Чиркин, прославили свой род. Павел Иванович стал собирателем устного народного творчества и писателем-этнографом. Виктор Иванович, известный в Орловской губернии врач, послужил Ивану Сергеевичу Тургеневу прообразом для написания самого знаменитого его героя - нигилиста Базарова.

Что касается собственных детей Д.П. Чиркина, то до большой известности никто из них не добрался. Однако Николай Дмитриевич, став первым фотографом-любителем Малоархангельского уезда, оставил нам на память самую первую из немногих фотографий Павла Якушкина, сделанную, видимо, при посещении знаменитым фольклористом его друзей детства в соседнем имении Тетерье.

Вот что писал автор биографического очерка о Павле Якушкине С.В.Максимов: *«Настоящий прилагаемый портрет доставлен нам соседом и приятелем нашего друга, Н.Д.Чиркиным, который, занимаясь фотографией как любитель, столь удачно и мастерски схватил черты всегда оригинального оригинала».*

Александр Дмитриевич Чиркин, второй из сыновей Дмитрия Петровича, в 60-ые годы XIX века был мировым посредником 5-ого участка Малоархангельского уезда.

Четверо Чиркиных – представителей этого дружного помещичьего семейства (Елизавета, Александр, Николай и Юлия) уже в первом десятилетии XX века нераздельно владели более чем 500 десятинами земли вокруг деревни Тетерье. Что стало с ними самими и их детьми – мне неизвестно. От чиркинской усадьбы и от всего поместья в деревне Тетерье следов – никаких.

Но осталась вот эта история, написанная на основании документов Государственного архива Орловской области, старая надгробная плита да снимок писателя Павла Якушкина, запечатлённого на фотобумаге одним из Чиркиных, - тех, что всегда составляли *«Славу и гордость нашего Отечества!»*.

И это немало, так ведь, читатель?

Агент-передвижник Александр Чиркин

С 26 мая по 7 июня 1873 года в Орле происходило событие, невиданное для небольшого губернского города: в течение двух недель все желающие за небольшую плату могли посмотреть картины, представленные на второй выставке художников-передвижников. Почему вдруг после Петербурга, Риги и Вильно живописные полотна, вызвавшие ажиотаж у тамошней публики, оказались в Орле, наши земляки узнали из первых уст – от человека, который разрабатывал маршруты и потом сопровождал картины художников-передвижников по Российской империи в течение восьми лет.

Звали этого импрессарио (или агента, современным языком – А.П.) Александр Дмитриевич Чиркин. Он оказался орловским помещиком, из старинного дворянского рода, в некотором смысле, уникального: представители его с XVII века имели владения только на Орловщине.

Из семьи героя Отечественной войны

Дмитрий Петрович Чиркин, отец Александра Дмитриевича, среди малоархангельских дворян пользовался огромным авторитетом – как за свои

прошлые военные заслуги, так и за человеческие и деловые качества. Десять лет Дмитрий Чиркин провёл в армии, дослужившись до чина штабс-капитана. В Отечественной войне 1812 года и во время Заграничных походов русской армии он принял участие во всех крупнейших битвах тех лет, отличившись в каждой и них. Три ордена, золотое оружие «За храбрость», тройное жалованье по итогам войны 1812 года, дозволение носить мундир по уходе в отставку – эти награды штабс-капитан Дмитрий Чиркин заслужил своей беспримерной храбростью и умелыми действиями в боях.

Уйдя с военной службы, он поселился в своем имении Тетерье в Малоархангельском уезде (*ныне – деревня в Покровском районе – А.П.*), построив здесь одноэтажный просторный дом из столетнего дуба. Под восточным углом здания был положен «от злого глаза» талисман-камень с запечатленным на нем образом рыбки. Дмитрий Петрович был образцовый хозяин; с крестьянами он вел себя строго, но справедливо, не допускал жестоких кар, и крестьяне уважали его, хотя и боялись.

У Дмитрия Петровича родилось девять детей: шесть дочерей и три сына, старшим из которых был Александр Чиркин. Герой Бородина хотел видеть сыновей военными, и Александр Чиркин стал одним из первых кадетов только что открытого Орловского Бахтина кадетского корпуса. Закончив потом артиллерийскую школу, служил он в Гренадерском полку.

Жизнь под топот копыт

Уйдя в отставку в чине майора, Александр Дмитриевич смог, наконец-то, посвятить жизнь тем, кем он постоянно восхищался, о ком постоянно думал. Нет, читатель, не женщинам, - лошадям. Именно эти создания природы оказались для Александра Чиркина прекраснее всех красавиц на свете. Отставной майор так и не женился, поскольку кандидатки в жёны не выдерживали никакого сравнения с лучшими из его лошадей.

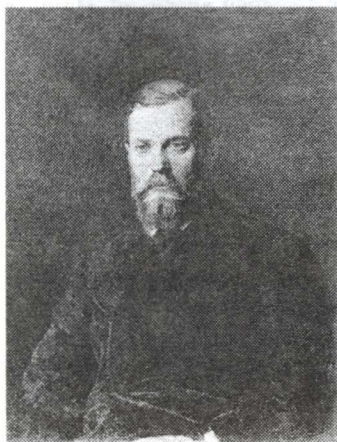
Александр Дмитриевич выращивал в своём имении в сельце Зелёная Гора в Мценском уезде прославленных орловских рысаков, став самым известным знатоком этой породы. Регулярно, живя в Москве и Питере, он посещал ипподромы и наблюдал бега своих любимцев. Но этого Александру Чиркину казалось мало. Он хотел запечатлеть лучших своих (да и чужих) питомцев для истории, чтобы и потомки восхитились тем же, чем и он сам.

Уже в армии, имея значительный талант, Чиркин писал маслом пейзажи, которыми восторгались товарищи-офицеры, но главным объектом для него всегда были кони.

Пройдя после отставки курс в Российской Академии Художеств, спустя несколько лет Александр Дмитриевич получил звание художника. Скоро стало ясно, что в изображении сцен с лошадьми он мог соперничать со знаменитым Николаем Сверчковым, который сам отдавал первенство Чиркину. Из Академии Александр Дмитриевич вынес дружеские отношения с рядом выдающихся художников: Мясоедовым, братьями Маковскими, Сверчковым, Куинджи, Суриковым и другими. Сам Николай Ге оценил молодого художника-самоучку и написал однажды его портрет.

Гонорар брал жеребятами

Когда в начале 70-ых годов XIX века родилось Товарищество Передвижных Художественных Выставок, то именно Александр Чиркин голосованием членов правления Товарищества был избран ответственным за организацию и перемещение выставок по городам.

Александр Чиркин
(портрет работы Н.Н. Ге)

Александр Чиркин. Портрет вороного жеребца

Почти все экспоненты (*так называли участников выставок – А.П.*) советовались с Александром Дмитриевичем по поводу размещения и продажи их картин, и Чиркин это умело делал.

За активную помощь все участники выставок дарили ему свои произведения, и квартира Чиркина в Москве, на Поварской улице, спустя некоторое время превратилась в прекрасную картинную галерею. Уже на парадной лестнице висели картины, а дальше все стены были увешаны замечательными полотнами таких художников, как Маковский, Крамской, Шишкин, Васнецов, Репин и другие.

В 1876 году Александр Дмитриевич сам стал членом Товарищества, представив одну из своих работ на выставку. А с 1880 года и почти до самой смерти он работал по заказам: его приглашали писать портреты знаменитых «призовых» рысаков. Позже «Товарищество Коннозаводчиков» издало целый альбом его картин. Вместо гонорара он просил давать ему жеребят и вскоре в своем имении основал собственный завод замечательных рысаков, которые брали первые «призы» в Москве; это способствовало увеличению его богатства.

Тайна наследства Александра Чиркина

Будучи холостым, Чиркин планировал передать свою коллекцию после его смерти городу Москве, но завещания оставить не успел. После его смерти в 1897 году полотна из квартиры на Поварской улице перевёз в своё

малоархангельское имение Критово его родственник, Владимир Александрович Лилиенфельд (*когда-то Чиркин написал его портрет на коне «Червонце»*).

Помещичий дом Лилиенфельдов, с находившимися там ценнейшими картинами из собрания Александра Чиркина, был подожжён местными крестьянами и сгорел полностью вместе с его последней хозяйкой, Натальей Фёдоровной Лилиенфельд, поздней осенью 1919 года.

Сумели ли поджигатели, до начала пожара, чем-то воспользоваться из дома, сказать с полной определённоcтью трудно. Но вот какую информацию я недавно обнаружил в интернете.

26 ноября 2011 года в 15.00 в московском филиале Российского аукционного дома и на сайте электронных торгов lot-online.ru состоялся аукцион, на котором продавался лот №073 - картина *Александра Дмитриевича Чиркина. «Портрет вороного жеребца орловской породы»* (1883 года написания). Предположительно, это полотно находилось в сгоревшем имении Критово, а значит, - не вся коллекция тогда сгорела?

Стоимость картины «Портрет вороного жеребца орловской породы» - до 1 миллиона рублей. А ведь, кроме собственных работ Чиркина, в его собрании имелись и картины многих выдающихся русских художников. Где они, если уцелели? Вполне возможно, в московских и петербургских частных коллекциях.

Пока же сохранившиеся картины забытого на Орловщине художника-передвижника Александра Чиркина можно увидеть в Москве, в собрании Государственного художественного музея коневодства.

Братья-разбойники Лутовиновы

У великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, как у всякого нормального человека, имелись, конечно же, недостатки. Но, к счастью для него самого и для нас, его читателей и почитателей, он не унаследовал худших черт родной маменьки, Варвары Петровны, или (что было бы ещё печальнее) сумасбродства и буйства своего деда и его братьев и сестёр.

Родственники «весьма развращённых нравов»

Поэт Гавриил Державин, которому довелось служить в молодости с двумя братьями Лутовиновыми в гвардейском Преображенском полку, написал в «Записках», что капитан-поручик Пётр и подпоручик Алексей Лутовиновы — «умные и весьма расторопные в своей должности люди», однако ведут они «неблагопристойную жизнь» и совершают «засорные поступки».

По этим причинам их, в конце концов, из гвардии, мягко говоря, «попросили», хотя Алексей успел дослужиться почти до генеральского звания (*в отставку вышел бригадиром — чин между полковничьим и генеральским — А.П.*).

Алексей Иванович Лутовинов

Иван Иванович Лутовинов

Возвратились братьцы в свои поместья и стали жить обычной помещичьей жизнью. И вот тут они развернулись «по полной», да ещё младшего брата Ивана к своим безобразиям подключили.

«Художествам» Петра, Алексея и Ивана Лутовиновых в фонде Мценского уездного суда, что хранится в Государственном архиве Орловской области, посвящены целых пять дел, заведённых на братьев в течение всего лишь пяти лет. В год — по уголовному делу, круто, как сказали бы молодые, не правда ли?

Дело первое, ямщицкое

6 января 1776 года прапорщик Добродеев, определённый Военной коллегией для присмотра за ямскими станциями на Киевском тракте, послал своему начальству, в Военную контору, «репорт», в котором сообщил следующее.

31 декабря 1775 года проезжал по тракту в направлении на Москву мценский помещик, гвардии отставной капитан-поручик, Пётр Лутовинов (*родной дед И. С. Тургенева, старший из трёх братьев — А.П.*). Ехал он на пяти повозках и вёз с собой «неведомо каких людей».

Согласно правилам, установленным ямской конторой, каждый проезжавший на Москву, с условием его возврата обратно, мог на каждой станции требовать только двух лошадей. Однако Пётр Лутовинов везде «насильно» брал по 15 лошадей. «На Соловской же станции взял девять и определённого к той станции сержанта Шапошникова бил нещадно» (*тот пытался помешать своенравному помещику — А.П.*).

Кроме того, по пути следования отставной капитан-исправник безжалостно избивал ямщиков, а следуемых за прогон лошадей денег ни разу не заплатил.

Рапорт прапорщика Добродеева Военная контора направила во Мценскую воеводскую канцелярию, а потом дело рассматривалось в Государственной юстиц-коллегии, которая возвратила его по месту жительства помещика — во Мценский уездный суд.

Пётр Лутовинов, опережая события, сам направил бумагу во Мценскую воеводскую канцелярию, в которой обвинил в случившемся

инциденте сержанта Шапошникова, якобы, действовавшего не по закону. Шапошников по каким-то причинам, чтобы подтвердить факты, во Мценский уездный суд не явился, и никакого наказания капитан-поручик за своё самоуправство и «мелкое хулиганство» так и не понёс.

Дело второе, поповское

28 августа 1778 года во Мценскую воеводскую канцелярию поступило «явочное челобитье» от священника церкви села Богоявленского Сатыевского стана Чернского уезда Петра Иванова. Он просил разобраться по закону и принять меры в отношении мценских помещиков, бригадира Алексея и секунд-майора Ивана Лутовиновых, за нанесённые ими ему побои и «утрату при этом незнаемо куда дароносицы со святыми дарами».

Священник подробно описал события, во время которых пострадал. 24 августа 1778 года отправился он в деревню Круговую своего прихода по просьбе однодворца Алексея Черемисинова — для проведения «исповеди и святого причастия детей его, лежащих в болезни». Взял батюшка с собой необходимые церковные атрибуты — дароносицу и святые дары.

Однако не прошёл Иванов ещё и полверсты, как нагнали его в поле на дороге помещики Алексей и Иван Лутовиновы со своими людьми из деревни Слободки Чернского уезда — Семёном Родионовым, Степаном Парфёновым, Иваном Ивановым и крестьянином Борисом Григорьевым.

И сразу же, «незнаемо за что и по каким причинам бригадир Алексей приказал, а майор Иван Лутовинов сам, соскоча с лошади, начал его, именованного, бить». Однако господа Лутовиновы не удовлетворились обычным, групповым, избиением беззащитного священнослужителя. Они приказали своим слугам «обнаготить» его.

Выполняя приказ, дворовые люди стащили с отца Петра полукафтан, «заворотили на голову рубашку» и «по голому телу секли езжалыми кнутьями». Одни избивали, а другие держали попа, чтобы он не вырвался. Бригадир Алексей Лутовинов при этом приказывал бить до смерти и «выговаривал своим людям, чтоб его прикололи».

Избитого до полусмерти священника Лутовиновы бросили здесь же, на обочине дороги. Сам он подняться не смог и лежал до тех пор, пока не проезжал рядом однодворец из села Богоявленского Илья Матвеев. Ужаснулся он этой картине, поднял батюшку и привёз в его дом.

Несколько дней настоятель Богоявленской церкви приходил в себя и лишь потом смог написать «явочное челобитье» на разбойников Лутовиновых. Во Мценской воеводской канцелярии служители осмотрели отца Петра Иванова. Даже спустя 10 дней спина батюшки была в страшных, просечённых до крови, синих и багровых рубцах, так же выглядело и «седалище» священника.

В дополнение к факту избиения священник показал, что его дароносица и святые дары пропали во время нападения на него.

Следственное дело по «явочному челобитью» Петра Иванова рассматривалось в нескольких инстанциях — Мценской воеводской канцелярии, Мценском духовном правлении и Мценском уездном суде.

Однако братья Лутовиновы активно сопротивлялись выдвинутым против них обвинениям.

Бригадир Алексей, как старший по возрасту и званию, обратился с «доношением» к епископу Севскому и Брянскому, Преосвященному Амвросию, в котором описал события совсем в другом свете.

По его словам, всё написанное в челобитной попом Ивановым — клевета. В тот день, 24 августа 1778 года, братья Лутовиновы осматривали свои земли около деревни Слободки. К вечеру они увидели подозрительного человека, который нарочно шёл не по дороге, а по их полям. Алексей спросил его, что он тут делает, тот отвечал невежливо. И бригадир Алексей Лутовинов «в горячности» приказал одному из своих людей ударить незнакомца. Но это было один раз, а потом Лутовиновы сразу же уехали. Дароносицу и святые дары они видеть не видали и слышать не слышали.

Конечно, в такую оправдательную бумагу поверить можно было только при горячечном воображении. А побои — вот они, засвидетельствованы актом, и церковной утвари как не было, так и нет.

Однако разбирательство тянулось четыре с лишним года, решение не принималось, а закончилось всё документом, который подвёл итоги всему следственному делу:

«А ныне мы, Лутовиновы, и я, священник Иванов, поговоря меж собой полюбовно, переполняясь долгу любви христианской, помирились. ...Он, священник, на нас, Лутовиновых, напрасно показывал, якобы во отбитии дароносицы, а я, священник, что они, якобы, меня били.. Друг на друга впредь мы не челобитчики...»

Такая челобитная была направлена истцом и ответчиками на имя императрицы Екатерины II, с тем, чтобы в «Мценском уездном суде наше челобитие было принято, а дело производством остановлено и предано забвению».

Насчёт забвения получилось не в полном объёме, потому что — «записано пером — не вырубишь топором».

А ведь были (некоторые — и одновременно) ещё третье, четвёртое и пятое дела, связанные со ссорами и драками крестьян капитана Петра Лутовинова с однодворцами села Верхососенья (Малоархангельского уезда) на спорной земле, когда дело дошло даже до смертоубийства. Но и в этих случаях, как и во всех предыдущих, Пётр Иванович Лутовинов вышел сухим из воды. Разговоров и осуждений действий сумасбродных братьев при их жизни хватало, но адекватного наказания по отношению к ним ни разу так и не последовало.

Р. С. Ни родного деда Петра Лутовинова, ни его братьев Алексея и Ивана писатель Тургенев не знал лично, поскольку все они умерли до его рождения. Однако Ивану Сергеевичу были известны многие семейные предания рода Лутовиновых, некоторые из них в том или ином виде вошли в произведения Тургенева. Но, думаю, если бы Иван Сергеевич был знаком с вышеназванными делами из Мценского уездного суда, то парой-тройкой рассказов, а то и романом наследие великого писателя обогатилось бы наверняка.

Архаров и архаровцы

Когда с 1 марта 2011 года российские милиционеры превратились в полицейских, то во многих печатных и электронных средствах массовой информации развернулось широкое обсуждение по поводу того, как новоявленных стражей порядка будет именовать население, а проще, какие их прозвища (*вместо общеизвестного «мент»*) будут наиболее популярны. Вариантов было предложено много, но достойного и запоминающегося не нашлось.

Между тем, искать-то долго и не надо было, поскольку в русском языке сохранилось и во многих толковых словарях до сих пор это слово имеется – «архаровец». Это крылатое выражение современные толкователи расшифровывают так: *1. устаревшее прозвище русских полицейских; 2. (разговорное, просторечное, бранное) - хулиган, буян, озорник, отчаянный, беспутный человек.*

Для нас, же, орловчан, даже объяснять не надо, кто это такие, поскольку есть на территории Малоархангельского района (в Дубовицком сельском поселении) два населённых пункта с почти одинаковым названием – село Архарово и деревня Нижнее Архарово. И живут там, естественно, архаровцы. Правда, никто из них не связывает своё самоназвание с тем, что процитировано выше из толкового словаря русского языка.

Однако нынешние малоархангельские *архаровцы* зря отрещиваются от тех, что в словарях прописаны. Не в том плане, что проживающие в настоящее время в селе Архарово и деревне Нижнее Архарово жители все без исключения в полиции служили или озорничали и хулиганили. Нет, конечно, хотя, наверное, есть и такие.

Иван Петрович Архаров

Всё дело в том, что малоархангельские архаровцы и московские полицейские XIX века, прозванные «архаровцами», свои названия и прозвища получили от одной и той же фамилии.

Итак, родились в 40-ые годы XVIII века два брата-помещика: старший, Николай Петрович, и младший, Иван Петрович. Оба, естественно по фамилии Архаровы.

Представляли они собой весьма колоритные фигуры царствования Екатерины II и Павла I, и поэтому в преданиях и мемуарах, повествующих о Москве и России вообще последней трети XVIII и начала XIX века, занимают заметное место.

Старший, Николай Петрович Архаров, в чине полковника, был назначен московским обер-полицмейстером. Именно эта должность принесла ему славу лучшего сыщика в Европе. В полицейской службе Николай Петрович нашел свое призвание. Он, как рассказывают современники, знал

до мельчайших подробностей, что делается в городе, с изумительной быстротой разыскивал всевозможные пропажи. Несколько раз по случаю серьезных краж во дворце императрица вызывала его в Петербург, и тут обер-полицмейстер оправдывал свою репутацию лучшего сыщика.

Архаров не стеснялся в методах сыска и допросов и, как говорили, "с помощью самых оригинальных средств обнаруживал самые сокровенные преступления". Не было дел, которые бы он не раскрыл. О проницательности его слагали легенды, московские воры боялись Николая Петровича как огня. Говорили, что Н.П. Архаров умел читать на лицах людей и нередко, взглянув на подозреваемого, решал его правоту или виновность. Деятельность Николая Петровича Архарова как московского обер-полицмейстера долго жила в памяти москвичей.

За службу Н.П. Архарова не раз награждали, и он закончил ее кавалером всех российских орденов и в чине генерала от инфантерии.

Иван Петрович Архаров был обязан своей славой старшему брату Николаю, непревзойденному сыщику. Практически повторив всю его жизнь и судьбу, Иван Архаров делал свою военную карьеру исключительно благодаря постоянной протекции своего суперэнергичного старшего брата. Тем не менее, он тоже вошел в историю, пусть и не столь ярко, как Николай. Но именно деятельность И.П.Архарова на посту военного губернатора Москвы оставила глубокий след в истории столицы: беспечно набранные им полицейские драгуны оказались такими головорезами и так плохо ладили с законом, что в московском быту утвердилось понятие "*архаровцы*".

Архаровцы ловили не только воров, не гнушались они и добром честных людей. Потому и слово это в русском языке имеет вовсе не положительный смысл.

В протоколах заседаний Малоархангельского уездного суда за 1804 год, с которыми мне недавно удалось познакомиться в Государственном архиве Орловской области, встретил я вдруг знакомую фамилию. Генерал от инфантерии и разных орденов Кавалер Иван Петрович Архаров, владелец вотчины в Малоархангельском уезде Орловской губернии, был вынужден судиться с соседом-помещиком, секунд-майором Алексеем Казиным, из-за спорной земли у деревни Синковец.

Судья Воронов просил спорящих представить документы по земле, и чем то дело закончилось, мне выяснить не удалось. Зато совершенно точно стало ясно, что своими названиями село Архарово и сельцо (деревня ныне) Нижнее Архарово современного Малоархангельского района обязаны генералу от инфантерии Ивану Петровичу Архарову.

Впрочем, в большей степени, чем брата, именно его заслуга и в хождении среди народа крылатого словечка «*архаровец*». Сохранит ли оно актуальность сейчас, в отношении современных полицейских, - время покажет...

Дмитрий Демидов – участник открытия Антарктиды

Поздней осенью 1833 года курский гражданский губернатор Павел Демидов возвращался в родные пенаты из Орла от своего коллеги Аркадия Кочубея. Затяжные ноябрьские дожди привели приличный ранее тракт в непригодное состояние, и даже шестёрка лошадей с трудом вытаскивала тяжёлый дормез (комфортная карета, в которой во время путешествия можно спать, как в обычной кровати – А.П.) из очередной колдобины.

Раз Демидов, два – Демидов...

В одну из больших ям экипаж ухнул так, что губернатор чуть не вывалился из кареты. Оказалось, не выдержала экстремальной дороги передняя ось дормеза, лопнула, и правое колесо соскочило, закатившись в огромную лужу.

Кучер и один из помощников Демидова, отправившиеся в ближайшее село, возвратились уже в сумерках, когда губернатор основательно продрог и совсем потерял терпение. Но слуги вернулись не одни - в экипаже, запряжённом четвёркой лошадей. Молодцевато выпрыгнувший из него среднего роста крепыш в цивильном платье представился: *«Ваше превосходительство, честь имею: капитан II ранга Дмитрий Демидов».*

А далее всё происходило очень оперативно. Губернатор пересел в подъехавшую карету, которая доставила его в небольшой, но уютный помещицкий дом, разместившийся чуть в стороне от большого села. Здесь Павла Николаевича Демидова отогрели, накормили и напоили замечательными домашними винами.

Статский советник полностью пришёл в себя, и ему захотелось узнать о своём спасителе - однофамильце. Бывший моряк охотно удовлетворил любопытство губернатора, поведав о себе и о событиях недавних, но во многом удивительных.

На «Востоке» - на юг, к Антарктиде

Орловские помещики Демидовы хоть и уступали по известности и богатству знаменитым горнозаводчикам и оружейникам Демидовым, но тоже оказались не из последних дворян в империи Российской. Василий Иванович, прадед рассказчика, был советником императрицы Екатерины II и по её указанию боролся с проституцией в Санкт-Петербурге. Дед, Иван Васильевич, и отец, Алексей Иванович Демидовы, до генеральских чинов дослужились.

Самому же Дмитрию Демидову судьба уже в детстве приготовила испытания. Его матушка умерла сразу после родов, в 1800 году. Отец отдал сына на обучение в Морской корпус. И уже с 15-летнего возраста Дмитрий начал плавать на кораблях Балтийского флота, став вначале гардемаринном, а в 18 лет - мичманом. Когда готовилась в 1819 году к отправке первая Антарктическая экспедиция под руководством Фаддея Беллинсгаузена, то сам адмирал Максим Петрович Кorableк рекомендовал молодого офицера в состав экипажа шлюпа «Восток».

Выйдя 4 июня 1819 года из Кронштадта, экспедиция прибыла 2 ноября в Рио-де-Жанейро. Оттуда шлюпы «Восток» и «Мирный» сперва направились прямо на юг и, достигнув 69° южной широты 16 января 1820 года, участники экспедиции открыли Антарктиду. 21 января Беллинсгаузен и его товарищи вторично видели берег, а 5 и 6 февраля экспедиция подходила к нему почти вплотную.

Дмитрий Алексеевич, дойдя до этого момента в своём рассказе, пригласил гостя в библиотеку, не уступавшую лучшим столичным, отыскал в одном из шкафов нужную книгу и подал её курскому губернатору.

«Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Восток» и «Мирном» - прочёл Павел Демидов. А открыв обложку, увидел губернатор рукописный текст: «Господину лейтенанту, офицеру на шлюпе «Восток», Дмитрию Алексеевичу Демидову – на добрую память от автора и командира. Фаддей Беллинсгаузен». Подписан был подарок 25 декабря 1831 года.

Капитан II ранга показал несколько мест в книге, где Беллинсгаузен упоминал его по тому или иному случаю, в основном, как меткого стрелка и переводчика.

«Счастливое избавление от великой опасности»

Но лейтенанту (звание он получил уже во время экспедиции – А.П.) Дмитрию Демидову больше всего запомнился один случай, зафиксированный начальником экспедиции:

«25 декабря 1820 года мы шли при тех же обстоятельствах и при снежных тучах. Ледяные острова беспрестанно вновь открывались и умножались к восточной стороне, а с западной были ниже и скрывались.

Сегодня праздник Рождества Христова, все оделись в парадные мундиры и, невзирая на неприятную погоду, я посредством телеграфа пригласил на шлюп священника, который прибыл в 11 часов. Все вообще слушали молитву, кроме вахтенных. Во время благодарственной молитвы за избавление любезного отечества нашего от нашествия врагов, вдруг почувствовали сильный удар судна...

Лейтенант Демидов, управлявший тогда шлюпом,... избегая одной льдины, коснулся правой стороны другой, которая казалась ему небольшою, но льдина сия, напившись водою, от тяжести погрузилась и потому-то надводная часть ее была мала. Удар последовал весьма сильный, и ежели бы при тогдашней качке не ослаблен был якорным штоком и подъякорными нижними досками, то проломил бы судно... Из сего видно, что одному счастливому случаю обязаны мы избавлением от великой опасности, а может быть, и от самой потери шлюпа. Удар последовал, когда судно спускалось носом вниз, а ежели бы сие случилось, когда нос приподнимался, удар последовал бы прямо в подводную часть, защищенную одною только настоящею обшивкою, и немедленно раздробил бы сию обшивку, которую исправить не было ни места, ни возможности; в таком гибельном

положении для спасения людей осталось бы одно средство -- перевести всех или кого успели на шлюп "Мирный".

Во время этого плаванья был открыт и назван в честь Дмитрия Алексеевича Демидова мыс (54°08' ю.ш., 37°43' з.д.) у острова Южная Георгия на карте Антарктиды.

В 6 часов утра 24 июля 1821 года, под салют пушек Кронштадтской крепости, шлюпы «Восток» и «Мирный», стали на якорь на том самом месте, с которого отправились в путь.

Экспедиция продолжалась 751 день; пройдено всего было 86475 вёрст, открыто двадцать девять островов и – последний из земных материков, Антарктида!

Участников многодневного плаванья наградили, Дмитрий Демидов был удостоен ордена Святого Владимира 4-ой степени.

В память о Демидовых

«В 1823 году я командовал фрегатом «Помощный», в 1824 год - бригом «Кетти» при описи и промере глубин в Белом море. В 1830 году был произведён в капитан-лейтенанты, а в 1832 году был уволен со службы с чином капитана 2 ранга. Батюшка мой умер к этому времени, и я был вынужден заняться устройством домашних дел, по причине этой и нахожусь здесь, в Демидове, в отцовском имении», - закончил свой долгий рассказ офицер морского флота.

Вот так завершилась тогда нечаянная встреча двух Демидовых. Павел Николаевич, завершив трёхлетний губернаторский срок и оставив о себе добрую память у курян постоянной и обширной благотворительностью, покинул вскоре губернию. А Дмитрий Алексеевич поселился на постоянное место жительства в своём Малоархангельском имении (рядом с селом Столбецкое - А.П.). В 50-ые годы XIX века местные дворяне избирали его уездным предводителем. К сожалению, пока не удалось выяснить дату смерти участника открытия Антарктиды. А вот место упокоения нашего земляка – скорее всего, в том самом отцовском имении в селе Демидово, рядом с Покровской церковью.

В Ливенском районе в настоящее время в списке населённых пунктов не значится село с таким названием, однако проживающие в стоящей на трассе Орёл – Ливны деревне Покровка 2-ая и близлежащем селе Покровка 1-ая жители гораздо чаще называют их по старинке, как и сто лет назад – Демидово.

На карте мира имеются и официальные названия в честь нашего земляка: кроме мыса Демидова у побережья Антарктиды, есть ещё острова Демидова у южного побережья южного острова Новой Земли. Названы они были так в год описанной нами встречи двух Демидовых.

Пигаревы

(О селе Трубицино, дворянах Пигаревых, внучке Тютчева
и секретаре Великой княгини Елизаветы Фёдоровны)

Когда в 2003 году в нашей стране широко отмечалось 200-летие выдающегося русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева, многих читателей и почитателей его творчества заинтересовал вопрос, а остались ли у него к настоящему времени потомки? И что же выяснилось?

У Фёдора Ивановича было девять детей. Три дочери от первого брака с Элеонорой Фёдоровной (графиней Ботмер) – Анна, Дарья, Екатерина. Дарья и Екатерина замуж не выходили и детей не оставили. Анна Фёдоровна от брака с писателем Иваном Аксаковым детей тоже не имела.

После смерти Элеоноры Фёдоровны (ей было только 39 лет) поэт женился вторично. От брака с Эрнестиной Фёдоровной (баронессой фон Пфеефель) родились: дочь Мария и сыновья Дмитрий и Иван. Мария Фёдоровна от брака с вице-адмиралом Н.А.Бирилевым детей не имела. Дмитрий Фёдорович был женат на Ольге Николаевне Путята. От этого брака у них осталась дочь Ольга, у которой своих детей в замужестве с К.И.Дефабром не появилось. О детях Ивана Фёдоровича скажем чуть ниже.

Известно, что у Ф.И.Тютчева была гражданская жена – Елена Александровна Денисьева, которая родила поэту дочь Елену и сыновей Николая и Фёдора. Елена и Николай умерли детьми. Полковник и писатель Фёдор Фёдорович Тютчев имел двух дочерей, но они также после себя наследников не оставили.

А теперь вернёмся к Ивану Фёдоровичу Тютчеву. Член Государственного совета, гофмейстер, он был женат на Ольге Александровне Мельниковой. Их детьми были – Ольга (умерла в детстве), Софья, Екатерина, Фёдор, Николай. Из всех – только у Екатерины Ивановны, вышедшей замуж за Василия Евгеньевича Пигарева, родились наследники. Мужская линия рода Ф.И.Тютчева, таким образом, прервалась.

У Екатерины Ивановны Пигаревой (внучки поэта) было трое детей: дочь Ольга и сыновья Кирилл и Николай. Именно они и явились продолжателями тютчевского рода по женской линии.

О них, Пигаревых, и будет наш рассказ. В первый раз незнакомую тогда мне фамилию я увидел в книге директора Брянского краеведческого музея, Заслуженного работника культуры РФ, Владимира Петровича Алексеева «Тютчевский Овстуг».

На странице 149 этого чрезвычайно интересного сочинения я прочёл: *«Екатерина вышла замуж за Василия Евгеньевича Пигарева, сына небогатого помещика из с.Александровки Малоархангельского уезда Орловской губернии. Все дети Фёдора Ивановича и его внуки были записаны в «Родословной книге дворянства Орловской губернии» (РГИА, ф.1343, оп.27, д.2734).*

Может быть, и не обратил бы я на это особого внимания, если бы не знал о существовании на территории современного Покровского района

населённого пункта *Пигаревка*. Официально его, правда, нет на топографических картах уже несколько десятков лет (*он стал составной частью села Трубицино ещё в 1963 году – А.П.*), но местные жители о нём помнят. Интересуясь историей населённых пунктов края, знал я с некоторых пор и второе название села Трубицино – Александровское. Так что здесь многое совпало (*В.П.Алексеев, правда, упоминал село Александровку, но такой вариант в написании случается – и фактически, и по незнанию автора – А.П.*).

В Государственном архиве Орловской области, где начал я через некоторое время поиски, вскоре нашёл то, что искал – знакомую фамилию, причём, во многих документах.

В фонде 68 (д.43, л.л.399-400), в протоколах Дворянского депутатского собрания от 5 декабря 1835 года обнаружил я запись о рассмотрении прошения о внесении в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии уволенного от службы штабс-капитана Василия Сергеевича Пигарева (*хочу сразу заметить, что фамилия эта в разных документах писалась как через «а», так и через «о», - во втором слоге, кроме этого, иногда в третьем слоге вместо буквы «е» использовалась «ё», но я буду писать везде «Пигарев» - А.П.*). О просителе было сказано, что он – из дворян Черниговской губернии, где за отцом его, в Глуховском уезде, - значится родовое имение с восемью крестьянскими душами и 45 десятинами земли.

В службу Василий Пигарев вступил рядовым 22 апреля 1822 года в Конно-Егерский Его Величества Короля Виртембергского полк, в котором дошёл до прапорщиков. Потом был переведён в Финляндский драгунский полк, из которого 22 декабря 1829 года, по домашним обстоятельствам, уволился в звании штабс-капитана.

Из этой же записи нам известно, что на момент рассмотрения дела ему 32 года (значит, 1803 года рождения), что он женат и у него двое детей – сын Владимир и дочь Варвара. В том же Глуховском уезде Черниговской губернии за Василием Сергеевичем Пигаревым значилось недвижимое имение с шестью душами, а за женою его, в Малоархангельском и Ливенском уездах Орловской губернии, - 40 душ мужского пола.

По итогам рассмотрения прошения В.С.Пигарев был внесён во 2-ую часть Дворянской родословной книги Орловской губернии. Судя по всему, он к этому времени уже несколько лет проживал в имении жены, находившемся в селе Александровское (Трубицино) Малоархангельского уезда.

В фонде 220 ГАОО сохранилось несколько метрических книг Вознесенской церкви этого села – за 1850, 1852, 1858, 1863, 1883, 1906-1910 годы. В них до 1863 года включительно называется имя Василия Сергеевича Пигарева как проживающего в данном населённом пункте. Кроме него, упоминается несколько раз его жена Юлия (Иулия) Петровна и дети – Ольга, Варвара, Митрофан.

Но уже к апрелю 1865 года Василия Сергеевича не было в живых, поскольку 29 апреля его сын, коллежский советник Митрофан Васильевич

Пигарев, обратился в Дворянское Депутатское собрание с прошением о сопричастности его малолетнего брата Евгения, родившегося 3 марта 1853 года, ко дворянству (ГАОО, ф. 68, д. 41, л. 14). Прошение было удовлетворено.

Помещица, штабс-капитанша, Юлия Петровна Пигарева умерла в селе Александровском 19 февраля 1883 года и, согласно записи в метрической книге (ГАОО, ф. 220, д. 630), похоронена была «на общем мирском кладбище», несомненно, рядом с уже почившим 20 лет назад мужем. Отпевал Юлию Петровну настоятель Вознесенской церкви отец Афанасий (А.Ф. Тарасов).

По всей видимости, управлять имением после смерти хозяйки остался один из её сыновей, упоминавшийся выше, – Митрофан Васильевич Пигарев. Именно он назван в числе владельцев имения в 1908 году. В некоторых источниках Митрофан Васильевич значится «старым холостяком», но это не так, поскольку в метрической книге Вознесенской церкви есть запись за 24 апреля 1883 года, в которой восприемницей родившейся у местного священника Афанасия Тарасова дочери Софии названа как раз жена М.В.Пигарева, Мария Михайловна.

Какой была в последующие годы судьба самого Митрофана Васильевича, его старшего брата Владимира, сестёр Варвары и Ольги, мне выяснить, пока, не удалось. А вот о младшем брате, Евгении Васильевиче Пигареве – отдельная история.

Родившийся, как вы помните, 3 марта 1853 года, он женился 28 сентября 1877 года на Марии Александровне Поволоцкой-Бережецкой-Ушколенко. От этого брака появился на свет 10 июля 1878 года единственный их ребёнок, сын Василий, названный так в честь деда, основателя имения Пигаревых в селе Александровское (Трубицино).

Именно он, Василий Евгеньевич Пигарев, женившись 1 июня 1910 года на Екатерине Ивановне Тютчевой, и способствовал сохранению тютчевского рода (хотя бы и по женской линии).

У Василия Евгеньевича – интересная биография. Как и большинство дворянских детей, он вначале обучался дома, а потом поступил в Демидовский юридический лицей, находившийся в Ярославле. Во время обучения там познакомился с Николаем Ивановичем Тютчевым, который ввёл Пигарева в семью Тютчевых и познакомил со своей младшей сестрой, Екатериной Ивановной, некоторое время состоявшей при Императорском Дворе фрейлиной. Сам Василий Евгеньевич тоже был тесно связан с царской фамилией: с 1905 по 1910 год он работал в Управлении московского генерал-губернатора, а затем до самой революции являлся секретарём Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, занимаясь, в основном, её многочисленными благотворительными заведениями. Причём, он не только пользовался полным доверием Елизаветы Фёдоровны, но и сумел установить с ней очень тёплые, доверительные отношения, только окрепшие после его женитьбы.

Василий Пигарев, полюбивший Екатерину Тютчеву, очень долго, целых 10 лет ухаживал за ней, поскольку, сильно привязанная к отцу, Ивану

Фёдоровичу, она никак не соглашалась выходить замуж, и лишь через год после его смерти, 1 июня 1910 года состоялась их свадьба.

31 марта 1911 года у молодой четы родился первенец – сын Кирилл, в январе 1913 года – дочь Ольга, а в 1916 году у Пигаревых появился на свет третий ребёнок – сын Николай. Узнав о семейном событии, Великая княгиня Елизавета Фёдоровна приехала в Мураново, где жили молодые, и крестила новорожденного в домовом храме Спаса Нерукотворного.

Когда в феврале 1914 года Елизавета Фёдоровна составляла духовное завещание, то одним из тех лиц, кто готовил его и подписывал, был камер-юнкер Двора Его Императорского Величества Василий Пигарев.

Вообще, семья Пигаревых была очень близка Великой княгине. Все её члены участвовали в многочисленных благотворительных организациях, созданных Елизаветой Фёдоровной, были всегдашними её помощниками до самой революции 1917 года. Судьба сложилась так, что Василий Евгеньевич скоропостижно, в 41 год, скончался, и Екатерине Ивановне пришлось одной воспитывать детей. В своё время она получила прекрасное образование: хорошо знала историю, литературу, три иностранных языка, музицировала, пела. Ей удалось многое из своих талантов передать своим детям, которые обучались только дома.

Кирилл, старший из сыновей, стал вначале научным сотрудником музея-усадьбы «Мураново», той самой, где они с отцом и матерью жили. Вскоре вышли в свет его первые научные работы, посвящённые Фёдору Ивановичу Тютчеву, прадеду. Потом К.В.Пигарев обратился к личности Александра Васильевича Суворова, написал книгу «Солдат-полководец», выдержавшую несколько изданий и привлёкшую внимание самого Сталина.

Кандидат исторических и доктор филологических наук, видный учёный в области тютчеведения, в течение 30 лет - директор музея-усадьбы «Мураново», многое сделавший для превращения его в один из лучших литературных музеев Советского Союза, - об этих заслугах Кирилла Васильевича хорошо знали его друзья, коллеги-учёные и представители общественности. Он умер в 1984 году, в Мураново, и похоронили Заслуженного работника культуры РСФСР там же, рядом с дедом – Иваном Фёдоровичем и дядей – Николаем Ивановичем Тютчевыми, возле храма Спаса Нерукотворного.

Младший сын В.Е.Пигарева, Николай Васильевич, выбрал другую жизненную стезю: он стал доктором сельскохозяйственных наук, профессором Тимирязевской сельхозакадемии. Скончался в 2005-ом. Сестра, Ольга Васильевна Муратова (Пигарева), преподававшая в школе русский язык и литературу, была отмечена званием Заслуженного учителя Российской Федерации. Вместе с братом Кириллом Васильевичем она участвовала в подготовке к печати двухтомников «Лирики» Ф.И.Тютчева (1965 и 1966 годы) и его «Сочинений» (1980 г.).

От рассказа о семействе Пигаревых теперь перейдём к их родине – селу Александровское (Трубицино тож) Малоархангельского уезда Орловской губернии, а ныне – Покровского района Орловской области.

Располагалось оно на правом, сравнительно невысоком берегу реки Труды, метрах в двухстах от которой, посередине села, в первой половине XIX века была выстроена красивая каменная церковь Вознесения Господня. В 1866 году в селе имелось 30 дворов, в которых проживало 355 жителей. На реке действовала водяная мельница. Помещичий дом Пигаревых находился чуть в стороне от центра населённого пункта, метрах в пятистах от реки, на довольно крутом взгорке. Уже в конце XIX века эта часть села получила имя собственное – деревня *Пигарева*. В 1926 году, при Советской власти, название слегка искорёжили, превратив в *Пигоревку*. Может быть, по этой причине, когда печатались карты Генерального штаба Красной Армии (1937-1941 г.г.), непонятное для составителей слово Пигоревка снова переделали – на этот раз в *Пригорьевку* (тем более, что деревня располагалась как раз *при горе*). Но местные жители название никогда не путали: они-то знали барина Пигарева, а не кого-то ещё.

Впрочем, уже к 1910 году имения помещиков Пигаревых ни при селе Трубицино, ни при деревне Пигаревой не значилось. От помещиков осталось только имя, которое на карте сохранялось ещё 40 лет, пока не произошло слияния двух населённых пунктов в один.

Кстати, из села Трубицино выделилась в конце XIX века не только деревня Пигарева, но и ещё одна - под названием Денисовка, поскольку в ней проживали помещики – ты не поверишь, читатель, по фамилии Денисьевы. Один из них, Константин Фёдорович, упоминается в метрических книгах Вознесенской церкви за 1858 и 1863 годы. Мне это кажется вообще чем-то мистическим, ведь гражданская жена Фёдора Ивановича Тютчева, если вы не забыли, носила фамилию Денисьева. Деревня Денисовка, в отличие от Пигаревой, официально существует до сих пор, хотя последние два года в ней никто уже не живёт.

В послевоенные годы начала было, как никогда ранее, развиваться российская деревня. Строились дома, общественные постройки, даже шоссе к Трубицино провели, но, к сожалению, теперь это всё уже в недалёком прошлом.

От всего того, что имелось – как в селе Трубицино, так и в двух названных деревнях, остался к настоящему времени один жилой дом, в котором проживает ветеран труда Вячеслав Александрович Феофилов, да здание полуразрушенной Вознесенской церкви, с колокольни которой открывается замечательный вид на окрестности: на соседнюю деревню Гремячее, на реку Труды и на заросшее деревьями и кустарником местное кладбище, где покоятся с миром в заброшенных могилах помещики Пигаревы – те самые, что не только род тютчевский сохранили, но и свой след в российской истории и культуре оставили.

Как Санкт-Петербургского генерал-губернатора на Орловщине похоронили

Генерал от инфантерии Пётр Эссен

У Санкт-Петербургского военного губернатора Петра Эссена к 55 годам было почти всё, о чём мечтало большинство людей его эпохи (впрочем, и сейчас тоже): чины, слава, богатство.

Его ценили три российских императора. Павел I в течение всего лишь двух лет произвёл Эссена сначала в генерал-майоры, а потом – в генерал-лейтенанты.

Пётр Кириллович Эссен

При Александре I он стал генералом от инфантерии (*пехоты – А.П.*), дважды удостоивался награждения золотым оружием, и проявил себя в качестве военного губернатора, успешно управляя Оренбургским краем.

На время же правления Николая I пришёлся пик карьеры Петра Кирилловича Эссена: он был назначен петербургским военным генерал-губернатором, став (почти одновременно) членом Государственного совета, а вскоре указом императора был возведен в графское Российской Империи достоинство.

Храброго и удачливого генерала Эссена хорошо знали и уважали великие русские полководцы Суворов и Кутузов. Под водительством Александра Васильевича Пётр Кириллович отличился в Швейцарском походе в 1799 году, а под командованием Михаила Илларионовича героически сражался в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах Русской армии (*и это, не считая ещё двух войн начала XIX века, в которых Эссен также отличился – А.П.*).

Одного лишь перечня военных операций, в которых принимал участие Петр Кириллович Эссен, хватило бы, чтобы его имя осталось навсегда в анналах русской военной истории. Но ведь была ещё и другая, не менее значительная, гражданско-административная его деятельность. За успешное 13-летнее управление пограничной Оренбургской губернией Александр I пожаловал Пётру Эссену 10 тысяч десятин плодороднейших земель (*этот царский подарок превратил губернатора в одного из крупнейших землевладельцев Российской империи – А.П.*).

Не меньше успехов было у Петра Кирилловича и за такой же по продолжительности период его генерал-губернаторского правления в Санкт-Петербурге. Чего стоила, к примеру, энергичная и действенная борьба Эссена с прекращением эпидемии холеры! (*Да, за это, кстати, он и был удостоен графского титула – А.П.*). Благодаря Эссену в столице появились первые

общедоступные благотворительные учреждения: больница для чернорабочих и дом призрения для убогих граждан, с училищем для малолетних мещанских детей обоего пола.

Эссен стал первым из российских административных деятелей, кто повёл борьбу за экологию: в 1833 году по его инициативе было принято «Положение о размещении и устройстве частных заводов в Санкт-Петербурге», согласно которому заводы и производства с вредными отходами разрешалось ставить только в нижнем течении р. Невы. За успехи на посту военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга Пётр Кириллович был награждён высшим орденом Российской империи – Андреев Первозванного.

Семья генерала

Если же добавить, что он счастливо и по любви женился, да, к тому же, на богатой помещице, то, кажется, и пожелать себе жизни иной Пётр Эссен не хотел бы. Однако для судьбы-злодейки не бывает счастья вечного. Единственный сын губернатора, Александр Эссен, полковник лейб-гвардии Измайловского полка, участвуя в русско-турецкой войне, был убит во время осады русскими войсками города Варна в сентябре 1828 года, не успев к этому времени жениться и не оставив наследников. А меньше чем через полгода, не выдержав такого удара, скончалась и любимая жена генерала от инфантерии, Екатерина Николаевна.

Она происходила из знатного рода орловских помещиков Львовых, владевших большим имением в Карачевском уезде. По завещанию жены Пётр Эссен похоронил Екатерину Николаевну в родовом поместье, в селе Глыбочки (ныне – Шаблыкинского района Орловской области – А.П.).

После двух таких жестоких ударов впал губернатор на некоторое время в депрессию, но потом взял себя в руки, сосредоточившись на работе и общении с единственным оставшимся у него родным существом – дочерью Александрой.

Губернаторский зять

Когда дочь стала взрослеть, и появились у неё женихи, сама Александра с симпатией отнеслась к ухаживаниям Якова Стенбока-Фермора, выходца из английской военной семьи, недолгое время прослужившего в армии, а потом занявшегося предпринимательством. Губернатор одобрил выбор дочери, и когда в 1835 году Яков попросил руки Александры Эссен, то Пётр Кириллович добился от императора разрешения на то, чтобы зять к собственной фамилии добавил и фамилию тестя. Так что новоиспечённый муж и недавний штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, именовался с тех пор графом Эссен-Стенбок-Фермором.

К собственному приличному состоянию Яков Иванович добавил большое приданое жены, но, будучи натурой деятельной, не стал тратить время только на светские мероприятия, а занялся (и на первых порах очень успешно) предпринимательством. Впрочем, вполне возможно, что удачам первого этапа своей деятельности граф Эссен-Стенбок-Фермор был обязан тестю-губернатору, при помощи которого зять купил несколько удобных

земельных участков в центре Санкт-Петербурга и развернул на них большое строительство.

К числу самых известных построек Эссен-Стенбок-Фермора принадлежат: торговая галерея «Петербургский Пассаж» (открылась 9 мая 1848г.), здание вокзала и одна из крупнейших в городе гостиниц. Яков Иванович построил также один из первых в северной столице водопроводов, предназначенных для коллективного пользования, и первые общественные бани в нескольких районах Санкт-Петербурга.

Большие стройки требовали больших денег, которых не хватило даже такому богачу, как граф Эссен-Стенбок-Фермор. Он заложил в банках некоторые из имений, чтобы рассчитаться с долгами. К тому же в 1844 году скончался его тесть, Пётр Эссен, по мере возможностей помогавший предпринимателю. Генерал от инфантерии и бывший Петербургский генерал-губернатор завещал похоронить себя рядом с женой, в её орловском имении Глыбочки. Выполнить эту последнюю волю покойного было нелегко, но зять всё сделал, как полагается.

А в начале 1850-х годов дела Эссен-Стенбок-Фермора совсем пришли в расстройство, и почти все его здания и водопроводные сооружения были выкуплены другими владельцами. Яков Иванович скончался в 1856 году, оставив жене, Александре Петровне, большие долги, за которые она вынуждена была рассчитываться сама.

Проданная родина

Вот какое объявление обнаружил я в «Орловских губернских ведомостях» от 12 января 1857 года: *«О продаже с публичного торга недвижимого имения статской советницы Александры Петровны Эссен-Стенбок-Фермор за неплатёж ею генерал-лейтенанту Николаю Александрову Бутурлину по закладной 120 000 рублей серебром, с процентами».*

А далее в объявлении было названо то самое родовое имение Львовых в Карачевском уезде, в котором были похоронены Екатерина Николаевна и Пётр Кириллович Эссены. В состав владения входили сёла Глыбочки, Клиньское, деревни Новопоселенный хутор, Старые Рядовичи, Новые Рядовичи, Слобода (Рязанка тож), Михайловка (Трубченинова тож), Липовка и Цурикова (большинство из перечисленных сёл и деревень в настоящее время входит в состав Шаблыкинского района – А.П.) В селе Глыбочки находился господский дом, и проживало 15 дворовых людей. Общее число крепостных крестьян, принадлежавших Александре Петровне в этом имении, было 766 (только мужского пола), а земли за ней здесь числилось 5076 десятин. Огромное, даже по тем меркам, владение. Однако оценочная стоимость его составила 100 590 рублей серебром, и этого не хватало для расчёта с кредитором.

Для того, чтобы полностью выплатить долги генерал-лейтенанту Н.И. Бутурлину (кстати, участнику русско-турецкой войны и знакомому А.С. Пушкина), пришлось графине Эссен-Стенбок-Фермор продавать и ещё

одно имение, - в соседнем Дмитровском уезде (село Турищево и деревня Юрово со 114 крепостными душами мужского пола и 487 десятинами земли), оцененное в 20 тысяч рублей.

Оба имения должны были продаваться 7 мая 1857 года, после чего Александра Петровна Эссен-Стенбок-Фермор не только перестала быть орловской помещицей, но и лишилась родовой земли, в которой были похоронены её мать и отец.

К сожалению, от могил известных исторических личностей XIX века в селе Глыбочки к настоящему времени не осталось даже следа, - только память.

Мейеры: немецкое семейство на Орловщине

О дворянах с немецкой фамилией «Мейер», владевших землями на территории нашего края с екатерининских времён, я ещё не писал: слишком мало имелось материала о них. Но совсем недавно этот недостаток был исправлен кардинально, и у меня под руками оказались такие залежи ценнейших, подробнейших сведений как о самих Мейерах, так и о помещичьем быте конца XIX- начала XX века, что не написать об этом было бы просто непростительно.

Основную часть новой для меня информации я почерпнул из воспоминаний **Юрия Константиновича Мейера**, опубликованных в шестом томе альманаха «Русский архив».

Но прежде, чем перейти к ним, приведу дополнительные сведения о семействе Мейер, найденные мною в других источниках (в основном, в ГАОО – А.П.)

Предок Юрия Константиновича, Мартин Мейер, переселившийся в Россию из Германии во времена Екатерины Великой и дослужившийся до чина майора, получил от императрицы в конце XIX века во владение село Спасское-Кубань (Малоархангельского уезда Орловской губернии), где семья Мейеров с того времени осела на постоянное жительство.

Сын Мартина, Николай, тоже выбрал военную карьеру и, начав службу юнкером в мае 1818 года, ушёл в отставку полковником в апреле 1848 года. За 30 лет воинского служения Николай Мартинович Мейер стал кавалером четырёх российских орденов (Святой Анны 4-ой, 3-ей и дважды - 2-ой степени). У Николая Мартиновича и его жены Софии Петровны было двое сыновей, старший из которых, Александр, родившийся 27 сентября 1834 года, в 15-летнем возрасте был зачислен в кондукторскую роту Николаевского инженерного училища. По окончании его в 1854 году в чине военного инженер-прапорщика начал службу в армии, но, в отличие от отца, военная карьера А.Н.Мейера длилась недолго: он вышел в отставку 30 мая 1860 года в чине поручика и почти 50 лет прожил потом в своём имении.

За это время Александр Николаевич Мейер (*родной дед автора воспоминаний – А.П.*), добился больших успехов – как в собственном хозяйстве, так и на гражданской службе. Имение его, первое время

достаточно скромное по размерам (в 1862 году земли в нём имелось 366 десятин), постепенно прирастало земельными участками и успешно развивалось. Сам же А.Н. Мейер быстро приобрёл авторитет у малоархангельского дворянства, которое стало выдвигать его на различные выборные должности, а с 1888 года и до первой русской революции Александр Николаевич являлся уездным предводителем дворянства, что говорило о его незаурядных личных и организаторских качествах.

Что касается семьи главного дворянина Малоархангельского уезда, то и здесь всё было в порядке: он хоть и женился, когда ему было уже за 30, но зато на верной, любящей его женщине, которая родила Александру Николаевичу трёх сыновей и трёх дочерей. Старшим из детей (1870 года рождения) был Константин Мейер, отец будущего автора воспоминаний. Константин Александрович получил, как бы сейчас сказали, среднее образование в Орловской мужской гимназии, а потом большую часть своей жизни жил за пределами Орловской губернии, поскольку занимал довольно высокую должность в Удельном ведомстве. Перед Первой мировой войной и революциями он стал управляющим Мургабским имением императора Николая II – одним из самых больших и экономически процветающих хозяйств императорской семьи (оно находилось в Туркестане).

Константин Александрович Мейер в 1896 году женился на Анне Фёдоровне Гончаровой, происходившей из дворян Бессарабской губернии (её отец был генерал-лейтенантом и командовал бригадой). У молодой пары в сентябре 1897 года родился первенец, которого крестили как Георгия, и уж когда и как он превратился в Юрия, я не знаю, - но это произошло. Проживали молодые тогда сначала в городе Вольске Вологодской губернии, а потом в Саратове, в котором Юрий Мейер с серебряной медалью закончил Первую Самарскую мужскую гимназию.

На всех летних каникулах Константин Александрович Мейер обязательно привозил семью в родное имение на Орловщину, в милую его сердцу Кубань (Спасское). Эти поездки и пребывание в гостях у деда, уездного предводителя дворянства (пока он был жив), а потом у тёток и дядей запомнились мальчику Юре на всю жизнь – так, что он в своих мемуарах описал (спустя 80 лет!) Кубанское имение на нескольких страницах с мельчайшими и очень яркими подробностями (*эти отрывки я и привожу ниже – А.П.*)

Осенью 1915 года Юрий Мейер по конкурсному экзамену был принят в Императорский Александровский лицей в Петербурге, а осенью 1916-ого, отвечая на призыв студентов в войска, поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Семёновский полк.

С 1 февраля по 1 сентября 1917 года Юрий Константинович провёл на ускоренных офицерских курсах при Пажеском Корпусе и был произведён Керенским в чин прапорщика общевойсковой кавалерии. С конца 1917 года по начало 1918-ого он находился в городе его родителей, не чужом и ему самому.

После отъезда из Орла Юрий Мейер с родителями сумел добраться до Киева, в котором осенью 1919 году вступил в Добровольческую армию. Служил командиром кавалерийского взвода 3-ого эскадрона Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Воевать ему пришлось недолго, до серьёзного ранения, после чего вместе с госпиталем он был перевезён в Турцию. После выздоровления переехал в Югославию, где поступил в немецкую торговую фирму. Позже стал хозяином собственного дела и небольшого банка.

С началом II Мировой войны Мейер присоединился к Русской Освободительной Армии генерала Власова и работал в Главном Гражданском Управлении Комитета Освобождения народов России. После разгрома фашизма обвинений в военных преступлениях союзники ему не предъявили. Наоборот, американцы предложили Юрию Мейеру должность преподавателя русского и немецкого языков в Школе военной разведки американской армии. Юрий Константинович проработал в ней (сначала в Мюнхене, а потом в Оберамергау) 8 лет, после чего переехал в США и поселился в Вашингтоне.

Здесь, в пригороде столицы, Анакосте, он в течение 15 лет преподавал в Школе разведки американского ВМФ и, в отличие от большинства русских, принимал деятельное участие в американской политике: состоял в республиканской партии и являлся членом Президентского Республиканского клуба. В 1973 году Мейер стал одним из основателей Конгресса Русских Американцев, несколько сроков затем входя в состав Главного Правления этой организации.

Будучи глубоко верующим православным христианином, стал секретарём, а затем и Председателем финансового комитета первого прихода Русской Зарубежной церкви в Вашингтоне. В 50-ые годы XX века сумел собрать 250 тысяч долларов на постройку здесь первого православного храма. По мере сил и возможности помогал русским детям и старикам, возглавляя Русское Детское Общество и Русско-Американское Общество Помощи.

Юрий Константинович принимал деятельное участие и в эмигрантской журналистике, сотрудничая с русскоязычными газетами Парижа, Сан-Франциско, Парижа, Буэнос-Айреса, Нью-Йорка. Мемуары свои он написал уже в самом конце жизни, в 90-летнем возрасте.

Умер Ю.К.Мейер 12 декабря 1993 года, на 97-ом году жизни, похоронили его на одном из кладбищ Вашингтона. Он был последним офицером Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, именно по этой причине мемуары его и получили такое название – «Последний кирасир».

Рукопись мемуаров была передана дочерью Мейера в фонд Общества истории Гражданской войны в России (Москва), где сейчас и хранится.

Именно эти воспоминания (со значительными сокращениями) я и предлагаю вниманию читателей. К большим и не разделённым кускам текста я сделал тематические заголовки, чтобы было ясно, о чём идёт речь в том или ином отрывке.

Дорога на Кубань

Мой отец служил в Удельном Ведомстве и получал двухмесячный отпуск раз в два года. Летом, когда он служил, мы жили на даче, а на следующий год летом ездили в имение Спасское-Кубань, в Орловскую губернию.

Железнодорожная станция, на которой мы сходили, называлась Змиевка и была расположена на Московско-Курской железной дороге в 60 километрах от Орла... Выходим на подъезд станции, на небольшую площадь с булыжной мостовой, обсаженную чаще всего осинами или липами. Кучер Николай, высланный нас встречать, подает к подъезду тройку. Коляска небольшая. Родители помещаются на удобном, глубоком и мягком заднем сидении, а я как мальчуган сажусь на откидную скамеечку, спиной к кучеру и лицом к родителям. 28 верст от Змиевки до Кубани мы проезжаем не спеша, за три часа. Итак, переезд, в общем, в 70 верст занимает часов 8...

...Первым на пути было Куракино. Александр Борисович Куракин был в те времена губернским Предводителем дворянства. Через 7 верст мы проезжали *Столбечкое, имение Михаила Михайловича Мацнева*. В 12-м и 13-м году он построил на свои средства на своей земле больницу для крестьян. В двух верстах от Столбечкого было имение Емельянова. И когда мы начинали приближаться к родному гнезду, то в низине открывалась деревня *Алексеевка с имением Сергея Сергеевича Олив*, бывшего в конце прошлого века помощником Главноуправляющего Уделами князя Виктора Сергеевича Кочубея.

Когда коляска минует последний дом деревни и откроется широкий простор полей, то на горизонте в четырех верстах по пологому подъему мы видели две ракиты, так называемую *Часовенку*. Они были небольшие со сбитыми в сторону ветвями и редкой листвой — очевидно, давно воткнутые в землю вехи-путеводители, разросшиеся и удержавшиеся, невзирая на постоянные налеты ветров. Для меня и моей матери это было не столь важно, но для отца это был первый привет родной земли. Когда мы достигали вершины возвышенности у Часовенки, то уже катились по собственной земле, и за пологом спуском длиной с версту виднелась наша усадьба, пруд, плотина с двумя рядами мощных раquit, за прудом большой амбар с красной железной крышей и дальше купы столетних дубов в так называемой верхней роще.

Об имении Мейер в селе Кубань

Проехав плотину, кучер Николай подхлестывает пристяжных, которые переходят в галоп, и мы на быстром ходу проезжаем сначала *птичий двор* — грязную избу под тенью раquit. Спешно разбегаются куры с выводками цыплят, крикают утки с утятами, переваливаясь и спеша к *сажалке* за птичником. Поясню, что такое *сажалка*. Это вырытый в земле бассейн величиной примерно метров 20 на 10 для водоплавающей птицы. Оттуда

слышен гогот гусей. Дальше мы быстро едем по аллее из больших ракушек, оставляя в стороне *скотный и отдельный воловий дворы*, и между двух въездных кирпичных столбов с пирамидальными верхушками. Их уже выстроил мой отец как знак, что вы въехали в самую усадьбу. Тут как раз растут *девять громадных дубов*, очевидно, еще с поры Смутного времени, и дальше тянется так называемый старый фруктовый сад, в отличие от нового, посаженного в самом конце прошлого века, с яблонями, грушами и сливами. Еще несколько саженей, и открывается широкий двор — луг с клумбами цветов, и мы по половине овала этой дороги подкатываем к подъезду *барского дома*.

Не думайте, что он очень роскошен. Он - *деревянный, в два этажа, снаружи покрытый деревянным тесом, выкрашенным в темно-розовую краску. Большие окна снабжены двустворчатыми ставнями, которые повар или горничные по вечерам закрывают, для чего служат щеколды. Утром их открывают и закрепляют к стене такими же щеколдами.*

На звон бубенцов нашей тройки высыпает нас встречать. В первую очередь тетя Таля (*Наталья Александровна Мейер — А.П.*), старшая из поколения моего отца, ведущая хозяйство имения, и многочисленная прислуга. Вот *первое крыльцо*, на нем сбоку стоит ручная пожарная машина, дальше следует *вторая большая передняя* с непередаваемым свежим запахом, неведомо как создающимся в старых помещичьих домах. Дом небольшой. Внизу небольшой зал, за ним гостиная, дальше столовая. Из гостиной выход на террасу в сад, защищенную от солнца крышей и густой стеной дикого винограда. Из гостиной двери в большую столовую. Кроме того, в нижнем этаже *шесть спален*, вытянутых вдоль коридора, проходящего посередине дома, с лестницей на верхний этаж. Там тоже коридор и по одну сторону тоже шесть комнат — *три бывшие детские, а теперь спальни для приезжей молодежи вроде меня, и три для прислуги.*

Наверху по другую сторону коридора — *большие кладовые и гардеробная*, в которой десятками лет хранились платья бабушек и формы дедов. Этим добром мы пользовались, устраивая живые картины.

Для освещения в *гостиной, зале и столовой висели керосиновые лампы* с белыми фаянсовыми абажурами. В некоторых спальнях у ночных столиков были стоячие лампы, а когда дом был переполнен, то спать в отдельные комнаты шли со свечой. В спальнях на больших деревянных или мраморных умывальниках стояли фаянсовые разукрашенные тазы и кувшины, в которые горничные с утра наливали воду. К такому ассортименту принадлежала выдержанная в том же стиле ночная посуда. Для того чтобы помыться целиком, надо было пройти по саду полтора шага до *бани*, а летом ходить за полверсты в *деревянную купальню* на пруду. Место *удобств* называлось «чу» и состояло из сиденья, под которым была глубокая асептическая яма, которую чистили два раза в год. Спускать воду можно было, так как над сиденьем был устроен металлический бак, который прислуга наполняла водой. С умилением вспоминаю металлический крючок, укрепленный на бронзовой пластинке, изображающей венецианского льва.

На этот крючок тетя Таля насаживала аккуратные квадраты газетной бумаги. Пипифакса тогда, во всяком случае, в провинции, не было.

В саду перед террасой были цветники, которые по ужасной тогдашней моде украшались разноцветными стеклянными шарами, помещенными между цветами. От дома расходились аллеи лиственниц, липовая, жасминовая, кленовая. Жасминовая упиралась в густейшие заросли кустов и камыша с коричневыми бархатными головками осенью. Эти заросли спускались под обрыв, на дно бывшего большого пруда. На противоположном берегу начинался луг крестьян. Еще в конце прошлого столетия плотину прорвало, и с тех пор владельцы имения, то есть мой дед, не могли сговориться с крестьянами о восстановлении плотины. Вода из Студеного ключа, из которого привозили воду и который выходил из-под земли в низине луга в версте от сада, в микроскопическом масштабе повторяла ту же работу, которую делала река Колорадо в Гранд-Кэньоне. При паводке обрушивались подмытые берега, и овраг становился все шире и глубже. В соседней березовой роще, выросшей на торфянике, в почве образовались глубокие трещины и отдельные деревья с землей сползали вниз. Для нас, детей, эти места были идеальными для игры в индейцев. Все герои Майн Рида и Фенимора Купера побывали на откосах этого оврага. Забыл упомянуть, что острая проблема отопления при отсутствии лесов для Кубани не существовала. За садами в низине был большой торфяник. Специалисты-резчики приходили весной с лопатами, похожими на лопаточки, которыми берут кусок торта, вырезали аккуратные кирпичи торфа, которые искусно складывали в продуваемые со всех сторон пирамиды для сушки.

Усадьба Кубани была построена по старому принципу. Ничто не должно было ускользать от глаза бдительного хозяина. Поэтому, если он сидел на скамеечке у подъезда главного дома, то перед ним по овалу располагались: баня, расхожий амбар с продуктами для рабочих, каретный сарай, большая каменная конюшня, для тепла покрытая соломой, ледник — деревянный домик срубом с глубокой ямой, которую зимой набивали глыбами льда с пруда и укрывали их соломой. Там на полках хранилось молоко. Дальше шел колодец и большая каменная людская, жилье для рабочих с кухней, где повариха Харитинья приготавлила обед и ужин для рабочих. Рядом с домом, но с другой стороны, была каменная кухня, где готовил еду хозяевам повар Николай Упатов.

За пределами этого овала находились еще одна большая кирпичная людская, в которой жил главный пастух Рязанцев, житный двор, где под навесами стояли сеялки, косилки, конные грабли, плуги и где были целые завалы всякого старья, накопившегося за десятки лет. За житным двором была псарня с собаками. Напротив житного двора был большой скотный двор. Эти постройки были — срубы, соединенные в несколько венцов, под соломенной крышей.

В отдельном стойле стоял бык-производитель. Стадо у нас было симментальской породы. Почему-то в России полагалось, чтобы бык был

неукротимой злобы и представлял постоянную опасность. Поэтому нам, детям, запрещали вертеться около скотного двора, когда пастух гордо и медленно вел Снежка на цепи с кольцом, продернутым через ноздри, на водопой к сажалке. Зимой в доильне коровы стояли постоянно, и навоз с соломой из-под них не убирался. Таким образом, они к марту месяцу стояли почти у переметов крыши и должны были глубоко гнуть шеи, чтобы добраться до корма в больших яслях. Еще дальше были расположены *амбары, одноэтажные деревянные срубы, с ровным дощатым полом для сыпки зерна, под железной крышей; тут же недалеко кузница и, наконец, рига*, которая служила для молотьбы, когда барабан и веялки приводились в движение конской тягой. Восемь лошадей ходили по кругу, вращая громадное горизонтальное колесо, которое через шестерни и маховое колесо давало с помощью ременной передачи нужную скорость зубчатому барабану. Так как этим способом нельзя было молотить по мере подвоза копен с поля, то они вокруг риги складывались в скирды высотой в двухэтажный дом с искусно выведенными из уложенных снопов двускатными крышами. Такие скирды стояли правильными рядами в несколько рядов и образовали своего рода городок, в котором мы играли в прятки и догонялки, крадучись на перекрестках и осторожно выглядывая из-за угла скирды. Рига перерабатывала этот запас хлеба зимней молотьбой.

Переломными годами в поведении помещиков нужно считать годы первой революции 1905—1907. Основным чувством помещиков стал страх и стремление, невзирая на всю любовь к насиженным гнездам, покинуть их. Но помимо неуверенности в будущем, было еще одно явление, которое вело к уходу помещиков из своих имений. Это измельчание помещичьих владений. Дело в том, что, например, поколение моего отца было весьма многочисленное. Очевидно, деды были уверены в своем будущем и обзаводились большими семьями. У моего деда Мейера было шестеро детей, у деда Гончарова, отца моей матери, — девятеро. И по соседству у помещиков к концу прошлого века всюду было много детей.

Теперь, если как пример взять мою семью, складывалась такая перспектива на будущее. Как я уже сказал, у деда Кубань с хутором Ивановкой составляла 1200 десятин. После его смерти каждому из шестерых детей досталось бы по 200 десятин. Дальнейшее хозяйство могло бы вестись только сообща. Но так как эти шесть отпрысков, по всей вероятности, обзавелись бы своими семьями, то им не было бы места для жизни в прародительском доме. Поэтому среди помещиков в поколении моего отца наблюдался, если можно так выразиться, уход на отхожие промыслы, и связь с родной землей терялась, тем более, потому, что одновременно с уходом являлось желание продать свой удел. Именно это произошло с моей семьей.

После революции 1905 года повсеместным явлением была продажа помещиками своей земли Крестьянскому поземельному банку, который продавал ее на льготных условиях крестьянам. Упомянутые мною соседи по имению тоже частично продавали землю. Тут следует, однако, отметить довольно любопытный факт — рождение нового класса в деревне.

Три моих тетки после революции 1905 года продали хутор Ивановку, то есть свои доли, в общем 600 десятин. Их примеру последовал и средний брат Леонид (продажа хутора и земель произошла после 1908 года). От всего имения осталось 400 десятин, принадлежавших моему отцу и его младшему брату Жорику. Но с таким сокращением площади менялась вся рентабельность владения таким участком земли. И это вынудило и этих двух последних владельцев уйти в город и искать источник существования на службе...

О прасолах

Издавна в ней (*русской деревне* — А.П.) существовали прасолы — мещане, зажиточные крестьяне. Одним из их главных деяний была скупка у помещиков хлеба, овощей, фруктов и вывоз их в города, где продукты скупались торговцами. Этот класс рос весьма быстро и богател. Конечно, была большая разница между прасолами, откупавшими, например, в Кубани урожай яблок, груш и слив и разбивавшими в так называемом молодом саду большой шалаш, покрытый кошмами и брезентами, в котором они жили целое лето скорее как сторожа от деревенских мальчишек, и прасолом, торговавшим хлебом.

Вокруг шалаша, по мере поспевания, на рогожах лежали груды аниса, антоновки, белого и желтого налива, апорта или разного сорта груш вплоть до бергамотов и дюшесов и гарнцами сваливались сливы — ренклоды и обычная слива венгерка. С ней я через 10 лет в изобилии повстречался в Югославии, точнее Сербии, где из нее гнали «шливовицу». Конечно, обороты такого прасола, садового сторожа, были невелики. Но были прасолы другого масштаба. На своих или нанятых подводах они осенью, или, скорее, как только устанавливался санный путь, вывозили содержимое помещичьих амбаров в города. Это были целые обозы, и нажива тут была велика. Это давало возможность прасолам скупать у помещиков небольшие имения и организовывать свои хозяйства.

Мне помнится один из прасолов нашей округи Ерохин. Прасолы были твердым консервативным народом, больше верящим слову, чем подписи на бумаге. Мой сосед В. С. Олив рассказывал мне, как Ерохин дал ему по одному слову 50 000 рублей на какое-то дело. Судьба этого простого человека была своеобразна. Он прекрасно понимал, что ждет его и его семью, когда в деревне власть перейдет к беднякам и дезертирам, и быстро устремился на юг и в эмиграцию. О торговых способностях этого человека с только начальным образованием можно судить по тому, что в 50-х годах у него во Флориде был большой супермаркет.

О сельском хозяйстве

Конечно, отнюдь не все помещики впадали в ликвидационные настроения. Были среди них и такие, которые в первые два десятилетия этого века упорно стали переходить к интенсивному сельскому хозяйству. При жизни деда все еще держались векового трехполья: озимый клин, яровой, паровой. На последнем ничего не сеялось, только с осени поднимали жнивье.

Земля на нем паровала — отдыхала. Его использовали для выпаса скота. Система эта называлась трехпольем.

Мой отец и дядя Жорик сразу же перешли к многополью. К основным культурам ржи, пшеницы и овса прибавились посевы кормовых трав — клевера и вики и корнеплодов, главным образом картофеля. Все эти культуры благодаря длинным корням рыхлили землю и делали ее более плодородной, уходя глубже в нее. До этого периода помещики опережали крестьян только в пахоте. Они использовали плуги, главным образом трехлемешные, и не простые, а дисковые бороны, в то время как наши орловские Микулы Селяниновичи все еще ходили за сохой.

Уборка урожая тоже была различная. Крестьяне косили рожь и овес, пользуясь косами с деревянными тройными граблями, пристроенными над косой, которые позволяли укладывать скошенную рожь в правильные рядки. Серп почти вышел из употребления. Помещики же обзаводились жнейками и косилками, главным образом системы американского изобретателя Мак-Кормика. Это было неуклюжее сооружение, в которое впрягалась пара лошадей с дышлом между ними. При движении длинные ножи, состоящие из десятков плоских конусов, проходили туда и обратно через соответствующие выступы деревянной платформы. Система действовала по принципу машинки для стрижки волос. Центром машины была так называемая голова. Она была чугунная, а бежавшие вокруг по разным рельсам четыре широкие грабли исполняли следующие функции: первая пригибала к платформе рожь, вторая клала срезанную рожь на платформу, третья и четвертая сбрасывали рожь с деревянной платформы на землю в виде валка. Для рабочего на железном косяке было сидение, соответственно выгнутое для удобства. Но так как рядом вертелись упомянутые грабли, у меня в памяти запечатлелось, что рабочий всегда сидел как-то боком, отклоняясь от грабель. То же самое делал и я, так как очень любил косить.

Вот и теперь, через много лет, передо мною стоит картина желто-серого поля ржи с редкими васильками и голубого неба с белыми облачками. Две взмыленные лошадки тянут косилку, у вас в руках вожжи, и вы должны все время следить, чтобы они шли вплотную вдоль нескошенной ржи, и таким образом можно было бы косить во всю длину ножа. На железное сиденье необходимо подложить кусок кошмы, или сложенный мешок, или другое веретъе, иначе будет не работа, а пытка! Над лошадьми выются овода, и вы кнутиком сгоняете их с крупов лошадей.

Тяжелой сельской работой была вязка. Сброшенные валки ржи надо было связать. Это делали девки. Не удивляйтесь этому термину. В деревне в нем ничего унижительного не было, это была женская рабочая сила, и термин «девки» никакого отношения не имел к их поведению. Главным образом это были девушки из Полесья, которые приходили группами на рабочий летний и осенний сезон. Даже в летнюю пору они были с головы до ног закутаны платками, кофтами, длинными до пят юбками и передниками, руки их были с ладонями завернуты в белые тряпки. Особенностью их костюма были обращавшие на себя внимание заплаты на их блузах, приходившиеся как раз

на груди. Но, повторяю, вязка была каторжной работой. Сколько раз надо было согнуться, собрать граблей сжатый валок, перехватить его перевяслом, заткнуть концы перевясла под него самого! К концу дня надо было снести снопы и сложить их в крестцы.

Поясню, что такое крестец. Четыре снопа укладываются так, что колосья всех четырех кладутся друг на друга, а концы снопов торчат аккуратно в 4 стороны. Получается крест. На первый ряд укладываются еще два ряда по четыре снопа в каждом и, наконец, наверх кладется 13-й так, чтобы он покрывал середину крестца, где колосья — временная защита от дождя. Обыкновенно 4 крестца укладываются в ряд, и они составляют копну. Это как раз то количество, которое можно уложить в деревенскую телегу и получить высокий воз. Клин, на котором идет вязка, меняется с каждым часом: одна полоса занята еще не связанными валками, потом лежат разбросанные снопы и, наконец, на другой стороне клина — ряды копен. Крестьяне судили об урожае по числу копен на десятину: 7—8 копен было недород, 18 и больше, 20 копен — считалось большим урожаем.

К началу второго десятилетия нашего века появились сноповязалки. Они не только косили, но и вязали снопы шпагатом. Первые типы этих машин были несовершенны, часто ломались, и при молотье всегда были жалобы подающего в барабан, так как он должен был резать шпагат ножом. Но эти сноповязалки освобождали женщин от каторжной работы.

Идя по пути интенсификации хозяйства, отец и дядя Жорик обновили инвентарь, приобрели новые плуги, новые косилки, выбросили извечные телеги с деревянными осями, которые мазались дегтем. Было построено 8 больших дрог, которые назывались фурами. Они были с железными осями, вдвое длиннее телег, вместо максимальных 30 пудов для телеги в них можно было грузить до 100 пудов.

О Кубанском винокуренном заводе

...У пруда был выстроен винокуренный завод. Неочищенный спирт гнали из картофеля с большим содержанием крахмала и в железных бочках доставляли его на ректификационный завод, где спирт очищался, и из него выпускалась водка низшего качества «красная головка». Эта попытка ввести в Кубани промышленность окончилась неудачей. Завод проработал две зимы, потом началась война, продажа водки была запрещена, и винокурение прекратилось. Единственной выгодой было то, что паровой двигатель завода был использован для работы паровой молотилки, и молотье в риге прекратилось.

Об отношениях помещиков и крестьян

Теперь я с удивлением вспоминаю, что даже в 12—13-летнем возрасте я смутно инстинктом угадывал, что здесь что-то очень неладно. Проезжая со станции через несколько деревень, я чувствовал себя в чужом и не понятном мне мире, встречавшиеся мужики и бабы были мне не понятны, как существа с другой планеты, и я чувствовал какую-то неловкость, смотря на их телеги

со скрипучими колесами, клоками соломы и сена, обтрепанной веревочной сбруей и видя спину кучера Николая в синей суконной поддевке, в шляпе с павлиньими перьями, держащего в рукавицах вожжи чистокровных холеных и крупных лошадей. И при таком отчуждении и взаимном непонимании поведение всех членов семьи и родственников, приезжавших к нам летом, могло только раздражать коренных жителей деревни — крестьян.

О том, как отдыхали помещики

Читатель может спросить, как заполняли свой досуг помещики, подобные семье Мейер.

В первые годы взрослые часами играли в крокет. Каково было рабочим и тем же девкам, работавшим в поте лица, смотреть, как баре гоняют шары деревянными молотками! Чаше всего мы с отцом в паре играли против двух теток — Маруси и Валеры. Когда партия подходила к концу и я видел, что у теток преимущество, я, ожидая своей очереди, сходил с площадки в липовую аллею и ревел, потом с отчаянием ударял по своему шару, который тем временем загнали на край площадки, в отчаянной попытке крокировать шар противника на другом конце площадки и, промазав, всхлипывая, опять уходил под липы. Я думаю, что у взрослых не было чувства неловкости перед рабочими. Они безмятежно веселились.

Так, в поединке между Жориком и Леоном было условлено, что проигравший в будущем не смеет входить на площадку, а, стоя за забором и сняв шапку, должен спрашивать победителя: «Разрешите посмотреть на вашу мастерскую игру!» В последние три года была устроена и теннисная площадка. Но я думаю, что и эта игра не вызывала много сочувствия у проходивших мимо рабочих.

Я с отцом ездил верхом или на дрожках по несколько часов по полям, на которых шла работа, или были на молотьбе. У моего отца была навязчивая идея обратить усадьбу с ее садами и рощами в нечто подобное английскому поместью. Для этого надо было уничтожить наследие старого времени. Дело в том, что отдельные сады и рощи были окружены рвами с целью не допускать в них свой и крестьянский скот. Эти рвы и валы выкопанной земли поросли акацией, ракетами и кустарником. По несколько часов в день мы с отцом работали на этих рвах, выкорчевывая и засыпая их.

Проезжая в 1914 году через Москву, я на Мясницкой улице в одном из немецких технических магазинов купил образцовые топоры, лопаты и пилу. Летом мы купались в пруду. Тетя Таля выстроила деревянную купальню с погруженным в воду дощатым полом. Мы ездили на ею же купленной лодке, прилаживая на ней парус из простыни; стреляли из монтекристо воробьев и лягушек на пруду. В дождливую погоду в доме играли в карты, в «короли», и много читали, сначала Майн Рида, Купера, потом Чарскую, Жюль Верна.

Были еще две вещи, которые могли раздражать рабочих и крестьян. Любимым занятием хозяев, прежде всего тети Маруси, потом моего отца, а за ним и других членов семьи, было пойти на молотьбу, сесть на скамейку и наблюдать, как подъезжают фуры, как работает подающий в барабан,

раструшивая снопы, как вязанками отвозят солому, а главное — как нагружают телеги мешками умолоченного зерна. Сначала телега шла на весы, и очень часто я сам с интересом бегал туда, взвешивал и отмечал в тетради, сколько прибавилось пудов зерна в амбарах; что касается моего отца, то он утром или после раннего обеда в полдень верхом выезжал в поля и шагом следовал или за одним из плугов, или за жнейкой, внимательно наблюдая за тем, чтобы не было огрехов, особенно на углах клина. Я думаю, что это было общим занятием помещиков-хозяев.

Потом, уже в эмиграции, мне рассказывали про одного помещика, прокурора Окружного суда и затем губернатора, который, когда был в отпуску в своем имении, ходил за плугом и аккуратно поднимал редкие камешки, попадавшиеся в новой борозде, и выносил их за межу.

Мы в Кубани по воскресеньям, когда не было работы, иногда сами запрягали две фуры (это было, конечно, во время уборки хлеба), выезжали в поле и грузили копны в повозки. При этом вырабатывалась особая техника орудования вилами-двойчатками. Конечно, мы, члены семьи, молотить сами не могли, поэтому только клали привезенные снопы в скирды. Мой отец умел очень хорошо это делать, особенно вершить, то есть укладывать верхнюю конусообразную часть. Подавать вилами тяжелые снопы наверх было нелегко, и тут необходимо было применять систему, как уравнивать сноп на вилах и как подавать его наверх, используя инерцию первоначального рывка.

О 1917 году

Лето 1917 года мои родители и я провели в Кубани. Наш уезд был спокойный, и там никаких самочинных действий крестьян не было. Ранней осенью имение даже принесло большой доход, если считать, что «керенки» имели реальную ценность. У нас было 90 десятин под картофелем, и один из прасолов скупил весь урожай и вывозил картофель прямо в Москву.

Насколько мы не понимали размера надвигавшейся грозы, видно по тому, что мой отец, казалось бы, разумный человек, не учитывал возможности прихода большевиков. Весной после февральской революции он подал в отставку, будучи последним управляющим Мургабским Государевым имением в Закаспийской области, и, таким образом, лишился большого жалования. И, несмотря на жизненно приобретенный опыт, он думал, что усадьбы, во всяком случае, останутся за помещиками. Поэтому в сентябре он ездил в Петроград и заказал полное машинное оборудование паровой мельницы. Он хотел установить его в здании винокуренного завода. Это оборудование пришло на станцию Змиевку в феврале 1918 года и осталось невыкупленным.

О судьбе членов семейства Мейер и их имения

...Следуя, таким образом, общему велению судьбы, и в Кубани всего через три года после смерти прародителя Александра Николаевича Мейера четыре наследника продали свои доли, и из 1200 десятин осталось всего 400 при несоразмерно большой усадьбе. Правда, нужно сказать, что три сестры

моего отца, замужняя Мария и незамужние Наталия и Валерия, сохранили до конца жизни горячую любовь к родному гнезду. Наталия оставалась все время управляющей имением, и Валерия жила с ней в Кубани. Теперь я сам под конец своей жизни понял и горько ощущаю нашу общую вину, грустную судьбу моих теток.

Возьмем младшую Валерию. Все Мейеры были очень высокого роста и не особенно красивы. Валерия окончила институт в Орле, знала хорошо французский язык, имела приданое за проданную землю около 80 000 рублей, но, зарывшись в глуши деревни, так и не нашла себе жениха. Единственно, что она себе позволила, это поездку два раза в Монте-Карло, куда она ездила вместе с замужней сестрой Марусей и своим зятем, орловским присяжным поверенным Леоном Иосифовичем Кржевским, поляком, католиком. Все остальное время она безвыездно жила в Кубани. Представьте себе, примерно 10 месяцев в году жизнь вдвоем с сестрой в доме, окруженном зимой наметами снега, плохо освещенном керосиновыми лампами, без общения с другими людьми для молодой девушки! В 1909 году она стала болеть. У нее оказался абсцесс в кишечнике. Что мог в таком случае сделать земский врач, ее лечивший? Каковы должны были быть мысли у этой девушки, умиравшей в глуши! Наконец, очевидно, когда у нее начался перитонит, сестра Таля спохватилась и приняла крайние меры — везти Валеру в Москву. Был конец марта, и дороги были непроезжими ни для саней, ни для коляски. Крестьяне Кубани несли Валеру на носилках, сменяясь, 26 верст до спального вагона на станции Змиевке. На следующий день по приезде в Москву она скончалась.

Судьба тети Тали была не менее трагична. Она была болезненная, худая, всегда подтянутая. Много читала, выписывала ряд журналов и, конечно, «Русское Слово». Каждый вечер слушала доклад приказчика и намечала программу работ на следующий день. Но, конечно, в зимние месяцы и этого занятия не было. Как все помещицы, она лечила крестьян. Набор лекарств был ограниченным: хина, касторка, капли Иноземцева, йод. Отношения у нее с деревенскими были хорошие.

Наш уезд в 1917 и 18 годах был спокойным. Усадеб не жгли и помещиков не убивали. Правда, большинство из них покинули усадьбы в начале 1918 года. Когда в наш дом в Кубани вселился комитет бедноты, тете Тале оставили ее комнату. Там она и прожила до 1921 года, потеряв всякую связь с родными. Мои родители и я были уже за границей, Кржевские пытались бежать на юг, но вернулись в Москву и притаились. Так всеми забытая тетя Таля умерла в 21 году от рака.

Хочется сказать несколько слов и о дяде Леониде. Он был ростом в сажень, охотник и любитель лошадей. Очень нравился женщинам и любил в клубе играть в «шмэн де фер»*. Его любовь к лошадям, когда он жил в Орле, дошла до того, что он из спальни своей первой жены переселился в конюшню и спал за перегородкой рядом со стойлом серого орловца-рысака и кровного англичанина под седло. Революция застала его в Самаре, он был тогда юрисконсульт Удельного округа и слыл либералом. Поэтому после

февраля служащие избрали его председателем своего комитета. Но дальше этого его либерализм не пошел. Он умер в 1932 году в Самаре, но ни разу не пошел на службу к большевикам. Он развелся со своей второй женой и до конца жизни (ему было 56 лет) был частником. На своей любимой кобыле он зимой возил в город по заказу дрова. Для этого он сам пилил на берегу реки Самарки деревянные части севших на мель и брошенных барж. На общем фоне великих семейных трагедий с расстрелами, Соловками и Гулагом судьбы моей семьи могут показаться счастливыми, но я считаю своим долгом показать, как складывалась и более удачная жизнь так называемых бывших людей при большевизме.

Дядя Леон, бывший присяжный поверенный в Орле, был талантливым человеком с большим разнообразием интересов. Он был охотником, один из первых в Орле завел себе мотоцикл; у него в квартире была настоящая слесарная мастерская с рядом самых современных станков. Имея талант художника, он в Кубани долго просиживал за мольбертом, рисуя пейзажи, и очень удачные. Леон был энтузиастом фотографом и сразу же хватался за любую техническую новость. Так как то время было началом цветной фотографии, он немедленно выписал себе из Парижа аппарат и пластинки на стекле Джугла и Люмьер.

Этот способный человек последние 12 лет своей жизни прожил простым счетоводом на железной дороге в Москве. И когда я посылал им посылки через Торгсин, его жена Маруся писала нам, что перед самой кончиной он с трогательной радостью съел единственный апельсин из такой посылки, считая это большим счастьем. Мне думается, на основании того личного опыта, который я приобрел в деревне, что конфликт землевладения в России был бы целиком разрешен в течение лет 50 переходом почти всей земли в руки крестьян.

Что касается нашей Кубани, то она была превращена в совхоз и целиком уничтожена в 1943 году. Во всем том районе шли ожесточенные бои с немцами и знаменитое сражение на Белгородско-Курской дуге. Хотя, казалось бы, наш район был дальше на север, немецкие сводки не раз упоминали о боях на реке Неручь, а это как раз в 10 верстах от Кубани

О тех, кто служил в имени Мейеров

Говоря о судьбе помещиков в связи с революцией, необходимо задать себе вопрос, как сумели приспособиться к новым порядкам многочисленные люди, служившие у помещиков. В большинстве случаев они были из местных крестьян, не имевших земли. Для того чтобы представить себе, какое количество людей принадлежало к этому классу, перечислю персонал в нашей маленькой Кубани: повар и горничная в господском доме, повариха и ее помощница — для рабочих, два кучера, приказчик и его помощник, скотник и подпасок, садовник, птичница и 8 человек постоянных рабочих.

В связи с этим приведу несколько мелочей, сохранившихся в памяти. Еще со времен деда Александра Николаевича повар подавал каждый день к

любому супу жареные пирожки с мясом. Эта традиция сохранилась до конца жизни в Кубани.

По поводу крутого нрава деда была в ходу такая легенда. В Кубань приехал в гости вице-губернатор. Дед требовал, чтобы суп всегда был очень горячим. Прислуга поставила перед бабушкой суповую миску. Вопреки доброму воспитанию, она первую тарелку всегда, даже при гостях, наливала деду. Суп оказался недостаточно горячим, и поэтому дед, откушав первую ложку, вылил содержимое своей тарелки обратно в миску с приказом нести суп греть. Мой отец приукрашивал этот рассказ, утверждая, что дед при этом плюнул в свою тарелку.

Второй кучер Сергей и мамка Соломея, ключница, кормилица моего отца, были в молодости крепостными. Садовник Александр был очень любознательным самоучкой. Мой отец, сидя в саду, спрашивает идущего мимо Александра с толстой книгой в руках, что он читает. Ответ: «Шопенгауера, Константин Александрович!» — «Ну и что же?» — спрашивает отец. — «Ничего не понимаю! Но уж очень здорово погибает».

Судьба этих верных слуг, всю жизнь зависевших от работы в имении, нам, ушедшим в эмиграцию и потерявшим связь с нашей деревней, почти неизвестна. Землей их не наделили, а главное, в 1921 году приволжская эпидемия холеры дошла в первый раз до центральных губерний. Тогда мамка Соломея и молочный брат отца Михаил умерли без всякой медицинской помощи. Нет сомнения, что не только они в Кубани были жертвами холеры».. (на этом и закончим знакомство с мемуарами Ю.К.Мейера – А.П.).

Лилиенфельды

Герой Бородина, генерал Николай Михайлович Бороздин, два последних года своей жизни провёл в орловском имении старшей дочери, Елизаветы Николаевны Козаковой. Имение это находилось в селе Критово Малоархангельского уезда. Когда в начале 50-ых годов XIX века скончался муж Елизаветы Николаевны, статский советник и кавалер Николай Козаков (фамилия писалась также и через букву «О» в первом слове – А.П.), вдова окончательно переселилась из Москвы в Критово и прожила здесь 15 лет. В начале 60-ых годов XIX века имение здешнее - господский дом, хозяйственные постройки, землю, пруды, лес, - Елизавета Николаевна Козакова продала представителю древнего дворянского остзейского рода Александру Карловичу Лилиенфельду (иногда фамилия писалась ещё и с буквой «Т» в конце слова – А.П.).

А теперь предоставляю слово историку Наталье Дмитриевне Полонской-Василенко, которая оставила для потомства замечательно подробное описание помещичьего имения в селе Критово Малоархангельского уезда в период владения им её родственниками Лилиенфельдами.

Барон без титула и его сыновья

Наталья Фёдоровна Мухортова, 1852 года рождения (*родная тётя Полонской-Василенко по материнской линии – А.П.*) «была самая красивая среди всех сестер. «Высокая, стройная, с карими глазами, веселая, остроумная, хоть и немного поверхностная, она имела колоссальный успех в «обществе», но долго не выходила замуж, как и моя мать. Многие сватались к ней, но без успеха. Она... (*не дождавшись счастливой любви – А.П.*) дала согласие выйти замуж за своего двоюродного дядю, Владимира Александровича барона фон Лиlienфельд. Как оказался его отец, барон Лиlienфельд, в Малоархангельском уезде, я не знаю. В 60-х годах он покинул свое имение в «Прибалтийском крае» (*Лиlienфельды были дворянами Лифляндской губернии – А.П.*), женился на Надежде Павловне Мацневой и купил имение богатых помещиков Казаковых - Критово. Оно лежало в 8-ми верстах от Неручи, на берегах красивой речки «Кривой Зореньки».

Лиlienфельд, немец по происхождению, не знал немецкого языка, писал свое имя не Александр Карлович, а Карпович, и по каким-то соображениям отверг баронский титул. Сыновья - старший, Павел, юрист, и младший - Владимир, инженер - были вполне русские. Павел служил в суде и кончил карьеру членом судебной палаты в Харькове, он был очень умный и интересный человек. В Критово Павел Александрович приезжал ежегодно в отпуск, а после смерти Александра Карповича и Надежды Павловны, кажется, в 1889 и 1890-х годах, Критово было разделено между братьями, и Павел, как старший, получил землю без усадьбы и половину инвентаря. Он построил на другом берегу пруда усадьбу. После 1905-го года он продал крестьянам и саму усадьбу, и землю.

Брат его, Владимир Александрович, был тоже очень интересный человек. Хоть некрасив, был он очень умный и талантливый человек. Закончив «Институт инженеров путей сообщения», он несколько лет работал на Урале при проведении железной дороги. После того, в середине 70-х годов, он вышел в отставку и поселился у родителей в Критово.

Когда Наталья Федоровна согласилась выйти замуж за Владимира Александровича, вся семья Лиlienфельдов, старые родители и Владимир Александрович, были безмерно счастливы. От их брака было двое детей: дочь Соня, которая была на год старше чем я (*1883 г.р.*), и сын, Саша - на год младше меня (*1885 г.*).

Усадьба Лиlienфельдов

Большой дом в Критово (*в котором жили Лиlienфельды – А.П.*) имел мезонин и несколько крыш различной формы и высоты; внизу было 5 комнат, большая столовая, часть которой отделялась аркой, которую поддерживали две парных колонны. Далее был кабинет, сначала Александра Карповича, а впоследствии - Владимира Александровича. Потом шла большая гостиная с 3-мя окнами в сад, «угловая» или «диванная», спальня Надежды Павловны, впоследствии комната Сони. Две крутые лестницы вели на мезонин, где было 8 маленьких комнат с низкими потолками. Нижний

этаж дополняла большая замечательная терраса, заплетенная виноградом; к ней вели двери из «диванной». В доме на стенах висели картины.

Я ужасно их любила. В зале висели - замечательный портрет Казаковой, портрет родственницы Казаковых, в синем жакете типа фрака, из шелкового бархата с желтыми лацканами, с «манишкой» из тончайшей дымки, и портрет самого Казакова - в белом парике, в синем камзоле и кафтане.

Была еще одна роскошная акварель - дама в светло-розовом, с чайными розами на груди, с золотым кружевом, что окружало глубокий вырез корсажа. Ее волосы, пышно поднятые, было легко припудрены. Портрет изображал Муравьеву, тетю Лилиенфельдов, которая была при дворе Екатерины II. Между прочим - в семье Лилиенфельдов сохранялось предание об их прапрабабке, которой при Елизавете был урезан язык за излишнюю болтовню, поэтому не раз в их семье, шутя, угрожали друг другу такой же судьбой за несдержанность разговоров.

Двор в Критове был окружен хозяйственными строениями: в глубине двора находился большой амбар, где хранилось зерно, а под навесом стояли летом плуги, сеялки, жатки и другой инвентарь; неподалёку - погреб, ледник, конюшня - так что хозяева видели, когда выводили лошадей или прогоняли с поля на реку стадо коров.

По другую сторону дома был огромный парк с красивыми рядами пихт, туй, кедров перед верандой и с огромным цветником; в середине главной клумбы, на столбе, стояли солнечные часы.

За парком располагался огромный плодовый сад, территорию которого Владимир Александрович ежегодно увеличивал - делал новые привои, выписывал лучшие сорта яблок, и сад стал значительной опорой хозяйства. Из пруда выходила, задержанная плотиной, живописная речка «Кривая Зоренька».

На правом берегу реки был прекрасный березовый лес; Павел Александрович продал его на сруб, как только получил в наследство Критово. На левом берегу Владимир Александрович начал насаждать новый лес - ели, березы, клены, и в начале войны 1914 года этот лес уже простирался на несколько верст.

Печальная судьба имени и рода

Владимир Александрович Лилиенфельд был образцовый хозяин и пользовался уважением у окрестного населения. Когда был введен институт земских начальников, ему предложили эту должность, и он, успевая заботиться о хозяйстве, в течение нескольких лет добросовестно служил ещё и на благо общества.

В 1893 году Владимир Александрович начал строить крахмальный завод и вдруг заболел туберкулезом и через неделю умер по дороге в Москву. Все сложное хозяйство и воспитание детей пришлось взвалить на свои плечи Наталье Фёдоровне. Крестьяне относились к ней хорошо и в 1905 году, когда ночами, будто огромные факелы, освещавшие горизонт, горели где-то помещичьи скирды, они не тронули Критово.

Наталья Фёдоровна никогда не отказывала в помощи крестьянам, когда была в силах помочь: давала бесплатно лошадь, корову, если у крестьянина погибала единственная скотина.

Так приблизился 1917-й год. Крестьяне Критово уверяли Наталью Федоровну, что они не тронут ее усадьбу, но советовали ей не оставаться здесь. Она переехала в Орел и прожила там до 1919 года. После прихода добровольцев Деникина она вернулась с дочкой в Критово. Но потом опять пришли сюда большевики. Защитить Критово от организованной большевистской силы местные крестьяне не могли. Когда Наталья Федоровна и дочь ее лежали, больные тифом, большевики зажгли большой дом Натальи Федоровны. Там она и погибла, а дочь ее успели перенести в дом старосты, где дочь, без сознания, тоже умерла».

Вот так и закончилось время немецких баронов Лилиенфельдов на орловской земле. Даже самих их фамилию забыли местные жители: уж больно мудрёная она была для русского языка и слуха.

А я, когда случайно вижу вдруг в интернете рекламу австрийского горнолыжного курорта Лилиенфельд, представляю в мыслях совсем не его, а живописные окрестности полностью вымершего покровского села Критово, где жили в течение 50 лет хозяйственные помещики с немецкой фамилией, род которых исчез с приходом Советской власти.

Фон Рутцен, он же – Руцын, он же – Рудин (о герое романа Тургенева и его орловском прообразе)

Иван Сергеевич Тургенев написал только один роман, названный именем главного героя, – «Рудин». Но большинство земляков великого писателя даже не догадывается, что человек, послуживший Тургеневу прообразом этого интересного, мечущегося в поисках смысла жизни и чрезвычайно неудачливого персонажа, - родился в Орле, долгое время жил в Орловской губернии и был связан со многими орловцами прочными нитями дружбы и сотрудничества.

Немец с русской душой

Николай Карлович фон Рутцен – так звали этого человека с немецкой фамилией, но совершенно русской душой.

Получив хорошее домашнее образование и закончив Орловскую мужскую гимназию, 16-летний Николай поступил в Московский Университет, на математический факультет. Учился усердно, успевая заниматься не только математикой, но и вникая в общественные проблемы России. Этому в немалой степени способствовало близкое знакомство студента Рутцена с земляком, профессором Тимофеем Грановским, у которого все годы учёбы жил Николай Карлович. Влияние известного русского историка отразилось потом на характере и идеях Рутцена.

Вскоре после окончания Московского Университета молодой кандидат потерял свою мать, и на его руках остались две молоденькие сестры, брат, о

которых предстояло позаботиться материально. На доставшихся же по наследству от матери имениях в Орловской губернии лежали такие огромные и просроченные долги казне и частным лицам, которые почти равнялись стоимости имения.

Рутцен Николай Карлович

Начав заниматься приведением в порядок полученного хозяйства, спустя короткое время Николай Рутцен вполне в этом преуспел, попутно успевая готовить своего брата в Университет и ездить с сестрами для их уроков и разъяснениями в Москву и в Петербург. Младшие члены семейства, окружённые любовью и заботой старшего брата, отвечали ему безграничной привязанностью и преданностью.

Стал известен Николай Карлович и своей активной общественной деятельностью — на ниве образования и оказывая помощь крестьянам в земельных вопросах, во множестве появившихся после отмены крепостного права. В должности мирового посредника по Малоархангельскому уезду Рутцен сумел найти золотую середину в урегулировании взаимоотношений помещиков-землевладельцев и крестьян, получавших землю. Николай Карлович получил полный карт-бланш от орловского губернатора Н.Левашова и ни разу его не подвёл.

Столь же плодотворно работал Рутцен потом на аналогичных должностях в Царстве Польском и в Курской губернии, где проживал в последние годы жизни.

Но я хочу рассказать чуть больше о той деятельности Николая Карловича, из-за которой многие современники (да и сегодняшние исследователи) считали его «прожектёром и мечтателем», между тем как...

«Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение...»

Впрочем, слово Ивану Сергеевичу Тургеневу. Получив письмо от писательницы Марко Вовчок с известием о том, что Рутцен заказал за границей свою машину для перевозки тяжестей зимою, Тургенев ответил ей 10 июля 1859 года следующее: *«Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение... После этого найдётся человек, который придумает машину, которая будет час нести ложку ко рту»*. Как видно, великий писатель с большим скепсисом отнёсся к инженерному проекту своего давнего знакомого.

Механика, машины были страстью Николая Карловича всю жизнь, но посвящал он им только свободное время, хотя и в эти короткие промежутки успел многое.

Рутцена занимал один проект, которому он придавал огромное общественное значение, — *"проект перевозки грузов по снегу и по льду посредством парового двигателя"*; его увлекала и простота исполнения; он рассчитывал, что это доставит России неисчислимые выгоды, сделав общедоступными все лесные и другие богатства северо-восточной России, казенные и частные.

Проект этот был им вполне разработан дома и за границей. Николай Карлович напечатал его в "Промышленном Листке" и издал отдельными брошюрами в Москве и Париже — в "Génie Industriel". Рутцен имел патент на этот способ перевозки, это была его идея-фикс почти до конца жизни.

Долгое время считалось, что проект Рутцена остался неосуществленным, но вот что до сих пор рассказывают жители деревни Костюрино, той самой, где когда-то находилось имение Рутценов (*Малоархангельский район — А.П.*). Историю эту передают там уже в четвёртом поколении.

«Санный паровоз» и судьба его изобретателя

Конец 1859 года. Канун Рождества Христова. Помещик сельца Костюрина Малоархангельского уезда Николай Рутцен (*барин Руцын — так его зовут местные жители — А.П.*) устраивает праздничные катания для своих крестьян. На замёрзшем пруду, что сооружён был помещиком несколько лет назад на ручье Белом, с раннего утра, несмотря на сильный мороз — невиданное столпотворение. Собралось взрослое и мужское население не только из Костюрина и близлежащих деревень, но и из уездного города Малоархангельска. Пришли, чтобы полюбоваться невиданным зрелищем: по льду реки будут пушены Руцыным самоходные паровые сани. Идут жаркие споры. Кое-кто недоверчиво качает головой — где это видано, чтобы сани ехали без лошади, ничего у изобретателя не выйдет.

Для испытаний на пруду очищен участок длиною около полуверсты. В самом начале ледовой трассы, у берега, стоит «саный паровоз» с одной парой передних зубчатых колес и двумя парами полозьев. К нему прицеплен поезд из двух саней. «Паровозом» управляют двое: машинист и водитель, направляющий передние полозья.

Рутцен подаёт сигнал выстрелом из ружья, и под восторженные крики публики диковинное транспортное средство сдвигается с места. Из-под зубьев передних колёс летит крошеный лёд, «саный паровоз» немного потряхивает, но он всё увереннее набирает ход. Мальчишки, сопровождая его, сначала бегут рядом, но потом быстро отстают.

Полверсты ледовая машина преодолела меньше, чем за две минуты. После остановки пришлось, правда, помучиться, чтобы развернуть «саный поезд». Тут уж все подбежавшие мужики постарались.

Николай Карлович, отправляя «ледовый паровоз» во второй рейс, сам сел в первые сани и пригласил всех желающих. Храбрых мужиков не нашлось, зато мальчишек набилось более 50 человек. Когда транспорт стартовал, визг едущих слышался за версту.

На третий рейс сели в сани уже и несколько мужиков. Пролетели, с перерывами, два часа, после чего верхний слой льда на пруду превратился в крошево, и рождественское развлечение малоархангельцев закончилось.

Вот так в селце Костюрине 24 декабря 1859 года прошло испытания транспортное средство Николая Рутцена. Сам он на следующий день стал готовить письмо в столичные газеты и в Российскую Академию Наук, но закончить отчёт не успел. «Санный паровоз», стоявший в специально построенном для него ангаре, сгорел в результате внезапного и сильного пожара через три дня после публичного представления. Разговоров по этому поводу тогда в Малоархангельском уезде было много, но следов злоумышленников так и не нашли.

Рутцен слёг с нервным расстройством, и здоровье его после этой трагедии сильно пошатнулось. На вторую попытку создания самодвижущейся ледовой машины сил у изобретателя не осталось. Немного оправившись, он полностью переключился на общественную деятельность.

Николай Карлович фон Рутцен скончался 6-го декабря 1880 года в селе Покровском Фатежского уезда Курской губернии. Земское собрание этого уезда почтило его память и заслуги, учредив стипендию имени Рутцена для лучшего воспитанника Курской Земской Учительской Школы и поместив его портрет в зале этой школы, которую он же основал и поддерживал материально до последнего времени.

По Николаю Карловичу прошла в Курской Земской Учительской школе панихида, а его вдова получила письменное соболезнование от Курского Губернского Земского собрания.

«Прожектёр и фантазёр», каким представлялся подвижник Рутцен некоторым из современников, едва ли был бы так оценён земцами-практиками.

На Орловской же земле заслуги общественного деятеля и изобретателя Николая Рутцена пока никак не отмечены.

Семейство Олив на Орловской земле

11 октября 1918 года секретарь Орловской губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем получил телефонограмму из Москвы, подписанную секретарём коллегии ВЧК, в которой сообщалось, что разыскиваемый в Москве по просьбе орловских чекистов Владимир Сергеевич Олив в столице не найден, по этой причине дело №1615 прекращается и сдаётся в архив.

Оливы и Куракины

Кем же был этот человек с явно нерусской фамилией, и чем он провинился перед орловскими правоохранителями?

Оливы – дворяне французского происхождения, которые переселились в Россию в самом начале XIX века. Родной дед Владимира Сергеевича,

Вильгельм-Симон (*Василий Николаевич в русском варианте – А.П.*), стал предводителем дворянства в Таврической губернии. Его сын и отец нашего героя, Сергей Вильгельмович (*Васильевич*) Олив сделал ещё более головокружительную карьеру: прошёл путь от простого офицера гвардии вначале - до флигель-адъютанта, командира 8 драгунского Астраханского Генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полка (в звании полковника), а потом – и до генерала – от – кавалерии, Главноуправляющего ведомством учреждений императрицы Марии Фёдоровны и члена Государственного Совета.

Будучи ещё полковником, в ноябре 1876 года Сергей Вильгельмович женился на Марии Александровне Колеминой. Брак оказался счастливым и многодетным: три дочери и два сына. Владимир Олив, 1884 года рождения, был младшим из сыновей.

Женившись, генерал Олив стал орловским помещиком, поскольку его жена владела имением в селе Алексеевка Малоархангельского уезда (*ныне – Покровский район Орловской области – А.П.*), доставшимся ей от помещиков Чичериных, которые, в свою очередь, получили это поместье от князей Куракиных.

Куракины в здешних местах поселились ещё во времена Петра I, и не было на Орловщине помещиков знатнее и богаче их. Но, как ни удивительно, последние из князей Куракиных подружились со своими новыми соседями, а спустя короткое время и породнились.

Старшая из детей Сергея Вильгельмовича Олив, Софья, стала женой последнего хозяина куракинского имения Преображенское, князя Александра Борисовича Куракина. Александр Борисович был одним из самых видных политических деятелей Орловской губернии. Руководитель орловского отделения партии «октябристов», депутат II Государственной Думы, он в течение двенадцати лет он занимал должность Малоархангельского предводителя дворянства, а в январе 1914 года стал последним предводителем дворянства Орловской губернии. И пока он занимал эти должности, всегда рядом с ним находился его товарищ, младший брат жены, Владимир Олив. Родственников объединяло многое: оба были юристами по образованию, имели общие политические взгляды, знали и ценили искусство.

Как предводитель дворянства орловских большевиков «обул»

Владимир Сергеевич в течение нескольких лет являлся помощником Малоархангельского предводителя дворянства Александра Куракина, а когда тот был избран Орловским губернским предводителем, то уходя на повышение, предложил депутатам-дворянам на покидаемое им место избрать Олива. Так Владимир Сергеевич стал последним малоархангельским предводителем дворянства. Проживал он в это время в своём имении, в селе Алексеевка.

За три с небольшим года Владимир Олив успел многое сделать для уездного города, особенно в развитии образования и здравоохранения.

Именно ему, в значительной степени, принадлежит заслуга в «пробивании» вопроса с проведением железной дороги до Малоархангельска. Продлись ещё немного мирная жизнь, - и услышал бы этот небольшой город стук рельсов и свистки паровозов. Но, к сожалению, началась Первая Мировая война, и царскому правительству вскоре стало не до новых дорог.

А потом пришли революции, которые (особенно, Октябрьская) многими дворянами первоначально не были восприняты всерьёз. Они не понимали, чем грозит им приход к власти большевиков.

По воспоминаниям Юрия Мейера, ещё одного товарища Владимира Олива, тоже малоархангельского помещика (к тому же – внука уездного предводителя), ставшего в годы гражданской войны белогвардейским офицером и эмигрировавшего затем в 1920 году за границу, «...бесечность и непонимание орловскими дворянами надвигавшейся грозы были непостижимы». В начале лета 1918 года в Орле доживали последние дни помещики Матвеевы, Талызины, Боборыкины, Левшины, Куракины, Оливы, Шамшевы, Блохины, Шепелевы-Воронович, Володимировы. А бывший малоархангельский предводитель Владимир Олив серьёзно развивал мысль об организации своего рода дворянского клуба, где мы все могли бы часто встречаться».

Но мечты мечтами, а кушать было надо, тем более, что жалованья по прежнему месту службы Оливу никто не платил. В условиях весны 1918 года в Орле ещё оставались от прежней власти комитеты Объединённых земств и Союза городов.

Один из таких комитетов поддерживал отношения с большевиками в течение полугода после Октябрьской революции. И ему удалось получить от орловского исполкома заказы на изготовление френчей для Красной армии и на латание старых солдатских сапог.

«Мастерские были в большой орловской пересыльной тюрьме. Перед самой войной для них было выстроено новое здание и на верхнем этаже было в большом зале установлено 56 швейных машин с электрическим погоном». Заведующим сапожной мастерской был назначен Владимир Сергеевич Олив. Его рабочий коллектив состоял из гимназистов, кадетов и вольноопределяющихся демобилизованного артиллерийского дивизиона. Работа этой мастерской продлилась чуть более месяца. Каков был результат – предсказать нетрудно, зная, что ни одного профессионального сапожника в подчинении бывшего Малоархангельского предводителя дворянства не имелось.

Заведующий и его работники успели получить жалованье только однажды. А потом, когда после первой «рекламации» качества продукции Оливу пришлось давать «показания» губисполкому, он понял, что второго приглашения для объяснений ему ждать не надо. Владимир Сергеевич, предупредив своих работников о возможных последствиях, уехал из Орла по-английски.

Куда? Орловские чекисты, рванувшиеся было за бывшим предводителем дворянства, попытались найти его в Москве. С каким результатом – я написал это в начале рассказа.

С таким же успехом пытался и я сам найти следы Владимира Олива на необозримых просторах современного мирового интернета. Ни-че-го! Земляк-сапожник, «обувший» большевиков, растворился в огне и дыме гражданской войны.

Засохишие Оливы

А вот о ближайших родственниках Владимира Сергеевича Олива мне удалось обнаружить некоторые сведения.

Олив Михаил Сергеевич

Родной его брат Михаил, камер-юнкер и кавалергард, герой русско-японской войны (кавалер пяти орденов), женатый на дочери крупнейшего украинского сахарозаводчика, красавице Елене Харитоненко (её портреты писали Валентин Серов и Константин Сомов), сразу после Октябрьской революции, оставив в Питере и имении «Качановка» большую часть своей огромной коллекции, эмигрировал в Европу вместе с женой и двумя детьми. Умер Михаил Сергеевич Олив в Мюнхене весной 1957 года.

Старшую из сестёр Олив, Софью Сергеевну Куракину, после Октябрьской революции арестовывали несколько раз вместе с мужем. После последнего из арестов, в 1933 году, и последовавшего освобождения, ей удалось вместе с Александром Борисовичем (редкое событие тех лет) уехать за границу, во Францию. А.Б.Куракин умер в Ницце в 1941 году, а вот Софье Сергеевне довелось дожить до 1975 года.

Второй сестре, Елизавете Олив, фрейлине Великой княгини Марии Павловны, пришлось испить самую горькую чашу испытаний. Не познавшая счастья в семейной жизни с мужем-гулякой Захаром Мухортовым, она после революции арестовывалась пять раз, сидела в Бутырской тюрьме и отбывала ссылку в Казахстане. На жизнь, когда в короткие периоды жила на свободе, зарабатывала вышиванием.

После последнего ареста в декабре 1937 года Елизавета Олив (Мухортова) была приговорена к высшей мере наказания и расстреляна.

От бывшей усадьбы Олив в селе Алексеевка остались только несколько хозяйственных зданий, которые были построены ещё князьями Куракиными.

А вот в Черниговской области Украины бывшее имение Михаила Сергеевича и Елены Павловны Олив сохранилось и с 1981 года является «Национальным историко-культурным заповедником «Качановка», который с удовольствием посещают туристы со всего мира.

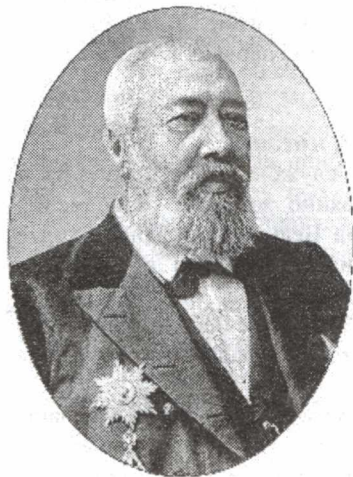
Светлые лики Корсуни

Каждый орловчанин, оказавшийся волею судьбы в конце XIX – начале XX века в северной части Малоархангельского уезда, непременно заезжал в большое село Корсунское, живописно расположившееся по обоим берегам небольшого ручья (притока реки Труды).

Храм, икона, Вельяминовы-Зерновы

Две достопримечательности села привлекали сюда гостей: храм Корсунской матери Божией и усадьба местных помещиков Вельяминовых-Зерновых. Церковь с таким именем в Орловской губернии – одна. Каменная, изящной архитектуры, окрашенная в белую и красную краски, с белой крышей и такого же цвета куполами, с красивой кованой оградой вокруг, она вызывала у всех увидевших её в первый раз чувство умиления и желание немедленно обратиться ко Всевышнему. И если православный человек делал это, зайдя в храм, да ещё постояв на коленях у знаменитой иконы Корсунской матери Божией, то благостное состояние приобщения к миру Небесному сопровождало его потом долгие часы и дни. Ведь, по преданию, Корсунская икона была писана Святым апостолом Лукой ещё при жизни Пресвятой Богородицы, а список с этого образа принёс из Корсуни в Киев Святой равноапостольный князь Владимир.

Выйдя из Корсунского храма, гость мог, наконец, переключить своё внимание на расположенную на противоположной стороне ручья барскую усадьбу Вельяминовых-Зерновых, представителей знаменитой русской дворянской фамилии, родственников царя Бориса Годунова.

Вельяминов-Зернов
Владимир Владимирович

Первым владельцем села Корсунское стал Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов, предводитель Верейского уездного дворянства Московской губернии, служивший некоторое время и помощником графа М.М.Сперанского, известного реформатора времён Александра I. Когда в период Отечественной войны 1812 года французские войска приближались к Москве, Фёдор Михайлович, занятый подготовкой ратников, отправил своё семейство в целях безопасности из Подмосковья в орловское имение. Жена и дети пробыли в Корсунском почти три года: им пришлось задержаться, пока шло восстановление подмосковной усадьбы, разорённой французами.

Владимир Владимирович

О внуке Фёдора Михайловича, Владимире Владимировиче Вельяминове-Зернове, владельце имения в селе Корсунское с 1850 по 1904 год, стоит рассказать отдельно. Он родился 31 октября 1830 года в Санкт-Петербурге, окончил курс в привилегированном Императорском Александровском лицее (*том самом, что назывался ранее Царскосельским – А.П.*). Там же у него развилась у него страсть к восточным языкам, и Владимир стал брать уроки еврейского, арабского и персидского языков — у профессоров университета и института Восточных языков.

По окончании в 1850 году Александровского лицея В.В.Вельяминову-Зернову был присвоен высший для выпускников чин IX класса – титулярного советника, что позволило ему самому выбрать место службы – Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Это определило дальнейшую судьбу и карьеру Владимира Владимировича: он стал первым русским учёным-востоковедом, автором множества научных работ по восточной тематике и Почётным академиком Российской академии наук.

Однако, куда бы Вельяминова-Зернова, по долгу службы, не забрасывала судьба: в Оренбургский край, в Петербург или Киевскую губернию – он оставался верен любимому Корсунскому, приезжая в село во время отпусков или даже на время болезни.

Именно с этим селом связаны ключевые моменты жизни известного русского учёного. В апреле 1858 года в Корсунской церкви произошло венчание В.В.Вельяминова-Зернова и орловчанки Анны Семёновны Корсаковой.

Брак был почти идеальным. Но... родившаяся у молодых на следующий год дочь Пелагия скоропостижно умерла, и больше детей у Вельяминовых-Зерновых так и не появилось. Безутешный Владимир Владимирович похоронил единственную дочь рядом с Корсунской церковью, а над могилой поставил замечательной красоты часовню.

«Замечательной красоты имение»...

С тех пор он предпочитал свободное от службы время проводить в родном имении, рядом с жившей здесь постоянно женой и безвременно покинувшей их дочерью. А с 1879 по 1888 год Вельяминов-Зернов жил в Корсунском постоянно. В этот период жизни он исполнял обязанности Малоархангельского уездного предводителя дворянства, попутно состоя членом Орловской учёной архивной комиссии. Чтобы всё необходимое было у него, как учёного, под руками, Владимир Владимирович начал преобразовывать и благоустраивать усадьбу.

Дом в имении он превратил в настоящий музей. Стены были увешаны портретами предков, среди которых находились и последние представители рода Годуновых. Два зала Вельяминов-Зернов отвёл под выставку оружия, в том числе и восточного, собиранием которого Владимир Владимирович занимался много лет. Ещё один кабинет был занят большой коллекцией восточных монет, завещанной им впоследствии Эрмитажу (18 000

экземпляров, в том числе редких, - ни до, ни после этому музею никто не дарил – А.П.).

Но главной гордостью учёного являлась огромная библиотека, насчитывавшая 12 000 томов, значительная часть которых – по истории Востока и на восточных языках. В отдельной башне, примыкавшей к библиотеке, находился архив Вельяминова-Зернова (*письма XVII-XIX веков, древние столбцы, письма М.М.Сперанского и рукописи самого учёного*).

Ухоженно образцовым выглядело и всё хозяйство Вельяминова, разместившееся на более чем 3 000 десятинах земли. В его же парк, засаженный разнообразными и редкими деревьями, приезжали полюбоваться многие окрестные помещики.

Тайный советник, Почётный академик и бывший попечитель Киевского учебного округа скончался после тяжёлой болезни в Киеве в январе 1904 года. По завещанию похоронили Владимира Владимировича в селе Корсунское, в той же часовне, которую он поставил для любимой дочери, - и рядом с ней.

По воспоминаниям П.Н.Мочульского, инспектора народных училищ Орловской губернии, Вельяминов-Зернов *«оставил о себе добрую память как учёный, археолог, коллекционер и редкой сердечной доброты человек»*.

Само Корсунское имение, после смерти в 1914 году вдовы Владимира Владимировича, Анны Семёновны, перешло, по наследству, дальним родственникам – князьям Ухтомским.

К сожалению, культурное гнездо, свитое выдающимся ученым в одном из уголков Орловщины и бережно им охраняемое, после установления Советской власти было постепенно разорено. Хотя, надо сказать, что коллекциям Вельяминова-Зернова ещё повезло, поскольку ценнейшую библиотеку в 1919 году перевезли в Музей Восточного искусства. О монетах я уже говорил, а вот об остальном остались только воспоминания.

Один из князей Ухтомских, Давид Александрович, прапорщик 308 Чебоксарского полка, живший в Успенском после возвращения с фронта I Мировой войны, после приближения к Малоархангельскому уезду осенью 1919 года деникинцев, пытался пробраться к ним, но был застрелен при уходе местными представителями Советской власти. Какова судьба его брата Всеволода и матери-княгини – я пока не выяснил.

В национализированном имении Вельяминовых-Зерновых-Ухтомских все 90 последующих лет располагалась местная Корсунская школа. Правда, от тех, родовых вельяминовских зданий давно ничего не осталось. Последнее было уничтожено во время Великой Отечественной войны: линия фронта более года проходила рядом с Корсунью, в котором всё тогда превратилось в головешки.

Уничтожены были замечательная церковь Корсунской иконы матери Божией и часовня с могилами Вельяминовых-Зерновых, вырублена большая часть парка. Казалось бы, совсем ничего не осталось от светлых ликов прошлого.

Но пару лет назад в селе Корсунь (ныне – Верховского района) воскресла из пепла новая, небольшая, деревянная церковь. А в бывшей усадьбе Вельяминовых, в здании закрытой Корсунской школы поселились монахини создающегося здесь ныне женского монастыря.

Светлые лики Корсуни:

1812 год

Этот очерк – продолжение темы, повествование о людях и событиях, происходивших в селе Корсунь ровно 200 лет тому назад, во время Отечественной войны 1812 года.

Московско - орловские дворяне Вельяминовы-Зерновы

У зажиточных помещиков Вельяминовых-Зерновых, о которых я уже начал рассказывать в предыдущем материале, в самом начале XIX века имелся собственный дом в Москве, на Арбате (у церкви Спаса-на-Песках), а также имения под Москвой и в Орловской губернии.

Предводитель дворянства Верейского уезда Московской губернии Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов и его жена Екатерина Николаевна (урождённая Рагозина) были завидной и уважаемой супружеской парой – как среди московских, так и среди орловских помещиков. Фёдор Михайлович в конце XVIII-начале XIX века пять раз подряд избирался предводителем, а Екатерина Михайловна крепкою рукой вела большое хозяйство, успевая рожать и воспитывать детей. А их у образцовых родителей было шестеро: братья Владимир, Николай, Фёдор и сёстры Анисья, Екатерина и Анна.

Большую часть времени семейство Вельяминовых проводило в Москве, в доме на Арбате, но весной всегда уезжало в деревни – сначала в подмосковное имение Жедочи (Верейский уезд, ныне – Нарофоминский район – А.П.), а потом два месяца Вельяминовы-Зерновы проводили в Орловских владениях – селе Корсунское и селе Суворово (Малоархангельский и Мценский уезды соответственно-А.П.). Поздней же осенью всё семейство возвращалось с Орловщины сразу в московский дом.

«Вся Москва была взволнована...»

Вот и весной 1812 года, как обычно, стали Вельяминовы готовиться к отъезду в деревни, но тут всю столицу и Россию оголоушила весть: французская армия под предводительством Наполеона пересекла русскую границу.

О том, как отреагировало на эту новость русское общество, как вторжение Бонапарта отразилось на жизни семейства Вельяминовых, рассказала в своих воспоминаниях старшая из сестёр Вельяминовых-Зерновых, Анисья (в замужестве – Кологривова – А.П.).

Её мемуарные записки были опубликованы в 1886 году в журнале «Русский архив». Прочитую отсюда самые интересные для нас, орловчан, моменты.

«...Вся Москва была взволнована, все негодовали на дерзость высокомерного Бонапарта; никто, однако же, не робел и не воображал, чтобы такое государство, как наше, сильное, могучее, могло быть побеждено...

Отцу моему (Фёдору Михайловичу Вельяминову-Зернову – А.П.) надо было спешить ехать в свой уезд принимать ратников, вооружать и одевать их... Никто не сомневался в том, что мы прогоним врага и не допустим идти далее вглубь России. Безстрашие это продолжалось до тех пор, пока узнали, что неприятель подступает к Смоленску...

Спасение - в орловских деревнях

Опасность росла уже не по дням, а по часам. Мой отец убедил матушку (Екатерину Николаевну Вельяминову-Зернову – А.П.) ехать с детьми немедленно в орловские наши деревни. Нестерпимо тяжела была наша разлука с ним, в горьких слезах отправилась моя мать в нескольких каретах со всем своим семейством, с гувернантками и учителями для моих меньших сестёр и для меньшего брата (Фёдора – А.П.). Старший же (Владимир, отец будущего учёного-академика В.В.Вельяминова-Зернова – А.П.) был в Петербурге на службе, в собственной канцелярии Государя Императора, а второй (Николай, поручик Брестского пехотного полка – А.П.) находился в действующей армии. Мне шёл тогда 24-ый год (Анисья Фёдоровна родилась в 1788-ом году – А.П.). Мы с сестрой (Екатериной Фёдоровной Офросимовой) старались всеми силами успокоить матушку в разлуке с отцом нашим и развеять её страх за сына, который был в действующей армии...»

Как ни удивительно, во время этого почти 400-вёрстного пути беженцы везде на почтовых станциях находили лошадей. В Туле путешественников чуть не сбили с толку их знакомые Шереметевы, которые, узнав, что Вельяминовы-Зерновы едут в орловскую деревню, пытались отговорить их от этого и вернуться в Москву, самое, по их мнению, безопасное место.

Но тульский губернатор Н.И.Богданов, сослуживец Фёдора Михайловича Вельяминова и его хороший знакомый, приказал семейству уезжать из города немедленно, потому что неприятель уже вошёл в Смоленск.

Под покровительством Корсунской иконы матери Божией

Через несколько дней «...Мы приехали, наконец, без приключений в село наше Корсунское, где проводили бессонные дни и ночи, не отходя от матушки».

Тем временем закончилось кровопролитное Бородинское сражение, во время которого поручик Николай Вельяминов-Зернов был тяжело ранен, и его привезли в Москву перед самым оставлением её нашими войсками. Узнавший о ранении сына, Фёдор Михайлович Вельяминов успел собрать всех верейских чиновников и сказал им: *«Кому из вас некуда деться и негде искать другого убежища, тех прошу приехать ко мне в Орловскую губернию,*

где и я буду». Потом попросил офицера вывести их на безопасную дорогу, по которой на вельяминовских повозках и в сопровождении вельяминовской прислуги все чиновники отправились в направлении Орловской губернии.

Сам же Фёдор Михайлович отправился искать раненого сына и смог найти его в почти уже опустевшей Петропавловской больнице. Положив сына в карету, предводитель Верейского дворянства поспешил вслед за отправленными им чиновниками.

А далее снова предоставляю слово Анисье Кологривовой (Вельяминовой-Зерновой):

«...Восьмого сентября мы с матушкой, собираясь к обедне (напомню, что происходит это в селе Корсунское Малоархангельского уезда, и обедня предстала в Корсунском храме – А.П.), сидели под окном в горьких думах, как внезапно увидели выезжающий из-за флигеля дормёз шестериком (дормез – старинная дорожная карета для длительного путешествия, в которой можно спать лёжа, как в кровати, запряжённая четырьмя или шестью лошадьми – А.П.). Матушка почти обеспамятела, мы все спустились на террасу встречать подъезжающий экипаж. Батюшка, показавшись в дверцах и заслоня собой брата, увидал нашу мать и вскричал: «Благодари, моя милая, Бога; я привёз тебе сына раненого, как героя, но живого». Милого нашего брата вынули из кареты полумёртвого, красивое его лицо покрыто было смертельной бледностью, дыхание было прерывисто, рана была сквозная, так что, когда подносили при перевязке горящую свечу, то её задувало. Не трудно вообразить, что мы ощущали, видя его страдания. Тотчас послали за доктором за 70 вёрст в Мценск, он ему помог, и когда больной был уже в силах, то рассказы его были очень занимательны. По мере того, как ему становилось легче, нетерпение его возрастало, он умолял родителей моих отпустить его скорее в армию. Брату (напомню, Николаю – А.П.) шёл в это время 21-ый год. Родители его благословили и отпустили.

Теперь напишу о том, что происходило с нашими выходцами из Вереи, Жедочей и Москвы. В свободные минуты от ухода за родным братом мы ходили на встречу к этим горьким изгнанникам с места их родины и обменивались с ними горькими слезами. Они со своими стариками и малолетними детьми прибывали кто пешком, кто на подводах со всем своим скарбом, увидев нас, бросались к нам с рыданием и рассказывали о бедствиях Москвы, которая уже горела...

Чиновников, прибывших к нам в Корсунское, поместили родители мои: тех, которые покрупнее званием и чином – с нами в большом доме, а других – во флигелях, а иных – даже в крестьянские избы. Всех их было с прислугой до 70-и человек; их снабжали всеми необходимыми жизненными припасами, а по воскресеньям и по праздникам обедали за нашим столом чиновники с их жёнами, что составляло общество до 40 человек, включительно с нашим семейством. Иные из наших гостей бывали больны от горя, и мы, старшие дети, давали им лекарства и ухаживали за ними. В такой обстановке прожили эти бесприютные четыре месяца (то есть до конца декабря 1812

года – А.П), после чего, снабжённые родителями моими чем можно, отправлены были в наших повозках к себе.

Расставшись с своими печальными гостями, мы переехали в другое наше село, Суворово, чтобы быть ближе к Мценску, где был в случае нужды знаменитый доктор Филипович...».

В орловских имениях Вельяминовы-Зерновы пробыли до 1815 года, пока не были отремонтированы разгромленные французами их дом на Арбате в Москве и имение Жедочи в Верейском уезде, но и после 1815 года каждое лето, на два месяца, приезжали они на Орловщину, в Корсунское и Суворово, постоянно добром вспоминая эти сёла и их жителей, разделивших с ними испытания в трудный год нашествия Бонапартова...

Светлые лики Корсуни: Анисья Вельяминова-Зернова

В русской поэзии есть стихотворение, написанное более 200 лет тому назад и почти сразу же ставшее песней, которую поют и до сих пор – поистине уникальное явление в нашей культуре. Называется эта песня «Среди долины ровныя». А в русской живописи имеется ещё и известная картина художника Ивана Шишкина под точно таким же названием. Как ни удивительно, и песня, и картина своим появлением обязаны нашей землячке, орловской помещице Анисье Вельяминовой-Зерновой (в замужестве – Кологривовой), той самой, о которой шла речь в очерке «Светлые лики Корсуни: 1812 год».

Анисья была старшей дочерью в семье Фёдора Михайловича и Екатерины Николаевны Вельяминовых-Зерновых.

Учитель Михаила Лермонтова

Алексей Мерзляков

Одни из самых просвещённых людей своего времени, Вельяминовы-Зерновы были хорошо знакомы с видными деятелями русской культуры первой половины XIX века. В их подмосковный дом в имение Жедочи постоянно приезжали Николай Карамзин, Пётр Вяземский, Василий Жуковский, Иван Крылов, Иван Дмитриев и другие известные писатели и поэты тех лет. Не последней персоной в этом славном коллективе был и профессор Московского университета Алексей Мерзляков, приглашённый в дом Вельяминовых-Зерновых для того, чтобы давать уроки словесности старшей дочери Анисье.

Алексей Фёдорович Мерзляков,

родившийся в небогатой купеческой семье, благодаря своим способностям, к 30 годам сделал блестящую карьеру. Закончив Московский университет первым учеником, с золотой медалью, он в 1804 году занял (и занимал до самой своей смерти) в этом университете кафедру русского красноречия и поэзии; с 1817 года стал деканом словесного отделения, с 1821 по 1828 год был действительным и самым деятельным членом Общества любителей русской словесности и его председателем. Не проходило ни одного собрания, в котором Алексей Фёдорович не читал бы своих стихов или прозы. Кроме того, Мерзляков являлся также действительным членом Общества истории и древностей российских, Казанского и Ярославского обществ любителей русской словесности. Виленский университет избрал его в свои почётные члены. Публичные лекции профессора Мерзлякова имели большой успех. Их посещали не одни только молодые любители словесности, но и знатнейшие особы столицы, видные литераторы, дамы.

Алексей Фёдорович преподавал также в Благородном пансионе при Московском университете, где в 1828—1830 годах учился Михаил Лермонтов, которому Мерзляков давал также и частные уроки на дому, оказав сильное влияние на мировоззрение будущего великого русского поэта. А среди студентов, с огромным вниманием и наслаждением слушавших лекции Мерзлякова, были Дмитрий Веневитинов, Александр Полежаев, Фёдор Тютчев и Александр Грибоедов.

«Моя отрада – в ней»

Так что учитель Анисье Вельяминовой достался первостатейный. Она с первых минут знакомства с Алексеем Фёдоровичем стала обожать его как преподавателя, да, наверное, и испытала более глубокие чувства, а сам профессор Мерзляков, увидев молодую и красивую ученицу, влюбился в неё с первого взгляда.

Скромный учитель так и не смог объясниться в любви с глазу на глаз с Анисьей, но зато сделал это в большом цикле стихотворений, посвящённом ей. В большинстве из них он называет свою возлюбленную Элизой, в некоторых – Нисой (явное сокращение от имени *Анисья* – А.П.)

*О боже праведный! Последний час пошли
Сперва ко мне, не к ней!
В ком ты достойнее сияешь на земли?
В душе Элизы - в ней!*

*Чем лучше возмогу тебе я угождать,
Как не любовью к ней?
И там, на небесах, в обители отрад,
Моя отрада в ней!*

Когда Алексею Фёдоровичу стало ясно, что чувство его безответно, то, опять-таки, он выразил это стихами:

*Когда б я был любим... сокройте, сны златые:
Богатства, суеты, фортуна, мир забыт!
Свобода и любовь - цари мои земные!
В них счастье, а без них и счастье - ложный вид!*

*Но что, безумец, я - какой пленен мечтою?
Надежда, удались! Мне ль радостей искать?
Другому быть твоим, другому жить тобою!
А мне... о призраке погибшем унывать!..*

Мы не знаем до конца всей тайны взаимоотношений двух молодых людей, было ли между ними решающее объяснение или нет. Но если и было — оно оказалось печальным для поэта Мерзлякова, наверняка, сказались сословные различия, поскольку в дворянском кругу Алексей Фёдорович своим себя считать не мог.

Вечная песня о неразделённой любви

И вот однажды в Жодочах, по прошествии двух лет знакомства и страданий, когда, по воспоминаниям одного из родственников Мерзлякова, «Алексей Фёдорович был особенно грустен, он вдруг заговорил о своем одиночестве. Потом взял мел и на ломберном столе начал писать. Ему дали перо с бумагой, и он записал все стихотворение, родившееся у него экспромтом. Это было прославившее потом Мерзлякова «Одиночество», почти сразу ставшее песней под названием «Среди долины ровныя». Вскоре ее подхватила и запела вся Россия. А через несколько лет песня уже считалась народной».

Я процитирую два куплета из неё (первый и последний):

*Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте...*

*Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!*

Один из современных исследователей творчества Мерзлякова так её оценил: «Песня потрясает простотою и печалью. Она ясна и величественна во всем — в понимании трагедийности жизни, в стойкости, с какой герой ее, подобный одинокому могучему дубу, переносит свое одиночество и тоску, эта песня о неразделенной любви... Это истинно русская песня, хотя бы потому, что автор ее не отделяет

своей любви от любви к родной земле, это песня о Родине и о том особенном, щемлящем душу чувстве, что и составляет, пожалуй, основу русского патриотизма».

Эту знаменитую песню, как и почти все остальные два десятка, Алексей Фёдорович Мерзляков посвятил Анисье Вельяминовой-Зерновой.

Потом ещё целых два года поэт, критик и переводчик Мерзляков продолжал приезжать в Жодочи – только для того, чтобы в очередной раз увидеть свою ненаглядную. С нашествием Наполеона и приближением французов к Москве, когда семейство Вельяминовых-Зерновых собиралось отъехать в орловские имения, Алексей Фёдорович провожал Анисью в дальний путь и, не выдержав, сам отправился вместе с нею на Орловщину.

Проведённые в селе Корсунском четыре месяца, когда он каждый день видел Анисью Фёдоровну, мог поговорить с нею и даже помочь ей в чём-то, остались в памяти поэта одними из самых лучших и запоминающихся в его жизни.

Не полюбить – и всё-таки, остаться. В истории!

А потом их пути разошлись навсегда. В 1815 году профессор Мерзляков женился на женщине своего круга, Любови Васильевне Смирновой. В супружестве прожил 15 лет, был примерным супругом и отцом четверых детей. 26 июля 1830 года автор «Среди долины ровныя» скончался, заболев холерой. 29 июля признательные ученики похоронили своего профессора на Ваганьковском кладбище, где чуть позже соорудили на его могиле памятник.

Малоархангельская же помещица Анисья Фёдоровна Вельяминова-Зернова очень долго не выходила замуж, и только в 45-летнем возрасте, уже после смерти Мерзлякова, решила связать свою судьбу с капитаном гвардии Степаном Ивановичем Кологривовым. Умерла она в Москве, на 88-ом году жизни, оставив потомству «Записки из семейных воспоминаний». В этих живых и колоритных мемуарах Анисья показала немалые литературные способности, над развитием которых потрудился когда-то профессор Мерзляков, но о самом Алексее Фёдоровиче автор «Записок» предпочла умолчать.

В 1883 году художник Иван Шишкин, потерявший любимую жену и жестоко страдавший от одиночества, увидел однажды огромный, отдельно стоящий, дуб, вспомнил мерзляковскую песню «Среди долины ровныя» - и написал вскоре не менее прославившуюся картину с таким же названием.

Два настоящих шедевра в разных жанрах – другой такой пример в истории русской культуры подобрать трудно. И появлению обоих своей жизнью поспособствовала наша землячка - публицистка, переводчица и мемуаристка Анисья Вельяминова-Зернова (Кологривова).

Светлые лики Корсуни: братья Вельяминовы-Зерновы

В 1814-1815 годах в Санкт-Петербурге, в типографии Правительствующего Сената, двумя частями, вышла книга под названием «Опыт начертания российского частного гражданского права», вызвавшая бурное обсуждение среди российских правоведов. Автором сочинения оказался коллежский ассессор и член Санкт-Петербургского Вольного общества Любителей Словесности, Наук и Художеств Владимир Вельяминов-Зернов, старший сын большого и дружного семейства московско-орловских помещиков Фёдора Михайловича и Екатерины Николаевны Вельяминовых-Зерновых.

Владимир Вельяминов – первый русский учёный-правовед

В этом двухтомном труде Владимир Фёдорович впервые дал характеристику Российского законодательства за весь период его существования и постарался сформулировать научные основы гражданского права для российских условий начала XIX века.

Часть первую своей книги Вельяминов-Зернов назвал «Права лиц», и в ней он рассмотрел как теоретические проблемы данной важнейшей отрасли, так и практические моменты реализации этих прав.

Регулирование взаимоотношений помещиков и крепостных крестьян учёный рассмотрел в таких разделах, как «О власти господской над крепостными людьми», «Каким образом приобретаются крепостные люди», «Кто может и кто не может приобретать крепостных людей и владеть оными», «О власти помещиков», «Об отпущении на волю». Важное место в книге заняли вопросы взаимоотношений родителей и детей, заключения брака, установления родства и опекуинства.

В части второй книги («Право вещей») Владимир Фёдорович подробнейшим образом охарактеризовал имущественные взаимоотношения в российском обществе.

Сочинение В.Ф. Вельяминова-Зернова «Опыт начертания российского частного гражданского права», без всяких сомнений, может быть названо первым трудом по русскому гражданскому праву, имеющим научные достоинства. Книга эта оказала несомненное влияние на составление Свода Законов Российской империи, поскольку система X тома этого Свода прямо заимствована из этого сочинения, а многие определения его буквально выписаны из труда Вельяминова-Зернова. Для императора Александра I, по его словам, книга стала настольной.

Ко времени написания своего главного сочинения Владимиру Фёдоровичу исполнилось только 30 лет, но он уже был известен среди московских и петербургских юристов как крупный знаток российских законов. После окончания в 1804 году юридического факультета Московского университета он в течение десяти лет был редактором в комиссии составления законов, потом служил старшим чиновником II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Готовясь к написанию своей книги, Вельяминов-Зернов ещё в 1810 году перевёл с французского языка известный в Европе труд Х.Шлецера "Начальные основания права римского, гражданского и законоположения уголовного".

«Блеск придаст его уму...»

Впрочем, Владимир Фёдорович не ограничивался только юридической сферой. Он был человеком разносторонних интересов. Зная несколько иностранных языков, занимался переводами и литературных произведений (чаще всего, - либретто итальянских опер, которые любил посещать).

Его современник, Степан Петрович Жихарев, в своих мемуарах написал: *«Вельяминов-Зернов служит по министерству юстиции... Он малый очень неглупый и со сведениями, ... удивительно легко пишет стихи: не более как в четверть часа он, для доказательства своей способности, перевел одну большую арию из оперы "Импрезарио"»*.

Вот небольшой отрывок оттуда:

*«Этим людям не платите:
Лишь ласкайте их, да льстите,
Все сулите, да сулите -
Вот и будет благодать.
Но уважьте дар поэта,
Заплатите вы ему;
Это нужно потому,
Что блестящая монета
Блеск придаст его уму».*

Могила Владимира Фёдоровича Вельяминова-Зернова

Владимир Фёдорович долгое время был постоянным участником литературного общества «Беседа любителей русского слова», а в 1805 году даже издавал собственный литературный журнал «Северный Меркурий» (вышло пять номеров). Среди товарищей по литературному цеху Вельяминов-Зернов прославился своими афористичными высказываниями. Сохранилось, к примеру, такое: *"Самолюбие, -говорил он, - есть*

неизлечимая слабость всех авторов и актеров и в людях талантливых также извинительно, как в бесталанных смешино и даже гадко».

Женился первый русский учёный-правовед достаточно поздно, на четвёртом десятке. Его избранница, Анна Яковлевна Ханыкова, была представительницей известного семейства, внесённого в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии. Единственный сын их, Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, стал известным русским учёным-востоковедом и общественным деятелем (о нём смотри первый из очерков «Светлые лики Корсуни» - А.П.).

Владимир Фёдорович Вельяминов-Зернов скончался 17 января 1831 года, не дожив и до 50 лет. Похоронен он на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры.

Судьбы военные:

Николай и Фёдор Вельяминовы

В судьбах Николая и Фёдора Вельяминовых-Зерновых – много общего. Средний и младший братья, они, по завершении домашнего образования под руководством француза Реми, связали свою жизнь с военной службой, хотя и в разные годы.

Николай Фёдорович Отечественную войну 1812 года встретил 21-летним подпоручиком Брестского пехотного полка. Первый бой принял под Смоленском (за отличие получил звание поручика). В Бородинском сражении был тяжело ранен, привезён в госпиталь в Москву, откуда отец, Фёдор Михайлович, доставил Николая для излечения в село Корсунское. Здесь, на свежем воздухе, при постоянном и внимательном уходе матери и любящих родных сестёр, герой Бородинского сражения быстро поправлялся. Выздоровливая, Николай сблизился со многими соседями-помещиками и служилыми людьми. Когда у секретаря Малоархангельского земского суда Гаврилы Климонтова родился сын, крестным отцом его стал Николай Вельяминов.

В декабре 1812 года, окончательно выздоровев, поручик покинул гостеприимное село Корсунское и отправился в действующую армию, успев принять участие во многих сражениях 1813-1814 годов (под Лейпцигом, Кобленцем и Мецем). За мужество в «Битве народов» под Лейпцигом был награждён орденом Святой Анны 4 степени.

По возвращении из-за границы, во время отпусков, Николай Фёдорович Вельяминов-Зернов регулярно приезжал в ставшее ему близким и родным село Корсунское. Здесь в 1818 году он ещё раз выступил в роли крёстного отца, на этот раз - при рождении сына у пономаря Корсунской церкви Михаила Алмазова.

Последствия тяжёлого ранения на Бородинском поле сказались на здоровье Н.Ф.Вельяминова-Зернова, и он ушёл в отставку в чине полковника, когда ему исполнилось 35 лет. Дата его смерти и место захоронения неизвестны.

Военная судьба Фёдора, младшего из братьев Вельяминовых-Зерновых, оказалась короткой и трагической. Будучи офицером Генерального штаба русской армии, он принял участие в русско-турецкой войне 1828-1829 годов и погиб при осаде русскими войсками крепости Варна в сентябре 1828 года.

Николай и Фёдор Вельяминовы-Зерновы женаты не были, и потому единственным прямым наследником имения в селе Корсунское стал Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, о судьбе которого я уже рассказывал.

Глава третья

Как любили в старину

«Охоты» помещиков Охотниковых

Мало кто из орловчан знает, что есть на Орловщине настоящий замок. Называется он Охотников и находится в селе Яковка Колпнянского района. Конечно, замок этот не средневековый, да и построил его не феодал, а богатый орловский помещик, увлекавшийся архитектурой средневековья, - по фамилии Охотников. Владимир Николаевич был последним хозяином усадьбы в селе Яковка. Но прежде чем повести речь о нём, я расскажу о его прадеде, основателе помещичьего имения в этом селе, первом из рода Охотниковых на орловской земле.

Прекрасная Аграфена

Бывший конный гвардеец, а в статской службе – орловский прокурор и предводитель малоархангельского уездного дворянства, богатый помещик (только в Ливенском уезде ему принадлежало около 12 тысяч десятин земли – А.П.), Яков Андреевич Охотников в последней трети XVIII века решил построить себе новую усадьбу в том уголке своих ливенских владений, которое ему очень приглянулось, - на берегу речки Белой. Задумал – и выполнил, поселив здесь своих крепостных крестьян и дворовых людей.

А обосновавшись на новом месте, начал Охотников хозяйничать. Да так, что вскоре бывший прокурор сам стал фигурантом уголовного дела (оно хранится в документах Ливенского уездного суда Государственного архива Орловской области, фонд 41, ед. хран. 838 – А.П.).

Итак, 1 июня 1795 года к «Всепресветлейшей державнейшей великой государыне» императрице Екатерине Алексеевне обратился с жалобой ливенский помещик, «капитан Иван Филиппов сын Горюшкин».

В подробном обращении к царице он поведал, что уже седьмой год женат на дочери ливенского помещика Аграфене Головиной и живёт с нею в доме тестя, капитана Ивана Головина, в деревне Донце Ливенской округи (деревня сохранилась, в настоящее время входит в состав Кудиновского сельского поселения Должанского района – А.П.).

А далее Горюшкин рассказал государыне о своём горе. 21 апреля 1794 года, когда он был в отъезде, приехал в дом тестя в повозке, запряжённой тремя лошадьми, ливенский помещик, надворный советник, Яков Охотников, «взял мою жену и всё находящееся её собственное и моё имущество и увёз незнамо куда».

О месте нахождения жены Иван Горюшкин вскоре узнал: сельцо Яковка, имение Якова Андреевича Охотникова. А вот дальше события развернулись по непредсказуемому сценарию.

Тёща пострадавшего, капитанша Авдотья Головина, по поводу случившегося с дочерью написала «жалобу» в Ливенский уездный суд.

Однако тесть вскоре опроверг заявление супруги, сообщив в суде, что он, по приезде Якова Охотникова к нему в дом, сам отпустил с ним свою дочь – по её просьбе, поскольку муж, Иван Горюшкин, постоянно избивал Аграфену и ругал самыми последними словами.

Дело застопорилось. Судейские ливенские чиновники в такой ситуации отказались что-либо делать. И тогда 5 декабря 1794 года жалобу в Ливенский суд написал уже сам Горюшкин. Но и ему, спустя почти полгода, отказали в расследовании, по формальным основаниям: помещик, якобы, не назвал в заявлении, какое именно имущество у него увёз Охотников, и какова цена этих вещей. Аграфена Горюшкина, тем временем, более полугода находилась с похитившим её помещиком, и никаких жалоб с её стороны не было. По всей видимости, её похищение явилось лишь инсценировкой.

Пришлось тогда бедному Горюшкину обращаться в последнюю инстанцию – к матушке-императрице Екатерине Алексеевне. В этой жалобе Иван Филиппович, кроме информации о жене, перечислил имущество, увезённое ею и Яковом Охотниковым: часы серебряные за 35 рублей, кольцо золотое за 98 рублей, одеяло холодное ситцевое за 6 рублей, 12 пар нитяных чулок за 6 рублей, святцы за 8 и святцы за 2 рубля и денег ассигнациями – 45 рублей.

Горюшкин, для того, чтобы опровергнуть показания тестя о его поведении по отношению к жене, просил также пригласить свидетелей, соседей-помещиков: гвардии капитан-поручика Михаила Измалкова, поручика Николая и прапорщика Михаила Лукиных, подпоручика Ивана и прапорщика Семёна Глуховых.

Указ от императрицы по делу Горюшкина и Охотникова в Орловском наместническом правлении был получен в начале 1796 года. В деле его нет, но едва ли Екатерина II приказывала в нём наказать помещика-женокрада, поскольку фамилия Охотниковых была царице хорошо знакома: родной сын Якова, Алексей, был некоторое время её фаворитом.

Поэтому Орловское наместническое правление, спустя месяц, ответило заявителю, что разобрать жалобу не удастся, поскольку Аграфена Ивановна Горюшкина находится уже в Москве, куда увёз её Яков Охотников.

Так и остался помещик Горюшкин один на один со своим горем. А владелец сельца Яков Андреевич Охотников продолжил жить с новой молодой женой.

Потомство Якова Охотникова

От первой, к 1794 году умершей, супруги у помещика Охотникова было трое детей: Алексей, Александр и Павел. О первом я уже упомянул. Будучи фаворитом императрицы, Алексей погиб в самом расцвете сил при таинственных обстоятельствах. Ходили слухи, что его убили из-за ревности.

Александр Охотников стал основателем тамбовской ветви рода (вообще-то, владения этого семейства находились в Волинской, Воронежской, Московской, Оренбургской, Орловской, Пензенской и Тамбовской губерниях).

Павел Яковлевич Охотников унаследовал от отца село Яковку и московскую усадьбу с домом (по улице Пречистенка, д.32/1). Деревянные строения усадьбы дотла сгорели во время пожара 1812 года. Но вскоре на их месте выросло новое трехэтажное строение из кирпича и белого камня.

В начале 80-ых годов XIX века в здании была открыта классическая гимназия Л.И. Поливанова. В этом учебном заведении учились сыновья Л.Н. Толстого и А.Н. Островского, поэты В.Я. Брюсов, Андрей Белый, Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин, режиссер А.М.Федотов, композитор Л.А. Полонинкин, художник А.Я. Головин, шахматист А.А. Алехин. Сейчас в доме № 32 располагается Детская Художественная школа В.А. Серова.

После смерти Павла Яковлевича Охотникова имение в Яковке и московская усадьба перешли по наследству к его сыну Василию Павловичу. Он известен тем, что учился в юнкерской школе вместе с выдающимся русским поэтом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, а также с И.А. Поливановым, автором альбома с зарисовками портретов, событий и сцен из жизни юнкерской школы в 1834 году (*отцом основателя вышеуказанной частной гимназии – А.П.*). Более 50 лет этот альбом хранился у В.П. Охотникова в Яковке. Когда в Петербурге готовилось открытие музея Лермонтова, Василий Павлович отправил альбом на адрес создаваемого музея.

Охотников замок в Яковке

В.П. Охотников умер в самом начале 1900-ых годов бездетным. Его почти миллионное состояние досталось родному племяннику Владимиру (сыну брата), который и без того считался богачом.

Владимир Охотников – первый гот Орловщины

Крупный землевладелец (более ста тысяч десятин земли), Владимир Охотников владел свеклосахарным, лесопильным, чугуноплавильным, медеплавильным, конным, овчарным, поташными заводами, прииском, тремя домами в Санкт-Петербурге. Избирался уездным и губернским предводителем дворянства. К концу жизни (*он умер в 1917 году – А.П.*) состоял в чине действительного тайного советника и являлся членом Государственного Совета.

Владимир Николаевич Охотников за службу был удостоен ряда высших российских орденов. Будучи человеком государственного масштаба и постоянно занятым, он, тем не менее, находил время и для души: строил сооружения в любимом стиле. К числу таковых относится и Охотников замок. Вот что о нем говорится в книге «Архитектурные древности Орловщины» авторов В.М. Ромашова и В.М. Неделина:

«..Стоит на высоком холме над рекой Белой. Здание сахарного завода в неоготическом стиле было построено в конце XIX в. местным землевладельцем, генералом и тайным советником Владимиром Николаевичем Охотниковым. На его же средства в селе возвели Апостольскую церковь (не сохранилась) и плотину (сохранилась частично). Здание Г-образной формы (южное крыло пристроено позднее) своим внешним видом напоминает средневековую крепость, почему среди местного населения более известно под названием «Охотников замок...»

В проводившемся летом 2009 года в Орловской области интернет-конкурсе «Семь чудес Орловщины» Охотников замок стал одним из победителей проекта. Вот он, читатель, перед тобой на фотографии.

Как один помещик крепостную крестьянку полюбил

5 апреля 1825 года в Троицкой церкви села Липовец Малоархангельского уезда венчалась необычная пара: 70-летний помещик, владелец имения в сельце Сабурово, Иван Андреевич Якушкин и его дворовая девка, 20-летняя Прасковья Фалалеева, причем, уже на 8-м месяце беременности.

Трудно было удивить российских обывателей в 19-м веке неравными браками. Но большей частью это касалось возраста и уровня материального благосостояния женившихся, а вот сословную принадлежность, всё же, старались соблюдать, особенно в дворянской среде.

Конечно, часть помещиков (одни – открыто, другие – меньше афишируя свои связи) сожительствовала со своими крепостными крестьянками, почти всегда используя принуждение. Иногда о случаях

злоупотребления помещичьей властью узнавали в столицах и — в исключительных случаях — могли злодея наказывать.

Так, в декабре 1860 года Указом императора Александра II был лишен дворянства, отстранен от управления имением и отправлен в ссылку малоархангельский помещик, владелец имения в селе Столбецкое, Михаил Мацнев 4-ый (смотри, читатель, очерк о представителях этого семейства — А.П.), допустивший многочисленные издевательства над своими крепостными людьми (и в первую очередь — как раз над девушками и женщинами А.П.).

Об этом помещике всей читающей Европе сообщил Александр Герцен в декабрьском номере журнала «Колокол» за этот же год.

В редких случаях помещики-дворяне могли позволить себе жениться на крепостных или дворовых: ведь тогда их ждало не только осуждение всех соседей — землевладельцев, но и настоящий бойкот с их стороны.

Только два обстоятельства могли подвигнуть какого-либо помещика на поистине героический поступок: или большая, всепоглощающая любовь к будущей супруге (вспомним хотя бы графа Шереметева и Прасковью Жемчугову — А.П.), или любовь к детям и работа об их будущем.

Иван Якушкин, происходивший из дворян Смоленской губернии, с 1775 по 1781 год служил в гвардии, после чего, в связи с болезнью, был уволен в отставку (*«в силу объявленного Господином гвардии подполковником и разных орденов кавалером Светлейшим князем Григорием Александровичем Потемкиным Высочайшего Её Императорского Величества Указом...»*).

Поселился Иван Андреевич в собственном поместье, в сельце Сабурово Малоархангельского уезда, доставшемся ему от покойного и бездетного брата, и зажил здесь холостяком.

Имение его, удобно расположившееся на высоком берегу небольшого ручья Тетерка, было среднее по помещичьим меркам: чуть более тысячи десятин земли.

Однако имелись здесь конный, винокурный и кирпичный заводы, мельница, маслобойня, конопляники и рыбная ловля в запруженном рядом пруде. Из камня — известняка собственной каменоломни выстроены были Якушкиными просторные хозяйственные постройки (конюшня, скотный двор, овин, подвалы), в которых находилось постепенно приравставшее богатство отставного гвардии подпоручика.

Годы шли, исполнилось помещику 30, потом 40, 50 лет, а он все никак не мог найти себе спутницу жизни. Соседи из числа недоброжелателей шушукались за спиной: «...А все ли в порядке у Ивана Андреевича по мужской части?».

Дмитрий Чиркин, участник и герой Отечественной войны, ближайший сосед и друг, чье поместье находилось в двух верстах ниже по тому ручью в деревне Тетерье (смотри, читатель, очерк о Чиркиных — А.П.), не раз говаривал: «Иван Андреевич, жениться Вам надо, иначе без наследников останетесь». Якушкин обычно, на такого рода советы, отшучивался.

А с весны 1820 года среди тех же соседей-злопыхателей слух распространился: *«Спутался подпоручик со своей дворовой девкой, которой недавно лишь 15 лет исполнилось. А самому-то уже 65 стукнуло. Правду говорят: «седина в бороду – бес в ребро!»»*.

Пытался отговорить от продолжения связи Якушкина и Чиркин, но ... *«Митя – помолчи! Это моя любовь – первая, и думаю, последняя. Никогда такого у меня не было»*, - взволнованно говорил другу Иван Андреевич.

Когда же на следующий год дворовая Прасковья Якушкину сына родила, и помещик их обоих в своем доме поселил, отказались многие землевладельцы даже здороваться с нарушителем дворянских правил.

Впрочем, Иван Андреевич никакого внимания на это не обратил: один за другим родились у помещика и его гражданской жены еще два сына – Павел и Петр.

После того как Прасковья четвертым ребенком забеременела, решился Иван Андреевич на поступок: 5 апреля 1825 года в Троицкой церкви села Липовец обвенчали его с бывшей дворовой Прасковьей Фалалеевой.

Отныне и жена его законная, и будущие дети могли претендовать на получение дворянства.

Через два месяца, 1 июня 1825 года, родился у Якушкиных четвертый сын – Николай, но он не стал последним в семье. 3 мая 1829 года появился на свет Виктор, 17 апреля 1830 года – Семен, а 13 июня 1831 года родилась наконец-то и дочь – ее назвали Натальей.

Ивану Андреевичу исполнилось тогда 76 лет, а его молодой жене минуло – 26.

А на следующий год глава семейства тяжело заболел и скончался, оставив Прасковью Фалалееву вдовой с семьей несовершеннолетними детьми.

Друг – сосед, Дмитрий Петрович Чиркин, в беде семью не оставил. Благодаря его опекунским работам четверо рожденных в законном браке детей получили дворянство – Николай, Виктор, Семен и Наталья.

А благодаря самой Прасковье, оказавшейся умелой хозяйкой, все дети еще и очень хорошее образование получили.

Павла Ивановича Якушкина, одного из первых собирателей русского фольклора, писателя-этнографа, узнала вся читающая Россия 60-х годов XIX века.

Виктора Ивановича Якушкина, врача-хирурга (он закончил в 1854 году Петербургскую медико-хирургическую академию) ценили все пациенты как знающего и умелого врача, а крестьяне буквально боготворили за то, что он был внимателен, безотказен и бескорыстен.

Именно Виктор Якушкин *(по версии многих тургеневедов – А.П.)* послужил Ивану Сергеевичу Тургеневу одним из прототипов его знаменитого героя – Евгения Базарова из романа «Отцы и дети».

50-летний Павел и 43-летний Виктор Якушкины умерли в одном и том же 1872 году, но вот память о себе оставили добрую и долгую.

Поскольку село Сабурово уже лет 40 как исчезло, то в очередную, 185-ю годовщину со дня рождения Павла Якушкина (6 января 2007 года – А.П.), памятный знак в честь писателя, этнографа, фольклориста был установлен в соседней деревне Тетерье Покровского района (здесь находилось имение Д.П. Чиркина – А.П.).

На праздничное мероприятие, к стенам сельской библиотеки, носящей имя Якушкина, собрались многие жители деревни, ученики школ Покровского района, гости из райцентра и из Орла.

А ведь ничего этого не было бы, не влюбись один помещик в свою крепостную.

(История написана на основании документов из фонда 68 ГАОО, отчество Прасковьи Якушкиной здесь названо именно Фалалеевна, а не Фалеевна – А.П.)

Чистые пруды

Есть в Берёзовском сельском поселении (Покровский район), в той части деревни Гремячье, что называется сейчас местными жителями Бугровкой, удивительное место. Это два мощнейших родника, бьющих из-под крутой горы на расстоянии 10 метров друг от друга. Это, скорее, не ключи, а настоящие ручьи. Каждый пришедший сюда видит практически две стены воды, мгновенно превращающиеся в кристальной чистоты потоки, которые через два десятка метров впадают в старинный, заросший камышом пруд, а потом вытекают оттуда в расположенную рядом реку Труды.

Гремячий Колодезь

Лет 150 назад это место называлось Гремячий Колодезь, - из-за характерного, слышного издалека, шума воды двух источников. Когда в XVII веке на обрывистом берегу реки Труды поселились первые жители, им не надо было мучиться с названием своего поселения – оно уже было. А когда через несколько лет служилые люди стали строить дома и чуть выше по течению, перебравшись через овраг Крутой, то этим же именем стала называться и новая деревня.

Некоторое время два селения существовали самостоятельно, но к середине XX века официально превратились они в одну деревню под названием «Гремячье».

Одна из уроженок этого живописного места, Клавдия Александровна Казакова, вдова участника и инвалида Великой Отечественной войны, проживавала в последнее время в райцентре Покровское. Она поделилась со мной некоторыми подробностями истории родной деревни.

Начну с самого Гремячего родника. Оказывается, других колодцев в Бугровке не было, и вода двух ключей десятки лет оставалась в деревне единственной и незаменимой. Её набирали в каждый дом для питья и

приготовления пищи, сюда, подходя чуть ниже, пригоняли поить скот (причём, и в зимнее время).

Очень давно, в конце XVIII или самом начале XIX века помещик Трубицин, чья усадьба находилась на противоположном берегу реки Труды, арендовал у местного крестьянского общества кусок земли, располагавшийся сразу под родниками Гремячего Колодезя. Здесь, силами своих крепостных, он выстроил большой пруд, с островом и беседкой на нём. А потом решился вообще на невиданное дело – поставил тут ещё и мельницу. Водный поток, шедший через созданный Трубициным пруд, был таким мощным, что его напора хватало для приведения в движение огромного верхнебойного колеса.

Мельница на двух поставах (две пары жерновов) сразу же стала очень популярной, и молоть зерно на неё приезжали даже из волостного села Дросково. Между плотиной и рекой был у Трубицина ещё и небольшой садок, в котором он разводил рыбу ценных пород – угощая ею своих гостей.

Старинный пруд Гремячего колодезя

Именно с этой уникальной мельницей связана одна трагическая история, о которой мне рассказали несколько старожилов деревни Гремячье.

Иван и Пелагея. История любви

Случилось это лет двести, а то и более, назад. Приехала однажды со своим отцом на Гремяченскую мельницу дочка дьякона из Дросковской церкви. Звали её Пелагея, и исполнилось ей недавно 16 лет. Зерно несколько

часов мололось, девичья помощь скоро закончилась, и Пелагея пошла погулять вокруг пруда, а потом и к родникам поднялась. Глядит, а там молодой, симпатичный, загорелый и босоногий парень скотину поит – коров и овец. И пока животные в жаркую погоду жажду утоляли, слово за словом, – познакомились парень с девушкой. Он сказал, что зовут его Иван, родители его, казённые крестьяне деревни Гремячей, пять лет назад сгорели во время пожара. Живёт он со старым, немощным дедом, а зарабатывает тем, что пасёт скотину у местных крестьян, а те его за это кормят. Зимой же в работники нанимается.

Пелагея, хоть и стеснялась вначале, но о себе тоже успела рассказать, что дьяконовская она дочка и в Дросково живёт. Недолгим был разговор, но запал он в душу каждому из них. Когда через месяц дьякон снова стал собираться на мельницу, Пелагея упростила отца с собой её взять.

Опять была короткая встреча с Иваном у родника, после которой почувствовали молодые люди, что друг без друга жить не могут. От Дросково до Гремячего – 15 вёрст, и просто так их не пройдёшь, но раза три или четыре в зимнее время Иван, когда с работой не было напряга, тайком приходил к любимой в Дросково. И в последнее посещение узнал, что отец Пелагеи собирается замуж её отдавать за вдового, хотя ещё и не старого, попа из недалёкого села Енино. Об этом с горечью сообщила Ивану сама Пелагея, заливаясь горячими слезами у него на груди: «Весной мне 17 лет будет, и отец Василий собирается сватов засылать». Ослушаться отца Пелагея не могла: «Что делать-то, Ванечка?»

Решился Иван, не дожидаясь весны, с дьяконом Дмитрием встретиться. Но разговор прервался, едва начавшись: «Ты, голь перекатная, дочь мою замуж взять хочешь? Ты что себе вообразил? Да на мою красавицу уже пять завидных женихов глаз положили – не тебе чета. Уходи подобру-поздорову, не то собак спущу!»

Покидал Иван дьяконовский дом чернее ночи, не зная, на что теперь рассчитывать. Правда, спустя месяц умерла у отца Дмитрия жена его, и сватовство пришлось отложить. Но с тех пор дьякон дочь от себя никуда не отпускал, а на ночь вокруг дома собак спускал, чтобы помешать возможной встрече влюблённых.

Прошло девять месяцев, и сказал однажды Дмитрий: «Готовься, Пелагея, сваты в следующее воскресенье придут, а свадьбу наметим на Троицу». После сватовства загрустила-запечалилась Пелагея, тише воды-ниже травы ходить стала, не улыбнётся, не засмеётся.

В ноябре, собрав хлеб собственный, вздумал дьякон на мельницу поехать. Может быть, и другую бы выбрал, чтоб избежать встречи с настойчивым Иваном, но на Гремяченской мельнице из всех окрестных мука самая лучшая получалась, крупитчатая, поэтому, всё-таки, дьякон и дочка его в Гремячей оказались.

Но, приехав на место, Дмитрий ни на шаг Пелагею от себя не отпускал, почти за руку держал, а она, рвавшаяся увидеть Ивана, возможно, в последний раз, так и не освободилась от присмотра отца: высыпала из небольших мешков зерно в жёлоб, по которому рожь в жернова на размол попадала.

И вот уже самые последние мешки с зерном были засыпаны, и дьякон стал домой собираться, подсчитывая, сколько же муки получилось. И тут вдруг увидели мужики, ждавшие своей очереди на помол, что кидается Пелагея прямо к жёлобу мельничному и с криком: «Простите меня, батюшка! Прощай, милый Ванечка!» бросается в него.

Пока жернова остановили, немало времени прошло. И когда тело Пелагеи вытащили на свет белый, не дышала она. Но – удивительное дело: руки-ноги и всё тело изломанными оказались, а лицо, по-прежнему, осталось красивым, только белым-белым, словно мрамор.

Не грузя муку, дьякон увёз погибшую Пелагею в Дросково, попросил батюшку, отца Василия из своей церкви, отпеть погибшую дочь. Не соглашался, было, Василий, но потом сам съездил в Малоархангельск и получил разрешение благочинного на отпевание самоубийцы. Пока шла процедура, Дмитрий молчал, а слёзы текли и текли – по щекам и длинной, ставшей в одночасье седой, бороде.

Ивану о смерти Пелагеи сообщили в тот же день, но когда он прибежал на мельницу, Дмитрий уже увёз дочь. На отпевание и похороны любимой Иван не поехал: не хотел видеть её мёртвой, а живой он представлял её каждое мгновение.

Через неделю гремяченские мужики и бабы не узнали Ивана: он похудел, высох, как щепка, хотя за скотиной ходил по-прежнему добросовестно. А ещё через месяц, когда пас Иван коров и овец неподалёку от Топкого Верха, вдруг пропал куда-то. Скотина вся поздно вечером сама по домам разошлась.

Наутро стали гремяченские коров и овец выгонять – нет Ивана. Искать пытались, но долгое время никаких следов найти не могли. Уже к вечеру, на самом краю болотины, обнаружил сосед Тимофей его чуни, снятые аккуратно, вместе с онучами.

Про Топкий Верх в Гремячем разное говорили: что тут провал подземный начинается, который до реки идёт. Наверное, угодил Иван в эту ловушку, да и сгинул. А может, сам туда бросился. К вечеру того же дня нашли и кнут Ивана – он оказался около другой мельницы, Рассудинской, выше в двух километрах по течению и в трёх километрах от Топкого Верха.

Вот так и закончилась история одной большой любви крестьянского парня Ивана и дьяконовской дочки Пелагеи.

Мельница и пруд в наши дни

Честно говоря, я долгое время думал, что рассказанное выше – всего лишь красивая и трагическая легенда. Однако, изучая в Государственном Архиве Орловской области протоколы заседаний Малоархангельского уездного суда, нашёл вдруг следующую запись о том, что сотский села Ворово Егор Дуров 15 ноября 1804 года прислал рапорт в этот суд, сообщая: *«в жолоб водяной мельницы на реке Труды попала и умерла от полученных ранений села Дроскова диакона Димитрия Косова девка Пелагея Никифорова».*

Здесь только одно несовпадение: погибшая была не дочерью дьякона Димитрия Косова, а его дворовой девкой (то есть работницей) Пелагеей Никифоровой. Так что, вполне возможно, вся эта, передаваемая из поколения в поколение уже 200 лет, легенда, - имела место быть.

Что касается Гремяченской мельницы, то уже в советские времена она перешла в колхоз и благополучно просуществовала аж до середины 60-ых годов XX века. Помещичий пруд сейчас заметно усох и обмелел (хотели было его несколько лет назад почистить, но из задуманного только спуск воды сумели осуществить, а до самой чистки дело не дошло). Теперь он ещё и камышом зарос, став убежищем диких уток и серых цапель, полюболивших здешние места.

А о Топком Верхе Клавдия Александровна Казакова мне сказала, что сама была свидетельницей, как бросали в этот «Провал» шелуху зерновую, лузгу, и она как раз к Рассудинской мельнице выплывала. Пытались деревенские мужики измерить глубину провала, - шестиметровых слег не хватило. Вероятно, там, в глубинах известняков, течёт мощная подземная река, которая через два километра впадает прямо в реку Труды в районе Рассудинской мельницы.

Да, такие вот красоты и сопутствующие им легенды есть у нас в Покровском районе. Очень хочется, чтобы с ними познакомилось как можно больше народу. Но для этого нужно дорогу к Гремячему Колодезю подремонтировать и пруд в Божеский вид привести, хотя бы отдалённо напоминающий тот, что сумел создать и долгие годы в порядке содержал помещик Трубицин.

Как брат у брата невесту отбил

Эту историю я услышал лет пятнадцать тому назад от одного жителей села Столбечкое (Покровский район), потом, через несколько лет, в том же селе, уже от другого рассказчика, получил подтверждение этой легенде, правда, с небольшими вариациями.

Братская любовь

Итак, «...почти двести лет тому назад поселился в Столбечком, уйдя в отставку, боевой генерал, участник Бородинского сражения, по фамилии Маслов. Жена у него молодая была, нерусская, из полячек, Имрика её звали. Жили они дружно, хозяйство вели да детей растили. Но скончался вскоре генерал, оставив большое наследство двум своим сыновьям – Ивану и Михаилу. Младшему Михаилу досталось родовое столбечкое имение, а старший Иван получил участок с домом в Орле. Разъехались братья по своим владениям, мать скоро замуж вышла за питерского богача и уехала в столицу, забыв о первом муже-генерале. Но Иван и Михаил в Столбечком, на годовщины смерти любимого родителя, всегда встречались на местном кладбище у Владимирской церкви.

И встретили здесь однажды братья скромно и траурно одетую молодую девушку, стоявшую неподалёку от них у одной из могил. Так получилось, что вместе все трое с кладбища уходили. Познакомились. Выяснилось, что отец Софьи, помещик сельца Емельяновка, недавно умер, и живёт девушка с маменькой и младшим братом. Хозяйство у них небольшое, но им на содержание хватает.

С тех пор неженатые братья потеряли покой и сон, влюбившись, как мальчишки, с первого взгляда, в совершенно им до этого незнакомую и очень молодую особу. Софье ведь только-только 16 лет исполнилось.

Но если Михаил Маслов в Столбечком жил и мог в соседнюю Емельяновку, чтобы повидать красавицу, хоть каждый день (якобы, ненароком) заезжать, то Ивану из Орла приходилось полторы сотни вёрст каждую поездку делать. Время шло, и между прежде неразлучными братьями как будто чёрная кошка пробежала.

А избранница их Софья никак не могла определиться — кому предпочтение отдать: братья были похожи ростом, статью, обхождением. Короче, год прошёл, а всё на том же месте. И договорились однажды Иван и Михаил, что предложат красавице выбор, всё-таки, сделать — но после показа ей чуда дивного. И чьё чудо глянется Софье больше — тот и сделает ей предложение, а другой больше не станет рядом мельтешить. На том и порешили.

Как в Столбечком воздушного шара испугались

Прошло ещё полгода, прежде чем устроили братья настоящее народное представление, которое всё село Столбечкое помнит и 150 лет спустя. Но главным зрителем и критиком была, конечно же, Софья.

Иван Маслов привёз в Столбечкое на трёх вместительных телегах какое-то необычное имущество, и когда он стал всё это выгружать, а потом и собирать, то народ ахал, охал, кричал и визжал от восторга и удивления. Когда же к большой плетёной корзине Иван привязал полотно, зажёл горелку, и полотно на глазах зрителей стало превращаться в шар, то столбечкие мужики, бабы и ребятишки от страха разбежались в разные стороны.

Красавица Софья не убежала, хотя ей тоже было не по себе. Она дождалась картины подъёма воздушного шара вместе с сидевшим в корзине Иваном Масловым в небо — высоко-высоко. Но картина эта — как зрительницу — Софью совершенно не впечатлила, тем более что сильный ветер унёс шар за несколько вёрст, и первый орловский воздухоплаватель возвратился в Столбечкое только поздно к вечеру. Как раз к началу представления, которое подготовил младший брат Михаил.

Файер-шоу 150 лет назад

За полгода его крестьяне в глубокой балке рядом с помещичьим домом соорудили большой пруд почти идеально круглой формы, который за несколько месяцев заполнился чистойшей, изумрудно-прозрачной водой. На

берегах этого пруда и разместились многочисленные зрители, уже отошедшие от испуга, которому их подверг старший Маслов.

Как только стемнело, спектакль начался. Это был именно спектакль, в котором все действия были тщательно продуманы и отрепетированы.

По периметру пруда, у берегов, стояли восемь лодок с вытянутыми носами, к которым были прикреплены длинные шесты. На концах этих шестов наиболее зоркие из жителей рассмотрели что-то привязанное.

Уже стемнело, когда появился Михаил Маслов. Дворовые принесли кресла, в которые усадили почётных гостей-помещиков, а в центре – красавицу Софью. Михаил взмахнул рукой, и представление началось.

На всех восьми лодках одновременно появилось по два человека. Один садился за вёсла, а другой подносил имевшийся у него в руках факел к тому, что было привязано на длинном шесте на носу плавучего средства. Оказывается, это были приготовленные заранее факелы, которые загорелись ярким пламенем, осветив берега пруда.

Факельщики, выполнив свою работу, покинули лодки, а оставшиеся гребцы заработали вёслами, направляя лодки в центр пруда, навстречу друг другу. Когда плавательные средства сблизилась друг с другом так, что образовали круг диаметром примерно 20 метров, зрители дружно ахнули, поскольку вода в центре пруда вдруг вспыхнула языками огня. Огонь взметнулся вверх, к кронам деревьев, которые тоже загорелись, и зрители чуть было не рванулись бежать, но...громкий смех Михаила Маслова всех остановил.

Это была только иллюзия – и пруд не горел, да и деревья тоже. Но каким-то неведомым способом свет горящих на носках лодок факелов отражался дважды – и в воде, и на 20-метровой высоте парковых деревьев.

А когда гребцы на лодках стали их вращать вокруг собственной оси, работая одним веслом, факельное зрелище стало ещё фантазмагоричнее *(наверное, было почище, чем современные фэйер-шоу – А.П.)*.

Всё продолжалось около получаса, а потом внезапно наступила на пруду полная темнота, которая поглотила всю огненную красоту. Софья была в восторге, и объяснять что-либо братьям ей не было необходимости.

Жизнь в зазеркалье

Секрет прудового спектакля Михаил Маслов объяснил молодой жене вскоре после свадьбы. Всё дело было в двух десятках больших зеркал, уложенных на дне построенного пруда, и таком же их количестве, прикреплённых к большим веткам деревьев. Расчёты помог сделать один из питерских учёных, родственник нового мужа матери.

Иван Маслов после этих событий покинул Столбечкое навсегда и, по слухам, потом разорился, увлёкшись производством воздушных шаров.

А Михаил, оставшись хозяином столбечкого имения, через некоторое время совершенно изменился, превратившись в пьяницу и изувера, издевавшегося крестьянами, над собственной женой и маленькой дочерью. В

конце концов, царь лишил его дворянства и отправил в ссылку в Сибирь, где он и умер.

Что касается масловского пруда, он цел и до сих пор. Правда, зеркал на его дне давно нет. Их вытащили местные предприимчивые мужики во времена НЭПа и выгодно продали. А те, что висели на деревьях, были сняты сразу же после представления. Вот так!» - завершил повествование мой второй рассказчик.

Достаточно скоро я многому из рассказанного нашёл подтверждение в документах Государственного архива Орловской области. Правда, фамилия генерала, героя Бородинского сражения, и его сыновей Ивана и Михаила оказалась чуть другой - Мацневы. Но генерал Михаил Николаевич Мацнев действительно умер в селе Столбцкое, и жена его действительно была нерусская – Эмерика (Емерика) Адамовна. Старший сын генерала Иван стал первым орловским воздухоплавателем и первым русским воздушным разведчиком. А младший, Михаил, - на самом деле превратился в садиста, которого наказали точно как в легенде.

Вревские (история одной короткой любви)

Один из самых богатых людей России конца XVIII-начала XIX века, государственный деятель и дипломат, действительный тайный советник I-го класса и гофмаршал, вице-канцлер и сенатор, предводитель дворянства Санкт-Петербургской губернии и член Государственного Совета, отмеченный всеми высшими орденами России того времени, лучший друг императоров двух стран, князь Александр Борисович Куракин никогда не был женат. И вовсе не по причине того, что был женоненавистником, нет, как раз, наоборот: он обладал «неодолимой страстью к прекрасному полу». А причина, заставившая князя ни разу не связать себя узами брака, заключалась, по словам некоторых современников, в том, что он с юношеских лет стал масоном. Другие утверждали, что Куракин не мог жениться из-за своей должности бальи (управляющего) Мальтийского ордена. Того самого, который в 1797 году Павел I принял под своё покровительство и в котором бальи (это - одна из высших должностей ордена) давал, как будто бы, обет безбрачия.

11 Сердобиных + 6 Вревских = Куракины

Но – не воздержания. В разных слоях российского общества Александр Борисович имел многочисленные связи, последствием которых было (по приблизительным данным) до 70 побочных детей. Поскольку, по отзывам современников, князь Куракин обладал добрым сердцем, некоторым из своих отпрысков он постарался обеспечить достойное будущее. Одиннадцать сыновей и дочерей князя в июне 1802 года получили баронское достоинство

Римской Империи как Сердобины (фамилия – от реки в Саратовской губернии, где находилось имение князя).

А в 1808 и 1822 годах (уже после смерти Куракина) были возведены в баронское достоинство Австрийской империи под фамилией Вревских ещё шестеро – Борис, Степан, Мария, Александр, Павел и Ипполит, которые, благодаря такой заботе отца, получили наследственное дворянство и соответствующее положение в обществе. Князь дал им своё отчество – Александровичи, а фамилия «воспитанникам» (так сам светлейший называл своих детей) досталась от одноименного погоста, располагавшегося в Островском уезде Псковской губернии, где у Куракина тоже имелось подаренное ему Павлом I имение.

Барон Ипполит Вревский

Баронесса Юлия Вревская

На Орловщине из всех Вревских известна, наверное, только Юлия Петровна – та, которой Иван Сергеевич Тургенев посвятил знаменитое стихотворение в прозе: *«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный госпиталь, в разорённой болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа...»* Этой замечательной женщине, организовавшей на собственные средства санитарный поезд для помощи раненым во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов, лично и бескорыстно работавшей в нём и умершей на боевом посту, посвятили стихотворения также Яков Полонский и Виктор Гюго, а вспоминали баронессу Вревскую добрыми словами все, кому хоть раз довелось её увидеть. Когда же в обществе заходила речь о семейном положении Юлии Петровны, говорили: *«Вдова генерала, с которым до его трагической гибели прожила она меньше года»*.

Ипполит Вревский – герой Кавказской войны

Так что об Ипполите Александровиче Вревском чаще писали просто как о муже ставшей известной своей жертвенностью женщины. А между тем этот человек достоин того, чтобы его чрезвычайно интересную и героическую биографию, особенно на Орловщине, знали несколько лучше, чем сейчас.

Ипполит, был, по-видимому, самым младшим из сыновей князя Куракина: он родился весной 1814 года (в некоторых источниках называется 1813 год), когда любвеобильному отцу было уже за 60.

О детских годах Ипполита Вревского нам мало что известно. А в 18-летнем возрасте он начал военную службу, будучи зачисленным в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Ипполит Александрович учился здесь вместе с Лермонтовым, своим одноклассником. Будущий великий русский поэт, по словам одного из соучеников, А.Есакова, относился к Вревскому с большим уважением. Именно в школе юнкеров Ипполит Александрович стал образованным офицером с широким кругозором и солидным знанием военной истории и основ военного искусства.

В 1833 году Вревский был произведён в прапорщики Лейб-гвардии Финляндского полка и поступил в Военную Академию, по окончании которой был зачислен в Генеральный штаб и направлен на Кавказ, где и протекла вся его дальнейшая служба.

Послужной список И.Вревского свидетельствует о блестящей карьере молодого офицера. Благодаря исключительным военным качествам, он стремительно продвигался по служебной лестнице, получая не только благосклонные отзывы известных военачальников, но и быстро снискав уважение и признательность солдат и подчинённых.

В первой своей боевой экспедиции, предпринятой в 1838 году в составе группы Раевского, Ипполит Александрович отличился при штурме Аргуани (восточное побережье Чёрного моря), где получил ранение и удостоился чина капитана.

В следующем году с экспедицией Граббе Вревский находился в Северном и Нагорном Дагестане. В 1840 году, выйдя из крепости Грозной и перейдя через Качкалыновский хребет, он участвовал в усмирении Чечни, в 1841 году – сражался с отрядами Шамиля. В 1842 году за постройку укрепления и удачно выполненную операцию был награждён орденом Станислава 2-ой степени и произведён в подполковники.

В 1844-1845 годах Ипполит Вревский участвовал в нескольких походах. Отличившись в делах при Рогнооре, близ горы Кек, у Тамалды, был в первый раз награждён золотым оружием «За храбрость».

После присвоения в 1845 году чина полковника и назначения командиром Навангинского пехотного полка, Вревский в течение четырёх лет находился с ним на Левом фланге Кавказской линии, участвуя во многих экспедициях вглубь Чечни. В 1849 году Ипполит Александрович был произведён в генерал-майоры, а через год назначен начальником

Владикавказского военного округа. В течение трёх лет охранял пограничную линию от неоднократных покушений Шамиля, за доблесть и распорядительность был во второй раз награждён золотым оружием (с бриллиантами) и надписью «За храбрость», а вскоре удостоился ордена Св. Георгия 4-ой степени.

Если провести аналогию с более известным на Орловщине генералом Ермоловым, то можно сделать вывод: Ипполит Александрович Вревский успешно продолжал дело своего старшего товарища по наведению порядка на Кавказе. Кстати, тут время провести и другую аналогию. Русские офицеры, находясь в этом регионе длительное время, обзаводились местными жёнами, не регистрируя свои браки. Так было у Алексея Петровича Ермолова, то же самое произошло с героем нашего рассказа. Впрочем, у Ипполита Вревского был и свой собственный пример для подражания.

«Бесконечно добрая Юлия»

Ни один из источников не сообщает нам имя гражданской жены барона. По одним данным, она – черкешенка, по другим – просто «терская горянка». К 1852 году у начальника Владикавказского военного округа, генерал-майора Вревского, было уже трое детей, но вскоре после появления на свет сына Николая жена-горянка скончалась. Незаконнорожденные дети носили фамилию Терских, а их воспитание, в силу занятости службой, генерал поручил родным брату и сестре.

Прошла ещё пара лет и, находясь как-то в гостях в Ставрополе у друга-генерала Петра Варпаховского, Ипполит Александрович увидел знакомую ему с детских лет Юлию, Жюли, дочь хозяина. Увидел – после долгого перерыва – и влюбился: *«Я тебя ещё не известил о моём очень скором браке с Юлией Варпаховской,- писал он вскоре брату. – Жюли...блондинка, выше среднего роста, со свежим цветом лица, блестящими умными глазами; добра – бесконечно. Ты можешь подумать, что описание это вызвано моим влюблённым состоянием, но успокойся, это голос всеобщего мнения».*

Женившись на юной Юлии, Ипполит Александрович увёз её во Владикавказ, где у генерала был собственный дом. 17-летней молодой жене нелегко было выполнять обязанности хозяйки (ей часто приходилось встречать многочисленных посетителей и гостей), но ведь она была дочерью военного, хорошо знала быт кавказских офицеров и потому внесла в семью жизнерадостность, сердечность, тепло, нежность. Не забывала Юлия Петровна и о незаконнорожденных детях мужа, окружив их заботой и вниманием.

Но семейное счастье Вревских было недолгим: генерал-лейтенант (этого звания Ипполит Александрович был удостоен в 1856 году) вернулся к исполнению обязанностей командующего войсками Лезгинской кордонной линии. В 1857 году Вревский предпринял две удачные операции в земли непокорённых до той поры дидойцев и в третий раз удостоился золотого оружия с надписью «За храбрость». В 1858 году он снова выступил туда, взял штурмом три каменных укрепления с орудиями. Но эта экспедиция оказалась

роковой и последней для Вревского: 20 августа, при штурме аула Китури (*Мзгинские высоты, ныне – Цунтинский район Дагестана – А.П.*) он был смертельно ранен ружейной пулей.

Раненый генерал был перевезён в город Телав (*Тифлисская губерния, ныне – город Телави в Грузии – А.П.*), где 29 августа 1858 года скончался на руках у своей жены Ю.П.Вревской. Ипполит Александрович завещал похоронить себя рядом с братом Павлом в Успенском соборе в Крыму или во Владикавказе около храма, сооружённого на его средства. Однако однополчане и грузинская знать уговорили Юлию Петровну похоронить его в Телаве, в Свято-Успенском соборе. Через пять лет генералу Вревскому установили на могиле памятник из чугуна с решёткой, заказанной в Париже.

В Кочубеевском районе Ставропольского края есть хутор Вревский. Он раскинулся в живописном месте, на северо-западе Ставрополя близ границы с Краснодарским краем. И название своё хутор получил в память о герое Кавказской войны, генерал-лейтенанте Ипполите Вревском.

Орловские помещики Вревские

А теперь последнее. Не стал бы я писать столь подробно о генерале, даже если б он был мужем баронессы Юлии, которой посвятил своё стихотворение Тургенев, если бы совсем недавно не выяснил, что Ипполит Александрович, ко всему прочему, был известным орловским помещиком.

Итак, согласно данным «Ревизских сказок владельческих крестьян» за 1858 год (10-ая перепись, ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр. 401), в Малоархангельском уезде Орловской губернии генерал-лейтенанту и Кавалеру Ипполиту Александровичу Вревскому принадлежали: деревня Степановка (40 дворов, 146 крестьян мужского пола и 149 – женского), деревня Берёзовка (23 двора, 61 и 68), сельцо Мишково (40 дворов, 163 и 169) и село Покровское (49 дворов, 156 крестьян мужского пола и 183 – женского). Всего, в четырёх населённых пунктах, Ипполиту Вревскому принадлежало 152 крестьянских двора с 1095 крепостными душами.

Если ты, читатель, обратил внимание, то год, в течение которого проводилась 10-ая перепись населения, совпал с датой гибели генерал-лейтенанта Вревского, но Ипполит Александрович ещё значится в этих документах живым. Поскольку детей законнорожденных, от брака с Юлией Петровной Варпаховской, у героя Кавказской войны не успело появиться, а дети от горянки не имели права наследования, то все орловские имения И.А.Вревского перешли к вдове генерала. Одно из этих имений баронесса Вревская и продала для организации санитарного поезда, с которым отправилась на помощь раненым. И там, в других горах, Балканских, и на другой войне, русско-турецкой, 20 лет спустя её беспокойная душа соединилась, наконец, с душой любимого мужа, чтобы не расставаться им уже никогда.

Барышня-крестьянка и рыцарь-помещик

Может быть, давно, а может, и не очень – лет сто тому назад жил в селе Смирные Малоархангельского уезда один помещик. Звали его Николай Киреевский, и принадлежал он к известному в Орловской губернии дворянскому роду – тому самому, из которого были знаменитые братья-славянофилы Петр Васильевич и Николай Васильевич.

Отца у этого Николая звали Алексей, и оставил он сыну, в общем-то, небольшое, но крепкое хозяйство – 200 десятин земли и аккуратный, красивый, как игрушка, двухэтажный домик, стоявший на берегу построенного им же пруда.

Отставная жизнь

Военная жизнь Николаю Алексеевичу Киреевскому никогда не нравилась, но и гражданская как-то не пошла, и потому он крепко осел в своем имении Орловка, занялся его укреплением и украшением.

Прежде всего, Киреевский прочистил и расширил пруд, созданный его почтенным родителем. Протекавший здесь ручей с иностранным именем Невада нес воду чистую, как слеза, и в пруде вода этой чистоты не теряла. Рыба, которую запустил в пруд помещик, была обычная – карп и карась, но в кристально чистой водной массе красный карась и зеркальный карп казались сказочными, когда на утренней или вечерней зорьке начинали свои рыбы игры.

А однажды смирновские крестьяне, проходя мимо пруда, увидели в воде чудо, невиданное в этих местах, – пару черных лебедей, грациозно проплывавших около плотины. Как потом в селе рассказывали, помещик этих ручных лебедей откуда-то издалека привез, заплатив за них большие деньги.

Любил Николай Алексеевич стоять у берега пруда и, бросая в воду кусочки белого хлеба, наблюдать, как не спеша, с достоинством подбирают его лебеди. Завел себе Киреевский и небольшую лодку, на которой регулярно совершал прогулки по своему водному богатству (часто с парой удочек).

Алексей Николаевич, его отец, заложил, было, регулярный парк (по английскому образцу) на той же стороне, где стоял усадебный дом, но до конца дела не довел – умер.

Сын продолжил и это, высадив несколько сот разнообразных деревьев. Они составили три 200-метровых аллеи, выходившие к дому. Самая нижняя из аллей шла параллельно ручью, впадавшему в помещичий пруд. Уже через несколько лет «аглицкий парк», как называли его местные крестьяне, стал вторым (после пруда) местным украшением, появились в нем и грибы (с годами крестьяне были знакомы и так).

Четвертый десяток уже шел Николаю Алексеевичу, а хозяйки имения у него все не было. Ни одна из соседских помещичьих невест, как ни пытались они привлечь внимание непьющего, некурящего, хозяйственного Киреевского, не сумела покорить его сердце.

Прекрасная незнакомка

И вот однажды... шел Николай Алексеевич от дома к пруду на свое любимое место, искупаться перед сном на вечерней зорьке решил. Подходя к берегу, услышал вдруг плеск и энергичные шлепки по воде.

Разозлился помещик — кто это здесь на его месте развлекается? (Вообще-то, как я уже сказал, он был добрым человеком и разрешал в пруду своем купаться крестьянам села Смирные. Крестьянские дети с удочками иной раз тоже сиживали на берегу — Киреевский не прогонял их). Но тут другое дело: место для купания было оборудовано по указанию помещика так, что подход к нему шел удобный, а потом сходни дощатые спускались прямо в воду — Николай Алексеевич частенько нырял с них.

Киреевский отодвинул рукой кусты и хотел было уже закричать, прогнав незваного купальщика, да так и замерла его рука, а приоткрытый рот не издал ни звука.

Спиной к нему на его помосте сидела девушка и, свесив длинные волосы влево, к воде, чем-то их мыла. Уходящее за горизонт красное солнце осветило ее тело, и помещик чуть не вскрикнул от восхищения, а когда она встала и повернулась вполоборота к берегу, Киреевский увидел ее лицо, плечи, грудь — и пропал!

Задыхаясь от восторга, он осторожно отпустил куст и услышал, как девушка бросилась в воду и поплыла — вразмашку, быстро, к противоположному берегу.

Николай Алексеевич понял, что она из ближнего села Смирные. Пару раз после этого он, как вор, наблюдал за нею из-за кустов, когда она приплывала сюда, но никак и ничем не выдавал своего присутствия.

Потом он узнал, что его купальщица не девушка вовсе, а крестьянская жена Ольга Ловчикова и у нее двое детей (хотя и лет-то ей всего двадцать).

Известие об этом душевный жар Киреевского не затушило, а лишь усилило. Спустя неделю, чуть не напугав Ольгу до смерти и дав ей возможность одеться, Николай Алексеевич познакомился с чужой женой.

Обольщать помещик умел — данные у него для этого были как внешние, так и внутренние, недаром соседские помещицы дочери мечтали о том, когда же он кого-то из них выберет в качестве хозяйки имения Орловка.

И вот, наконец-то, Киреевский нашел свою избранницу — такую, что уже через месяц о его романе узнали в уездном Малоархангельске. Узнали и осудили, пробовали уговорить отказаться, стыдили. Безрезультатно.

Но если у Николая Алексеевича страдания были только моральные, то Ольгу муж несколько раз бил смертным боем. Но, вышедшая замуж по указке родителей, здесь она слушала только свое сердце, и поэтому, с синяками и шишками, бежала к пруду, где ее уже ждал любимый барин Николай Алексеевич.

Сделка

Однако и Киреевский просто путаться с чужой женой не собирался. Однажды он явился к Ольгиному мужу и предложил ему сделку — если он

договорится в церкви и крестьянину Ловчикову разрешат развод, он, взяв в жены Ольгу Григорьевну, позаботится и о его детях, а мужу - в качестве компенсации – подарит десять десятин земли.

Сделка состоялась, хотя и не сразу. Три года ушло у Николая Киреевского на поездки в Орел и Малоархангельск. Он сумел убедить всех, что Ольга Григорьевна – это его жизнь, много раз замаливал свой грех прелюбодеяния, стоя на коленях. Но, в конце концов, в Успенской церкви села Смирные в присутствии всех местных крестьян Киреевский обвенчался со своей любимой.

Двух детей Ольги Григорьевны Николай Алексеевич воспитывал как своих, а от большой любви родился у них вскоре общий сын Георгий.

Георгий вырос, женился и уехал куда-то в столицу. Хозяйкой имения Орловка стала после смерти мужа Ольга Григорьевна. К своим смирновским соседям, став барыней, она относилась, как и муж, по-доброму. Потому крестьяне ее уважали и любили.

Николай Алексеевич Киреевский скончался в 1907 году, и 10 лет – до революции – хозяйство вела его жена. Часть земель, испытывая финансовые затруднения, она продала во время первой мировой войны, сама же после революции куда-то уехала (может быть к сыну). Следы Ольги Киреевской затерялись в бурные годы революции и гражданской войны.

Когда хозяева помещичьего дома уехали, некоторое время в нем была трудовая коммуна из пришлых людей, руководил которыми Семен Бондарев из соседней Новой Слободки. В конце 20-х годов, когда коммуна прекратила свое существование, в имение переселилось несколько семей из деревни Непочатой, где не хватало свободных земель.

Жить сообща в большом двухэтажном доме переселившиеся не захотели, и потому для постройки своих домов они разобрали двухэтажный дом Киреевских да вырубili часть деревьев в парке – так возник на месте имения Орловка населенный пункт с тем же названием. В 1932 году в нем уже проживали 165 жителей.

Через 100 лет

Сейчас в Орловке в шести домах 11 жителей, все пенсионеры. Отец одного из них – Кима Ивановича Заикина – был как раз в числе тех, кто переселялся из Непочатой сюда, в Орловку. А дом Заикина и до сих пор держится на тех столетней давности бревнах из имения помещика Киреевского.

Сохранилась часть парка, аллеи которого подзаросли, но все-таки, если знать, где идти (а Ким Иванович Заикин, проживший здесь всю жизнь, знает – он-то и показал нам аллеи), они хорошо просматриваются. На месте помещичьего дома только яма от фундамента, зато сохранился барский колодец с вкуснейшей питьевой водой (неподалеку от колодца и произошла встреча Николая Киреевского с Ольгой Ловчиковой). Этой водой пользуются жители Орловки и приезжающие сюда на отдых покровчане.

Всю же историю любви помещика к крестьянке рассказала мне старейшая жительница Орловки, к сожалению, уже умершая, Матрена Павловна Гревцева.

Многое в жизни она повидала и испытала. Когда началась война, и муж ушел на фронт, осталась Матрена одна с малолетними детьми. Немцы оккупировали деревню, где она жила тогда, выгнали ее из дома – пришлось скитаться по подвалам. А во время освобождения сгорел дом (немцы сожгли его при отступлении), и несколько месяцев, не имея крыши над головой, ночевала Матрена Павловна в подвалах или просто под телегой, вместе со своими детьми.

Потом был тяжелый труд – копала, носила, косила. Только наладилась жизнь – дети выросли и разъехались, умер муж.

Нелегкую и длинную жизнь прожила Матрена Павловна Гревцева. И светлым пятном в памяти 85-летней старушки навсегда осталась история любви помещика и крестьянки.

Рассказывала Матрена Петровна – лицо светилось, а подробности такие вспоминала, будто вчера все видела.

Имена помещика и жены его – крестьянки – подлинные, проверял я потом и удивлялся. Такая вот история любви, похожей на сон.

Р.С. А Смирновский пруд сейчас - одно из любимых мест отдыха жителей Покровского района. Но приезжающие на его берега даже и не догадываются, какая романтическая история произошла здесь 100 лет назад.

Красный боярышник

Каждый раз, бывая осенью в селе Вязовое (Покровский район – А.П.) и неторопливо проходя по окраине его, недалеко от вязовского кладбища, удивлялся я полыхавшим алым цветом у самой дороги зарослям боярышника. Дело в том, что кустарник этот сравнительно редок для наших краёв, а уж в таком количестве – тем более.

В конце сентября этого года, приехав в Вязовое специально за ягодами боярышника (очень полезны они при разных заболеваниях), разговорился я с местным старожилом, чей дом находится как раз напротив этих живописных и ярких колючек. Назову его «Григорий» (почему не раскрываю настоящее имя моего собеседника – поймёте дальше – А.П.).

«Знаете, а ведь все эти боярышниковые заросли – дело рук одного человека. Не было раньше у нас в Вязовом таких ягод. Сто лет тому назад он их посадил, а теперь вот кусты разрослись», - так начал Григорий Ильич свою не совсем обычную историю.

Любовь кавалериста

Всё, что поведал мне рассказчик, он, по его словам, узнал от бабушки, Прасковьи Ивановны. Итак, в пяти верстах от Вязового, в деревне Зиновьевой, жили в конце XIX века барин с барыней, фамилию которых, за давностью лет, Прасковья Ивановна запомнила, но утверждала, что начинается она на букву «Ч» - то ли Черниковы, то ли Черемисины, то ли Черкасовы (*эти фамилии распространены в наших местах и по сей день – А.П.*). В Вязовом барин с барыней появлялись изредка, по большим праздникам посещая местную Спасскую церковь.

Помещики для местных крестьян вообще были людьми другого сорта, а эти, подъезжая тройкой лошадей, на красивой карете, и вели себя необычно. Барин, выходя сам, подавал руку жене, помогая ей спуститься по ступеньке, а потом, взяв её под руку, вёл в церковь.

Про зиновьевского помещика вязовским мужикам и бабам рассказал его кучер, привозивший «Чер...-ых» в Вязовое. Его неграмотное, но красочное повествование поразило деревенских до глубины души.

Когда «Чер-у» было лет 25, служил он в кавалерийской части, квартировавшей где-то в Малороссии. Красивый, статный, грамотный, умевший вести светский разговор, пользовался барин у тамошних прелестниц большой популярностью. Но однажды угораздило его встретиться на окраине села с барышней, которую он ещё не знал. Красавица писаная, скромница, она в этот момент боярышник собирала (как потом оказалось, батюшка её очень любил вино из этих ягод).

Любовь была мгновенной, страстной и взаимной. Через две недели молодые уже жить не могли друг без друга, и зашла речь о свадьбе. Но родители и жениха, и невесты были категорически против брака дворянина и дочки попа.

И тогда «Чер...» оставил военную службу и тайком увёз жену в своё имение, где обвенчались они сразу же и зажили душа в душу. Когда родился у молодых уже третий ребёнок, простили их и родители.

Потом началась война с турками. Ушёл барин волонтером воевать, вернулся через год весь израненный, врачи сказали, что не жилец он на белом свете. Но барыня какими-то травами и ежедневным уходом спасла приговорённого мужа. Поправился он. И к жене своей ещё крепче привязался, никогда не покидал её надолго.

И так получилось, что умерла она раньше его. Вот с тех пор вязовские жители стали видеть барина гораздо чаще, потому что могилу жены на местном кладбище он посещал почти каждую неделю.

Но как-то отсутствовал помещик больше месяца, а когда приехал - привёз большой мраморный памятник, на котором выбито было имя покойной супруги. Установил барин этот памятник, могилу жены благоустроил, а по углам ограды посадил какие-то необычные для здешних мест кусты.

А на следующий год помещик скончался сам. Похоронили его, как он завещал, рядом с женой. Дети их к этому времени стали взрослыми и,

похоронив отца, разъехались по своим домам. Зиновьевское родительское имение они продали.

Склеп, памятник, память

Лет сорок потом прошло. Уже и забывать про «Чер...-ых» в Вязовом стали. Церковь Спасскую в начале 30-ых годов XX века сначала закрыли, а потом всё имущество её растащили в разные стороны. Дошла очередь и до надгробных плит со старого кладбища. Здешний председатель колхоза приказал их на фундамент для строящегося коровника использовать. А некоторые из местных жителей, воспользовавшись моментом, надгробные памятники для своих нужд приспособили.

Скоро от Спасской церкви и кладбища вокруг неё остались только руины, заросшие колючим боярышником. Здесь частенько играли в войну местные ребятишки. Был среди них и тогдашний ученик Гриша, мой собеседник.

Во время одной из баталий кто-то из вояк-пацанов внезапно провалился в незнакомую яму. Испугался вначале и даже заорал: «Ребят, помогите!» Мальчишки на помощь прибежали, вытащили товарища, а потом уже добровольно заглянули в обнаруженное подземелье. И сначала тоже испугались увиденному. Но, подзуживая друг друга, всё-таки, рискнули забраться внутрь и обследовали подземное помещение. Это был склеп, посреди которого стояли два гроба. Крышку одного ребятам сумели сдвинуть, и маленький Гриша навсегда запомнил небольшой стеклянный флакон со стеклянной же пробкой на нём. Один из старших ребят эту пробку вынул, и всё подземелье наполнил аромат, которого никто из пацанов никогда не осязал: это были французские духи, стоявшие в изголовье погребённой в склепе женщины.

Вот тогда-то от бабушки услышал впервые Григорий историю жизни и удивительной любви барина и барыни. Бабушка потом не раз её, уже с новыми подробностями, повторяла.

Склеп же на следующий день по приказанию председателя колхоза бульдозером был засыпан землёй так, чтобы никто не смог добраться до обнаруженного подземелья: боялся глава хозяйства несчастного случая и гибели детей. А уже через год всё пространство на месте происшествия поросло травой забвенья. Ничего не осталось на поверхности, что напоминало бы о тех стародавних событиях.

«И это всё?» – с сожалением спросил я Григория Ильича. «Ну да, почти, – загадочно улыбаясь, сказал он, – пойдёте со мной, покажу кое-что».

Мы подошли к его дому, и хозяин обратил моё внимание на фундамент, одна из сторон которого, обращённая к дороге, представляла собой цельный блок длиной около двух метров.

Когда я к нему пригляделся, то ахнул: это была надгробная мраморная плита. Григорий Ильич дал согласие, чтобы я немного откопал её от земли,

очистил от грязи (лопату и воду он тут же принёс). И через пятнадцать минут работы мы уже вместе с ним смогли прочесть два коротких текста.

Верхний из них гласил: *«Жена ротмистра Зинаида Ивановна Черкасова. Скончалась 7 мая 1895 года. В замужестве была 33 года».*

На втором была врезана в мрамор сентиментальная надпись в стихах:

«В заботах обо всех истратила ты жизнь и силы,

Была ты другом, доброю и верною женой.

Вырыл рядом я с тобой могилу,

И вместе будем мы в земле сырой,

Проя у Господа грехам прощенья

До дня всех мёртвых воскрешенья».

Та самая надпись на плите

Григорий Ильич объяснил мне, что дом этот купил он двадцать лет назад у одного из наследников умершего его хозяина. Плиту надгробную, вмонтированную в фундамент, обнаружил не сразу. И теперь каждый год по весне думает, как бы вытащить её и заменить кирпичной кладкой. Однако сделать это не так просто: старое здание может просто развалиться. А потому попытка извлечь памятник ротмистрше Черкасовой на свет Божий откладывается до придумывания подходящего способа, гарантирующего сохранность дома.

Но, надеюсь, это, всё-таки, произойдёт, и памятник *Большой Любви* займёт своё законное место у боярышниковых зарослей.

Валерия и трое её мужчин

В середине 50-ых годов XIX века один за другим скончались тульские помещики, владельцы села Судаково, отставной поручик гвардии, Владимир Михайлович и его жена Евгения Львовна Арсеньевы. Осталось после них четверо несовершеннолетних детей: сёстры Валерия, Ольга, Евгения и их малолетний брат Николай. Сосед по ближнему имению Ясная Поляна Лев Николаевич Толстой согласился быть их опекуном (Арсеньевы и Толстые знали с давних пор – А.П.) и со второй половины 1856 года начал постоянно приезжать в Судаково.

Невеста Льва Толстого

Старшей из трёх дочерей Арсеньевых, Валерии, исполнилось к этому времени 20 лет (на всякий случай, скажу, что по законам Российской

империи совершеннолетие наступало с 21 года – А.П.), и была она, по словам увидевшего тогда её впервые Льва Толстого, «очень мила».

Льву Николаевичу исполнилось в 1856 году 28 лет. Он за предшествующие годы успел многое. В 22 - пережил первую несчастную любовь. Объектом его чувств была лучшая подруга сестры Маши - Зинаида Молостова. Толстой предложил ей руку и сердце, но Зинаида была просватана и не собиралась нарушать данного жениху слова. Лечить разбитое сердце Лев Николаевич уехал на Кавказ, где сочинил несколько стихотворений, посвященных Зинаиде, и начал писать «Утро помещика».

Потом была Крымская война, на которой поручик артиллерии Толстой показал себя храбрым и умелым офицером, особенно отличившись в августовском сражении 1855 года на Чёрной речке. Там же, в Крыму, создал он свои первые значительные произведения – рассказы «Рубка леса» (по кавказским впечатлениям) и «Севастополь в декабре 1854 года». Последний рассказ сразу же был опубликован в «Современнике» и произвёл большой общественный резонанс. Награждённый за Крымскую войну орденом Св. Анны 4-ой степени, медалями «За защиту Севастополя 1854—1855» и «В память войны 1853—1856 гг.», окружённый блеском известности, начинающий с восторженных отзывов писатель, Толстой пользовался у молодых соседок-помещиц большим вниманием.

Однако он сам начал уже задумываться о серьёзных взаимоотношениях, о создании семьи (а к ней у Толстого были очень высокие требования) и потому понравившуюся ему с первого взгляда Валерию Лев Николаевич изучал, словно профессиональный психолог. Вначале ему в молодой девушке очень многое нравилось.

«Валерия в белом платье, очень мила. Провел один из самых приятных дней в жизни. Люблю ли я ее серьезно? И может ли она любить долго? Вот два вопроса, которые я желал бы и не умею решить себе». Это августовские дневниковые записи 1856 года, когда Лев Николаевич серьёзно задумался о возможности женитьбы на Валерии.

Однако уже в сентябре-октябре появляются в дневнике писателя другие записи: *«Валерия мила, но, увы, просто глупа...»*. Откуда это вдруг возникло, не сразу, но неизбежно? Лев Николаевич увидел несколько раз Викторину в вихре московских развлечений, которые её совершенно захватили: каждый день визиты, обеды, спектакли, музыкальные утра и танцевальные вечера.

В письмах к Валерии конца 1856 г. он подвёл итог их отношений, определяя их возможное продолжение: *«Без уважения выше всего к добру нельзя прожить хорошо на свете. Нам надо помириться вот с чем: мне - с тем, что большая часть моих умственных, главных в моей жизни, интересов останутся чужды для вас, несмотря на всю вашу любовь, вам - надо помириться с мыслью, что той полноты чувства, которое вы будете давать мне, вы никогда не найдёте во мне».*

Валерия с удовольствием кокетничала с молодым графом, мечтала выйти за него замуж, но уж очень разное у них было представление о

семейном счастье. Толстой мечтал, как Валерия в простом поплиновом платье будет обходить избы и подавать помощь мужикам. А Валерия мечтала, как в платье с дорогими кружевами она будет разъезжать в собственной коляске по Невскому проспекту. Когда различие это разъяснилось, Лев Николаевич понял, что Валерия Арсеньева - отнюдь не тот идеал, который он искал, и написал ей почти оскорбительное письмо, в котором заявил: *«Мне кажется, я не рожден для семейной жизни, хотя люблю ее больше всего на свете»*. Через месяц, в декабре 1857 года, Толстой отправил ей последнее письмо: *«Я всегда повторял вам, что не знаю, какого рода чувство я имел к вам, и что мне всегда казалось, что что-то не то. Одно то, что я не видал вас, показало мне, что я никогда не был и не буду влюблен в вас. Вот и вся история. Прощайте, любезная соседка...»*

А уже в январе 1858 года Валерия Арсеньева вышла замуж за Анатолия Александровича Талызина – орловского помещика.

Жена Анатолия Талызина

Трудно сказать, какие обстоятельства сыграли роль в таком скоропалительном решении «судаковской барышни». Наверное, чувство ущемлённого самолюбия (прежде всего), что её любовь (или её чувства, о которых она думала, что это любовь) отвергнута. А тут подвернулся жених, объявивший, по прошествии короткого времени, что любит и готов немедленно жениться.

Арсеньева Валерия

Возможно, Валерия Владимировна невольно сравнивала Анатолия Талызина с Львом Толстым. Штаб-ротмистр Анатолий Александрович Талызин только-только вышел в отставку, тоже совсем недавно участвовал в Крымской войне (в должности адъютанта командующего 6 армейским корпусом генерала Липранди). Да ещё он был сыном прославленного генерала, героя Отечественной войны 1812 года, Александра Ивановича Талызина, к тому же, красив, богат и благороден.

Валерия была наслышана о том, как Анатолий спас от долговой ямы своего старшего брата Фёдора, растранившего отцовское наследство, а потом ещё и выкупил с торгов родовое имение в Орловском уезде.

После свадьбы молодые с весны до поздней осени стали жить именно в этой отцовской усадьбе – в сельце Подзавалове. Большое хозяйство – почти полторы тысячи десятин земли, плодовый сад, огороды, конопляники, водяная мельница на реке Орлике, скот, разнообразные хозяйственные постройки – всё это требовало постоянного ухода и присмотра. Анатолий Александрович оказался хозяином

рачительным и умелым. Имение процветало, давало доход, которым Талызин надеялся обеспечить своих детей. Уже в 1859 году родился у молодых первенец, сын Леонид, а потом, один за другим – дочери Ольга, Людмила и сын Владимир.

Анатолий Александрович успевал не только с любимыми детьми общаться, но ещё и занимался общественной деятельностью. В 80-ые годы XIX века он являлся гласным Орловского уездного земства, членом Орловского губернского по крестьянским делам присутствия, был председателем съезда мировых судей Орловского уезда и членом попечительского совета Николаевской женской гимназии.

Однако, к большому сожалению Талызина, вовлечь собственную жену в заботы о хозяйстве, о доме, о детях ему так и не удалось. Валерия оживлялась только, когда на зиму они переезжали в собственный дом в Орле на улице Борисоглебской или оказывались в Москве. Там начинались для орловской помещицы главные дела: балы, визиты, обеды, спектакли. Забывала тогда обо всём Валерия Владимировна, даже о собственных детях.

Наверное, на одном из таких публичных московских мероприятий и состоялось её знакомство с петербургским чиновником Николаем Волковым.

Любовница Николая Волкова

Эта случайная встреча переросла вначале в тайные свидания, а потом и в почти открытую связь, которой Валерия не стеснялась. Что ж, возможно, это и была её первая и настоящая любовь, которой она отдала всю себя без остатка, расставшись, в конце концов, даже с мужем и забыв о собственных четверых детях окончательно. Последние годы Валерия Владимировна провела за границей, во Франции и в Швейцарии, где и умерла в 1909 г. в Базеле. Похоронена там же. По семейным преданиям, со слов её правнучки Анны Анатольевны Рутченко-Талызиной, Валерия Владимировна «часто ездила в Ниццу и в Монте-Карло». *«Согласно словам бывшего русского консула в Ницце Протопопова», – вспоминает А. А. Рутченко, – «которого мы ещё застали после нашего приезда в Ниццу в 1925 году, а он хорошо помнил бабушку моего отца, – она много играла в казино в Монте-Карло. Настолько, что однажды он должен был заняться её репатриацией в Россию».*

PS. Каким бы ни было наше мнение о героине нашего рассказа, нам, как читателям, надо помнить, что именно Валерия Владимировна Арсеньева вдохновила Льва Толстого на создание повести «Семейное счастье».

А вот эти общеизвестные слова Толстого впервые были сказаны им тоже Валерии: *«Отлично можно жить на свете, коли уметь трудиться и любить, трудиться для того, что любишь, и любить то, над чем трудишься».*

Знойная Мара

Осенью 1910 года в село Михайловское Новосильского уезда на постоянное жительство приехал из Москвы местный дворянин Фёдор Свербеев.

Новосильские помещики Свербеевы

Дворяне его семейства к началу XX века уже свыше 100 лет владели землями в окрестностях села и успели многое сделать для благоустройства собственного имения. Первый его владелец, статский советник и главный орловский масон Николай Яковлевич Свербеев первое время жил в Михайловском постоянно, для чего перевёз сюда из Орла просторный деревянный дом и за несколько лет разбил вокруг усадьбы роскошный парк по подобию Версальского под Парижем. Однако после его смерти наследники приезжали в имение не часто, хотя и построили здесь уже трёхэтажный каменный особняк с большим количеством хозяйственных построек.

И вот теперь, после долгого перерыва, правнук первого Свербеева, будучи сыном курляндского губернатора, решил вдруг жить в сельской глуши. Для михайловских крестьян это было удивительно, и разговоры в селе не прекращались вплоть до приезда барина.

А приехал Фёдор Дмитриевич не один, а с молодой женой и тремя детьми. Поселились они на втором этаже долго пустовавшего и только что отремонтированного особняка, уютно расположившегося прямо посреди огромного парка.

Молодой хозяин оказался очень общительным в отношениях с соседями-помещиками. Рассказал, что по окончании Морского корпуса пять лет отслужил на флоте, а потом в чине лейтенанта ушёл в отставку. Главная причина – женитьба и родившиеся дети, о которых он хотел заботиться. К тому же, у сына Николеньки оказались проблемы с лёгкими, врачи порекомендовали свежий деревенский воздух. Кроме того, Фёдор Свербеев, в разговоре с одним из новых знакомых, как-то вскользь упомянул, что в деревенской глуши он хотел бы отвлечься от навязчивых мыслей о двух своих братьях-моряхах, героически погибших во время Цусимского сражения.

Спустя несколько месяцев Фёдор Дмитриевич был уже незаменим и в местном дворянском обществе, которое через год избрало его председателем Новосильской уездной земской управы.

Чары Мары

Нашла общий язык с помещичьими жёнами и супруга Свербеева. Они, правда, удивлялись её странному имени. Но Мара Костантиновна доходчиво объяснила, что в роду французских дворян Оливов, переселившихся в Россию в самом начале XIX века, часто были в ходу имена необычные. Мара (Мэри) – это просто европейский вариант обычного русского имени Мария.

Что касается внешнего облика помещицы Свербеевой, он был достаточно интересен. Местные крестьяне не понимали, что барин в ней нашёл: высокого роста, с зелено-жёлтыми глазами, худая, плоская, – руке не за что зацепиться! Но помещичьи жёны увидели совсем другое: одевается Мара Костантиновна с огромным вкусом, много времени уделяет уходу за собой. А если прибавить к этому свободную манеру общения Мары, её

улыбку и искромётный юмор, то становилось понятно, почему многие новосильские помещики, даже женатые, увидев её однажды, старались теперь по делу и без дела заглянуть в имение Свербеевых. Фёдору Дмитриевичу это не слишком нравилось.

Олив Мара
(портрет Ильи Репина)

Перед Новым, 1913 годом, в Новосиле дворянское уездное собрание проводило благотворительный рождественский бал, на который съехались почти все местные помещики вместе с жёнами. Мара Константиновна Свербеева здесь была во всём блеске и в самом центре внимания. Одной из обделённых вниманием мужчин оказалась приехавшая из Москвы в гости к родственникам княгиня Хилкова. Она-то, со злорадством, и рассказала соседкам по балу пикантные подробности из жизни свербеевского семейства.

По её словам, Мара Олив в молодые годы вела богемную жизнь, общаясь с молодыми художниками, которые буквально дрались за её внимание и за согласие быть их натурой. Сразу трое, в том числе и Михаил Врубель, предлагали Маре руку и сердце. Она выбрала Юрия Мамонтова, племянника известного русского предпринимателя и мецената Саввы Ивановича Мамонтова. Но спустя всего пару лет Мара изменила ему с моряком-красавцем Фёдором Свербеевым. Они стали мужем и женой, родились дети: мальчик и две девочки. Но Мара продолжала «вертеть хвостом перед художниками». Знаменитые Валентин Серов и Илья Репин нарисовали её портреты, сделавшие «эту колдунью» ещё более известной в богемной среде.

Фёдор Дмитриевич Свербеев жену страшно ревновал, мучился сам и мучил её. Вот тогда-то, спустя несколько лет, решил он на отъезд из Москвы, надеясь в провинции зажить тихой семейной жизнью. И вот теперь слухи и сплетни добрались до Михайловского имения.

А в мае 1913 года почти три года не посещавший столиц Фёдор Свербеев был вынужден принять приглашение на бал, в честь 300-летия династии Романовых. Поехал вместе с женой – чтобы проститься со счастливой семейной жизнью уже окончательно.

На императорском бале на Мару Константиновну обратил внимание очередной поклонник – генерал Иван Эрдели. Он тоже был не свободен. Но обоим влюблённым это не помешало. Горячая кровь французских предков Мары и не менее горячая кровь венгерских дворян (предки Эрдели – из них) смешались и потекли в одном направлении. Бурный

Эрдели Иван Григорьевич,
любовник Мары

роман на некоторое время заморозила начавшаяся вскоре Первая Мировая война.

Иван Георгиевич Эрдели принял в ней самое активное участие – в качестве одного из командующих - дивизией, корпусом, армией. В 1915 году заслужил за храбрость Георгиевское оружие. К концу войны, в 45 лет, Эрдели стал генералом от кавалерии.

Фёдор Дмитриевич Свербеев, в это же время, продолжая гражданскую службу, получил чин действительного статского советника (*генерал-майора – по военной классификации – А.П.*) и продолжал жить с Марой Константиновной и детьми в своём Михайловском имении.

Орловский губернатор

Потом наступило ещё более страшное время - 1917 год. Командующий Особой армией, генерал от кавалерии Иван Эрдели принял активное участие в выступлении генерала Лавра Корнилова, был отстранён от командования, арестован и заключён в Быховскую тюрьму. По освобождении из неё в ноябре 1917 года Эрдели ушёл на Дон, где стал одним из создателей Добровольческой армии.

Здесь же, на юге, в Екатеринодаре, весной 1919 года судьба снова свела его со Свербеевыми, спасавшимися от Советской власти. Роман Ивана Эрдели с Марой Свербеевой разгорелся с новой силой. Они встречались больше года. Генерал каждый день вёл записи, посвящённые своей возлюбленной, а потом специальным нарочным отправлял к ней свой дневник, чтобы Мара узнавала все его мысли и чувства.

А что чувствовал в этой ситуации её муж, Фёдор Свербеев – нетрудно представить. Но он большей частью был вдали от жены, добывая продовольствие для деникинской армии. Когда 13 октября 1919 года белогвардейцы заняли Орёл, то орловским губернатором Деникин назначил именно Фёдора Дмитриевича Свербеева. Без сомнения, это было самое короткое губернаторство в истории России, поскольку уже через неделю большевики возвратили губернский город под свой контроль.

В 1920 году, после поражения белогвардейских войск, Эрдели и Свербеевы эмигрировали за границу. Но каждый из них покидал Родину своим путём. Все трое жили в Париже, но друг с другом уже не встречались.

Мара Константиновна и за границей не потеряла своего магнетического обаяния: в 1922 году (ей исполнилось 52!) уже третий по счёту её портрет был написан известным русским художником Филиппом Малявиным.

Роковая женщина пережила всех своих мужчин, скончавшись на 93-ем году. Похоронили Мару Константиновну Свербееву-Олив, героиню портретов знаменитых художников Серова, Репина и Малявина, на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где нашли уже к этому времени вечный покой Иван Эрдели и Фёдор Свербеев. Здесь все трое снова встретились - теперь уже навсегда!

Как уроженец Орловщины на египетской принцессе женился

Недавняя смерть Бориса Березовского в Англии всколыхнула мировое информационное сообщество. В России об этом написали (и продолжают до сих пор) все газеты и журналы, а многие телеканалы посвятили событию отдельные передачи. Лично мне кажется излишней такая шумиха вокруг обворовавшего страну, а потом сбежавшего от наказания опального толстосума. В той же Великобритании есть сейчас и жили в прошлом другие личности русского происхождения, гораздо более достойные нашего внимания.

Сын станового пристава

Я расскажу об одном уроженце Орловщины, история жизни которого вполне сгодилась бы для написания авантюрного или любовного романа.

Он родился 24 июня 1875 года в селе Спасское-Вязовое Малоархангельского уезда (ныне – село Вязовое Покровского района Орловской области – А.П.) и был первым ребёнком в семье станового пристава Василия Васильевича Юркевича и его жены-домохозяйки Любви Николаевны. Молодые супруги дали первенцу имя Владимир и, как показали последующие события, сделали это пророчески.

Семья Юркевичей прожила в Малоархангельском уезде несколько лет. Следом за сыном появилась на свет дочь Наталья, и их мама всё своё время и любовь тратила, большей частью, на детей. Супруг же, Василий Васильевич Юркевич, с утра до вечера мотался по деревням и сёлам четырёх крупных волостей Малоархангельского уезда: его должность станового пристава требовала неусыпного контроля над соблюдением правопорядка подчинёнными ему жителями.

Усердие молодого служаки заметило начальство, и вскоре семья Юркевичей переехала в Воронеж, где Василий Васильевич продолжил службу, а дети после получения домашнего образования поступили в гимназии (мужскую и женскую).

А вот где продолжил обучение Владимир Юркевич потом, и как складывалась его взрослая жизнь – мне неизвестно. Известно лишь, что к 33 годам он успел жениться и развестись, а в 1908 году оказался в Париже, любимом городе русского «высшего света».

Свадьба первая, несчастливая

Сюда же в то время судьба привела 25-летнюю египетскую принцессу Салиху, двоюродную сестру правителя Египта, хедива Аббаса Хильми Второго. Красавица-принцесса уже два года как была вдовой с двумя детьми: её муж, принц Мухаммед Ибрагим погиб редкой в те годы смертью – «разбился на автомобиле».

На каком из светских мероприятий познакомились русский дворянин и египетская принцесса – история умалчивает, но любовь у них вспыхнула

сразу, а роман разгорелся горячий и бурный. Роман, который осудили знакомые с обеих сторон – ведь Владимир Юркевич был христианином, а Салиха – мусульманкой.

Влюблённых осуждение и нежелание близких не остановило: они решили пожениться. Известный российский исследователь-египтолог и писатель Владимир Беляков нашёл в архиве внешней политики Российской империи многостраничное дело, посвящённое этой истории. В нем имеется такой документ: *"Тысяча девятьсот девятого года девятнадцатого июля были обвенчаны пастором Сандерсом в лютеранской церкви Христа Спасителя в Санкт-Петербурге Владимир Васильевич Юркевич, дворянин, родился в Орловской губернии, село Спасское Вязовое 24 июня 1875 года, разведенный, лютеранского вероисповедания, и Салиха Магомед Ибрагим, принцесса, оттоманская подданная, родилась 19 сентября 1883 года, вдова, магометанского вероисповедания"*.

Когда царственные родственники принцессы узнали о её замужестве, негодованию их не было предела - ведь обычай, возведенный в закон, строго запрещает брак мусульманки с христианином. Аббас Хильми наказал двоюродную сестру очень строго: он исключил Салиху из числа членов королевской семьи. А египетский суд ограничил ее права собственности, назначив опекуна над имуществом уже бывшей принцессы. Отныне ей доставалась лишь небольшая часть доходов, да и то с большими затруднениями.

Юркевичи оказались в сложном положении. Жить в холодном Петербурге египтянке Салихе было тяжело, а поехать с мужем к себе на родину она не могла. И тогда молодые супруги местом для жительства выбрали столицу Великобритании.

Однако в Лондоне начались другие проблемы: принцесса привыкла жить как принцесса, а у Владимира Юркевича больших средств для такой жизни не было. К тому же, через год у них родился общий ребёнок. И тогда на семейном совете супруги решили бороться за то, чтобы Салихе была возвращена ее собственность, и она могла бы жить на родине.

По законам Российской империи, вступив в брак с российским подданным, египетская принцесса автоматически получила и русское подданство. Этим они с мужем и решили воспользоваться. Египет в ту пору формально оставался частью Османской империи, где в отношении ведущих европейских держав, в том числе и России, действовал так называемый "режим капитуляций". Он означал, что подданные этих держав не могли быть судимы местными властями, а их имущество не могло быть ими отчуждено. И потому новоявленная госпожа Юркевич обратилась за помощью к российским дипломатам.

Её борьба за возвращение своей собственности продолжалась три года. Но Салиха проиграла: египетский суд не признал ее российского подданства, потому что счел ее брак противоречащим местным законам.

Свадьба вторая, счастливая

Казалось, выхода нет, и любовная лодка русского и египтянки вот-вот готова была разбиться о скалы примитивного быта. И тогда Владимир Юркевич решился на отчаянный, очень непростой и в те годы чрезвычайно неординарный шаг: он принял ислам.

Отныне уроженца Орловщины звали так: Абдул Рахман Шейх Джаляль Эддин Мухаммед. 21 декабря 1913 года его брак с принцессой Салихой был вторично зарегистрирован, на этот раз - в мечети на Ориентал-роуд в Уокинге, неподалеку от Лондона (*по одной из версий, эта мечеть – вообще первая на Британских островах – А.П.*).

Своим экстравагантным поступком Владимир Юркевич наделал шуму в России. Теперь пришел черед уже русским дипломатам выяснять, имел ли он право на такой поступок. В упоминавшемся мною деле, хранящемся в архиве внешней политики Российской империи, имеется телеграмма от 19 января 1914 года, в которой посланник России в Египте А.А. Смирнов спрашивает своё начальство в Петербурге: *"Является ли по нынешним законам формальное отступление от христианской веры деянием дозволенным и ненаказуемым?"* 20 дней юрисконсульская часть российского министерства иностранных дел искала ответ на этот «сложнейший» вопрос, прежде чем, наконец, отправить ответную депешу: *"Переход из христианства в нехристианскую веру недозволен, но не наказуем"...*

Так сто лет тому назад завершилось внешнеполитическое разбирательство двух стран по поводу судьбы и любви двух их подданных.

Владимир Юркевич, прошу прощения, Джаляль Эддин Мухаммед, и Салиха Магомед Ибрагим поселились в Лондоне, и проблем с египетскими родственниками и властями у них больше не возникало.

Что касается их дальнейшей судьбы, то контуры её мне назвала правнучка Владимира Юркевича, Татьяна Панкратьева, экскурсовод из Петербурга.

Оказывается, с отступником от веры христианской, с его женой и внуком Валли родная мать, Любовь Николаевна Юркевич, через некоторое время наладила вполне нормальные, человеческие отношения, несмотря на их мусульманство.

Помнишь, читатель, Бориса Березовского? Так вот, оказывается, в этом же графстве Беркшир (Юго-Восточная Англия), где скончался опальный олигарх, похоронены на одном из кладбищ уроженец Орловщины Владимир Юркевич и его любимая Салиха.

А где-то в Лондоне или его окрестностях живут, возможно, их правнуки.

Глава четвёртая Творцы и Мастера

Борис Орловский и его Ангел

30 августа 1834 года на Неве выстроились фрегаты, яхты и пароходы, на прилегающих к Дворцовой площади улицах *«стояла в ружье стотысячная армия»*. В девять часов утра вся площадь колонны окружена была бесчисленными толпами народа. После молебствования красная шелковая завеса, скрывавшая монументальное подножие памятника, и золотые двуглавые орлы, поддерживавшие ее, *«поверглись перед колонной»*. Прогремел салют из 248 орудий. Пальба продолжалась 65 минут. Последним аккордом торжества стал церемониальный марш русского войска. Около трех часов *«пехота проходила в сомкнутых полковых колоннах, кавалерия – в полковых эскадронных колоннах, а артиллерия – отделениями по 16 орудий»*.

С таким торжеством был открыт в Петербурге монумент Александру I «Благословенному» – Александровская колонна. Она должна была утверждать неизбежность самодержавия, но уже в представлении современников и тем более последующих поколений стала памятником героизму и патриотизму русского народа, монументом Отечественной войны 1812 года.

Александровский столп, как назвал его Александр Сергеевич Пушкин, был возведен по проекту архитектора Монферрана, а вот на вершине его, днем – в блеске солнца, ночью – в свете луны стал сиять Крестоносный ангел – *«высоко стоящий, единственный»*, сильный, вставший под Петербургом, как бы обещающий России долгий мир и покой после кровопролитной войны – ангел Бориса Орловского!

Скульптор работал над фигурой ангела около трех лет, и за это время он вылепил 14 вариантов статуи в *«малом и большом видах»* – титаническая работа, не знающая аналогов в истории русского скульптурного искусства!

Император Николай I награждал почти всех чиновников и должностных лиц, имевших хоть какое-то отношение к постройке Александровской колонны, особо отметив Монферрана (орден Святого Владимира 3-й степени, пожизненный ежегодный пенсион в 5 тысяч рублей и 100 тысяч единовременного пособия), а вот автор «Крестоносного» ангела не получил ничего. Вероятно, царь посчитал, что ему достаточно ордена Святой Анны 3-й степени, врученного скульптору четыремя месяцами ранее.

Один из величайших русских скульпторов Борис Иванович Орловский родился в конце XVIII века в семье крепостных крестьян Смирновых, принадлежавших помещице Мацневой, и проданных ею в 1801 году тульскому помещику Василию Шатилову.

С датой и местом его рождения долгое время были неясности.

Что касается места, то путаница здесь произошла из-за менявшегося несколько раз в XVIII-XIX веках административного деления Орловщины. Вот и получилось, что один и тот же населенный пункт – село Большое Столбцкое (или просто Столбцкое), в котором родился Борис Смирнов, значился то в Малоархангельском, то во Мценском уезде. Мценские

краеведы до сих пор считают скульптора своим земляком, хотя уже более 70 лет его родина находится в составе Покровского района и является центром одноименной сельской администрации (кстати, часть села Столбецкого в 40-ые годы XIX века принадлежала матери И.С.Тургенева, а после её смерти перешла к брату писателя - Н.С.Тургеневу – А.П.)

По дате рождения выдающегося скульптора история еще запутаннее.

В 1947 году в издательстве «Искусство» вышла первая научная биография Б.И. Орловского. Ее автор, А.Г. Ромм, датой рождения скульптора назвал 1793 год.

В том же издательстве пятнадцать лет спустя, в 1962 году, Я.И. Шурыгин опубликовал новую книгу, посвященную нашему земляку, где утверждал, что Орловский родился в 1792 году.

В третьем издании Большой Советской энциклопедии (т.18, 1974 год), в Советском энциклопедическом словаре (1988г.) и Большом энциклопедическом словаре (2001г.) в статьях о скульпторе датой его появления на свет назван 1796 год.

В последней по времени выхода из печати монографии Г.Г. Таракановского («Скульптор Б.И. Орловский», Тула, 1986 г.) автор заявляет: *«Среди родившихся в 1797 году значилось и имя Бориса Ивановича Орловского».*

Эта же дата (1797) приведена в статьях о скульпторе в краеведческом издании «История Орловского края» (ч. 1. Орел, 2004 г., с. 269) и в книге «Покровский край» (Орел, 2001, с. 239).

Откуда такой разницей в датах? Вывод однозначен: у всех авторов книг и статей о Борисе Орловском не было под рукой первоисточника – *«Метрической книги Владимирской церкви села Столбецкое»*, поскольку за данный период она не сохранилась, и каждый автор использовал только косвенные данные.

В книге «Покровский край» мы с В.М. Катановым придерживались также той точки зрения, что именно 1797 год является настоящей датой рождения Бориса Орловского. Но, поскольку наше мнение было лишь одним из многих, я попытался найти этому документальное подтверждение в Государственном Архиве Орловской области.

Раз нет «Метрических книг» за 1790-е годы по Владимирской церкви села Столбецкое, решил я, то можно пойти более сложным путем – изучив «Ревизские сказки» (переписи населения России) за соответствующие периоды.

Мне повезло достаточно быстро. В огромном томе «Ревизских сказок» по Малоархангельскому уезду за 1811 год (6-я перепись) /фонд 760, оп.1, д. 378/, я нашел на листе 109 следующую запись: *«1811 года...дня, Орловской губернии, Малоархангельского уезда, села Большого Столбецкого, помещицы вдовы, майорши Натальи, Михайловой дочери, Мацневой, о состоящих мужеска пола дворовых людях и крестьянах...».*

Далее шел перечень принадлежавших помещице крепостных людей. Крестьян (мужского пола) в селе Большом Столбецком, деревне Вышней Столбецкой, деревне Козловой и селце Толстом оказалось 550 душ, а дворовых людей в селе Большое Столбецкое проживало 12 человек.

Из этих двенадцати семеро составляли семью Смирновых: глава семейства – Борис, Никифоров сын, Смирнов, его дети – Иван, Михайла и Алексей, Ивановы дети – Николай и Борис, Борисов внук – Алексей.

Жаль, конечно, что в этой записи отсутствуют женские имена, но зато здесь названы «лета» каждого по последней, пятой, переписи, которая проводилась в 1795-м году.

Главе семейства, Борису Никифоровичу Смирнову, в 1795-м году исполнился 61 год, сыновьям Ивану, Михаилу и Алексею – 37, 27 и 21 соответственно.

Среди детей Ивана Борисовича Смирнова названы два сына – Николай (ему 6 лет на период 5-й переписи) и Борис, которому в 1795 году исполнилось 4 года.

Данная запись позволяет сделать вывод, что великий русский скульптор родился в 1791 году, то есть, все другие, вышеупомянутые, даты неверны, и Борис Орловский несколько старше, чем мы думали до сих пор.

А теперь, после рассказа о небольшом научном открытии по дате рождения выдающегося скульптора, перейдём к описанию его дальнейшей жизни.

Мальчик рано проявил способности «к леплению из глины», что натолкнуло братьев - помещиков Ивана и Николая Шатиловых (они стали владельцами сел Моховое и Паньково после смерти отца) на идею отдать своего крепостного «учиться рубить из мрамора», и вскоре он оказался в Москве в мастерской известного торговца мраморами Кампиони.

За 12 лет занятий резьбой по мрамору Борис Орловский (место прежнего жительства превратилось в его официальную фамилию) стал лучшим мастеровым – мраморщиком и, чтобы освободиться от крепостной зависимости, «поднес государю императору бюст его, сделанный с отличным искусством».

Помещик Шатилов, в ответ на просьбу президента Академии Художеств отпустить на волю талантливое мастеровое, согласился сделать это за 3000 рублей – и эту сумму ему заплатили немедленно.

Так в 30 лет началась для Бориса Орловского вторая половина его жизни - короткая, наполненная учебой и работой жизнь свободного человека. Он учился: по индивидуальному плану – в Академии Художеств, шесть лет – у скульптора Торвальдсена в Италии, и уже в первых самостоятельных работах – «Парисе» и «Фавне, играющем на скрипке» в полной мере проявил свой талант.

Скульптурная фигура гренадера Карпа Варламова, созданная Орловским, настолько понравилась Николаю I, что тот установил одну статую в своих личных апартаментах, а второй

Памятник М. Кутузову
работы Бориса Орловского

экземпляр отослал своему тестю — прусскому королю Фридриху — Вильгельму.

Вершиной же творчества Бориса Ивановича Орловского стали фигура ангела на Александровской колонне (о ней мы сказали в самом начале) и памятники выдающимся русским полководцам Кутузову и Барклаю — де — Толли.

25 декабря 1837 года, после молебна, по первому пушечному выстрелу, прогремевшему с бастиона Петропавловской крепости, на площади перед Казанским собором были торжественно открыты монументы фельдмаршалу князю Кутузову — Смоленскому и фельдмаршалу князю Барклаю — де — Толли, однако сам скульптор торжества не дождался: он умер за девять дней до этого *«после кратковременной сильной воспалительной болезни еще на самой пороге лет»*.

Усилиями Е.С. Орловской, его вдовы, потерявшей мужа в первый же год их совместной жизни, над могилой *«гиганта русского резца»* был установлен памятник, а в конце 30-ых годов XIX века останки Бориса Ивановича Орловского перенесли в Некрополь Александровской Лавры — пантеон деятелей культуры последних столетий.

Мемориальный памятник на могиле Орловского, решенный только архитектурными средствами, без участия скульптуры, хорошо выразил тему вечности и покоя:

**Борис Иванович Орловский,
Профессор Скульптуры Императорской
Академии Художеств, скончался
16 декабря 1837 года...**

Свой памятник скульптору оставил и Александр Сергеевич Пушкин, побывавший в 1836 году в его мастерской и написавший 10 строчек «Художнику»:

*«Грустен и весел вхожу, ваятель,
в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор
послушен тебе...»*

Да, мрамор всегда был послушен нашему земляку, лишь время ему не подчинялось: 46 лет жизни - это очень мало.

Но теперь уж и время не властно над творениями великого скульптора Бориса Ивановича Орловского — они, спустя 170 лет, до сих пор рядом с нами.

Кто видел многосерийный телефильм «Падение империи», наверняка вспомнит, как Крестоносный ангел со своей 50-метровой высоты наблюдал за 100-тысячной толпой петербуржцев, рухнувшей на колени перед Императором в день объявления I Мировой войны.

А потом ангел увидел события Февральской и Октябрьской революций, следил за гибнущими от голода в дни блокады ленинградцами, радовался 27 января 1944 года завершению операции «Искра».

Ангел Бориса Орловского рано увел его из жизни земной, но этот, на Александрийском столпе, в самом центре Санкт-Петербурга, всегда будет напоминать нам, орловчанам, о замечательном земляке. А с недавних пор о

Могила Бориса Орловского

Борисе Орловском будет напоминать и улица, названная его именем – одна из трёх, появившихся в конце 2008 года в новом микрорайоне посёлка Покровское.

Мне всегда казалось невероятно странным, что имя Бориса Ивановича Орловского (*вдумайтесь, Орловского!*) никак не было представлено в орловских музеях. *Орловского* – и нет в орловских музеях, не парадокс ли? Не было в Орле и улицы его имени.

Теперь такая улица есть - в Покровском районе, на родине выдающегося русского скульптора.

Тургенев. История болезней

Однажды я заболел. Заболел всерьез и надолго. Но не туберкулезом, не менингитом, не «птичьим» гриппом, в конце концов. Я заболел Тургеневым. Писатель, имя которого я знал давно, но который до этого меня никак не затрагивал, вдруг вошел в мою жизнь - сразу, решительно и бесповоротно. Я не знаю, почему это произошло.

Меня стало интересовать все, что написал Иван Сергеевич, все подробности его жизни и творчества. И чем больше я узнавал, тем величественнее, загадочнее и печальнее представляла в моем воображении фигура Тургенева.

Великий писатель, знаток человеческих (особенно женских) душ - и несчастный большую часть своей жизни человек.

Хороший знакомый огромного числа россиян, французов, англичан, немцев, эпистолярное наследие которого составило более шести тысяч писем (15 солидных томов в Полном собрании сочинений и писем) – и – одновременно - очень одинокий (особенно в конце жизни) обитатель Парижа и Буживаля.

Знаток, ценитель и обладатель замечательно тонкого юмора - и подверженный регулярным приступам меланхолии и депрессии пессимист – это все Тургенев.

В конце концов, я пришел к выводу (вслед за некоторыми другими тургеньведами), что жизнь и творчество писателя определили несколько обстоятельств. Одним из главных была склонность Тургенева (скорее, предрасположенность) к болезням и несчастным случаям.

Обычно исследователи жизни Тургенева подробно описывают предсмертные болезни писателя, не особо обращая внимания на «мелкие неприятности», которые случались в течение всей его не слишком радостной жизни.

А на этом, я думаю, стоит остановиться подробно. Вот что писал в своей вышедшей в Нью-Йорке книге (Turgenev: The Man, His Art and His Age, 1961) один из зарубежных биографов Тургенева, Авраам Ярмолинский: «Он часто болел простудами, гриппом, ларингитом и бронхитом, которые так и гнездились в его горле и его широкой груди. В морозы он не разлучался с особой респираторной маской, которую называл «намордник»; однажды у него в мокроте появилась кровь, и он был очень испуган, даже стал пить рыбий жир. Этот гигант из страны снегов был столь же чувствителен к холоду, как и житель умеренного климата...».

Ярмолинский отметил одну сторону организма Тургенева – восприимчивость его к простудным заболеваниям. Однако, внимательно изучив многие источники, повествующие о нашем знаменитом земляке, я пришел к выводу, что Иван Сергеевич Тургенев вообще был своеобразным магнитом, который притягивал к себе в течение всей жизни многочисленные несчастные случаи и заболевания, причем, большинство из них представляло непосредственную угрозу жизни писателя.

Все началось еще в раннем детстве. Когда Ване Тургеневу шел четвертый год, его мать, Варвара Петровна, отправилась с двумя своими детьми в длительное заграничное путешествие. В конце сентября 1822 года, во время остановки в швейцарском Берне, будучи на экскурсии в городском саду со своим дядькой, Иван, любопытствуя, свалился в яму, где содержались медведи. Как его оттуда вызволяли, история подробностей не сохранила – но ясно, что именно тогда впервые смерть заглянула в глаза маленькому Тургеневу.

Через год, зимой 1823-1824 г.г. Ванечка тяжело заболел – и именно в тот момент, когда родители отсутствовали (в это время они нанимали дом для жилья в Москве). Мальчика снова спасли – Господь Бог и А.И. Логривова (женщина отпаивала больного красным вином, и это помогло).

В четырнадцать лет Иван ломает себе руку, а о том, что было с ним между 15 и 16 годами Тургенев оставил воспоминания: «Ростом в 15 лет я был не выше семилетнего, затем совершилась удивительная перемена после 15 лет. Я заболел. Со мною сделалась страшная слабость во всем теле, лишился сна, ничего не ел, и когда выздоровел, то сразу вырос чуть ли не на целый аршин...»

В августе 1837 года, находясь в Спасском, Тургенев опять сломал руку.

На следующий год, 15 мая, Иван на пароходе «Святой Николай» отправляется за границу, чтобы продолжить обучение в Германии. В ночь с 18 на 19 мая на судне произошел сильный пожар, во время которого Тургенев натерпелся страха, от чего потом на всю жизнь у него остались мучительные воспоминания.

В марте 1844 года произошло событие, известное нам достаточно подробно из письма Варвары Петровны Лутовиновой к ее знакомой М.М. Карповой (31 марта): «Ты пишешь о разлуке моей с Ваней – чуть было не разлучились мы навечно... На шестой неделе, дня за четыре перед отъездом, записал его Берс в Английский клуб и поехал с ним обедать. Иван ел много, пил вина более, чем когда пьет, рюмки четыре; потом пил кофий. Разгоряча себя всем этим, съел большую порцию мороженого; вернулся оттуда и

почувствовал себя дурно. Несмотря на это, на другой день поехал на голубиную охоту... Вернувшись оттуда, слег, сделалась инфлуэнция в горле, кашель, потом перешла инфлуэнция в легкое, кровоупускание, пивяки – ничто не помогало...». (Сразу трое докторов, вызванных Варварой Петровной, все же сумели спасти жизнь начинающего поэта – А.П.).

Будучи в Париже, в мае-июне 1849 года, Тургенев заболел той болезнью, которой панически боялся с детских лет – холерой. Помогли здесь врачи и уход близких (в том числе и А.И. Герцена).

В 1850 году на писателя начинается атака невралгий. Первым пострадал его мочевоы пузырь. Он доставлял Тургеневу много проблем еще не раз потом в течение жизни (повторный приступ произошел осенью 1856 года).

В письме другу, Павлу Анненкову – от 28 января (ст. ст.) 1857 года, Тургенев, отвечая на вопрос, почему он хандрит, говорит – «На это ответ один: болезнь, проклятая болезнь пузыря, в которую Вы не верите, но которая, к сожалению, слишком действительна, потому что лишает меня всякой бодрости, всякой охоты жить, – это я говорю без преувеличения. Эта же болезнь причиною тому, что я ничего не сделал и не сделаю...».

Здесь сразу стоит заметить, что если уж болезнь приходила к Тургеневу, то она к нему «привязывалась» надолго.

Через полтора года, в конце августа 1858, писатель сообщает А. Дружинину – «Пузырь мой все еще мучит, но я начинаю привыкать к этой беде в силу французской поговорки – «Нужно уживаться со своим врагом». Он не мешает мне работать – уже и то хорошо».

Отступила болезнь от пузыря – настала очередь горла и легких. В сильный мороз, в январе-феврале 1860 года, Тургеневу пришлось дважды проехать из Петербурга в Москву и обратно (надо было проверить корректуру повести «Накануне»). В Петербург 9 февраля Иван Сергеевич вернулся болевой, с нервным кашлем, а еще через час «сделалось довольно сильное кровохарканье, которое продолжается до сих пор». Доктор прописал Тургеневу рыбий жир.

Он его послушно пил, но улучшения не было вплоть до апреля, а кровохарканья происходили с периодичностью два раза в неделю. Выходить же на улицу в холод в это время Тургенев мог как раз в том самом «наморднике», о котором писал Ярмолинский в процитированном нами отрывке в начале статьи.

От кашля, боли в груди удалось Иван Сергеевичу избавиться только к лету 1860 года – после лечения на водах в Германии, в местечке Соден.

Но весной 1861 года (тогда писатель находился в Париже) сокрушительный кашель и простуда вновь вернулись, хотя и на более короткий срок.

Зато осенью того же года с прежней силой напомнил о себе подзабытый было на некоторое время пузырь.

В начале 1862 года – 14 января – Тургенев пишет Афанасию Фету: «О себе ничего не могу сообщить утешительного: я был довольно сильно болен – и до сих пор не могу поправиться как следует: какой-то черт сидит во мне

до сих пор виде головной боли, постоянной ломоты во всем теле, страшнейшего насморка, отсутствия аппетита – и т.д.»

А в марте этого же года Иван Сергеевич в письме к В.П. Боткину впервые упоминает еще одно, такое же прилипчивое заболевание: «У меня с некоторых пор бродячая подагра засела в сердце и очень меня мучит...»

С этих пор болезнь пузыря, простуды и подагра, меняясь местами, «доставали» Тургенева последующие 20 лет с завидным постоянством.

Свое 53-летие, к примеру, Иван Сергеевич встретил в Баден-Бадене с приступом подагры в колене (в том, 1871 году, эта болезнь мучила Тургенева более 4 месяцев).

Год 1872 стал для писателя особенно несчастливym. В марте заболел у Тургенева зуб, его выдернули, но так неудачно, что пришлось идти к другому дантисту – а в результате этих посещений произошло сильнейшее воспаление надкостницы, от которого Иван Сергеевич промучился несколько недель.

В июне, возвратившись из-за границы на родину, заболел Тургенев «сильной холериной» (предтеча холеры), а чуть оправившись, хотел немедленно покинуть Москву, где это все и случилось, но начался «подагрический припадок» в ноге, который – с короткими перерывами – продолжался 8 месяцев (до конца марта 1873 года).

Вот как описал Тургенев свое состояние в этот период в письме Г. Флоберу (24 октября 1872 года): «... всю ночь с пятницы на субботу выл от боли - сегодня боль утихла - но колено сделалось величиной с голову – и вот сегодня я снова в постели, по крайней мере, недели на две. Это одиннадцатый припадок подагры! (Не последний! – А.П.). Вы не станете отрицать, что мне необыкновенно везет».

Это «везение» с подагрой продолжилось потом и в последующие годы.

В апреле 1878 года Иван Сергеевич доверительно сообщает А. Писемскому: «Что делать, батюшка! Старость – не радость. Вот и я: отдежурив два месяца в комнате, с октября по декабрь, я уже полагал, что хоть на год оставит подагра меня в покое, а она опять нагрянула – я едва таскаюсь по своей спальне с помощью костылей...»

Да, трудно после всех этих описаний болезней представить, как же и когда Тургенев сочинял свои прозрачно-легкие, ажурные, но почти всегда печальные повести и романы (во всяком случае, счастливую любовь в них мы отыщем едва ли).

А между тем, просто радуясь жизни в промежутках между болезнями, писатель все пережитые страдания переносил на страницы своих великих (как показало время) произведений.

Болезни обостряли чувства Тургенева, делали ранимее душу – и выливались в строчечные шедевры, которые не появились бы, смею предположить, при благополучном течении его жизни.

Можно даже составить хронологию появления в печати повестей, романов, рассказов Тургенева - вскоре после той или иной болезни, но это уже будет статистика, а не рассказ о жизни и творчестве.

Я довел историю страданий писателя до 1878 года – и ничего пока не сказал о той, самой страшной для него болезни – грудной жабе, которая в

отличие от лягушки из русских сказок, превратилась не в красивую царевну, а в убийственного рака – вернее, в рак спинного мозга.

Сам Иван Сергеевич об этом так и не узнал, но это отдельная история. Наверняка Тургенев описал бы ее в одном из своих «Стихотворений в прозе», назвав его, к примеру, «Превращение».

Закончилась история болезней. Жизнь закончилась – и началось бессмертие «великого писателя земли русской».

О юморе Тургенева

1 (13) июня 1860 года, находясь на лечении в Германии (местечко Соден, неподалеку от Франкфурта – на Майне), Иван Сергеевич Тургенев отправил большое письмо Афанасию Афанасьевичу Фету, своему хорошему знакомому и товарищу по многочисленным совместным охотам.

Наряду с новостями о житье-бытье на целебных водах Содена Тургенев, видимо, продолжая разговор, начатый Фетом, коснулся характеристики своего брата Николая: «... я думаю, что вообще Ваше воззрение на моего брата справедливо, однако Вы не могли оценить одну его сторону, которую он выказывает только между своими – и то, когда ничем не стеснен – а именно юмор. Да, этот русский француз большой юморист – верьте моему слову – я от него хохотал (и не я один) до колики в боку...».

Так получилось (в силу стечения различных обстоятельств), что за последнее время, собирая материалы о хозяйственной деятельности Тургенева, я обратился к его огромному эпистолярному наследию. И чем большее количество писем я прочитывал, тем сильнее было мое изумление: перед моими глазами предстал такой писатель, о котором я даже не подозревал.

Многие годы, я (да и все остальные его читатели – почитатели, наверняка, тоже) считал Ивана Сергеевича серьезным автором, умело и тонко отразившим в своих романах и повестях российскую действительность 40-80-х годов 19 века. А между тем мы все, по-моему, «не могли оценить одну его сторону» (цитирую названное выше письмо): Иван Сергеевич обладал, как и брат, замечательнейшим чувством юмора (видно, оно было их семейным достоянием).

Сразу подчеркну, что я не литературовед и не собираюсь глубоко вникать в особенности этого юмора. Я рассуждаю как читатель, увидевший в многочисленных письмах Тургенева звездные россыпи смеха, на которые я откликался то улыбкой, то усмешкой, а то и какими-то более сложными эмоциями.

Некоторые высказывания писателя чрезвычайно афористичны, другие – более длинные и несут характер целого рассказа (особенно это видно в письмах молодого Тургенева, учившегося в Германии), но всем им присуща тонкая ирония, необходимая для адресата и направленная на то, чтобы вызвать у него положительные эмоции даже в трудную минуту.

Я выбрал из писем свыше 50 таких моментов, которые посчитал наиболее отражающими уровень замечательного тургеневского юмора.

Каждой из цитат я только дал название, чтобы читатель смог сориентироваться.

В остальном же пусть писатель Тургенев сам говорит за себя, а читатель насладится его юмором так же, как им наслаждался в полной мере я.

О жизни

Жизненного бремени не облегчить – и каждому самому удобнее знать, как ему возиться с этим чурбаном. Иной его кладет на голову, другой на спину – а третий просто волочит по земле. И все «то благо, что добро».

О жизни – болезни

В сущности, так как жизнь – болезнь, – все, что мы называем философией, наукой, моралью, искусством, поэзией etc. etc – ничто иное как успокаивающее лекарство.

О здоровье

Поверьте, мне, здоровье – хорошая вещь, лучше свежепросоленных огурчиков. А что свежепросоленные огурчики так хороши, это и в семинарии не бывавшему известно.

О меклюдии, подагре и Бисмарке

Итак, вы находитесь в меклюдии, в меклюдии, навеянной пребыванием в деревне, общим строем жизни на святой Руси и т.д. Эта меклюдия еще ничего. А вот та меклюдия, которую навевает пять месяцев продолжающаяся мучительная подагра, вот та – мое почтение! Вы опять станете упрекать меня в малодушии, в себялюбии, как перед холерой, но я бы посмотрел, что бы Вы сказали, когда (впрочем, я надеюсь, что с Вами ничего подобного не случится), когда у Вас одно колено будет, как у всех людей, так (И.С. нарисовал здоровое, ровное колено), а другое будет этак (И.С. здесь нарисовал искривленное, скрюченное и распухшее колено), да к тому целые ночи почти зубовного скрежета и невозможность ходить и т.д., и т.д. Тут даже о Бисмарке забудешь – и горе эльзасцев покажется вам совершенной чепухой.

О смерти

С каждым днем в моей жизни все ощутимее запах тления. Смерть – тонкий гурман, она любит поедать людей как фазанов, с острым душком.

О следе в истории

Едва ли он оставит след о себе. Я Вам скажу, почему я так думаю. Следы оставляют только энтузиасты – или сухие дельцы: а он ни то, ни другое.

О времени

Время приняло слабительное – и неудержимо стремится – не хочу сказать куда.

О терпении

Терпи – может быть, удастся; а не удастся – ну, так, по крайней мере, научишься терпению.

О рабстве

Самое упорное и неотряхаемое рабство – есть рабство бессознательное.

О браках

Вы знаете, браки бывают неофициальные: эта форма даже иногда является более ядовитой, чем общепринятая. Вопрос этот мне – точно хорошо известен и изучен мною основательно.

О коньках

А что Вам не нравится слово «литератор» - это Ваш конек, а жизнь научила меня обходиться с чужими коньками почтительно.

О волнах и пене

Самые огромные волны моря расшибаются о берег мелкою и часто нечистой пеной; - плохо было бы тому, кто бы вздумал судить об их силе по этой пене, пачкающей ночи.

Об умении помочь себе

Я очень хорошо понимаю, что терять деньги, получать дерзостные письма – и находиться в толкотне недоразумений, притязаний и т.д. – весьма неприятно. В таких случаях отлично помогает индийская философия: «Погрузись в себя – и произнося таинственное слово: Ом! – не позволяй себе никакой другой мысли!». Средство хорошее.

О письмах и собаках

И ты, Фет, уныло воскликнул я вчера в отделении почты во Франкфурте – когда на мой вопрос: есть ли письма на имя Тургенева – раздался ответ – нет – я был уверен, что Вы мне напишите, хотя бы для того, чтобы прислать мне рекомендательное письмо к собаке... т.е. я хочу сказать, к тому человеку в Дармштадте, который может мне доставить хорошую собаку. Пожалуйста, не теряйте времени. Но Вы мне не об одной собаке напишите. Напишите о себе, о Вашей жене, о Борисове, о Толстых, обо всем Мценском уезде.

Об охоте

Я только что вернулся с охотничьей экспедиции, совершенной нами вместе с Фетом, - экспедиции, которая, кроме ряда самых неприятно-комических несчастий и неудач, не представила ничего замечательного. Я потерял собаку, зашиб себе ногу, ночью в Карачевском трактире чуть не умер – одним словом, чепуха вышла несуразная, как говорит Фет.

Об охотнике и ружье

Вкладывай только тогда патрон, когда хочешь стрелять – не выстреливши, вынимай его тотчас.

Об отсутствии денег

Любезнейший, ... не могу Вас ничем утешить. Эпидемия безденежья свирепствует во всех знакомых карманах – всякий вздыхает и ждет присылки.

О том, что не надо трогать

Ответ, сделанный тобою на критику..., совершенно логичен и неотразим; и все-таки ты бы лучше сделал, не напечатав его. Ты знаешь известную поговорку: «Не тронь..., оно не воняет». Отвечает..., значит, оправдывается..., значит, не прав - неизбежный силлогизм, который складывается в таких случаях в головах публики. Но, коли ты себя этим потешишь, беда не велика».

Об авторе и зрителе

Автор никогда не знает – в то время, как он показывает свои китайские тени – горит ли, погасла ли свечка в его фонаре. Сам-то он видит свои фигуры – а другим, быть может, представляется одна черная стена.

Еще раз об авторе и зрителях

Автор, ты знаешь, судья плохой – особенно на первых порах. Он видит не только то, что сделал – но даже то, что хотел сделать; а публика – может быть – ничего не видит.

О своем таланте

Поверьте: когда я говорю, что «охладел к своему делу», я не жантильничаю и не хандрю; я просто сознаю факт. Я готов допустить, что талант, отпущенный мне природой, не умалился; но мне нечего с ним делать... Голос остался – да петь нечего. След., лучше замолчать. А петь нечего – потому что я живу вне России, а не жить вне России я по обстоятельствам – всеильным – не могу...

Об умении писать и умении молчать

Нашему брату, ветерану накануне полной отставки, уже трудно измениться: что у нас вышло плохо, того уже не исправишь; что удастся – того не повторишь. Нам остается одно, о чем должно думать – уметь замолчать вовремя.

О прощании с домом в Баден-Бадене

Здесь дом, - в котором я жил и который я продал по милости дяди – теперь продан окончательно – с 1 ноября. Баденская жизнь моя – тую – тую!

О дочери Полине и стране Франции

Я хочу пояснить Вам, почему именно между моей дочерью и мною мало общего: она не любит ни музыки, ни поэзии, ни природы – ни собак, - а я только это и люблю. С этой точки зрения мне и тяжело жить во Франции – где поэзия мелка и мизерна, природа положительно некрасива, музыка сбивается на водевиль или каламбур – а охота отвратительна. Собственно для моей дочери это все очень хорошо – и она заменяет недостающее ей другими, более положительными и полезными качествами; но для меня она – между нами – тот же Инсаров. Я ее уважаю, а этого мало.

О прибытии к дочери в Клуа

Дорогая Полинетта,

Уведомляю тебя, что в понедельник в 3 часа 40 я прибываю в Клуа с пилюлями, устрицами, лососиной и одеколоном.

О прибытии в местечко Соден

Любезнейший А.И. (письмо А.И. Герцену – А.П.)

Сегодня ограничиваюсь извещением, что я благополучно прибыл в Соден, местечко близ Франкфурта-на-Майне, в Великом Герцогстве Нассауском, что я остановился в Hotel de L'Europe, что дождик льет с утра, что один доктор советует мне пить источник № 18-ый, а другой № 19-ый; что здесь, к счастью, русских мало, зато есть один такой генерал, что на двадцать пять шагов от него несет пощечиной, харчевым хлебом, коридором Измайловских казарм в ночное время и Станиславом на шее; что я здесь останусь четыре недели, а потом поскачу на Уайт – в твои объятия...

О местечке Соден

Соден – очень уединенное и довольно милое местечко. Чистые улицы, чистые дома, честные физиономии.

О прибытии в город Берлин

Пробуду я в Дрездене 5 дней; на 6-ой день я прибуду в Берлин. Советую Вашей братье выстроить мне на дороге в Постдам трухмальную арку следующим образом: Бакунин становится буквой «С»; ты, за невозможностью придать твоему телу некруглое положение, становишься подпорой Бакунину; на шее Бакунина становится Скачков, одетый в розовое трико, на голову ему возлагается венок, в одну руку дается труба, в другую – пальма (бумажная, пожалуй), он представляет славу. Так как, по всей вероятности, он в скором времени замерзнет, то все эти предметы не худо привязать к его членам. Я вылезу из коляски; сперва скажу Вам речь; по окончании речи Ефремов 101 раз звукоподражает пушечному выстрелу: звуки, не выходящие из верхнего отверстия, в счет не принимаются. После всех выстрелов я проезжаю на четвереньках под аркой, за невозможностью пройти стоя, и иду далее, вы же идете за мной и поете. Таким образом, я намерен возвратиться в город Берлин.

О возвращении на родину

Хоть я далеко не ландыш (разве вот что волосы так же белы) – но поверьте мне – вместе с этим цветком и я появляюсь в наших странах. Это несомненно, если только я буду жив.

Об отдыхе в Москве и его последствиях

Пробыл в Москве 10 дней. Приятно, однако, не совсем, ибо пучит, будучи частью сдобно, частью пресно.

О русской почте

Я только вчера получил Ваше письмо от 12 октября, любезнейший Иван Петрович (Боткин – А.П.) – оно находилось два месяца в дороге – это сильно даже для русской почты.

О своих и чужих

Когда свои люди бьют тебя до синяков, то не вспоминаешь больше о чужих болячках.

О друзьях

В самых лучших отношениях между двумя друзьями, как я заметил, наступает такой момент, когда один из них вдруг кажется другому мертвым псом и не может претендовать на какую-либо более высокую оценку. По разным моментам и признакам я смог заключить, что этот мертвопсовый момент следует считать наступившим в отношении ко мне моих немецких пифий.

Об учителе плавания и его заповеди

Я вспоминаю, что мой учитель плавания (тоже пруссак) всегда кричал мне: «Рот над водой, черт поberi! До тех пор, пока держишь рот над водой, остаешься человеком!»

О критиках

Отрывок из статейки г-на Писарева, присланный тобою, показывает, что молодые люди плюются; - погоди, еще не так плевать будут! Это все в

порядке вещей – и особенно на Руси не диво, где мы все такие деспоты в душе, что нам кажется, что мы не живем, если не бьем кого-нибудь по морде.

О назойливом Долгоруком

Он будет к тебе (*А.И. Герцену – А.П.*) лезть в самую глотку – но ты отхаркаешься.

Об Апраксине и фраке

Я еще не видел Апраксина, но, на всякий случай, возьмите фрак (*А.А. Фету – А.П.*); впрочем, мы, может быть, обойдемся без него, т.е. без Апраксина.

О пользе кровопускания

Сегодня опять выпустили из меня немножко крови, как пиво из бочки: ставили стаканчики; но я уже хожу по комнате и имею удовольствие видеть в окне напротив моего хорошее личико, впрочем, весьма редко. Признаться, до сих пор всякий раз, увидя меня, она отбегала от окна с некоторым ужасом; но я приписываю подобное влияние на нее моей ослепительной красоте.

О поляках.

Чем больше я живу, тем более убеждаюсь, что главное дело ЧТО, а не КАК – хотя КАК гораздо легче узнать, чем ЧТО.

Поляки имеют право, как всякий народ, на отдельное существование: это – их ЧТО – а КАК они этого добиваются – это уже второстепенный вопрос. Этим я не хочу сказать, что мы были совершенно не правы во всем этом деле; со времен древней трагедии мы уже знаем, что настоящие столкновения – те, в которых обе стороны *до известной степени правы...*

Об англичанах

На счет англичан, которых я сам очень люблю – Вы дали маху. По воскресеньям они точно запирают все лавки – исключая, заметьте, – исключая кабаков (gin shops), в которых народ может невозбранно упиваться до последних степеней безобразия. Водка все побеждает – даже английский пуританизм.

О немцах, едущих на войну с Францией

Откуда взялась эта бесчисленная орда? На вокзале я видел множество солдат, спящих на тюфяках, сидящих, стоящих... все они дюжие, откормленные, розовые, словно кровь французов, которую они собираются пролить, заранее окрашивает им щеки.

О немцах после разгрома Франции

Немцы выросли даже до безобразия: шашаками небо подпирают, на земле же желают Богемию, прочих оделяя презрением, нас, по дружбе и родству, больше всех.

О прусском короле и ослах

Можете сообщить Скачкову следующую остроту: когда король заставил весь народ кричать: «Ia», неужели они забыли, что крик ослов тоже – «I-a». Помнишь римских ослов, Ефремов? Но римские ослы кричат больше ночью и возбуждаемые близостью прекрасного пола – немалое преимущество: повод гораздо более благородный, естественный и человеческий.

О друге – Павле Анненкове

Анненков порхает десятипудовой бабочкой по Северной Италии и запускает хобот своего наблюдения в цветы общественной жизни.

О шапке Анненкова

Вы уже, вероятно, теперь знаете, что шапку Вашу подменил не я; шапка, в которой я приехал, несомненно, моя. Ваша мне бы на голову не взлезла.

О сестре и зяте знакомого П.Я. Макарова

Пожалуйста, возьмите свою сестру и зятя в руки: он, я заметил, улыбается очень самостоятельно – но и только; а сестра Ваша – в некоторой степени – баши-бузук, что не мешает им обоим быть милейшими людьми.

О поездке большой группы русских писателей на английский остров Уайт

Наша коллегия будет так велика, что, право, не худо бы подумать, не завоевать ли, кстати, нам этот остров?

О себе и Фете

«Прочтя Ваше изумительное изречение, что: «Я (И.С.Т.) консерватор, а Вы (А.А.Ф.) – радикал» – я вспылал лирическим пафосом и грянул следующими стихами:

Решено! Ура! Виват!
Я – Шешковский, Фет – Марат!
Я – презренный волтерьянец...
Фет – возвышенный спартанец!
Я – буржуй и доктринер...
Фет – ре-во-лю-ци-о-нер!
В нем вся ярость нигилиста
И вся прелесть юмориста!

Желаю Вам расцвести на деревенском воздухе, как ландыш...
Передайте мой искренний поклон Марье Петровне – и верьте в искренность моих хотя реакционных, но дружеских чувств.

О Фете-няне и Фете-младенце

А Вы, душа моя, продолжайте мечтать о создании у нас в России земледельчески-дворянски-классической аристократии – баюкайте в качестве нянюшки самого себя в качестве младенца! Чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не плакало!

О Фете и его покупке

Теперь он (Фет - А.П.) возвратился восвояси, т.е. в тот маленький клочок земли, которую он купил посреди голой степи, где вместо природы существует одно пространство (чудный выбор для певца природы!).

О Фете и его мечтах

Какой перл выкатился у Вас в последней фразе Вашего письма: «Покупайте у меня рожь по 6 руб., дайте мне хороших рабочих за 3 руб., дайте мне право тащить в суд нигилистку и свинью за проход по моей земле, не берите с меня налогов – а там хоть всю Европу на кулаки!». Это «не берите с меня налогов» - прямо восторг! Государство и общество должно охранять штабс-ротмистра Фета как зеницу ока – а налогов с него – ни-ни! О Катков, Катков, покровитель и сочинитель нашей gentry, облобызай сего

птенца!». Вот – я Вас отщелкал – теперь щелкайте Вы меня – сие называется обменом дружественных посланий.

О фуфе

Никто еще меня не обвинял в том, что я на фуфу забираю деньги.

Р.С. Надеюсь, никто из читателей не упрекнет и меня, что я их развел на фуфу, - по поводу юмора нашего великого земляка.

Орловский писатель Толстой

Любой мало-мальский любитель русской литературы, наверняка, слышал о трёх русских писателях Толстых – Алексее Константиновиче, Льве Николаевиче и Алексее Николаевиче. Не буду перечислять их произведений: каждый из читателей, в меру своей просвещённости, сам сможет назвать хотя бы несколько.

Врачеватель тел и целитель души

На звёздном фоне этих грёх графов как-то затерялось во времени имя четвёртого Толстого, который, между тем, при жизни своей был достаточно хорошо известен, особенно в среде православных читателей. А в последние годы его сочинения, после долгого перерыва, вновь стали доступны уже и нашим современникам. Думаю, что о русском писателе, историке церкви и агиографе (*специалисте по житиям святым – А.П.*), графе Михаиле Владимировиче Толстом пришла пора вспомнить, так как его жизнь и творчество тесно связаны с Орловщиной.

Михаил Толстой

Родился Михаил Владимирович в Москве в славном 1812 году, незадолго до вторжения Наполеона в Россию. Родителями писателя были граф Владимир Степанович Толстой и Прасковья Николаевна Сумарокова (*из рода известного писателя XVIII века – А.П.*) Прекрасное домашнее образование Михаил Толстой получил благодаря отцу, европейски образованному человеку, и преподавателю философии Троице-Сергиевой Лавры, протоиерею Фёдору Голубинскому. А потом молодой человек решил стать врачом и успешно закончил медицинский факультет Московского университета. В 1838 году Михаилу Толстому была присвоена степень доктора медицины. Он успешно лечил. Но

вскоре начинающий врачеватель окончательно понял, что идёт не своей дорогой, и поступил на службу в благотворительный «Комитет для разбора и призрения просящих милостыни».

Трудясь в этом комитете, в 1830-е и начале 1840-х годов Михаил Толстой написал хорошим литературным языком несколько духовных книжек для народного чтения: *"Жизнь святого Иоанна Милостивого"*, *"Примеры христианского милосердия"*, *"Жизнь и чудеса святого Николая Чудотворца"* (это произведение ещё при жизни автора выдержало 12 изданий – А.П.) и ряд других. Доходы от издания книг автор использовал на благотворительные цели.

В 1847 году вышел в свет первый капитальный труд Михаила Толстого – *"Святыни и древности Ростова Великого"*. За ним последовали *"Святыни и древности Пскова"*, *"Книга, глаголемая Описание о Российских святыях"*, *"Патерик Свято-Троицкой Сергиевой Лавры"*, *"Хранилище моей памяти"* и, наконец, *"Рассказы из истории Русской Церкви"*.

Последнее из названных сочинений полюбилось православным читателям и при жизни автора переиздавалось трижды. А в 1991 году издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря впервые издало эту книгу уже в новой России – стотысячным тиражом. Почему у этого сочинения Михаила Толстого оказалась такая достойная и завидная судьба, почему оно не забыто и востребовано?

Причина здесь только одна: *"История Русской Церкви"* написана церковно и научает церковности. М. В. Толстой в своей *"Истории..."* *следует традициям как церковного летописания, так и житийного повествования, и потому читатель получает от его книги и исторические познания, и благочестивое назидание*.

Надеюсь, современник, ты получил некоторое представление о писателе Михаиле Толстом. А теперь о его связях с Орловщиной.

Михаил Толстой и Орловщина

Несколько поколений графов Толстых в XVIII – XIX веках проживало в Малоархангельском уезде, где за ними числилось свыше 150 душ крепостных крестьян и около двух тысяч десятин земли. Вот какой документ мне удалось обнаружить в Государственном архиве Орловской области (ГАОО, ф.760, оп.1., д.387, *«Владельческие крестьяне Малоархангельского уезда в 1816 году»*):

«Деревня Прилепы досталась графам, помещикам, коллежскому асессору Владимиру и надворному советнику Александру Стефановичам Толстым – по наследству от покойного родителя, бригадира, графа Стефана Фёдоровича Толстого (он скончался в 1809 году – А.П.) и по разделу, учинённому в прошлом, 1815 году, с матерью, бригадиршей, графиней Александрой Никитиной Толстой, братьями, графами, лейб-гвардии Преображенского полка поручиком Стефаном, артиллерии капитаном Николаем, поручиком и разных орденов кавалером Андреем, неслужащими Михайлом, Петром, сестрами, девицами, графинями. Аграфеной, Марьею Стефановыми и сестрой, вдовою, коллежской асессоршей, графиней Елисаветой Салтыковой».

Сразу после этого раздела крепостные крестьяне из названной деревни Прилепы были переведены братьями-владельцами в близ расположенное село Кузнечик (ныне – деревня в Луковском сельском поселении

Малоархангельского района – А.П.), которое и стало основным именем Владимира и Александра Степановичей Толстых.

Подчеркну, что перечисленные Толстые и великий русский писатель Лев Николаевич имеют общего предка – *Петра Андреевича Толстого* – сподвижника Петра I, сенатора, привезшего из заграницы несчастного царевича Алексея к грозному отцу. Родословные цепочки через два поколения разошлись на уровне внуков Петра Андреевича: Лев Толстой имеет своим предком Андрея Ивановича, а малоархангельская ветвь происходит от Федора Ивановича.

Братья Владимир Степанович и Александр Степанович Толстые в равных долях владели имением в сельце Кузнечик. Александр Степанович постоянно проживал здесь, а Владимир Степанович (*отец главного героя нашего рассказа – А.П.*) лишь изредка бывал в своём орловском имении. К тому же, он скоропостижно скончался в феврале 1825 года, не дожив и до 50 лет. Старшему сыну Михаилу в тот момент ещё не исполнилось и 13-и. Достигнув совершеннолетия, он с 1833 года стал владельцем части имения в сельце Кузнечик (*другой половиной продолжал владеть его дядя Александр Степанович – А.П.*).

Михаил Владимирович бывал в своём владении не часто, но, как и отец, считался орловским дворянином. Знаковое посещение орловского сельца Кузнечик состоялось для начинающего писателя в самом начале лета 1851 года, вскоре после его венчания с княжной Елизаветой Волконской и поездкой с нею в свадебное путешествие.

Жизнь молодых складывалась в целом благополучно, один за другим рождались дети (*всего их было семеро – пятеро сыновей и две дочери*), со старшими сыновьями Сергеем и Петром Михаил Владимирович несколько раз приезжал в сельцо Кузнечик.

А в августе 1872 года писатель продал один из московских домов (на улице Моховой) и купил в Ливенском уезде, в селе Медвежьем, имение помещика Еропкина, состоявшее из 836 десятин черноземной земли. Владение было оформлено на жену, Елизавету Петровну. С этого времени, на протяжении полутора десятков лет, Толстые постоянно проводили в новом имении всё летнее время, став по-настоящему орловскими помещиками. Михаил Владимирович каждый год что-то изменял или ремонтировал в поместье, внося в него различные изменения.

Ну а главное – здесь он, вдали от столиц, писал неспешно и со вкусом. Именно в селе Медвежьем был создан «Патерик Троице-Сергиевой лавры», любимое произведение самого Михаила Толстого, высоко оценённое иерархами православия. На Орловщине Михаил Владимирович написал и «Мои воспоминания», опубликованные в нескольких номерах журнала «Русский архив» за 1881 год. В них он очень подробно, живо и эмоционально рассказал о самом себе и своих родственниках из известнейших русских дворянских фамилий – Толстых, Сумароковых, Волконских, Долгоруковых и других.

Умер Михаил Владимирович Толстой, окружённый любящими детьми, на руках одного из своих сыновей. Это случилось в Сергиевом Посаде 23

января 1896 года. Там же, в ограде Лавры, рядом с женой и двумя ранее умершими сыновьями, его похоронили.

В статье по поводу кончины Толстого, напечатанной в 1896 году в "Богословском вестнике", отмечалось: *"Человек светский, не получивший богословского образования, он необыкновенно много сделал именно для духовного просвещения русского народа"*.

В советские годы имя Михаила Толстого было основательно забыто. Сейчас оно возвратилось из небытия. К сожалению, от орловских имений писателя в Кузнечике и Медвежем (ныне – Новодеревеньковского района – А.П.) не осталось ничего.

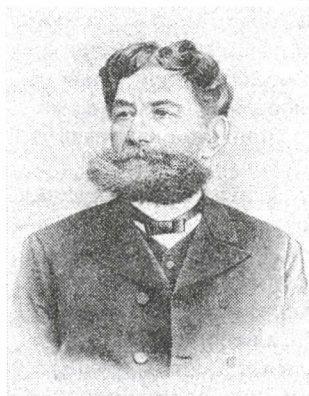
Зато благодаря опубликованным воспоминаниям Михаила Толстого орловчане могут узнать некоторые интересные подробности, к примеру, о фельдмаршале Михаиле Федотовиче Каменском и его родственниках. Об этом – поговорим как-нибудь отдельно.

От отца к сыну: два «Дела» Сухово-Кобылиных (орловские связи известного русского драматурга)

О «Свадьбе Кречинского» слышали если не все, то очень многие. Эта знаменитая пьеса Александра Сухово-Кобылина остаётся популярной вот уже более полутора столетий, не уступая гробоведовской комедии «Горе от ума», гоголевскому «Ревизору» и лучшим пьесам Островского. Пьесу неоднократно экранизировали. Последней по счёту была постановка режиссёра Михаила Козакова (фильм 2002 года под названием «Джокер»).

Будьте осторожны с женщинами

Зритель наших дней, смотря эту остроумную, зажигательную комедию, вряд ли подозревает, что автор начал писать её, сидя в тюрьме, где оказался по подозрению в убийстве собственной любовницы.

Александр Сухово-Кобылин

«Свадьба Кречинского» вообще была первым литературным произведением Александра Васильевича Сухово-Кобылина, выходца из древнего дворянского рода (родственного царской династии Романовых) и, по воспоминаниям современников, типичного представителя "золотой молодежи".

На портрете Василия Тропинина, датированном 1847 годом, Сухово-Кобылин запечатлен тридцатилетним красавцем с выразительным, запоминающимся лицом: умные, пронизательные глаза, хотя взгляд их мягок и даже нежен, высокий лоб, четкая, прямая линия носа, не по-мужски плавное очертание подбородка. Да, он действительно был на удивление красив той красотой, которая не связана с определенным временем, и сегодня лицо его притягивает, завораживает.

Если же добавить к этому портрету его изысканные манеры, знание нескольких языков, блестящие познания в точных науках, философии, литературе, искусство обращаться с лошадьми, увлечение новомодной тогда гимнастикой, то можно понять, почему он сводил с ума женщин и пользовался необычайным успехом в свете. Но вот в остальном Александр Васильевич очень отличался от своего окружения: не кутил, не пил, ни во что не бросался сломя голову - это влюбленные в него женщины безумствовали, он же оставался внешне бесстрастным.

Впрочем, это не спасло «светского льва» от тяжелейших испытаний, связанных, опять-таки, с одной из его поклонниц. Как и при каких обстоятельствах познакомились русский аристократ Александр Сухово-Кобылин и Луиза Симон-Деманш, молодая красивая француженка из простой семьи, современники рассказывали по-разному. Но зато об их восьмилетней связи, которую они не скрывали, судачили в Москве многие.

Сухово-Кобылин снял для Симон-Деманш хорошую квартиру из пяти комнат (зал, гостиная, кабинет, приемная и спальня), обставил ее красивой мебелью, вручил 60 тысяч рублей ассигнациями на заведение винно-торгового магазина и стал открыто жить с ней, вызывая завистливые пересуды. Были у Александра Васильевича и побочные интрижки, пока через семь лет он серьезно не увлекся графиней Надеждой Ивановной Нарышкиной, урожденной Кноринг (будущей женой Александра Дюма-сына). Дело шло к браку.

Луиза же, получив отставку, готовилась к возвращению в Париж, но не успела - ее труп обнаружили 9 ноября 1850 года близ Ваганьковского кладбища. Светская молва связала ее смерть с Сухово-Кобылиным. Следствие также решило, что француженку по наущению помещика, желавшего избавиться от любовницы, убили его крепостные. Сухово-Кобылина тут же арестовали и заперли *"в секретный чулан, обстену с ворами, пьяною чернью и безнравственными женщинами"*. Ему пришлось хлебнуть прелестей следствия по полной программе: непрерывный одиннадцатичасовой допрос, шантаж арестом всех родных, открытая полицейская слежка за домом, распространение клеветы о том, что он убийца. Следствие (так и не представившее никаких доказательств его вины) длилось с перерывами семь лет. Для чиновников Сухово-Кобылин стал «дойной коровой». Им он ничего не мог доказать, мог лишь откупаться.

Обвиняемый написал письмо на имя Николая I, последовали резолюции и переадресовки, но лишь в 1857 году Госссовет с подтверждающей резолюцией Александра II снял с Сухово-Кобылина обвинение в убийстве и приговорил к церковному покаянию за любовную связь. Но это "дело" и по сей день висит на нем как проклятие, хотя невиновность драматурга была точно установлена в прошлом веке с помощью найденных архивных документов.

Дважды находясь в тюрьме во время этого долгого следствия, Сухово-Кобылин, от скуки и чтобы немного отвлечься от мрачных мыслей, и написал свою первую и самую популярную пьесу. «Свадьба Кречинского» возбудила всеобщий восторг при чтении в московских литературных кружках, в 1856

году она была поставлена на сцене Малого театра и стала одною из самых репертуарных пьес русского театра за всю его историю.

Молва же вокруг убийства Луизы Симон-Деманш и невезение в отношениях с женщинами сопровождали потом драматурга всю его долгую жизнь.

Как прапорщик с подполковником сражался

Возможно, Александр Васильевич Сухово-Кобылин был бы поосторожнее в своих любовных связях и задумывался бы почаще о последствиях, если бы знал об истории, которая случилась с его отцом во время Отечественной войны – неподалёку от Орла, в сельце Мезино Орловского уезда.

Судьба занесла сюда подполковника Василия Сухово-Кобылина 20 сентября 1812 года, когда 48 батареинная рота конно-артиллерийского полка, командиром которой он был, стала на постой в имении местного помещика Николая Апухтина.

Василий Александрович Сухово-Кобылин родился в 1782 году, в 17 лет произведен был в подпоручики Гвардейской конной артиллерии и с тех пор в течение шестнадцати лет вел боевую жизнь, принимая участие в походах и генеральных сражениях русской армии в 1805, 1807, 1810, 1812 годах. Под Аустерлицем он потерял глаз, но военную службу не оставил и в чине подполковника, неоднократно раненный в бою, продолжал командовать конно-артиллерийской ротой. Вот с нею-то подполковник и остановился на квартиры в сельце Мезине.

Знал бы Василий Александрович, что его здесь ждёт сражение почище Бородинского, подыскал бы для своих артиллеристов другое место. Владелец Мезинского имения, отставной прапорщик Апухтин, оказался редкостным мерзавцем. Это подполковник Сухово-Кобылин понял сразу, когда помещик категорически отказался бесплатно предоставить сено и овёс для артиллерийских лошадей. И никакие уговоры командира роты на помещика не подействовали.

О жадности и дурном характере Николая Апухтина вскоре рассказали подполковнику местные крестьяне и священник. Оказалось, что всего за четыре года своего хозяйствования в сельце Мезине (Апухтин купил имение у генерал-майорши Раевской) он довёл своих крепостных до почти полного разорения, проявляя в этом деле редкую изобретательность. Крестьяне, у которых он отбирал всё, включая дома, вынуждены были скитаться по соседним сёлам и просить милостыню, убегать и просто умирать с голоду. Апухтин же, чтобы держать крепостных в страхе и подчинении, использовал по отношению к ним физические средства – избивал их сам или поручал это своему приказчику.

Командир роты понял, что с таким помещиком договориться нельзя, и потому поступил так, как считал необходимым в условиях военного времени: реквизировал сено и овёс в усадьбе Апухтина, оставив ему расписку о количестве взятого фуража.

Через пять дней 48 батарейная рота конно-артиллерийского полка покинула село Мезино, и Сухово-Кобылин был уверен, что об Апухине он забудет, как о дурном сне.

Участвовали потом артиллеристы в изгнании французов из России, в Заграничном походе русской армии. За мужество и находчивость в битве народов под Лейпцигом подполковник Сухово-Кобылин был удостоен ордена Святого Георгия четвёртой степени. Обстреливала его рота Париж, а 19 марта 1814 года Сухово-Кобылин вступил со своими артиллеристами в столицу Франции в авангарде русской армии под начальством графа Палена.

В 1816 году, в чине полковника, «за ранами», храбрый артиллерист ушёл в отставку, женился, – и в этом же году узнал, что старый враг Апухтин в суд на него подал и требует компенсации нанесённого его имени ущерба больше чем в 121 тысячу рублей.

Посмеяться хотел, было, Василий Александрович, да не до смеха вскоре ему оказалось. Все инстанции завалил жалобами отставной прапорщик Апухтин. Отобьётся полковник Сухово-Кобылин от одной – по другой вскоре приходится объясняться: и то он взял в апухтинской усадьбе, и это, и вообще выгнал, якобы, командир роты самого хозяина из дома, и тот был вынужден в Орёл уехать.

Всем орловским чиновникам – от уездных судей до прокурора и губернатора успел за семь лет нажаловаться отставной прапорщик Апухтин, а потом до Правительствующего Сената и до Министерства Юстиции добрался.

Всех «достал», но у самого-то «рыльце в пушку» ведь было. И потому после очередной его жалобы в Орловскую уголовную Палату, решением Орловского уездного суда и Орловского губернского правления имение у Николая Апухтина было отобрано и отдано в опеку – «за злоупотребление помещичьей властью», а самого его 31 января 1824 года отправили под арест сроком на три месяца - *«за неприличное дворянину жестокое обращение его с крестьянами, за распродажу их всех в многие руки и поодиночке...»*. После этого жалобы на полковника Сухово-Кобылина однофамилец известного поэта прекратил.

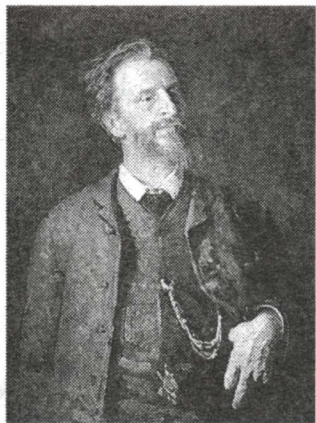
Об этой истории я узнал из документов, хранящихся в Орловском государственном архиве (ГАОО, ф.31, оп.2, ед.хр.23). А судьба великого русского драматурга Александра Сухово-Кобылина (24 марта 2013 года исполнилось 110 лет со дня его смерти – А.П.) повторилась потом в другой истории, - только гораздо более трагичной...

Художник Григорий Мясоедов

Отец всех художников-передвижников

Он был инициатором создания и одним из организаторов крупнейшего из известных в мировой практике объединения выдающихся художников, автором проекта Устава этого общества и в течение 40 лет входил в состав его правления.

«Товарищество передвижных художественных выставок» – таким было официальное название союза, а членов его стали называть художниками – передвижниками.

Художник Григорий Мясоедов (портрет работы Ильи Репина)

Будущий мастер кисти родился в апреле 1834 года в селе Паньково (ныне – Новодеревеньковского района Орловской области) в семье помещика средней руки, в усадьбе, со всех сторон окруженной крестьянскими избами, что навсегда определило главную тему творчества художника – «Сельская Россия».

С 1846 по 1852 год он обучался в Орловской гимназии, где проявил, под руководством профессионального художника И.А.Волкова, незаурядные способности к рисованию, но, уехав в Санкт-Петербург, для поступления в Академию художеств, несколько лет жил тяжело и неустойчиво. Вот как вспоминал потом сам Григорий Григорьевич Мясоедов об этом времени: *«Жил я, как и большинство студентов Академии художеств, на Васильевском острове, в бедной комнате. Источником существования моего была работа на кондитерскую, где пеклись пряники, а я с товарищем раскрашивал их. Баранам и свиньям золотили головы, генералам – эполеты. Платили за это по три копейки с дюжины. Зарабатывали на обед и ухаживали за булочницей, которая нам казалась не менее прекрасной, чем Форнарина Рафаэлю. Обедали на Неве, на барке, где давали за шесть копеек щи с кашей без масла и за восемь копеек – с кашей на масле».*

Обучаясь в Академии художеств (1853-1862) у Т.А.Неффа и А.Т.Маркова, уже в студенческие годы он создал картины, которые привлекли внимание академиков, а за одну из них – *«Бегство Григория Отрепьева из корчмы на литовской границе»* – был удостоен большой золотой медали.

В 70-ые – 80-ые годы XIX века художник пишет картины, принесшие ему российскую известность и репутацию мастера крестьянского жанра, борца за национальное, глубоко правдивое искусство. Среди этих полотен – *«Земство обедает»*, *«Чтение манифеста 19 февраля 1861 года»*, *«Опахивание»*, *«Засуха»*, *«Дорога во ржи»*, *«Косцы»*, *«Сеятель»*.

В 1870 году за картину *«Заклинание»* художник получил звание академика.

Он был человеком высокого роста, ходил прямо, как – то по – особому носил голову, а его лицо – умное, с утонченными чертами, длинным и немного искривленным на бок носом, с прищуренными, полными огня глазами, вдохновило его друга – великого русского художника Илью Репина на написание его портрета, а потом и знаменитой картины *«Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года»*, где прообразом Ивана Грозного и послужил наш земляк, Григорий Григорьевич Мясоедов.

Мясоедов впоследствии рассказывал об этом позировании: *«Раз десять, а то и больше он писал меня с разными поворотами головы, при разнообразном освещении, на различном фоне, заставлял подолгу оставаться без движения в самых неудобных позах и на диване, и на полу, имитируя пятна крови, муштровал в выражении лица, принуждал делать, как он говорил», «сумасшедшие глаза»* - результат был налицо: картина на первой же выставке потрясла зрителей своей выразительностью.

С 1859 года Мясоедов регулярно принимал участие в академических выставках, Всемирных выставках в Париже (1867, 1878, 1900), Чикаго (1893), и везде его картины пользовались большим успехом у публики.

Последние годы жизни он преподавал живопись в Киеве, Харькове, Одессе, а затем поселился под Полтавой, в усадьбе Павленки, где и умер в декабре 1911 года. Похоронили художника, согласно его завещанию, в усадьбе собственного дома, по гражданскому обряду.

Григорий Григорьевич Мясоедов известен, прежде всего, как мастер бытового жанра, однако он ещё и портретист, замечательный исторический живописец, а от его пейзажей, по признанию известного скульптора С. Меркурова, исходит *«мощная сила земли, та самая, что у Толстого была»* – и до сих пор воздействующая на зрителей.

Во многих картинах художника чувствуется его гражданственность, отражение современности с определенной окраской демократизма, пропитавшего все передовые слои общества.

Таковы его "Чтение манифеста", "Земство обедает", "Самосожжение". В них отразился Мясоедов-шестидесятник, выполнявший заказ на современные литературные темы; но в Третьяковской галерее есть и другая его вещь, без всякой предвзятой тенденции,-- вечерний пейзаж: рожь, на вечернем небе край уходящей тучи. По меже бредет одинокая фигура нищего. Картина полна глубоко пережитого искреннего чувства; в ней поэзия, и ее все помнят. Она подкупает и заражает зрителя мирным, общечеловеческим чувством. По этой картине можно судить, что Мясоедов был не только думающим, но и глубоко чувствующим художником.

Может быть, идеи, которые проповедовал когда-то наш земляк, сейчас кажутся несовременными, и то, чему учил Мясоедов-гражданин, отошло в прошлое, но то, что проповедовал Мясоедов как художник-поэт, навсегда останется неотъемлемой частью души человеческой, как нечто великое и вечное.

Орловицина на картинах Мясоедова

По мнению орловского исследователя творчества Г.Г.Мясоедова, профессора Орловского государственного университета А.С.Хворостова, многие картины нашего знаменитого земляка написаны им по впечатлениям и на материалах его родных мест.

И это касается не только его ранних работ, таких, как "Портрет отца" (1857 г.), "Урок пряжи" (1859 г.), "Деревенский знахарь" (1860 г.), "Поздравление молодых в доме помещика" (1861г.). Многие произведения и зрелого периода были написаны Г.Г.Мясоедовым по впечатлениям и на материалах его родных мест.

Можно не сомневаться, например, что знаменитая "Страдная пора. Косцы" (1887 г.) создана на основе наблюдений крестьянского труда или в родном Паньково, или под Мценском, где у родственников Мясоедова (по линии жены - Кривцовых) было имение и где художник нередко проводил летние месяцы.

Григорий Мясоедов. Фрагмент картины - Земство обедает.

Григорий Мясоедов. Портрет жены

Орловские истоки профессор Хворостов обнаружил и в наиболее известной картине художника "Земство обедает". Стопроцентно идентифицировать здание, изображенное на картине Мясоедова, с реальным зданием бывшего уездного Новосильского земства, ему не удалось из-за того, что оно было полностью разрушено во время Великой Отечественной войны, а после восстановления утратило прежний облик и фотографий с него не сохранилось. Однако в фондах Новосильского музея сохранилось письменное свидетельство уроженца села Паньково Анания Семёновича Ремнёва (он работал в здании Новосильского земства в первые годы после революции), что это именно то здание, которое изображено на картине его знаменитого односельчанина.

Таким образом, мы можем утверждать с достаточной долей уверенности, что свою знаменитую картину Мясоедов написал на местном материале, изобразив сцену скудной крестьянской трапезы на фоне здания Новосильского уездного земского собрания (тогда - Тульской губернии). Таковую сценку Мясоедов, видимо, наблюдал воочию.

Орловчанка на картинах Мясоедова

А совсем недавно мы узнали, что на четырёх картинах Григория Григорьевича (из числа менее известных его почитателям) изображено конкретное, достаточно симпатичное орловское лицо. Мясоедову для его полотен «Неизвестная» (нам знакома была такая работа только у И.Крамского), «Женщина в кленовых листьях», «На берегу моря» и «Дама с собакой» (другое название – «Осиротели») позировала София Волковицкая, дочь известного орловского врача Владимира Ивановича Радуловича и рано скончавшейся его жены Софии Дмитриевны (в девичестве – Чиркиной, происходившей из семьи малоархангельских помещиков).

Источник, откуда мы почерпнули эти сведения, совсем неожиданен для орловчан. В 2011 году в Киеве на украинском языке опубликованы «Воспоминания» известного украинского историка Наталии Дмитриевны Полонской-Василенко. Как ни удивительно, но по материнской линии её корни – в орловской глубинке, в сельце Липовица Малоархангельского уезда, где проживали в XIX веке помещики Мухортовы.

Очень большой кусок «Воспоминаний» Н.Д.Полонской-Василенко посвящён её детству, проведённому на орловской земле, и её многочисленным родственникам – Мухортовым, Мацневым, Чиркиным, Лилиенфельдам, Куприяновым, Радуловичам (все они – помещики Малоархангельского уезда – А.П.). Вот цитата из этой книги, посвящённая как раз Радуловичам и Волковицким:

«Самая молодая из Чиркиных - София - вышла замуж в середине 60-х годов за доктора Владимира Ивановича Радуловича. Происходил он из новосербских сербов. Он был главным врачом городской больницы в Орле, которую поставил на высокий уровень. Он пользовался всеобщим уважением и был очень популярен как врач. Радуловичи имели двух детей: дочь Софию, которая родилась в 1870 году, и сына Владимира, родившегося около 1879 года. Рождение Владимира стоило смерти его матери. Дети Радуловичей стали объектом страстной любви и заботы у всех теток, а для бездетных Куприяновых. Соня и Владимир Радуловичи были как их дети. В 1889 году Соня Радулович вышла замуж за Александра Викторовича Волковицкого, молодого юриста, который быстро сделал блестящую карьеру - потому что еще совсем молодым стал секретарем Департамента Сената.

Волковицкие жили в Петербурге весело и шумно. Кроме наследства по матери, Соня имела постоянную помощь от отца и теток, которые засыпали их подарками. Соня была удивительно красивая, маленькая, тоненькая, с выточенным профилем и орлиным носом. Замечательные темно-серые глаза были окружены длинными черными ресницами. Ее очаровательная головка была хорошо известна посетителям передвижных выставок, ибо каждый раз Мясоедов писал с нее разные картины: «Неизвестная», «Женщина в кленовых листьях», «Дама с собакой», «На берегу моря» и другие. Летом Волковицкие приезжали в Петровский – имение Радулович, который был в отдалении версты от Неручи (это населённые пункты Малоархангельского уезда, расположенные по берегам реки Неручь – А.П.).

Всю свою жизнь Г.Г.Мясоедов находил возможность прикоснуться к родным местам и людям. Даже, когда по совету своего друга врача А.А.Волкенштейна художник приобрёл имение в предместье Полтавы (в начале 90-х годов XIX века), он не порвал связей со своей малой родиной. То и дело на Выставках товарищества появлялись произведения, созданные в родных ему местах.

Итоги жизни и творчества

Григорий Мясоедов умер 18 декабря (31 декабря – по новому стилю – А.П.) 1911 года, окруженный музыкантами, которые играли ему любимых Баха и Шопена... Его сын Иван, тоже художник, постоянно не ладивший с отцом, выполнил портрет умирающего с натуры: спазматически открытый рот, контуры страдальчески заостренного лица. Трудно понять, что им двигало – чувство художника или ненависть к отцу.

Мясоедова-отца не стало, но остался он – сын его, который на двух посмертных выставках (в Полтаве и в Москве в 1912 и 1913 годах) безжалостно расторговал все богатое наследие отца, не пощадив и его коллекции, составленной из дарственных работ Репина, Ге, Шишкина, Дубовского, братьев Маковских... Нам, потомкам, остались от этих выставок-продаж одни жалкие каталоги. Можно ли простить художнику то, что простительно купцу-торгашу?

Картины великого художника Григория Мясоедова находятся сейчас во многих музеях России и мира, в частных коллекциях. Его именем названа одна из улиц Полтавы.

Паньковская средняя школа Новодеревеньковского района также носит имя Григория Мясоедова, а во дворе её стоит памятник замечательному художнику. Может быть, когда-нибудь дойдёт дело и до воссоздания родовой усадьбы Мясоедовых и до присвоения имени Мясоедова Орловскому музею изобразительных искусств.

Ушёл в историю год 150-летия отмены крепостного права, отображённого художником на одной из самых знаменитых своих картин. Но останется навсегда в истории русской живописи и культуры имя нашего земляка – благодаря его картинам и созданному им Товариществу.

Григорий Григорьевич был многожанровым художником, однако, уверен, в представлении большинства его почитателей он, прежде всего, - защитник вымирающего ныне крестьянства и певец крестьянского труда. И это символично, ибо земство (в лице органов местного самоуправления – А.П.) продолжает обедать и в наше время.

Антонина Софронова:

«Господи! Помоги мне быть только художником!»

О том, что Орёл «всплыв на своих мелких водах» множество известных русских писателей, сказал ещё в XIX веке один из них - Николай Семенович Лесков. С художниками орловскому краю повезло меньше. Но не в том плане, что бедна ими земля орловская. Совсем нет. Наверняка, любителям искусства знакомы имена выдающегося художника-«передвижника» Григория Мясоедова, исторического живописца, академика

Вячеслава Шварца, мастера батальных картин Николая Струнникова, на слуху пока ещё творчество нашего современника, Народного художника СССР, автора диорамы «Орловская наступательная операция», Андрея Курнакова (к сожалению, недавно скончавшегося). Специалисты назовут ещё несколько имён современных живописцев, которые уже оставили свой неповторимый след на живописных полотнах, изображающих Орловщину.

Но так уж получается, что об этих деятелях культуры мы говорим гораздо реже, нежели о писателях. Если же вмешивается в дело политика, то о некоторых именах выдающихся земляков мы вспоминаем только после их ухода в мир иной.

Почти 40 лет об Антонине Фёдоровне Софроновой ничего не сообщала советская пресса. Этой художницы как будто не существовало. И хотя, в отличие от некоторых её товарищей, её не посадили, не сослали в места отдалённые, но жилось ей не на много лучше. Отлучение публичного человека (а художник всегда является таковым) от зрителя всегда страшно: ты не видишь результатов воздействия своих произведений на конкретных людей.

Начало творческой биографии

Живописец, график, книжный иллюстратор, плакатист и педагог Антонина Фёдоровна Софронова родилась 1 (14 марта по новому стилю – А.П.) 1892 года в селе Дросково Малоархангельского уезда Орловской губернии (ныне – Покровский район). Её отцом был земский врач Фёдор Васильевич Софронов – личность во всех отношениях неординарная. Он, кроме основной профессии, в которой приобрёл непререкаемый авторитет у местных жителей, успевал заниматься и другими делами: писал стихи и статьи для научных журналов, ставил как режиссёр любительские спектакли в Дросково, а на деньги от продажи билетов приобрёл оборудование для местной пожарной дружины, которой сам и руководил.

Разносторонность интересов Федор Васильевич Софронов привил четырём своим дочерям. Третья по старшинству, Антонина (близкие чаще называли ее Нина), тоже участвовала в любительских спектаклях, писала стихи (хотя при жизни никогда никому их не показывала), занималась музыкой, но училась первоначально в женском коммерческом училище (в Киеве), которое закончила в 1909 году с золотой медалью. Однако дальнейший выбор профессии Антонина осуществляла уже не в сфере коммерции, а выбирала между музыкой и живописью.

В 1908 году земский врач Софронов был заподозрен в сочувствии к революционерам и отстранён от заведования Дросковской больницей, которой он отдал 20 лет своей жизни. По этой причине семья в 1909 году переехала в Орёл, где Фёдору Васильевичу удалось найти частную практику. Тогда же, завершив обучение в Киеве, приехала к родителям и Антонина.

В 1909 – 1910 годах она училась в Орловской музыкальной школе, но, не закончив ее, уехала в Москву и поступила в художественную школу Ф.И. Рерберга. Обучаясь в ней, в 1911 году получила свидетельство Московского учебного округа о прохождении испытаний на звание домашнего учителя по

ряду предметов школьной программы. К этому периоду относится и первое её участие в выставках – ученической в Москве (1912 год) и организованной Обществом изящных искусств в Орле (1914 год).

Это была первая полноценная выставка Софроновой, на которой её полотна (орловские пейзажи, портреты родных, натюрморты) соседствовали с картинами такого известного мастера, как Константин Коровин *(он был почётным членом Орловского Общества изящных искусств – А.П.)*.

Разочаровавшись в «скуке академических рамок» Рерберга, Антонина Софронова в начале 1913 года перешла в студию живописи и рисования И.И. Машкова. Проведя в ней четыре с половиной года, молодая художница многому научилась. Легко и крепко она рисовала обнажённую натуру, натюрморты, один из которых («Натюрморт с пирожными») в 1914 году был принят на выставку «Бубнового валета» *(это был единственный рисунок, отобранный представительным жюри из большого количества работ учеников Машкова – А.П.)*.

Антонина Софронова и Гарри Блюменфельд

В первый же год занятий у нового наставника Нина познакомилась с молодым преподавателем его студии – Генрихом (Гарри) Блюменфельдом, а через два года вышла за него замуж. История их любви и короткой совместной жизни достойна большого романа *(причём, в письмах – А.П.)*, но я ограничусь коротким рассказом.

Студийцы Ильи Ивановича Машкова часто собирались у музыканта Иды Хвасс, на её квартире на Садово-Каретной улице. *«Закусывали и пили чай прямо в портняжной мастерской, за длинными столами»*. Пока Ида играла отрывки из модного в том году «Лебединого озера», за столами разгорались ожесточённые споры студийцев с поклонниками классической живописи. На 20-летнего Блюменфельда, учившегося у лучших мастеров в Париже и Мюнхене и после возвращения в Москву сразу же, как равного, вошедшего в круг «Бубнового валета», обратили своё восхищённое внимание сразу две лучшие подруги, красавицы, ставшие поклонниками Гарри – Вера Шлезингер и Антонина Софронова. Лиля Брик, хорошо знавшая обеих подруг и Блюменфельда в те годы, так описала его: *«Всё, начиная с внешности, было в нём необычно. Очень смуглый, волосы чёрные, лакированные, брови-крылья, глаза светло-серые, мягкие и умные. Где бы он ни оказался, он немедленно влюблял в себя окружающих. Разговаривал он так, что его, мальчишку, часами слушали бородатые люди»*... Почти два года продолжалось тесное общение троицы *(чаще - в рамках общих встреч студийцев, на выставках и диспутах о современном искусстве – А.П.)*. Но когда Гарри стал оказывать Антонине знаки внимания уже не как друг, а как мужчина по отношению к красивой женщине, то старой дружбе тут же пришёл конец.

Антонина Софронова (Орёл, 1910 год)

Портрет сестры работы Антонины Софроновой

В сентябре 1915 года, перед призывом Блюменфельда на военную службу, он и Софронова обвенчались. Произошло это в Пименовском храме в Нововоротниковском переулке Москвы. При венчании новоиспечённая жена сохранила девичью фамилию. Медовый месяц их длился всего лишь три дня. А потом Гарри уехал в Саратовскую губернию, где находился его запасной полк. И с тех пор у молодых были лишь короткие встречи, перемежавшиеся длинными-предлинными разлуками.

Они очень любили друг друга. Вот отрывок из письма Гарри, отправленного из Москвы в Орёл 12 мая 1915 года: *«...Как тебе может показаться, что я о тебе не думаю? Я тебя люблю всем существом. Теперь, когда в одиночестве и разлуке я понял сердцем, что ты - незабвенная и дорогая, любовь и подруга. Мы будем вместе в этой жизни, вдвоём, друг для друга!»*

Однако счастливой семейной жизни не получилось. Гарри Блюменфельд был давно и хронически болен, по причине чего периодически лечился – то в Крыму, то в Финляндии. Изредка к нему в дальние края приезжала Антонина. После одного из таких месячных визитов в крымский Судак, где они, как никогда, были счастливы, 24 июля 1917 года, в Орле, у Антонины Фёдоровны родилась дочь Ирина. Вот тогда впервые проявились странности в поведении отца ребёнка. Гарри к рождению дочери отнёсся спокойно, если не сказать, равнодушно. В одном из писем к Антонине он спрашивает, как здоровье девочки и как её зовут (*словно речь идёт о чьём-то чужом ребёнке, а не о его собственном – А.П.*), тратя на расспросы о дочке всего семь слов. Зато своей живописи он далее посвятил две страницы. А в другом письме, вообще, просит жену не писать пока об Ирине.

Для Гарри Блюменфельда всю его короткую жизнь главным в ней было искусство, вокруг которого вращалось всё. И даже любовь к Антонине не изменила для него смысла существования, а появление дочери казалось ему чем-то отвлекающим от любимой живописи.

21 мая 1918 года он пишет из Москвы в Орёл: *«Нина, забудь обо всём, и я обо всём забуду. Работай обязательно, работай с новыми силами, новыми мыслями, идеями, надеждами. Тебя уже начала давить и портить среда, ребёнок и т.д. Не дай погибнуть таланту, противься всему. Думай больше всего о своём таланте и своей работе».*

Во многом Антонина Софронова была согласна с мужем. Во многом... Но считать дочь объектом помех для творчества она согласиться не могла. Да и родители её не одобряли такое отношение зятя к их любимой внучке. Поэтому, когда весной 1918 года Гарри приехал в Орёл к жене, все Софроновы надеялись, что Блюменфельд, наконец-то, обратит внимание на дочь. Однако он как будто не замечал Ирины, да и в трудное материальное положение родственников жены не вникал – только «запоем» писал пейзажи, видимые из окна мезонина дома на Левашовой горе, где жили тогда Софроновы. Такое отношение зятя обидело Фёдора Васильевича и Александру Николаевну, отношения их с мужем дочери (и так натянута) обострились. Произошла размолвка, в результате которой Гарри Блюменфельд покинул Орёл раньше намеченного срока.

После этого отъезда Антонина и Гарри только переписывались. 4 марта 1920 года из Пензы, где Блюменфельд в то время преподавал в Государственных художественных мастерских, он прислал в Орёл письмо, в котором просил Нину простить его и приехать: *«Мой дорогой друг, моя Нина! Я телеграфировал тебе в январе, ответа не получил. Я снова прошу тебя о том же. Только ты действительно до конца близка мне, только ты нужна мне, только ты знаешь и понимаешь всё во мне. Я всё время думаю о тебе и о нашем ребёнке, которого я особенно полюбил за последние дни, какая-то она стала теперь моя Ирина!»* А в конце этого предпоследнего своего обращения к жене Гарри, как будто прощаясь, просил Антонину поцеловать и обнять за него тещу, Александру Николаевну (*Гарри не знал, что её уже около года нет в живых – А.П.*), и поклониться тестю, Фёдору Васильевичу. А закончил своё исповедальное послание раскаявшийся муж так: *«Дочку мою целую нежно. Твой Гарри».*

На следующий день, 5 марта, как будто вдогонку, Блюменфельд отправил жене последнее письмо, закончил которое пророческими словами: *«Вот уж, действительно, душа с телом расстанется».*

Оба письма пришли в Орёл одновременно и с большим опозданием. К этому времени к больным лёгким Гарри прибавились сыпной тиф и тяжелейшие осложнения после него. Провалившись четыре месяца в больницу, пригвождённый к постели, художник Гарри (*после принятия православия получивший имя Андрей*) Блюменфельд скончался в Пензе 29 апреля 1920 года и был похоронен у стены Пензенского мужского монастыря. Его рукописи и последние картины Антонина Фёдоровна после посещения могилы мужа в Пензе привезла потом в Москву. Гарри Блюменфельд в истории русской живописи остался как талантливый

художник, написавший несколько замечательных полотен, но не успевший раскрыть свой талант до конца: он умер в 27 лет!

Антонина Софронова и Орловщина

Антонина Фёдоровна Софронова, пожалуй, единственная из крупных художников, творивших в XIX-первой половине XX века, кто не только родился на нашей благословенной земле, но и долгие годы был связан с нею крепчайшими узами. В волостном селе Дросково (Малоархангельского уезда) она родилась, постоянно проживала первые десять лет, а потом неоднократно сюда возвращалась. Знаковыми местами Орловщины для Софроновой стали также сам губернский центр, города Малоархангельск, Мценск, Ливны и село Покровское, в которых она или жила некоторое время, или регулярно их посещала. И – самое главное – после пребывания в них, уезжая снова в Москву или Питер, увозила с собой художница с родины десятки набросков, эскизов или готовых к выставкам картин – пейзажей, натюрмортов, портретов.

Особенно памятным среди всех орловских периодов стал для Антонины Фёдоровны промежуток с 1917 по 1920 год, включивший в себя тяжелейшие испытания гражданской войны.

После рождения дочери Ирины художница только раз покидала Орёл: в декабре 1917 года отвозила свои орловские пейзажи на очередную выставку «Мира искусства». Но отбор картин уже был закончен, и Антонина Фёдоровна ограничилась тогда вступлением в недавно организованный профсоюз художников.

Вернувшись в Орёл, Софронова провела зиму 1918 года в заботах о дочери, семейных хлопотах, чтении и рисовании. С весны она начинает прогулки с дочкой по городскому парку и пишет пейзажи. Но экономическая ситуация в Орле, как и во всей России, становится катастрофической. Народу не до картин, которые никто не покупает. Пытаясь помочь семье, которая существовала на докторское жалование отца и учительское старшей сестры Елены, художница 24 июня даёт объявление в «Орловскую правду» о наборе в Студию живописи и рисования Антонины Софроновой. Откликнулись только двое.

Осенью 1918 года, в попытке заработать на хлеб насущный, Софронова участвует в переписи населения и начинает вести уроки рисования в школах Орла (*вот когда пригодилось свидетельство Московского учебного округа – А.П.*).

В годы гражданской войны для семьи Софроновых начались тяжелые испытания: в Орле, после заболевания тифом, умерли ее мать, Александра Николаевна, и племянница Наташа.

Федор Васильевич Софронов после этих трагических событий, опасаясь все усиливающихся в Орле голода, холода и эпидемий, увёз всю семью в село Дросково, где он ранее проработал более двадцати лет земским врачом.

Вместе с отцом переехала в Дросково Антонина Федоровна с маленькой дочкой Ириной. Тяжелые это были времена для художницы Софроновой. Лишь работа спасала ее от тяжелых раздумий. Около года

Антонина Федоровна давала уроки рисования и трудового обучения в Дросковской школе, а по вечерам и на каникулах занималась творчеством.

Именно в нашем крае тогда были заложены основы мировидения художника Софроновой. В дневниковых записях, сделанных в Орле в 1918 году, она записала: *«Искусство должно быть связано с природой. Искусство не должно дословно повторять природу, но корни свои оно должно иметь в природе»*. Это творческое кредо относится и к поэзии художника, наполненной «бликами теплоты», «незримой свободой» и «легчайшей светлой властью».

Вот ещё несколько цитат из ее дневника этого периода:

1 апреля 1920 года (с. Дросково).

«Утром встаешь и видишь нежный сизый туман на полях. Сквозь талый снег все шире проступают черно-фиолетовые пятна земли. Белое кружево на темном бархате. От солнца на деревьях как бы налет золотистой пыли».

10 мая 1920 года (с. Дросково).

«Прохлада и тишина действуют успокоительно. Сажу на ступеньках в саду. Пахнут цветущими яблонями. Слушаю пение баб. Простое и монотонное, оно кажется высокохудожественным по своей слитности с пейзажем».

В дросковский период Антонина Федоровна много рисует пейзажи и пишет портреты своих близких. Но, к сожалению, сохранилось лишь небольшое количество работ тех лет. Портрет Федора Васильевича Софронова дольше других существовал в семье Евгении Федоровны, но и он сгорел во время войны – в Мценске в 1941 году.

В одной из дневниковых записей сохранился для нас буквально крик её души: *«Господи! Помоги остаться только художником!»* Этому так трудно было следовать, но всю дальнейшую трудную, часто неустроенную жизнь она старалась придерживаться своего кредо.

Осенью 1920 года Антонина Федоровна Софронова, с согласия отца и сестры, оставив маленькую дочь на их попечении (Ирина приехала к матери через 5 лет), уехала из Дросково в Тверь.

Жизнь в Москве

А с 1921 года художница уже навсегда переселилась жить и работать в Москву, где стала преподавать живопись и рисунок, сотрудничать в качестве оформителя в журналах и книжных издательствах. Но летом Софронова всегда уезжала на природу – в родные орловские места, в Подмоскovie, на Украину, на Кавказ. Во время войны Антонина Федоровна ненадолго эвакуировалась на Урал, но в 1943 году снова возвратилась в Москву.

И все это время – работала, работала, работала. В 1962 году, во время наступившей «оттепели», в Центральном Доме литераторов впервые после длительного перерыва, к 70-летию полузабытой художницы, была организована её большая персональная выставка. А 14 мая 1966 года Антонина Федоровна Софронова умерла в Москве, в своём доме по Большому Афанасьевскому переулку, где прожила свыше 40 лет.

Что же оставила после себя художница? Прежде всего – она донесла она нам со своих полотен 20-30-х годов весь богатый сельский «сбор» наблюдений и впечатлений от природы средней полосы России, который, живя в деревне, крепко отстоялся в ее душе. В собрании Орловского музея изобразительных искусств есть рисунки из серии 1924-1925 годов, которые условно можно назвать «Типы улиц». Многие специалисты считают, что одних этих рисунков достаточно, чтобы упрочить за Софроновой место в истории русского искусства.

А в произведениях 30-х годов она предстает уже сложившимся мастером со своим почерком, который начинают узнавать и отличать от почерка других художников любители искусства. В выборе мотивов городских видов ее больше тянуло к таким, в которых есть «уходящая» линия: например, она любила изображать набережные или мостовые и тротуары переулков. А также простор и много неба, реку, сквозные деревья (не нагруженные листвой); освещение мягкое, не дающее резких теней.

В 1930 году Софронова – участница выставки «Группы 13», где публике были предоставлены ее московские пейзажи. М. Милашевский, один из организаторов этой выставки, писал о ее картинах: *«Как очарователен бархат черных красок Софроновой и легкая «горчинка» всей ее гаммы»*.

На этих полотнах Антонины Фёдоровны было заметно влияние лучших мастеров французского искусства начала XX века. Ведь недаром ещё при жизни её называли *«русским Марке»* (французский художник первой половины XX века, любимые темы которого были связаны с индустриальным городским пейзажем – А.П.), а критик Эрих Голлербах в 1939-м году посвятил художнице стихотворение, где, в частности, говорилось:

*«А Вы, Софронова, Марке
Приемлющая как собрата,
Я был у Вас на чердаке
В одной из улочек Арбата»...*

К несчастью для Антонины Федоровны, выставка «Группы 13» 1931 года получила плохую прессу, а ее участников называли «13 блаженными» и «13 кустарями-одиночками», после чего вход на многие выставки для них был закрыт. Именно с того года имя художницы Софроновой становится все менее и менее упоминаемым в печати.

Однако Антонина Федоровна продолжала плодотворно работать, много иллюстрировала классику – А. Блока, А. Белого, А. Грина. Дочь Софроновой, тоже художница, Ирина Андреевна Евстафьева, вспоминала, что *«творческий настрой маму не покидал, она жила и творила, отключаясь от любых помех»*.

Возвращённая из забвения

Более пятисот живописных, графических полотен и рисунков к литературным произведениям оставила после себя Антонина Федоровна Софронова. К ее живописи подходят слова, записанные когда-то в дневнике ее рано умершим мужем Блюменфельдом: *«Живопись должна быть скромная, простая и хорошая. Как настоящее красивое лицо. Чтобы сразу незаметно было»*.

Лучшие картины Антонины Федоровны Софроновой находятся в Государственной Третьяковской галерее, в Государственном Русском музее, в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина, в Государственном музее Андрея Белого в Москве, во многих других российских государственных музеях (в том числе на родине, в Орловском музее изобразительных искусств), в частном музее русского искусства Р.Герра в Париже, в греческой коллекции Г.Костаки.

К 100-летию со дня рождения А.Ф. Софроновой прошли две её персональные выставки – в Третьяковской картинной галерее и в Орловском музее изобразительных искусств. В 1993 году в Орле на доме по улице им. М. Горького (бывшая Садовая), в котором она некоторое время жила, была установлена мемориальная доска, а на родине, в селе Дросково, именем художницы назвали сельскую библиотеку.

Благодаря активности дочери, Ирины Евстафьевой, и её мужа, активных хранителей и пропагандистов творчества Антонины Софроновой, в 2001 году, в серии «Художники русского авангарда» вышла 600-страничная книга – «Антонина Софронова. Записки независимой». Так что к настоящему времени имя выдающейся русской художницы XX века, одной из «амазонок русского авангарда», после долгого забвения, наконец-то, стало звучать в полный голос.

Мы можем теперь творчеством Антонины Софроновой насладиться в полной мере, как чашей благородного вина, о чём она сама когда-то писала в одном из своих неопубликованных при жизни стихотворений.

Наивный художник Леонов

Художник, о котором я хочу рассказать, почти совсем не известен на своей родине, Орловщине. Ни одной его картины нет в Орловском музее изобразительных искусств, и даже какая-либо информация о нём в музее отсутствует.

А между тем, его имя ещё в 1984 году было включено во Всемирную энциклопедию наивного искусства, изданную в Белграде. Начиная с 70-ых годов XX века, картины этого художника постоянно участвовали во всесоюзных и всероссийских выставках. В 1988 году его произведения впервые были показаны за рубежом на выставке «Советский наив» во Франции. На Международной выставке наивного искусства «INSITA» в Братиславе в 1997 году он был удостоен Гран-При, а на следующем фестивале «INSITA-2000» многочисленные посетители с любопытством и восторгом изучали его персональную выставку. В том же году на 6-ом Интернациональном конкурсе наивного искусства в Швейцарии художник снова получил Гран-При. Он – постоянный участник Московских международных фестивалей наивного искусства и передвижных выставок Музея наивного искусства.

Его картины, стоимость которых у коллекционеров доходит до 300 тысяч рублей, представлены в коллекциях Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Государственного российского дома народного творчества,

Государственного музея-заповедника «Царицыно», Музея наивного искусства в Москве, Хорватской национальной галереи, музея Шарлотты Цандер (Германия), и в многочисленных частных коллекциях в России и за рубежом.

Художник Павел Леонов

Имя этого, самого известного из ныне живущих российских художников, представителей наивного направления, - Павел Петрович Леонов. Он родился 20 декабря 1920 года в посёлке Волотовском (тогда он входил в состав Жёрновского сельсовета Ливенского уезда Орловской губернии, а в настоящее время это территория Покровского района - А.П.). Волотовский всегда был небольшим населённым пунктом.

В нём в довоенные годы имелось два десятка дворов, в которых проживало чуть более ста человек, а в суровые послевоенные годы посёлок быстро захирел, а потом и вообще исчез. Его жители, уцелевшие в лихие военные времена, расселились по окрестным деревням и сёлам, а некоторые уезжали и гораздо дальше.

Одним из таких покинувших свою малую родину оказался Павел Леонов. Сразу подчеркну, что фамилия эта очень распространена в здешних местах, и Леоновых по сию пору много в Дросковской зоне Покровского района (есть среди них и родственники художника – А.П.).

До того, как податься куда-либо в поисках лучшей жизни, Павел успел закончить семь классов Верхнежёрновской школы, поработать некоторое время в местной избе-читальне и колхозе. Способности к рисованию у него проявились рано, он подумывал о продолжении обучения – уже на художника, но категорически против планов сына был отец.

Мы не знаем всех подробностей взаимоотношений между старшим и младшим Леоновыми, но ясно одно: конфликт мирным путём разрешить не удалось. Уже много лет спустя, в письме другу детства, И.И.Дмитриеву, продолжавшему жить в родных местах, Павел Леонов вспоминал: *«... Отец нас с братом морил голодом. Устроил так, что меня выбросили с работы в избе-читальне, порвал мои метрические справки, а председателю колхоза говорил, чтоб не давал мне документы и справку из колхоза на получение паспорта. Он говорил, что заставит меня работать в колхозе ...»*.

Всеми правдами и неправдами Павлу удалось-таки получить паспорт, и он в 1938 году навсегда покинул посёлок Волотовский, покинул, чтобы начать жизнь кочевую и неприкаянную. За 37 лет скитаний объездил Леонов почти весь Советский Союз. Он жил то в Орле, то на Украине, узнал обычаи и традиции народов Закавказья и Средней Азии. Еще больше сменил он мест работы: был пионервожатым, маляром, штукатуром, столяром, жестянщиком, печником, строителем, рабочим на заводе, рубил лес,

ремонтировал суда, строил дороги. Сам Павел Петрович потом писал, что *«за отстаивание интересов справедливости я бежал с предприятий 12 раз, а 13 раз меня выгоняли...»*

Несколько раз, обвинённый в бродяжничестве и тунеядстве, попадал Леонов в тюрьму. И многие блюстители порядка и законности даже не догадывались, что перед ними – человек, прошедший Великую Отечественную войну, имеющий награды, дважды раненный, инвалид, добивающийся только одного – строить жизнь по своему разумению.

Скиталец наивно думал, что это возможно, и никогда не забывал о рисовании, своей «голубой» мечте. В 1960 году, в 40-летнем возрасте, Павел Леонов поступил в Заочный народный университет, но вскоре был вынужден бросить занятия. Лишь через восемь лет эти занятия он возобновил у человека, который увидел уникальные способности мастера-самоучки. Знаменитый художник и педагог Михаил Рогинский так охарактеризовал Павла Леонова и его творчество: *«Он всегда жил в перевёрнутом мире, в Зазеркалье, в котором есть всё – свои законы, своё небо, своя земля. Он был и есть Дон-Кихот советского времени...»*

Впервые работы Павла Леонова зрители увидели в 1970 году, и это стало началом интереса к его творчеству. В его картинах проявлялось романтизированное представление о мире этого человека: сюжетами стали мечта о стране благоденствия, где нет насилия и унижения, где труд радостен и почётен.

Однако прошло ещё пять лет, прежде чем Леонов стал заниматься живописью уже на постоянной основе, в своём собственном доме в деревне Маховицы Ивановской области. Он купил его, заработав небольшие деньги как раз на продаже первых картин. А слава к художнику Леонову пришла уже в 70 лет, когда популяризацией его творчества стала заниматься Ольга Дьяконицына, заведующая отделом Московского Музея наивного искусства.

С этого времени в Меховицы зачастили художники, искусствоведы, коллекционеры, охотно приобретавшие его картины. А что в них привлекало специалистов и любителей искусства? Прежде всего, то, что все они полны оптимизма, ясности взгляда. В гармоничном мире художника Леонова причудливо перемешано прошлое и будущее, обряды и праздники народа с новой техникой и телевидением. В этих нарядных картинках – земля, небо, дороги, крепко сконструированное пространство, с чётким выделением главного по иконописному принципу.

Очень часто на картинах Леонов изображает себя и своих близких, знакомых, что создаёт сердечную обстановку радушия и доверия к зрителю. Есть какое-то исповедное начало в произведениях Павла Петровича. Именно поэтому его выставки всегда охотно посещали и посещают до сих пор. Об одной такой выставке, в 2000-ом

Сергей Есенин
(картина Павла Леонова))

году, снимало сюжет российское телевидение.

Последняя по времени большая выставка Павла Петровича проходила в Московском музее народного искусства накануне его 85-летия, с 11 ноября по 5 декабря 2005 года. На ней были представлены лучшие работы самобытного художника, картины той идеальной жизни, которая до сих пор царит в его душе, к которой он всегда стремился.

Очередной, 90-летний юбилей, Павлу Петровичу Леонову пришлось встречать не в лучшем виде и настроении: без верной жены Зинаиды, которую он много раз изображал на своих картинах (она умерла два года назад), больным и в тесном домике без удобств (сын Сергей забрал отца к себе под присмотр).

Павлу Петровичу Леонову полагается, как и всем участникам войны, испытывающим жилищные проблемы, денежная компенсация на приобретение дома или квартиры, но доживёт ли он до радостного события – большой вопрос.

А вот его картины, наверняка, будут жить долго: народное искусство нашего земляка Павла Леонова – источник радости для многих других людей.

Лев Овалов – «отец» майора Пронина

Проницательный, умный и справедливый советский сыщик майор Пронин в 50-70-е годы XX века был на пике своей популярности, в народе ходили многочисленные анекдоты о всевидящих глазах майора, которые следят за тобой даже в самых укромных местах. Однако подавляющее большинство читателей, слушателей и зрителей не знало имени автора, создавшего этот привлекательный персонаж. Между тем нам, орловчанам, стоит об этом знать в первую очередь, поскольку писатель Лев Сергеевич Овалов, придумавший сыщика Пронина, – наш земляк.

В большинстве биографических справок о Льве Овалове сказано, что он родился в Москве в августе 1905 года.

Лев Овалов в молодости

Однако сам писатель в рукописи «О себе» так сказал о месте своего рождения: *«По паспорту я – уроженец села Успенское Малоархангельского уезда Орловской губернии (ныне этот населенный пункт входит в состав Покровского района. – А.П.), хотя родился на самом деле в дороге, когда родители ехали с Украины в Москву».*

Однако даже такая запись в паспорте никогда бы не появилась, если бы жизнь Овалова потом не оказалась тесно связанной с селом Успенское. Здесь, в глубинке Орловщины, прожили они (мать и два сына, муж и отец которых погиб на фронте Первой мировой войны) пять трудных, жестоких,

бескомпромиссных лет, первых лет Советской власти, которая обещала русскому народу счастливое коммунистическое будущее.

К строительству новой жизни, к борьбе с ее врагами оказался причастен совсем молодой паренек Лев Шаповалов. В 1919-м году он стал организатором и руководителем одной из первых комсомольских организаций на Орловщине – в селе Успенском. Когда село, как и весь Малоархангельский уезд, заняли осенью того же года денкинцы, 14-летний секретарь волкома в тылу у белогвардейцев вместе со своими товарищами развернул разведывательную деятельность, о результатах которой доложил в штаб 13-й Армии красных, для чего ему пришлось проделать 60-километровый путь, преодолевая многочисленные препятствия и вражеские заставы.

Война на Орловщине закончилась, началась мирная жизнь, в которой, как показали последующие события, у строителя нового общества и будущего писателя Льва Сергеевича Овалова, оказалось два серьезных недостатка. Во-первых, он всегда говорил, а потом писал только то, что думал (если же такой возможности не представлялось, писатель просто молчал); во-вторых, если Овалов видел человека, попавшего в беду и нуждавшегося в поддержке, Лев Сергеевич всегда приходил на помощь, не думая о последствиях.

Именно поэтому собственная генеральная линия правоверного коммуниста Овалова не всегда совпадала с генеральной линией партии. Весной 1921 года, перед посевной кампанией, Успенский волостной комитет партии направил молодого коммуниста в село Корсунь – *(ныне – в Верховском районе. – А.П.)* распределять зерно между крестьянами-бедняками и нуждающимися середняками. И Лев Шаповалов свое первое же партийное задание выполнил не так, как требовалось: когда увидел он «землисто-белый цвет лиц, широко раскрытые глаза и бескровные губы» четырех детей кулака Борщева, бросившего семью на произвол судьбы, и узнал, что «в начале зимы продармейцы все зерно подчистую выгребли, и дети сидят голодные», то выделил им секретарь волкома пять пудов ржи и три пуда овса – выдал, хотя местные партийцы сопротивлялись этому яростно, упрекая его в нарушении классовой линии.

А потом еще раз нарушил Лев генеральную линию – второй кулацкой, тоже голодающей, семье хлеб выделил: будущее социалистическое общество он воспринимал прежде всего как человеческое, а не классовое.

Тогда, в 1921-м, удалось Льву оправдаться в своих действиях. А вот когда в течение полутора следующих (1922-1923 годы) он руководил уже комсомолом всего Малоархангельского уезда, отбиваться от классовой критики становилось Шаповалову все труднее и труднее: то он оставил без последствий венчание в церкви секретаря комсомольской ячейки, то разрешил комсомольцу-товарищу исполнять обязанности певчего в Малоархангельской церкви, то скрыл от партийцев беременность активистки-комсомолки – вместо того, чтобы за все эти поступки безжалостно наказать провинившихся.

В конце концов, даже симпатизировавший Шаповалову секретарь Малоархангельского уездного комитета партии не выдержал и, резко

покрикивав Льва за «мягкотелость и отсутствие классового и партийного чутья», посоветовал ему уйти с комсомольской работы и поехать на учебу – чтобы получить такую профессию, где «мягкотелость, человечность будут не вредны, а полезны».

Так осенью 1923 года уехал Лев Шаповалов в Москву, на учебу в Московский государственный университет, навсегда покинув «благодатные поля многострадальной Орловщины».

Учился Лев Сергеевич на медицинском факультете (именно на него и выделили ему путевку в Орловском губкоме комсомола) и, несмотря на огромные трудности первого года (не хватало базовых знаний), упорно грыз гранит новой для себя науки (впрочем, один из его дедов был врачом).

Во время учебы стал сотрудничать Овалов с газетами: в «Рабочей Москве», «Крестьянской газете», «Правде» публикуются стихи, очерки, репортажи молодого автора.

У начинающего журналиста оказалось хорошее, бойкое, доступное для массового читателя перо, выделившее его среди десятков других авторов. А комсомольское прошлое, опыт работы с людьми, организаторские способности способствовали назначению Льва Овалова (в 23 года!) *редактором всеосознано журнала «Селькор»*.

Произошло это как раз в год окончания им медицинского факультета МГУ. К этому времени вопрос «Кем быть?» - врачом или писателем – перед Оваловым уже не стоял.

Став редактором журнала, Лев Сергеевич вскоре пишет свою первую повесть – «Болтовня», которую опубликовал в журнале «Октябрь» и которая сделала журналиста Овалова писателем Оваловым (этот псевдоним возник из слегка сокращенного варианта фамилии еще в 1926 году). Повесть имела огромный читательский успех, ее хвалили критики, и за шесть довоенных лет переиздавали пять раз. Но уже во втором большом произведении, романе «Ловцы сомнений» (он вышел из печати в 1929 году), Овалов посмел усомниться в генеральной линии партии, проводивший тогда курс на коллективизацию сельского хозяйства.

Мы хорошо знаем «Поднятую целину» Шолохова, считаем, что именно это произведение впервые правдиво отразило процесс преобразования деревни в 30-е годы. Но первая книга «Поднятой целины» появилась в 1932 году, а роман Овалова «Ловцы сомнений» вышел тремя годами ранее.

И сидеть бы Овалову тогда за «троцкизм», но положительную рецензию на «Ловцов» дал перед публикацией Александр Фадеев. «Разгром» романа спустили на тормозах, но «Ловцы сомнений» за 75 последующих лет ни разу больше не переиздавались.

Отделавшийся внушением и партийным взысканием, продолжал Овалов редакторскую службу: после «Селькора» он был главным редактором журналов «Молодая гвардия» и «Вокруг света».

«Вокруг света» все мы знаем как издание приключенческое. Между тем, именно Овалов, пытаясь расширить круг читателей журнала, решил на его страницах печатать такого рода произведения. Но, когда Лев Сергеевич стал предлагать своим знакомым писателям создать что-либо подобное, все они дружно отказались – для советских литераторов это была совсем новая,

неизведанная область, и никто из них не хотел рисковать карьерой. Один из писателей ехидно спросил редактора: «А Вы сами почему не хотите написать такую вещь?».

И Овалов написал. В 1939-м году в журнале «Вокруг света» был опубликован рассказ «Синие мечи», первый из будущего цикла, в котором и появился новый персонаж – советский сыщик Иван Николаевич Пронин.

Будучи главным редактором уже «Молодой гвардии» (более солидного издания), он подружился с Борисом Пастернаком. У поэта имелись тогда серьезные материальные и жизненные затруднения, он почти не писал стихов, а занимался лишь переводами. Шекспировский «Гамлет» в переводе Пастернака Овалову, который понимал толк в стихах (начинал – то он в свое время как поэт), очень понравился.

Лев Сергеевич принял «Гамлета» к печатанию в «Молодой гвардии» и заплатил Пастернаку за перевод как за оригинальное произведение. Главный бухгалтер журнала написал жалобу на своего редактора, обвинив его в нарушении финансовой дисциплины. После жалобы Овалова освободили от редакторства. После этого, поневоле заимев массу свободного времени, решил Лев Сергеевич продолжить «Рассказы майора Пронина», добавив к первому из них еще пять.

Журнал «Красная новь», хотя и носил такое название, первые советские детективы не рискнул напечатать. Тогда Овалов отнес «Рассказы майора Пронина» в журнал «Знамя».

Главный редактор его, Всеволод Вишневский, от приключенческой повести был в восторге, но возражали цензоры из НКВД и Управления пропаганды ЦК ВКП (б). Тогда честолобивый Вишневский, обладавший настойчивостью и обширными связями, достучался до самого Молотова.

Вячеслав Михайлович рукопись прочел и одобрил. В апрельском номере «Знамени» за 1941 год все шесть рассказов первого цикла были опубликованы, и в том же месяце Военное издательство НКО опубликовало их массовым тиражом в «Библиотечке красноармейца». Этот двойной тираж «Рассказов майора Пронина» в течение месяца сделал имя Овалова всенародно известным, а читатели узнали и полюбили его майора Пронина.

В мае 1941 года журнал «Огонек» начал печатать продолжение «Рассказов» - повесть «Голубой ангел». На 22 июня был намечен авторский вечер Овалова, и его не отменила даже начавшаяся в этот день война.

А уже в ночь на 7 июля 1941 года писатель был арестован органами НКВД. На следствии, которое длилось целый год, арестованному вспомнили все: и его первую поэму «Стальной пропагандист», посвященную Рыкову, и «троцкий» роман «Ловцы сомнений», и публикацию пастернаковского «Гамлета», и – конечно же, «шпионские рассказы» о майоре Пронине...

Овалов ни в чем не признавался, но приговор был суров – «8 лет исправительно-трудовых лагерей за антисоветскую «пропаганду и агитацию» по знаменитой 58-й статье. Так в 1942 году оказался писатель Овалов не по своей воле в Свердловской области. Жизнь заключенных в этом исправительном лагере была тяжелой. Но Льва Сергеевича выручила та профессия, по которой он ни дня до этого не работал. Лагерное начальство

узнало из документов о медицинском образовании Овалова, и стал он лагерным врачом. Хорошим врачом – благо, многим в лагере сумел помочь.

Уже после войны в помощниках у него, в качестве фельдшера, оказалась молоденькая выпускница медицинского техникума из Ярославля по имени Валя. К этому времени первый брак Овалова (он женился в 19 лет, и сын родился в 1925 году), по причине его отсидки, распался.

Лев Сергеевич и Валентина Александровна поженились в 1952 году, там же – на Урале. Брак оказался счастливым: четверо детей один за другим родились у Оваловых (две дочери и два сына).

Овалова оставили в ссылке. Работали они с женой по медицинской части сначала на Урале, а потом в Адыгее. В 1956 году, после многих обращений в инстанции, объявили писателю о его полной реабилитации, и он с семьей смог наконец-то вернуться в Москву.

Вернулся Овалов к любимому делу, от которого был отлучен на целых пятнадцать лет, и сразу обратился к самому своему знаменитому персонажу: в 1957-м году большим тиражом вышли из печати «Приключения майора Пронина». Сыщик позволил писателю заработать на хлеб, а последующие тиражи книг о нем поддерживали сносное существование Овалова и его семьи.

В 1958 году в журнале «Огонек» было опубликовано новое произведение писателя, в котором действовал прославленный сыщик. У романа «Медная пуговица» был оглушительный читательский успех – и полное неприятие у критиков. Мало того, в том же 1958 году появилось разгромное постановление ЦК КПСС по журналу «Огонек», в котором «Медную пуговицу» назвали «случайным, не имеющим эстетической и воспитательной ценности произведением».

Как почти сразу же узнал Овалов, произошло это потому, что первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, даже не читавший романа, походя обругал его на основании мнения своего зятя Аджубея. Несколько раз Лев Сергеевич обращался в ЦК – и при Хрущеве, и при Брежневе (в 1966-м году) с просьбой «отменить или изменить оценку моего романа, имеющуюся в постановлении от 9 сентября 1958 года», но ответа не дождался.

«Медная пуговица» книгой вышла в СССР только в 1981-м году, спустя 23 года после журнальной публикации. За это время роман успели перевести и издать почти во всех социалистических странах, Греции, Индонезии, Канаде, США, по нему в Венгрии и Чехословакии были сняты многосерийные телефильмы, а на родине всё ждали милостивого разрешения начальства.

Майор Пронин после «Медной пуговицы» появился еще в одном романе Овалова – в «Секретном оружии». В 60-80-е годы вышло из печати и еще несколько произведений Льва Сергеевича, главным из которых стал роман «Двадцатые годы».

50 лет ушло у писателя на то, чтобы на закате жизни рассказать о юношеских годах, проведенных на Орловщине. 700-страничный роман и сейчас, 25 лет спустя, уже совсем в другой стране, читается как исповедь человека, всю жизнь положившего ради счастья других людей. Что из этого вышло – это уже другая история.

Лев Сергеевич Овалов, известный русский писатель, отец-создатель майора Пронина, умер 30 апреля 1997 года.

Очень жаль, что коллеги из Союза писателей забыли о нем. Жаль, что подзабыли его и наши орловские литературоведы: в толстенной хрестоматии «Орловские писатели. XX век», выпущенной ОГУ в 2001 году, нет об Овалове ни строчки. В Орловском музее писателей-орловцев также нет экспозиции, посвященной нашему земляку.

В свое время, 20 лет назад, я переписывался с Оваловым, и Лев Сергеевич в дар районному музею прислал только что вышедший тогда роман «Двадцатые годы» с надписью: «Молодому поколению орловчан».

А после смерти Льва Сергеевича прислала мне оваловский трехтомник его жена, Валентина Александровна. Вместе с воспоминаниями о муже и его фотографиями эти книги составили экспозицию районного краеведческого музея, посвященную 100-летию со дня рождения Льва Сергеевича.

В Покровском районе и в городе Орле об этой дате не забыли. В селе Успенское был устроен большой литературный праздник, посвященный земляку-писателю. В Орле в течение месяца проходила большая выставка, на которой были представлены документы о жизни и творчестве Овалова, а также его многочисленные книги. Присутствовал на этих мероприятиях и радовался за своего отца младший сын писателя – Сергей Львович. В сентябре 2010 года в селе Успенское, на здании школы, в которой учился Лев Овалов, появилась мемориальная доска, увековечившая пребывание известного писателя в нашем крае.

И, наконец, – самое главное: вновь появились в печати повести и романы о майоре Пронине. А значит – продолжают жить на свете знаменитый сыщик и его «отец-создатель».

«Здесь похоронены...» (наши за границей)

«Малая церковка, свечи оплывшие,
Камень дождями изрыт добела.
Здесь похоронены бывшие, бывшие,
Кладбище Сент-Женеьев-де-Буа.

Здесь похоронены сны и молитвы,
Слёзы и доблесть, «прощай!» и «ура!»,
Штабс-капитаны и гардемарины,
Хваты-полковники и юнкера.

Белая гвардия, белая стая.
Белое воинство, белая кость.
Влажные плиты травой зарастают.
Русские буквы, французский погост...»

Так начинается знаменитое в прошлом стихотворение Роберта Рождественского, ставшее в начале 90-ых годов прошлого века не менее известной песней в исполнении Александра Малинина, ушедшего ныне в тень на фоне безголосой, но забывшей все теле- и радиоканалы «попсы». Известный советский поэт побывал когда-то во Франции, посетил, в числе прочих достопримечательностей, русское кладбище под Парижем и, под впечатлением увиденного, написал эти эмоциональные стихи.

С тех пор прошло более сорока лет, и кладбище Сент-Женевьев-де-Буа стало настолько известным в России, что туристические агентства непременно включают его в список главнейших достопримечательностей, достойных внимания русских туристов при посещении ими Парижа. Побывали на этом кладбище во время своих визитов во Францию патриарх Московский и Всея Руси Алексей II и президент России Владимир Путин (в 2007 году).

В настоящее время Сент-Женевьев-де-Буа – крупнейшее русское кладбище за пределами России. О том, как и когда оно сформировалось, как постепенно превратилось в важную составную часть российского культурного наследия за рубежом, я вкратце и постараюсь рассказать.

Вообще-то, Сент-Женевьев-де-Буа – это город, расположенный в 23 километрах к югу от Парижа, с численностью населения в настоящее время около 30 тысяч человек. В 20-ые годы XX века, когда городок числился ещё деревней, здесь появилась первая богадельня - «Русский Дом». Он был организован княгиней В.К.Мещерской для престарелых русских эмигрантов, не имевших семьи, родных и нуждавшихся в постоянном уходе. Первое время в «Русском Доме» жило около 200 человек, однако позже русских стало больше – многие покупали себе дома в Сент-Женевьев-де-Буа, поскольку в то время недвижимость здесь была гораздо дешевле, чем в Париже.

Городок быстро превратился фактически в русское поселение. А из-за того, что приезжали сюда в основном старики, русских могил на местном кладбище в скором времени стало больше, чем французских.

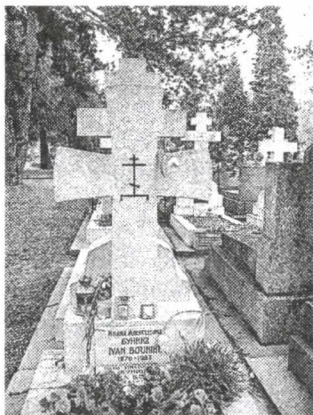
Первым умершим русским, похороненным в Сент-Женевьев-де-Буа, стал обитатель богадельни Николай Путятин. Произошло это в 1927 году. Именно после его смерти на местном кладбище и был отведён участок для погребения скончавшихся жителей «Русского Дома». А впоследствии здесь стали хоронить русских из Парижа и других уголков Франции.

За 70 с лишним лет на кладбище было погребено около 15 тысяч человек (похороненных в 5220 могилах). Первоначально это были эмигранты «первой волны», покинувшие Россию в ходе и после окончания гражданской войны, а потом к ним присоединились эмигранты 60-80-ых годов XX века.

Могила на Сент-Женевьев-де-Буа – самые разные: от достаточно богатых и ухоженных - до простых, с деревянными крестами на них. Среди эмигрантов, похороненных на кладбище – десятки известных русских военных, представителей духовенства, писателей, художников, артистов. Стоит назвать хотя бы несколько имён – русский поэт, прозаик и переводчик Георгий Иванов, художник Константин Коровин, балерина Матильда Кшесинская, балетмейстер Серж Лифарь, философ Николай Лосский,

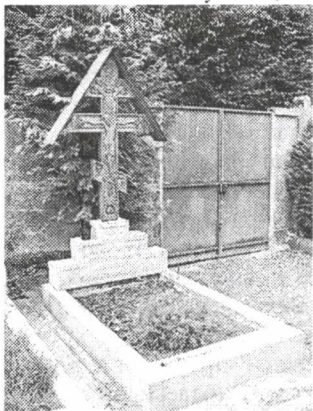
киноактёр Иван Мозжухин, французский генерал, приёмный сын Алексея Горького, Зиновий Пешков, жена Петра Столыпина Ольга Столыпина, целые семьи дворян: Волконские, Воронцовы, Гончаровы, Меншиковы, Оболенские, Толстые, Шуваловы, Шереметевы и многие-многие другие известные русские люди.

Есть среди них и наши земляки-орловчане. Первым, ещё во время Второй Мировой войны, умер в Париже и похоронен был на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа Сергей Николаевич Булгаков.

Могила Ивана Бунина
на Сент-Женевьев-де-Буа

главнейшую страницу своей жизни; вдохновитель Русского Студенческого Христианского Движения, душа создавшегося в Париже Православного Богословского Института. Неутомимый проповедник православия среди инословных, жертвенный пастырь от детских елок до бесконечных исповедей и посещений больных, и сверх всех трудов, помимо нищеты и болезней, создатель богословской системы такого всеохватывающего объема и такой глубины, какой в православии не было со времен св. Григория

Могила Сергея Булгакова

«Отец Сергей может быть смело назван величайшим «религиозным гением» двадцатого столетия. Равного по силе ему ни в православном мире, ни на христианском Западе за истекший век не было. Были выдающиеся богословы, были подлинные святые, но никогда никто не соединял в себе, как он, мощный творческий ум, редкую религиозную одаренность и необычайно пламенную и цельную личность... Отступник от веры и выдающийся экономист – марксист; прославленный философ – идеалист и общественный деятель, в годы революции сменивший профессорство на священство, правая рука патриарха, святителя Тихона, «столп православия», изгнанный из страны и начавший в 50-летнем возрасте новую и

Паламы (XIV век), а может быть, и с еще более давних веков расцвета патриотической мысли», - это высказывание о Сергее Николаевиче Булгакове принадлежит профессору Парижского университета, генеральному директору ИМКА – Пресс Никите Струве.

Выдающийся русский философ, богослов, экономист, публицист, литератор и юрист по образованию Сергей Николаевич Булгаков (отец Сергей) родился 16 (28) июня 1871 года в городе Ливны «под кровом церковным», в семье священника, до 12 –13 лет «был верным сыном церкви», а с 14 лет и до 30 «блудный сын удалился в страну далеку» (так

писал сам Булгаков о своем отдалении от религии).

«Родина есть священная тайна каждого человека, так же, как и его рождение. Через Родину он связан с матерью – Землей. Моя родина, носящая для меня священное имя Ливны – небольшой город Орловской губернии», куда мечтал, но так и не смог вернуться Булгаков. С 1922 года вынужденный жить на чужбине, он умер 12 июля 1944 года, в день святых Петра и Павла, ровно через год после начала операции «Кутузов», когда советские войска, прорывая позиции немецких войск, двинулись на освобождение Орла, города, в котором Булгаков учился в семинарии и который тоже был частицей его Родины.

«Он отошел к жизни вечной, которой жаждал и к которой готовился в течение всего своего земного странствия» – написал потом его ученик Л. А. Зандер. Похоронили отца Сергея 15 июля, недалеко от Сент-Женевьевского храма Успения Пресвятой Богородицы, освященного за пять лет до его кончины.

Выдающийся русский писатель, поэт и переводчик, первый из русских литераторов удостоенный Нобелевской премии, Иван Алексеевич Бунин родился в Воронеже, но значительная часть его жизни, в том числе и творческой, оказалась связана с Орловщиной. Здесь он работал в газете «Орловский вестник», здесь встретил свою первую любовь, здесь же в 1891 году издал и первый сборник стихов. Уехав после революции за границу, Бунин большую часть жизни прожил в Париже, где и скончался в ночь с 7 на 8 ноября 1953 года. Похоронили нобелевского лауреата на русском кладбище, и в одной могиле с ним покоится умершая через восемь лет его жена Вера Николаевна Муромцева (Бунина) – племянница председателя Государственной Думы С.А. Муромцева. Могилы Сергея Булгакова и Ивана Бунина – одни из самых посещаемых русскими паломниками в Сент-Женевьев-де-Буа.

Наконец, последним по времени (в 1972 году) из наших писателей-земляков скончался и был похоронен на этом кладбище Борис Константинович Зайцев, проживший жизнь долгую, но до недавних дней не слишком известную обычному читателю. Однако, без всякого сомнения, написанные им романизированные биографии Ивана Тургенева, Василия Жуковского и Антона Чехова, а также многочисленные произведения мемуарного плана, не говоря уже о чисто художественных произведениях, достойны нашего внимания хотя бы потому, что Борис Зайцев следовал традициям русской классической прозы начала XX века.

Так получилось, что изучая историю некрополя в Сент-Женевьев-де-Буа, просмотрел я десятки фотографий тех, кто нашёл там свой последний приют (*благодаря, конечно, интернету – А.П.*). И натолкнулся – в огромном разнообразии знакомых и незнакомых мне фамилий – на одну, которую никак не ожидал здесь встретить: *Горовцева София Степановна.*

Могила Софии Горовцевой

Фамилия эта ничего бы мне не сказала, если бы я не занимался до этого достаточно долго историей помещичьего землевладения Малоархангельского уезда Орловской губернии. Так вот, в имевшемся у меня (обнаруженном в Госархиве Орловской области) списке землевладельцев Успенской волости этого уезда за 1908 год значилась дворянка София Степановна Горовцева, обладательница 736 десятин земли при селе Успенское. Известно было также, что незадолго до начала I Мировой войны или уже в ходе её С.С.Горовцева продала крестьянскому обществу упомянутого села всю землю и находившийся в Успенском усадебный дом, сохранившийся до настоящего времени (после революции здесь размещалась школа II ступени, описанная в романе Льва Овалова

«Двадцатые годы», а сейчас в бывшем помещичьем доме, превращённом в спортзал, занимаются ученики Успенской средней школы).

Теперь же, благодаря найденной её фотографии, я смог уточнить даты рождения, смерти и место жительства малоархангельской помещицы в последние годы её жизни. Никаких подробностей больше, к сожалению, это фото нам не сообщает, разве что - «замуж не вышла». Но... в Париж, спасаясь от революции, уехала. Там и скончалась, встретив свой 87 день рождения. Те, кто её хоронил, наверняка уже и русский язык к этому времени стали забывать — стоит посмотреть, как написаны отдельные буквы на надгробной плите Софии Степановны.

Могила Ивана Бунина на Троицком кладбище в Орле

Р.С. То, что Сент-Женевьев-де-Буа совсем недалеко от Орла, я обнаружил совсем недавно, изучая захоронения Троицкого кладбища. Надпись на табличке одной из могил гласила: «Бунин Иван Алексеевич...». И пусть первый русский Нобелевский лауреат по литературе лежит в Париже, но и здесь, в Орле — вечное напоминание о нём благодаря его полному тёзке. Судьба, наверное!

Содержание

Глава I. Легенды Орловского края

Сражение на реке Липовец	3
Легенды и были села Критово	7
Легенды и были села Верхососенья	13
«В колдовстве обвиняется...»	18
О Никодиме Верхососенском, чудотворце и целителе	20
Царский камень Святого источника	25
Золотой рог князя Куракина	28
Павел Якушкин и его разбойники	31
Конь-огонь	34
Клад графа Комаровского	37
И зазвучал вновь колокол... ..	40
Тайна последнего короля	43
Плодотворный колодец	45
Призрак помещика Якушкина	49
Расстрелянный Гитлер	53

Глава II. Лица орловских дворян

Мацневы: герои и созидатели, транжиры и Плюшкины, злодеи и судьи	56
Орловские дворяне Апухтины: «В сраженьях мы не на постели...»	71
«А судьи кто?» (Михаил Каменский и Аким Апухтин в судьбе Емельяна Пугачёва)	74
Цареубийца Яков Скарятин	77
Скарятинны – дети цареубийцы	81
«Жертва» Михаила Скарятинна	86
Мухортовы	89
Оловенниковы: история рода и одной семьи	101
Чиркины: герой войны с Наполеоном, фотограф и художник	112
Братья-разбойники Лутовиновы	118
Архаров и архаровцы	122
Дмитрий Демидов – участник открытия Антарктиды	124
Пигаревы (о селе Трубицино, помещиках Пигаревых и секретаре Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны)	127
Как Санкт-Петербургского генерал-губернатора на Орловщине похоронили	132
Мейеры: немецкое семейство на Орловщине	135
Лиленфельды	149
Фон-Рутцен, он же – Руцын, он же – Рудин... ..	152
Семейство Олив на Орловской земле	155
Светлые лики Корсуни	159
Светлые лики Корсуни: 1812 год	162
Светлые лики Корсуни: Анисья Вельяминова-Зернова	165
Светлые лики Корсуни: братья Вельяминовы-Зерновы	169

Глава III. Как любили в старину

«Охоты» помещиков Охотниковых	172
Как один помещик крепостную крестьянку полюбил	175
Чистые пруды	178
Как брат у брата невесту отбил	182
Вревские (история одной короткой любви)	185
Барышня-крестьянка и рыцарь-помещик	190
Красный боярышник	193
Валерия и трое её мужчин	196
Знойная Мара	199
Как уроженец Орловщины на египетской принцессе женился	203

Глава IV. Творцы и Мастера

Борис Орловский и его Ангел	206
Тургенев. История болезней	210
О юморе Тургенева	214
Орловский писатель Толстой	221
От отца к сыну: два «Дела» Сухово-Кобылиных	224
Художник Григорий Мясоедов	227
Антонина Софронова: «Господи! Помоги мне быть только художником!»	232
Наивный художник Леонов	240
Лев Овалов – «отец» майора Пронина	243
«Здесь похоронены...» (наши за границей)	248

Александр Михайлович Полынкин

Орловщины родные очертанья
(легенды, были и лица нашего края)

Книга первая

Издание второе

Автор-составитель и редактор – А.М. Полынкин

Технический редактор С.А. Ветчинников

Подписано в печать 24.09.2015 г. Формат 60X80 1/16

Печать ризограф. Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Объём 16,0 усл. печ. л. Тираж 120 экз. Заказ № 241/1

Лицензия ИД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Отпечатано в ООО ПФ «Картуш»

г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46

[200-00]

